

**Мифы и легенды
народов мира**

т. 2

Ранняя Италия и Рим

УДК 931
ББК 63.3(0)3
М68

Художник И. Е. Сайко

Мифы и легенды народов мира
М68 Ранняя Италия и Рим / А. И. Немировский.— М.: Литература, Мир книги, 2004.— 432 с

ISBN 5-8405-0583-8

Мифы и легенды народов мира — величайшее культурное наследие человечества, интерес к которому не угасает на протяжении многих столетий. И не только потому, что они сами по себе — шедевры человеческого гения, собранные и обобщенные многими поколениями великих поэтов, писателей, мыслителей. Знание этих легенд и мифов дает ключ к пониманию поэзии Гёте и Пушкина, драматургии Шекспира и Шиллера, живописи Рубенса и Тициана, Брюллова и Боттичелли. Настоящее издание — это попытка дать возможность читателю в наиболее полном, *литературном* изложении ознакомиться с историей и культурой многочисленных племен и народов, населявших в древности все континенты нашей планеты.

В данном томе читатели смогут ознакомиться с мифологией древних римлян, в чьей религии соединились боги всех племен, вошедших в состав Римского государства. Римляне считали, что переселив богов завоеванных ими народов и воздав им должные почести, Рим избежит их гнева.

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-8405-0583-8

© ООО «РИЦ Литература» состав,
оформление серии, 2004

© ООО «Мир книги», 2004

© А. И. Немировский, 2003

ИМПЕРИЯ МИФОВ

А где же мифы, где поучительные и увлекательные рассказы о том, как возник мир и как появились его небесные владыки, как складывались у них отношения между собой и с людьми?

Каждый, взращенный на образах греческих мифов, в пределах этой книги ощутит себя попавшим не на соседний с Грецией полуостров, а на отдаленный неизведанный материк. Утрачены привычные ориентиры. В Италии не было подобного Олимпу обиталища богов. Не было и нескольких поколений богов, стремившихся его занять. Римско-италийские боги порой даже вообще не имели своих имен и вели себя иначе, чем греческие. Они не вступали друг с другом и прекрасными смертными мужами и девами в брачные связи, и у них не было сыновей — героев, очищающих мир от чудовищ и пользующихся поклонением признательного человечества.

Люди здесь не витали в облаках в поисках связанных с богами тайн. Они хорошо знали, что им нужно от богов. Они выработали свою систему отношений с ними, предусматривающую взаимные обязательства и строгое соблюдение правил. Для того чтобы эту систему понять, нужно изучить рассказы римлян о прошлом своего народа, заменившие им то, что греку давало чтение «Илиады», «Одиссеи», «Теогонии», трагиков и первых историков. В этих повествованиях отразился религиозный менталитет, превративший римлян во владык мира. Римлянин понимал под религией связь человека (и общины) с миром сверхъестественных сил, включая знания об этом мире и о способах, с помощью которых можно было на него повлиять или от него себя обезопасить. Римлянин, попав на Восток,

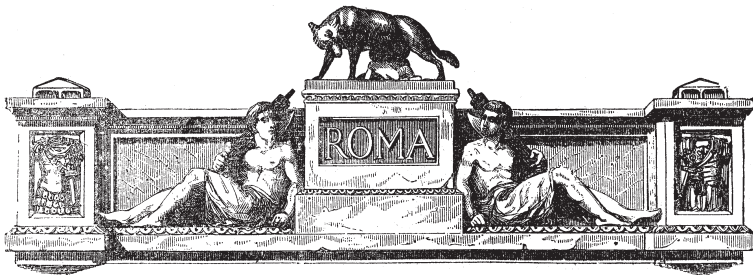

в Сирию или Иудею, при виде людей, бьющих себя в грудь и истступленно что-то выкрикивающих, мог бы принять их за безумцев, не понимающих смысла религии. А смысл этот, по римским понятиям, — строгое исполнение обязанностей по отношению к богам (духам), что позволяло требовать и от них точности, порядочности.

Такая религия вырабатывала черты характера, которые не могли не удивлять соседей римлян — греков: верность слову, точность и в то же время — формализм, отсутствие полета фантазии. Но это не означает, что не было легенд и преданий, а только определяет и объясняет их сухость и художественную неразработанность. При этом следует иметь в виду, что римляне очень неохотно раскрывали свой внутренний мир, испытывая страх перед каждым, кто может воспользоваться их знанием им во вред. Окунемся же в этот мир, в котором боги редкие гости, а героев заменили цари, жрецы, прародители, основатели городов.

Мир этот, как мы убедимся, был широко открыт для внешних влияний и охотно принимал чужих богов и героев, если они готовы были жить по его законам. Одного из них, троянского героя, они объявили своим прародителем. Когда же ими был завоеван мир, они по-хозяйски распорядились со всеми удобными им богами, создав для них в Риме гостиницу-пантеон. И только тогда у них появился свой собственный эпос, написанный по образцу «Илиады» и «Одиссеи», излагающий на высочайшем художественном уровне бредовую политическую фантазию о господстве над миром. Подобно тому как он объявил территории ближних и дальних соседей своими провинциями, он присвоил себе их богов и героев вместе с мифами о них, создав своеобразную империю мифов.

Эта империя в эпоху кризиса империи Римской служила идейной опорой языческой оппозиции к христианству, и именно против нее так яростно выступал Августин Блаженный и другие отцы церкви. Она выстояла. Она пережила и падение императорского Рима, захваченного варварами. К ней обратились уже в эпоху Каролингов, когда римские мифы, наряду с христианскими, были поставлены на службу Священной Римской империи. Но немеркнущим светом она заблестала лишь в XV—XVI веках, в эпоху гуманизма, в творчестве великих поэтов, художников и ваятелей, и с тех пор продолжает служить человечеству, раскрываясь во множестве граней.

Часть первая

ЭНЕИДА

В пустых морях, где пел когда-то Арион,
Плывет к земле богов торжественный Вергилий.

Жозе Мариа де Эрега (пер. Г. Шенгели)

...издалека
Перед кончиной грядущее видел Вергилий,
И по дрожанию ему засиявшей звезды
Понял богов, управляющих миром, бессилье
И наступление эры любви возвестил.

*Регуарг Киплинг**

В середине II в. до н. э. появился первый написанный на латинском языке прозаический труд, охвативший древнейшую доримскую и раннеримскую историю Италии. Его автор Марк Порций Катон, знаменитый политический деятель и оратор, собрал и изложил легенды и предания не только римлян, но и их соседей, многочисленных племен и народностей Апеннинского полуострова. Если бы этот труд сохранился, мы могли бы говорить о легендах латинян, сабинян, умбров, этрусков, пользуясь исследованием древнего автора. Ныне в нашем распоряжении имеется лишь одно произведение, автор которого использовал сочинение Катона и другие, до нас также не дошедшие труды, касающиеся доримской истории и мифологии. Это «Энеида», поэма в 12 книгах, созданная Вергилием.

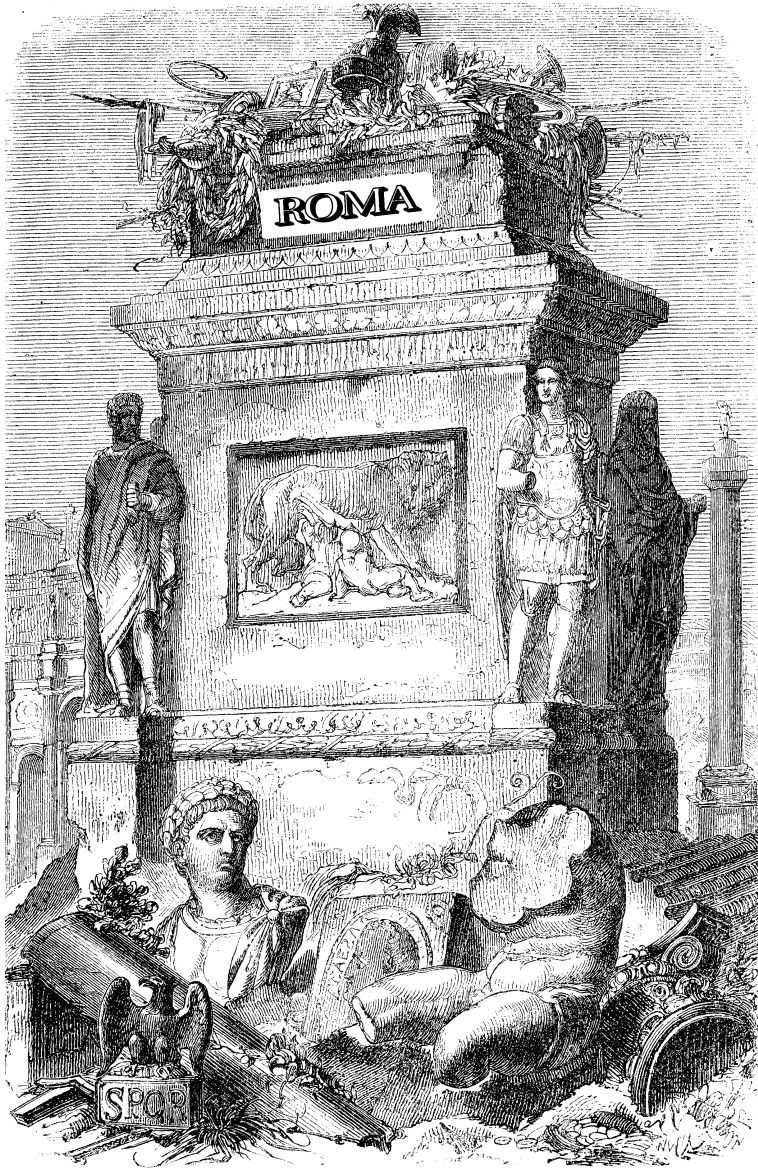
* Эпиграфы без указания переводчика или подписи принадлежат автору.

Как почти все обитатели завоеванной римлянами Италии, поэт имел три имени — Публий Вергилий Марон. Второе, и главное из них, переводится как «девственный», и оно очень согласовывалось с природной застенчивостью поэта. В зрелые его годы она выразилась в том, что он скрывался от восторженных почитателей, толпами ходивших за ним. Более всего Вергилий должен был гордиться третьим именем — Марон, которому он был обязан своим предкам-этрускам. На их языке оно означает «жрец», и Вергилий сохранил в своем творчестве присущие этрусским жрецам пронизательность и пророческую мощь, а вместе с ними и интерес к скрытой от поверхностного взгляда стороне жизни.

Вергилий родился 15 октября 70 г. до н. э. в Мантуе, по его мнению, главном городе колонизованной этрусками Северной Италии. Но величие Мантуи, как и всего этрусского, было в далеком прошлом. Отец Вергилия был простым человеком, добывал пропитание себе, жене и трем сыновьям сначала в гончарной мастерской, а затем на пчельнике. Однако его сын Публий в юности обучался медицине и математике. Рано начав писать стихи, он не пользовался известностью за пределами узкого круга. Разразившаяся в юные годы Вергилия гражданская война затронула всю Италию. Докатилась она и до отдаленной Мантуи. Желая вознаградить ветеранов, руками которых обеспечивалась власть, Октавиан в 41 г. до н. э. раздарил им земли Италии, разогнав их прежних владельцев. Потеряли свой семейный участок и Вергилии. Их пчелы разлетелись по лесам. И все они покинули разоренное гнездо. Вот тогда-то и попались на глаза помощнику Октавиана Меценату стихи Вергилия, и он, обладавший тонким художественным вкусом, ощутил медовый аромат строк неведомого никому Вергилия, а может быть, и родственную этрусскую душу. Высокопоставленный римлянин Гай Цильний Меценат, имя которого стало нарицательным, так же, как Вергилий, имел предков этрусков.

Беглецу был отведен небольшой домик в пышных садах Мецената, выросших на месте городской свалки, и он вступил в круг друзей владельца роскошной городской усадьбы. Но жизнь, заполненная пирами и развлечениями, была не по нутру молодому человеку с деревенским

румянцем на щеках. И, видя это, Меценат подарил Вергилию небольшое поместье на склонах Везувия, близ городка Нолы, где тот проводил большую часть года. Здесь в подражание александрийскому поэту Феокриту мантауонец написал пастушеские идиллии «Буколики», местом действия которых была греческая глухомань Аркадия. Уносясь туда мечтами и помыслами, Вергилий отдыхал душой от страхов, страстей и пороков своего бурного времени, наслаждаясь красотой природы и естественностью пастушеских нравов.

И все же современность врывается в рождавшиеся на склонах Везувия стихи то зашифрованным возвеличиванием Гая Юлия Цезаря, то похвалой Октавиану Августу, то ссылками на произведения друзей-поэтов, пользовавшихся, как и он, покровительством Мецената. В написанных вслед за «Буколиками» «Георгиках» («Сельских поэмах») поэт прямо включается в провозглашенную Октавианом Августом программу возрождения разрушенного столетней гражданской войной сельского хозяйства Италии, воссоздавая одновременно красоту родной природы.

Эти произведения пользовались успехом. По настоянию Мецената и стоявшего за ним Августа Вергилий от описаний природы и сельского труда переходит к доисторическому прошлому Италии, к истокам Рима. Так возникла «Энеида» — грандиозное мифологическое полотно, как бы созданное по образцу «Илиады» и «Одиссеи». Однако современники еще до обнародования поэмы видели в ней соперницу греческого эпоса:

Прочь отступите вы, римляне, прочь вы, и греки,
Нечто творится важней здесь «Илиады» самой.

Десять лет работал Вергилий над поэмой о троянце Энее, и завершения этого труда, затаив дыхание, ждала едва ли не вся Италия. Известно, что Август в шуточной форме угрожал поэту, требуя, чтобы тот прислал ему хотя бы строку или даже полустушище «Энеиды». Некоторые части поэмы Вергилий читал в политизированном семействе Августа, и родственница императора, услышав строки о своем недавно погибшем сыне, упала в обморок. Обнародовать поэму Вергилий не торопился. Ему хотелось побывать в местах, откуда его герой начал свои

странствия. Но во время путешествия в городе Мегаре поэт был поражен солнечным ударом. Умирая уже в Италии, он завещал уничтожить незавершенную поэму, видимо, не просто ощущая ее «недолизанность»¹, а чувствуя в себе силы для ее полной переработки. Предсмертная воля Вергилия не была выполнена². Август приказал обнародовать «Энеиду». И хотя им руководило честолюбие (ведь он был едва ли не главным героем поэмы), это было величайшим из его решений, которое могло быть оценено уже современниками и тем более нами, ибо благодаря именно этому произведению Вергилия можно без преувеличения назвать отцом европейской литературы.

Слава предшествовала появлению «Энеиды» и знакомству с нею читателей. Она же сопровождала ее в веках, хотя уже в древности не было недостатка в хулителях посмертного детища Вергилия, которые отмечали ее подражательность и погрешности стиля. Был у Вергилия и свой Зоил³, написавший трактат «Бич Энея». Но среди римских критиков, кажется, не было ни одного, кто бы поднял голос против исторической концепции «Энеиды», и эта патриотическая концепция одержала победу в создававшемся одновременно историческом труде Тита Ливия.

Римляне знали «Энеиду» со школьных лет. На стенах разрушенных Везувием Помпей мы видим тщательно выписанные ее строки, нередко с ошибками, говорящими об уровне простонародных знатоков Вергилия. «Энеида» пережила и другую, более грандиозную катастрофу — крушение античного мира, войдя в новый мир неповрежденной и даже вместе с обширными учеными комментариями, объясняющими ее «темные места». «Энеиду» усердно штудировали не только римские мальчики в претекстах с восковыми табличками в руках, но и монахи в рясах с пергаменными кодексами, а за ними — и университетские школяры. Латинская грамматика и Вергилий были в Средние века почти что синонимами. На рубеже между Средневековьем и Новым временем Данте избрал Вергилия спутником по потустороннему миру христианского мифа, придав ему черты чародея. И многие другие великие поэты, в том числе Торквато Тассо, Камознс, Мильтон, стали подражателями Вергилия в создании национального эпоса. Поклонником Вер-

гилия был французский философ Вольтер, ставивший его выше Гомера, немецкие поэты Фридрих Шиллер и Франц Грильпарцер, французы Виктор Гюго, Шарль Пегй и Жан Жиано, их английские собратья по перу Редьярд Киплинг и Томас Элиот⁴. Из всемирно известных поэтов «Энеиду» переводили и Иоганн Гёте, и Афанасий Фет, и Валерий Брюсов.

Долгое время общим для критиков Вергилия Нового времени было обвинение в «неоригинальности», «вторичности» «Энеиды», опиравшееся на наличие в ней черт и мотивов, близких гомеровским. Теперь же мы понимаем, что Вергилий не был ни подражателем, ни продолжателем Гомера. Речь может идти лишь о том, что он сознательно выстраивает свое повествование на фоне прославленного гомеровского эпоса, ставит своих героев в положение «двойников» с тем, чтобы отчетливее стало различие самих времен и порожденных ими характеров.

Для Одиссея, такого же скитальца, как и Эней, и следовавшего в то же время и по тому же западному маршруту, главное — возвращение на родину, на трижды дорогую ему Итаку. Эней не меньший патриот, чем его злейший враг Одиссей. Одиссей хитростью лишил его родины, и он стремится воссоздать Трою на чужбине, дав новому городу славу и величие древнего. Еще важнее в плане обрисовки образа и его гомеровской тени отношение к богам. Человек кипучей энергии и изобретательности, Одиссей пытается преодолеть сопротивление богов и даже перехитрить их. В этом он герой раннего железного века, нарождающегося античного мира, с надеждой глядящего в свое неведомое будущее. В трагический образ Энея вложен опыт последующих поколений, на чьих глазах произошло крушение прославленных полисов и империй. Достигнуто понимание того, что богов (для Вергилия, точнее, «высшую силу») не проведешь! В лучшем случае можно попытаться постигнуть их замысел, чтобы избрать верный маршрут и безопасную линию поведения. В этом Эней проявляет такую же энергию и целеустремленность, как Одиссей. Он не играет с судьбой, он ее испытывает.

Вслед за Одиссеем Эней спускается в подземное царство. Но как не похоже подземное царство Вергилия на аид Гомера, и сколь различны результаты фантастических

странствий обоих героев-современников! Спуск Одиссея в системе Гомера малозначащий эпизод. Схождение в подземный мир Энея превращается у Вергилия в центральную, философскую и историко-политическую часть повествования. Эней не просто узнает о том, что его лично ждет в неведомой Италии. Об этом сказано буквально в двух словах, но зато раскрывается грандиозная философская и историческая панорама судьбы Италии и всего круга земель, достигается понимание того, что от каждого шага ныне живущего зависит будущее мира.

В «батальных» разделах «Энеиды» герою противостоит неведомый ни одному из древних авторов, кроме Вергилия, Турн, создание италийского поэта. Но, взглядываясь в этот образ, мы без труда обнаруживаем, что в нем соединены гомеровские Ахилл, Диомед, Гектор. Он является воплощением гомеровских доблестей, бойцом, безоглядно рвущимся в бой.

Приходится идти за мыслью и образом, подчас допуская перестановку отдельных эпизодов и отыскивая соот-

Странствия Энея согласно «Энеиде»

ветствия, могущие придать повествованию актуальное звучание, — без этого «Энеида» не существует. И при этом у нас еще нет уверенности в том, что имел в виду автор, вводя тот или иной эпизод и давая то или иное истолкование мифологических событий. Этим занималось в древности множество комментаторов, а в первое время исследователей и критиков. У каждого из них был свой Вергилий. Есть он и у нас.

I. КНИГА СКИТАНИЙ

*Предисловие*⁵

Пахнет кровью трава у поверженной Трои.
На свои острова отплывают герои;
И на их имена отзываются звуком
Тетива и струна Аполлонова лука.

И ведет за собой он смятенные души
К берегам, где прибой все сомнения глушит.
Словно отблеск иной жизни, трижды блаженной,
На камнях под луной океанская пена.

Победа ахейцев в Троянской войне и разрушение Трои имели, согласно мифам, удивительные последствия. Победители не воспользовались своей победой и не нашли желанного успокоения. Только двум из главных участников войны удалось вернуться на родину — братьям Агамемнону и Менелаю. При этом первый сразу же был предательски убит, а второй попал в Спарту кружным путем через Египет. Остальные либо погибли, либо стали на долгие годы скитальцами и обосновались не у себя на родине, а на чужбине. Скитальцами стали и участвовавшие в войне троянцы Антенор, Гелен, Эней. И если сама Троянская война — миф, то за скитаниями ее участников стоят реальные явления — великое переселение народов XII—XI вв. до н. э., удостоверенное древнеегипетскими и хеттскими историческими документами, а также рассказами самих греков о возвращении Гераклидов, переселениях пеласгов, фессалийцев, сикулов, критян и многих других менее известных народов.

Скитаниям Одиссея, одного из главных героев, посвящена гомеровская «Одиссея». В отличие от других скитальцев, он возвращается в отечество, но долго там не удерживается и вновь пускается в странствие. О странствиях других участников войны повествуют киклики, поэты и мифографы VI—IV вв. до н. э., эллинистические поэты. Они-то и превратили Энея в скитальца, хотя Гомер, напротив, не выводит его за пределы Малой Азии и предрекает устами Посейдона, что он со своим потомством сменит ставший ненавистным род Приама:

Ныне могучий Эней над троянцами царствовать будет,
Также и дети его, что должны от Энея родиться⁶.

Впервые мысль о выходе Энея за пределы Трои зафиксирована в киклическом эпосе VII—VI вв. до н. э., согласно которому после падения Трои герой переселяется во Фракию, где основывает город Энею. Казалось бы, такая версия разрывает с гомеровской традицией, однако авторы, ее принявшие, могли найти отправную точку у того же Гомера, где во второй песне «Илиады» поэт сообщает, что Эней возглавил вместе с двумя сыновьями Антенора войско дарданцев. Связь Энея с дарданцами, в историческое время обитавшими в Иллирии, на границе с македонскими и эпирскими племенами, могла послужить поводом для перемещения Энея в места обитания иллирийцев.

Несколько позднее (VI—V вв. до н. э.) предания фиксируют появление беглеца в Италии. Впервые его направляет в Гесперию (Италию) поэт Стесихор (640—560 гг. до н. э.). Возможно, об этом говорилось и у Гекатея Милетского, ибо он название итальянского города Капуи провозводит от имени деда Энея Каписа. Согласно другому раннему греческому историку, Гелланику, Эней, после побега во Фракию и основания там Энеи, затем вместе с Одиссеем прибывает в Италию и закладывает в Лации город Рому (Рим), получивший название по имени троянки Ромы, убедившей троянских женщин сжечь корабли, чтобы прекратить скитания и остаться на этой земле. Сходную версию мы находим у историка и географа V в. до н. э. Дамаста Сигейского и сицилийского историка V в. до н. э. Антиоха Сиракузского. Авторы VI—V вв. не могли черпать информацию о передвижении троянцев

на Запад в малоазийской мифологической традиции. Получить ее они могли лишь из местной негреческой традиции. А что такая традиция существовала, можно считать установленным фактом, по крайней мере, для двух городов — фракийской Энеи, где на одной из первых монет города, отчеканенной в VI в. до н. э., изображен Эней, несущий на плечах своего отца Анхиза, и Лавинии в Италии, где раскопан героон Энея, постройка которого восходит ко второй четверти VII — началу VI вв. до н. э.

Для V—IV вв. до н. э. можно наблюдать сосуществование противоречащих друг другу версий — гомеровской, поддерживаемой в основном историками Трояды (Деметрием из Скепсиса, Агафоклом из Кизика), и различных вариантов размещения Энея во Фракии, в Аркадии и доводящих его до Италии. И лишь с III в. до н. э. с ростом могущества Рима версия об Энее в Италии становится преобладающей, и ее разработка, весьма основательная уже у историка III в. до н. э. Тимея, становится все подробней и подробней. Именно у Тимея, видимо, впервые появляется пророчица, предсказывающая Энею, что он прибудет в страну, где ему предстоит основать тридцать городов, и что там Эней посетит спасенных из Трои богов, там будет хранить вынесенные из горящей Трои святыни. Воспринятая через Тимея первыми римскими поэтами и историками, эта версия обрастает красочными подробностями и вбирает в себя первоначально существовавшие легенды, входящие в цикл сказаний о скитальцах Антеноре, Диомеде и др. Эта версия становится настолько общепризнанной, что эпирский царь Пирр, по словам Павсания, обосновал справедливость вступления в войну с Римом тем, что он потомок врага троянцев гомеровского Энея.

Греческая легенда о Гесперии как цели странствий Энея была воспринята латинскими авторами и разработана ими с позиций современности. Автор поэмы о Первой Пунической войне современник Второй Пунической войны римский поэт Гней Невий, возможно, впервые вводит рассказ об Энее в землях Карфагена, развивая столь актуальную для его времени тему извечной вражды римлян и карфагенян, поводом которой объявляется разрыв между прародителем Энеем и основательницей Карфагена финикиянку Дидоной. Младший современник Невия Квинт Энний в своем героическом эпосе на-

чинает повествование о Риме с гибели старца Приама, разрушения Трои и бегства Энея.

Первый из римских историков Фабий Пиктор (III в. до н. э.), писавший на греческом языке, устраняет более чем трехвековую хронологическую лауну между падением Трои и основанием Рима, вводя длинный ряд потомков Энея, царствовавших в построенной его сыном Асканием Альбе Лонге, месте рождения Ромула и Рема.

Официальное признание родства римлян с троянцами обусловило Энею почетное место в «Началах» — первом написанном по-латыни историческом труде Катона Старшего (II в. до н. э.). Насколько можно судить по позднему комментарию Сервия к «Энеиде», Катон вводит пророчество Анхиза, направляющего Энея в Италию. Разбив укрепленный лагерь на месте, названном Троей, герой закладывает город на холме, который избрала предназначенная для жертвоприношения свинья. Местный царь Латин не только соглашается передать чужеземцам земли, лежащие вокруг этого холма, но и предлагает Энею в жены свою дочь Лавинию, невесту царя рутулов Турна. Оскорбленный жених объявляет войну пришельцам, но, потерпев поражение, бежит к правителю этрусского города Церы (Агилла) Мезенцию и втягивает его в войну с троянцами. Убив Турна в новом сражении, Эней исчезает после окончания битвы, и войну завершает его сын Асканий (Юл), побеждающий Мезенция в единоборстве. В построенном отцом Лавинии он, однако, не остается и тридцать лет спустя основывает новый город, знаменитую Альбу Лонгу.

В I в. до н. э. энциклопедически образованный ученый Теренций Варрон вносит в развитие легенды об Энее новые черты, наделяя, к тому же, героя благочестием, которого столь не хватало в эпоху ожесточенных гражданских войн. Добавляется и та деталь, что во время четырехлетних странствий (срока вдвое большего, чем называли предшественники Варрона) путь герою указывает звезда его матери Венера.

Этот круг был использован Вергилием, превратившим столкновение пришельцев с народами Лация в эпопею, участниками которой становится вся Италия, в том числе и этруски, помогающие троянцам, вопреки всей предшествующей традиции.

Бегство

Со старцем Анхизом на плечах⁷ Эней торопливо покидал пылающую Трою. Рядом, вцепившись в его руку, сменил маленький Асканий⁸. Сзади, озаряемые время от времени прорезающими мрак головнями, молча брели провожатые с суровыми, словно вырезанными из камня лицами. Словно бы они не слышали грохота рушащихся зданий. Словно бы их не трогал торжествующий рев победителей.

Беглецам ничто не угрожало. Любящий взгляд божественной матери Энея Венеры вывел их за городские ворота, помог пройти по горной тропе, причудливо петляющей по кручам. Но вот уже небо начало светлеть, и звезда Венеры скрылась с глаз. Беглецов принял Антандр, маленький городок, раскинувшийся под громадой Иды фригийской⁹. Их ждали суда, пригодные для дальнего плавания.

Бережно опустив на землю родителя, передав друзьям, ожидавшим на берегу, падающего от усталости Аскания, Эней принял из рук спутников священные изображения богов-хранителей Трои¹⁰. Прижав их с молитвой к груди, он поднялся по сходням на палубу самого большого из кораблей.

С кормы приветственно махал рукой широкоплечий муж с густой копной седеющих волос над загорелым лицом.

— Палинур! Ты на месте! — удовлетворенно воскликнул Эней. — И, судя по этому, корабли готовы к плаванию.

— Готовы! — повторил кормчий. — Все двадцать, как один¹¹. Часть их мы построили, а часть наняли. Дай знак, и «Колесница Кибелы» оторвется от берега, а за нею — «Кит», «Сцилла» и все другие в порядке, какой им предписан.

Повернувшись, Эней перевел взгляд на высоко вскинутый корабельный нос. Верхнюю его часть украшала вздыбленная в прыжке деревянная фигура льва. От хвоста до гривы он был того же песчаного цвета, что и звери, которые в великий день торжества в честь матери богов Кибелы с ревом влекут ее золотую колесницу. Тот, кто искусно вырезал и раскрасил изображение, сумел пере-

дать не только мощь посвященной богине животного, но и его покорность владычице гор и лесов.

— Знак к отплытию даст старший! — проговорил Эней, направляясь к мачте.

И сразу же затих топот ног. В тишине разнесся голос Анхиза:

— В путь! К новой Трое!

Гребцы налегли на весла. Плеснула пена. Послышался скрип трущихся о борт якорных камней. Незаметно между берегом и кормой возникла полоса воды. Ширясь с каждым мгновением, отделила она беглецов от поверженной врагом родины, от милых отчих домов, от храмов, от старых и свежих могил. Обратив к восходящему светилу мокрые от слез лица, троянцы прощались с навсегда удалявшимся берегом.

— Не печальтесь, друзья! — утешал Эней спутников. — Назло нашим недругам воздвигнем мы новую Трою, прекраснее и могущественнее той, которую боги не дали нам защитить. Будет у нас с вами, у наших детей и внуков новый надежный кров, а у пенатов — убежище.

— А на какой земле будет наша новая Троя? — полюбопытствовал кто-то. — И долго ли до нее добираться?

— Не ведаю... — отозвался Эней, устремив взгляд в небо. — Это известно лишь той, кто сохранила нам жизнь. Отдадимся ее воле и своей вере в удачу.

И, словно бы желая подбодрить изгнанников, боги низвели с неба попутный ветер. Расправили морщины и бодро захлопали паруса. Асканий, воспользовавшись моментом, забрался по веревочной лестнице в корзину на верхушке мачты. Ему не терпелось увидеть землю, о которой говорил

Эней с Анхизом и Асканием
(античная статуэтка из терракоты)

отец. Но, куда ни глянь, всюду расстилалась всхолмленная морская равнина.

С круч Иды, невидимая для глаз, за отплытием наблюдала сама мать богов Кибела. Ведь это она не пожалела для Энея выращенных ею отборных корабельных сосен. А теперь она хотела знать, удалось ли троянцам уйти от своих недругов.

Проводив корабли, Кибела вызвала к себе сына своего Юпитера.

— Вот о чем я тебя прошу, — обратилась она к нему. — Корабли, которые построил Эней, отплыли. Но сумеют ли они добраться до места? Сделай так, чтобы им были не страшны ни бури, ни подводные камни.

— Не могу, — отозвался Юпитер, разводя могучими руками. — То, о чем ты меня, мать, просишь, не в моей власти. Ведь море подчиняется брату моему Нептуну. Но вот что я тебе обещаю. Если корабли уцелеют, я их превращу в прекрасных морских нимф.

— Не забудь об этом среди дел своих, сын мой. И не поддайся на уговоры враждебных троянцам богинь.

— Будь спокойна, мать, — сказал Юпитер. — Я сейчас же поклянусь, что выполню обещанное.

И поклялся Юпитер. Олимп задрожал от манования его руки, а на море поднялись высокие волны.

Во Фракии¹²

Мир знамений и вещей голосов,
Звучащих из неведомой могилы.
Из юноши, пронзенного кизилом,
Вздывается кизилковый лесок.

Из этой и подобных небылиц,
Имперскою фантазией творимых,
Как из корней, идут легенды Рима
И всех других сестер ее столиц.

После нескольких дней плавания по спокойному морю перед кораблями открылся лесистый берег. Это была земля фракийцев, народа, дружелюбного троянцам и близкого им по языку. Эней знал, что его предок Дардан, один из основателей Трои, пришел с острова Самофракии, населенного фракийцами. Да и в самой Фракии, как он слы-

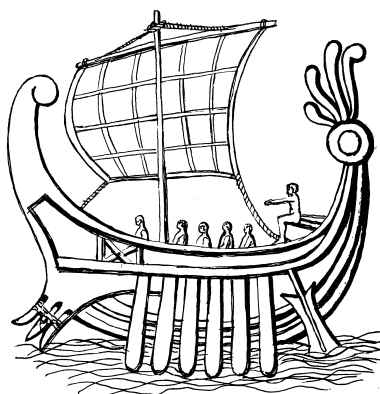
шал, было племя, называвшее себя дарданами. Родина предков не казалась Энею чужбиной, и он мог рассчитывать на дружественный прием.

И на самом деле, едва корабли бросили якорные камни в глубокой бухте, как из окрестных лесов вышла масса людей. Они были вооружены, у многих руки и грудь были разрисованы изображениями богов и чудовищ. Это, равно как чубы на головах, придавало встречавшим воинственный облик. Но на их лицах светились улыбки. Многие несли в грубых кувшинах мед и вино, отказываясь брать за это серебро. Явились и посланцы царя Ликурга¹³ с вестью, что он разрешает пришельцам поселиться в его стране, где им угодно.

После нескольких дней поисков Эней остановил свой выбор на круглой поляне, окруженной колючим кустарником. Отсюда было недалеко до моря, туда можно было добраться вдоль реки, которую никто из фракийцев не хотел назвать, ибо и воды в этой стране считались богами и богинями. Пригорок посредине поляны с одной стороны защищался оврагом, с другой — водами безымянной реки и более всего подходил для города. Эней решил у подножья холма принести своей бессмертной матери и другим богам в жертву быка, чтобы узнать, верен ли его выбор. Пока же, вооружившись лопатой, он устроил алтарь и поднялся на холм, чтобы вырвать свежую зелень.

Между двумя деревцами кизила он начал подрубать корни, чтобы их вытащить, и вдруг увидел, как сквозь кору одного из них проступают сгустки крови. Взялся он за другое деревцо. Упершись в его ствол коленом, потащил, и в это время из глубины холма послышался стон:

— Не мучай меня, злосчастный Эней! Дух мой и так не знает покоя под этой травой. Не дано мне забвенья. В корнях древесных мой дом. Неподалеку, в этих лесах,

Изображение античного корабля на монете Лепиды

на берегу этой реки, прошло мое детство. Я Полидор, рожденный Приамом¹⁴, твой родич. Отец отправил меня к царю Ликургу вместе с казной, чтобы ее уберечь и меня сохранить от беды. Но беда настигла меня на чужбине. Был я коварным фракийцем жизни лишен. Под этим холмом, отдыхавшего после охоты, копья пронзили меня насквозь и проросли через тело кизилом. Беги, Эней, от этой жестокой земли, от алчных этих прибрежий. Властвует здесь предателя род!

Объятый ужасом, Эней поспешил к кораблям и поведал отцу и троянским старцам обо всем, что услышал. И были едины они в решении немедля покинуть преступную землю. Но перед тем, как отправиться в путь, было решено успокоить дух Полидора. Холм был окружен алтарями из дерна и камня. Мужички обошли пристанище сына Приама, неся чаши с пенящимся молоком или жертвенной кровью, шепча молитву манам¹⁵. За ними двигались троянки с распущенными волосами.

Корабли были спущены в море, а ветер призвал их в свои просторы. Молча стояли скитальцы, и ни один из них даже взглядом не простился с берегом, где едва не выросла новая Троя.

«Видно, матери моей не угодно, — думал Эней, ища на небе ее звезду, — чтобы новое наше жилище было в этих морях. Должно быть, она решила наш дух укрепить в скитаниях долгих?»

Остров Делос

— Внучек, вставай!

Асканий, задремавший близ мачты, прямо на связке белых от морской соли канатов, вскочил и кинулся к борту.

— Земля! Но я не вижу отца. Где все? Уже начали строить Илион?

Анхиз улыбнулся.

— О нет! Для города это неподходящее место. Делос — знаменитый, но маленький остров. В годы, когда он был скитальцем...

— А разве острова могут скитаться?

— Нет ничего в этом мире, что не подвластно воле всевышних. Великой бурей оторвало Делос от дна мор-

ского и носило, как сорванный с дерева лист. И трава на нем не росла. И птицы гнезд не лепили. Но однажды остров выпустил корни и стал неподвижен, чтобы стать местом рождения самому Аполлону. С этих пор его почитают священным. В храм Аполлона поспешил твой отец со всеми мужами, чтобы спросить о месте, где кончатся наши скитания. Да вот я слышу их голоса...

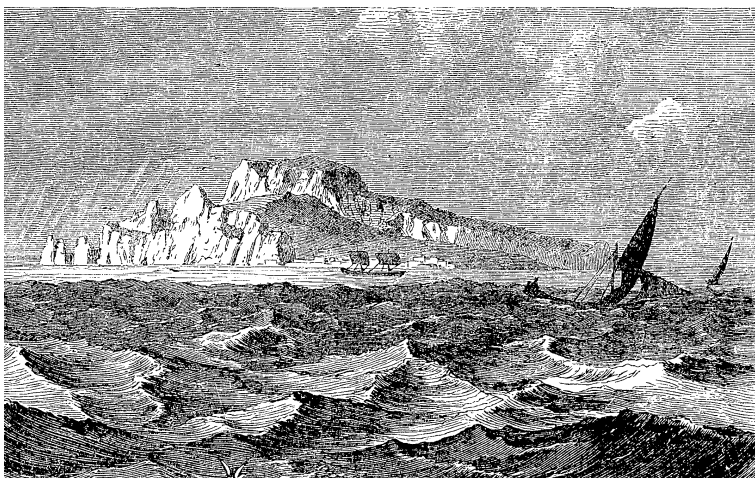
Поднявшись на борт, Эней приласкал выбежавшего навстречу Аскания и двинулся к связке канатов, где, держась за мачту, его ожидал отец.

— Я слушаю тебя, сын, — сказал Анхиз почтительно склонившемуся Энею.

— Едва мы сошли на берег, — начал Эней, — как из толпы встречающих вышел Аний...¹⁶

— Аний! — воскликнул Анхиз. — Сын самого Аполлона. Нет, он не ошибся, предсказав нам, что война продлится десятилетье. Как я рад, что он жив.

— Слышал бы ты, с какой теплотой он о тебе вспоминал, — продолжал Эней. — Как он хотел тебя видеть! Но мы не стали возвращаться, ведь это — дурная примета. Он, увенчав мою голову лавром, повел меня в дом свой при храме. Я узрел его дочерей¹⁷. Они нам разносили вино. Право, его аромат ни с чем не сравним, ибо лозы выросли на священной земле. Потом Аний повел меня в святилище. Едва я возложил на алтарь жертвы, под но-

гами заколебалась земля. Без прикосновения рук дверь храма открылась, и мы услышали голос: «Отыщите древнюю мать. Будет там править Эней, а за ним его дети и те, кто от этих детей народится».

— Древнюю мать... — в раздумье повторил Анхиз. — Вот оно что! Не иначе нашим убежищем должен стать Крит, раскинувшийся среди виноцветного моря. Ведь там, в низине, под вершинами его Иды, где некогда высилось сто городов, — корни нашего племени. Оттуда наш родоначальник, прославленный Тевкр. В поисках места для царства он прибыл к Ретийским пашням и к нам перенес обычаи Крита. От него идет почитание Великой матери всего живого Кибелы, владычицы гор и лесов со всеми таинствами, доступными ее жрецам корибантам: и запряженные в золотую колесницу львы, и содрогание меди, сотрясающее леса, и пляски с обнаженным оружием.

— Итак, мы плывем на Крит, — произнес Эней, дождавшись, когда отец смолкнет. — Далеко ли от Делоса до Крита, Палинур?

— Переход невелик, — ответил кормчий, — дали бы боги погоду. Если удастся склонить к себе ветры жертвами, какие этим упрямам по нраву, встретим берег Крита на третьем рассвете.

— За жертвами не постоим! — бодро воскликнул Эней.

И тотчас за борт, окрашивая волны кровью, полетели два белоснежных быка, один Нептуну¹⁸, другой — Аполлону. Бурям достались черные овцы, попутным ветрам — белые.

И вот уже корабли понеслись, словно на крыльях, мимо круч скалистого Наксоса, зеленой Донусы и покрытого мелколесьем Пароса. Состязаясь в силе и ловкости, гребцы на нижней палубе подняли крик. Поощряя их рвение, троянцы подавали кубки с золотым вином, обещающая награды. Скорее! Скорее на родину предков!

Борей внял призыву и налетел с кормы. Расправились морщины на парусах. Помолодев, распустились они, как милые сердцу Цереры лепестки лилий, которыми украшают после прилета первых ласточек ее алтари. Впервые за месяцы, переполненные горем и страхом, души троянцев, раскрывшись, потянулись к надежде.

Церера (по стенной живописи, найденной в Помпеях)

На Крите

На первых порах казалось, будто боги сделали все, чтобы новая Троя возникла на родине Тевкра. Высадившись и подняв корабли на критский берег, троянцы узрели дома, зиявшие распахнутыми дверями, словно бы подготовленными радушными хозяевами для гостей. От пастухов, пасших стада на склонах священной Иды, вскоре стало известно, что в опустевших домах обитал Идомея со своими безбожными вояками, тот самый Идомея, который среди прочих домогался в Спарте руки Елены и, потерпев неудачу, движимый ревностью и злобой, отправился на восьмидесяти кораблях под Трою с ополчением из шести городов. По пути на родину Идомея был застигнут бурей и за свое спасение опрометчиво обещал Нептуну в жертву первого, кого встретит на Крите. Случилось так, что первым встретился ему несчастный мальчик. Жертва оказалась неугодной богам, и они это показали, поразив остров моровой язвой. Тогда-то критяне и изгнали Идомею как нечестивца и виновника бедствий.

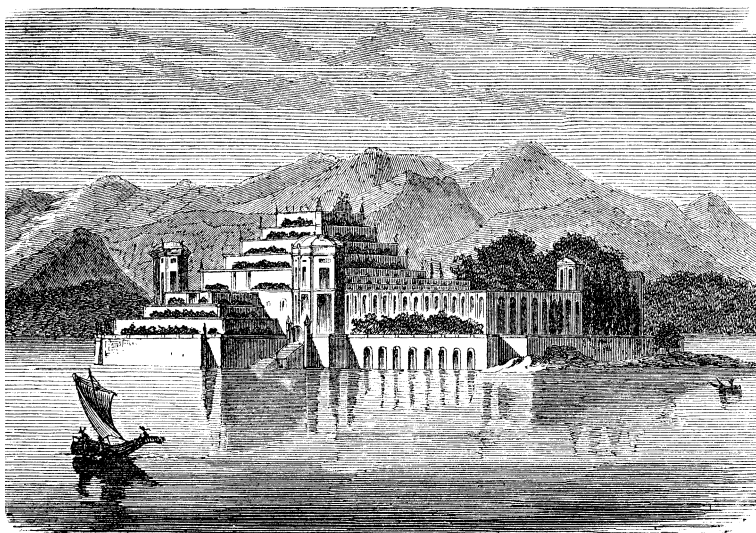
Так достались жилища бездомным троянцам. Оставалось лишь поднять над землей стены новой Трои и позаботиться о пропитании. Быстро распахали низину и разделили ее на участки по родам и семьям. В борозды бросили добрые зерна, дар от добрых соседей. Вскинулись, радуя сердца, молодые побеги. Набухли колосья овса и проса. Но внезапно, откуда ни возьмись, на пашню налетел пагубный ветер. Колосья скорчились и почернели. Сгорела трава. На склонах Иды загорелись леса, и удушливый дым заполнил жилища. Один за другим заболели и уходили в аид мужчины, женщины, дети.

Встревоженный бедами, вызвал Анхиз Эней и сказал ему:

— Снаряди, сын мой, один из кораблей. Возвратись на священный остров, может быть, указание оракула мною не понято и Трою должно построить в ином месте.

Повелев подготовить корабль, Эней опустился на ложе и погрузился в глубокий сон. В сновиденье предстали перед ним пенаты, унесенные им из пылающей Трои.

— По воле пославшего нас Аполлона мы к тебе, Эней, с вестью явились, — вещали пенаты человеческими голо-

сами. — Дома, оставленные Идоменеем, поскорее покиньте. Землю ищите иную. Имя ей — Гесперия¹⁹. Там, в стране Заката, родился Дардан, сын Юпитера и Электры. От него произошел Ил, основатель Илиона. Там жить и тебе!

Проснувшись, Эней разбудил отца и взволнованно пересказал ему свой сон.

— Ошибся я, — молвил Анхиз, разводя руками. — А ведь, помнится, имя Гесперии звучало не раз в речах вещей девы Кассандры²⁰. Казались они нам, глупцам, бессвязным набором слов. Именно этот край пророчица сулила нашему роду. Но не дал я словам ее веры. Ныне же твой сон их подтвердил.

Остров гарний

И снова смоленые кили раздвигали упругие волны. Снова над кораблями с криком проносились белокрылые чайки. И вот уже гористый берег скрылся в тумане, а вместе с ним испарилась надежда, что вскоре удастся ступить на твердую землю. Кто знает, долго ли плыть до Гесперии и как она встретит пришельцев?

Небо стало понемногу темнеть. Синие тучи, приняв обличье кентавров и иных страшилищ, какими пугают детей, разразились холодным ливнем. Ветры, вырвавшись из-за укрытий как ретивые кони, взметнули в полете белую пену морскую. Рассыпался строй кораблей. Разбрелись они по волнам, как цыплята, когда похищает коршун наседку. Так и день лучезарный был ночью похищен. Напрасно на небе пытался звезду отыскать Палинур.

— Без путеводной звезды, — объяснял он Асканию, — кормчему хуже, чем слепцу — у того хоть посох и под ногами твердая почва.

И все же рассеялись тучи. Это случилось, как уверял Палинур, после трехдневных блужданий. На горизонте возникли зубрины гор. Дан был приказ спускать паруса. Мужички уселись за весла. Женам и детям велено было подготовить мехи для свежей воды и выбросить в море осколки разбитых бурей сосудов.

Когда приблизился берег, Палинур, помрачнев, воскликнул:

— Строфады!

Да, это были Строфады, гроза мореходов. Сколько в этих местах осталось душ непогребенных! В ветрах, со свистом влетающих в дома, что потеряли кормильцев, можно услышать зловещее имя «Строфады!» Сколько бродят по весям и городам нищих с обломками весел, взывающих о подаянье: «Строфады!». Сколько разбилось надежд об эти голые скалы!

Выйдя на пустынный берег, окаймленный скалами, узрели троянцы стадо тучных коров и коз длиннорогих. Было оно без охраны. Ее отыскать не пытаясь, пустили скитальцы в ход топоры. Костры разожгли. И дым от них потянулся. На жердях закрутились румяные туши, испускающая дразнящий запах. Но едва вонзились в мясо ножи, как над головами послышалось хлопанье крыльев и резкие крики.

— Гарпии!²¹ — завопили троянцы, ища спасения в бегстве. Да, это были чудовища с лицами дев и кривыми когтями коршунов. Это они на берегах далекого Понта досаждали Финею²², едва из-за них не погиб он голодной смертью. Удалось Бореадам²³ их отогнать. Но надо же было им обосноваться на островах, и так имеющих славу дурную!

Оправившись от испуга, схватили троянцы мечи и стали разить огромных пернатых. Но железо не пробивало мощных перьев. Взвившись в воздух, спрятались гарпии в скалах. Одна же из них, Келайно́, возвратившись, пропела:

Ждет Италия вас. Достигнуть ее вам удастся,
Если попутным ветрам принесете должные жертвы.
Знайτε, однако, что Трои не обрести вам вовеки,
Прежде чем, мстя за обиду, какую вы нам причинили,
Голод вас не принудит в столы вгрызаться зубами²⁴.

— Отец! Слышишь, что она каркает! — воззвал Эней к Анхизу.

— Слышу, сын мой. Я думаю, что мы зря не устояли, без спроса убив чужую скотину. За это нам ниспослана кара, страшнее какой не бывает. Только подумай — в столы вгрызаться зубами²⁵.

— Но зато стало известно, куда нам плыть, — вмешался в разговор Палинур. — Италия — это не остров, а край, и не отдаленный, как я слышал, но обширный, богатый скотом.

— Что ж, — молвил Эней, — повинуюсь знамению, будем искать к Италии этой дорогу.

В стране хаонов

Остались позади Строфады. И снова кили рассекают вспененные волны. Через пару дней вынырнула чернеющая лесами земля.

— Это остров Закинф! — объявил Эней. — Он обитаем людьми и славится своим виноградом. Почему бы нам здесь не набрать хотя бы воды?

Кормчий резко повернулся.

— О чем ты говоришь? Ведь рядом Итака!

Взгляды обратились в указанном Палинуром направлении. Вот где родились и, подобно гарпиям, налетели на Трои беды. Это остров погубителя Трои. Это он убедил утомленных данайцев продолжать войну, выставив на посмешище приверженцев мира. Это он вместе с Диомедом захватил разведчика Трои Долона и выведал у него расположение отрядов троянцев, благодаря чему убил фракийского царя Реса и увел его волшебных коней. Он же похи-

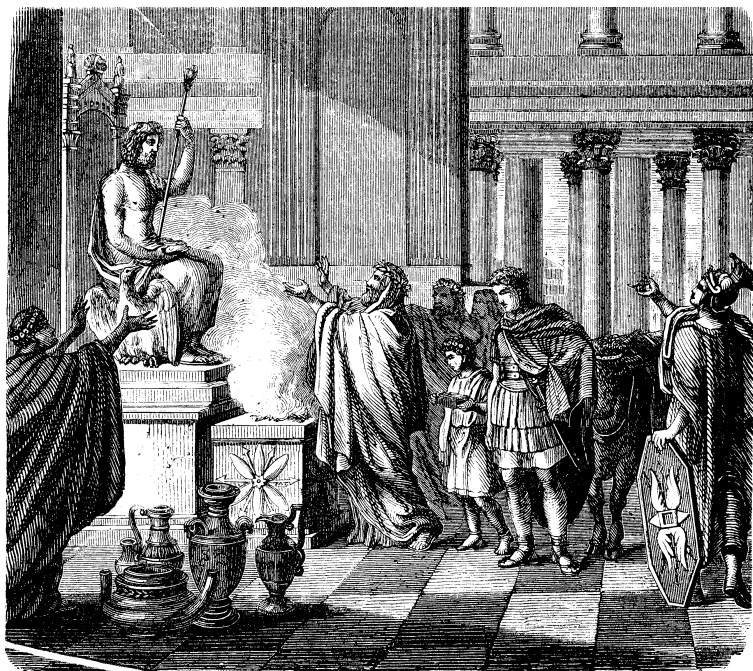
тил палладий, конечно, не без помощи самой Афины. И где он теперь? Не наблюдает ли он сейчас за кораблями?

— К северу отсюда, — прервал молчание Палинур, — как мне известно, находятся владения народа хаонов. Там мы наполним водою мехи и переждем время бурь. Да вот уже видны колонны храма Аполлона.

Спустив паруса, мужи пересели на весла. Жены шно-ва приготовили мехи. В волны полетели якорные камни. И встали суда у берега, развернувшись к нему кормой. Сойдя на сушу, троянцы принесли жертвы Юпитеру, зажгли огонь на алтаре, совершили обряд очищения и начали дружно сооружать лагерь.

— Мы здесь будем строить Трою? — спросил Асканий деда.

— О нет! — ответил Анхиз. — Это время, внучек, непригодно для плаваний. Мы здесь перезимуем, а по весне двинемся в путь. Пока же подождем Энея.

Торжественное жертвоприношение Юпитеру

— Не знаю, что и думать, отец, — взволнованно проговорил внезапно появившийся Эней. — Но один из местных жителей уверяет, что точно такое же оружие, как у нас, у соседнего правителя. Зовут же его, как это ни странно, Геленом.

— Геленом... — повторил Анхиз. — Да это же сын Приама²⁶.

— Я думаю, отец, мне следует отправиться в тот город. Я узнал, что он недалеко.

— Пусть тебе помогут боги! Я же распоряжусь, чтобы вытащили на берег суда и занялись их починкой.

Тень Гектора²⁷

Пройдя совсем немного, Эней и его спутники увидели курган и на нем женщину в черном одеянии, возжигавшую жертвенный костер. Узнав Андромаху²⁸, Эней радостно кинулся ей навстречу. Она же замерла, отстраняясь от него, как от страшного видения.

— Удались, тень Энея! — лепетала она. — Не тебя я жду, а другого вождя, павшего в битве с Ахиллом.

— Нет! Я не тень! — заверил Эней супругу Гектора. — Не пленник я Аида, отпущенный им принести тебе весть от мужа. Пощупай меня, я живой!

Андромаха прикоснулась к руке Энея, и в глазах ее вспыхнула радость:

— Значит, тебе удалось спастись, не разделив судьбы Приама и всего его рода?! Но почему ты один? Где твой отец, где мальчик Асканий, племянник моего Гектора?

— Они живы по милости той, чье имя известно и тебе, и каждому, охваченному даруемым ею чувством. Они остались у кораблей. Мы плывем в поисках места для новой Трои вместо той, что сожжена врагами. Я верю, что новая Троя возвысит до звезд имя Гектора.

— Ты надеешься основать новую Троию?! — воскликнула Андромаха. — Разве это возможно?!

— Я в это верю, — проговорил Эней после долгого раздумья, — ибо не сам я пришел к этой мысли, мне подал ее благородный дух того, кому ты приносишь жертвы.

Андромаха побледнела. На ее высоком лбу выступил пот.

— Он тебе явился! Тебе, а не мне?

— Это было не здесь, а в Трое, в ночь ее гибели, — произнес Эней. — После того, как погиб Лаокоон²⁹, мною, напуганным чудом, овладел сон. И во сне появился Гектор. Он был таким, каким видели его мы все, когда Ахилл нанес ему последний удар: волосы слиплись от крови, грудь в ранах, грязь в бороде. Я спросил его, почему он ко мне явился в таком виде³⁰. Но он вместо ответа посоветовал немедленно покинуть город, пока враг не овладел Троей, и, взяв пенаты, отправиться на кораблях, чтобы на чужбине воздвигнуть великий город³¹. Вот что сказал мне Гектор в ту ночь перед тем, как мы покинули Троию.

Внимая речи Энея, страдальца орошала слезами траву.

— Как же ты оказалась здесь? — наконец решился спросить Эней. — Каковы судьбы других троянцев?

— Счастливей всех, — начала Андроаха, — была дочь Приама Поликсена. Ее враги заклали в жертву богам на кургане у самой стены. Она одна не попала в плен и не разделила в печальной неволе ложа врагов. Я же досталась юному Неоптолему, сыну Ахилла. Пришлось терпеть его спесь и рожать ему сыновей. Потом он решил отправиться в Спарту, чтобы вступить в брак с Гермионой, внучкою Леды. Уезжая, меня он отдал рабу своему Гелену. Вскоре Пирр был убит в Дельфах Орестом. Так земли, что перед тобою, достались Гелену. В память об Илионе он воздвиг на высотах город и дал ему имя Пергам.

Между тем долгое отсутствие супруги встревожило Гелена. И вот он появился в окружении вооруженных людей. Узнав Энея, он бросился к нему в объятия и, ликуя, повел в свой Пергам. Троянцы перешли жалкий ручей, который Гелен назвал Ксанфом³², и вошли в Скейские ворота³³. В только что отстроенных чертогах, еще пахнувших смолою сосен, Энею и остальным троянцам, за которыми было послано, Гелен дал пир. И длился он много дней. В чашах ходило по кругу вино. За возлиянием Вакху, за воспоминаниями текло незаметно время. Лишь появление первой ласточки дало знак, что пора отправляться в дорогу. Тогда-то и обратился Эней к Гелену с мольбою.

— Ты, мой друг, — глашатай богов. Воля Аполлона раскрывается тебе в движении небесных светил, в звоне

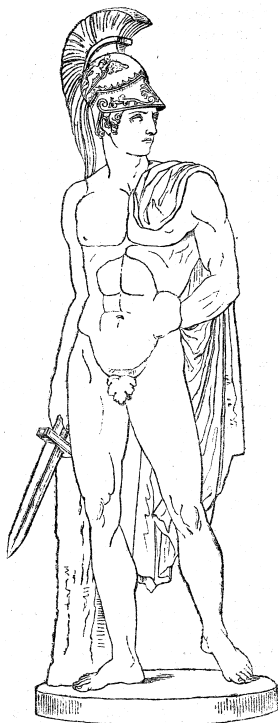
треножников, в шелесте листьев благородного лавра. Тебе ведом темный смертным язык птиц и иные приметы. Боги мне определили Италию, но, вещая от имени Аполлона, мерзкая гарпия, у которой мы отняли пищу, сулила нам небывалый голод и то, что нам придется столы поедать. Как избежать опасностей и превозмочь беды?

— Пойдем, Эней, — проговорил Гелен. Лицо его стало серьезным. — Не за пиршественным столом, а в храме Аполлона дано мне открывать будущее.

И вот их обнял жрец святилища. Принесены в жертву угодные Аполлону белые телки, и в тишине под сводами храма прозвучал голос сына Приама:

— Знай, сын богини, что опасен ваш путь, хотя Италия рядом. Боги избрали для вас кружную дорогу. Придется вам много весел переломать, преодолеть немало преград. В узком проливе в подводных пещерах гнездятся Сцилла с Харибдой, несущие смерть мореходам. Об этом не забывай. Помни также о силе Юноны. Я не стану тебе это повторять! Приноси ей обеты и жертвы. Когда к месту прибудешь, какое назначено вам, город ты возведешь. Что до столов, какими пугала тебя вещая птица, тайны мне этой открыть не дано. Но пусть столы тебя не пугают.

Эней вышел из храма с просветленным лицом. Будущее уже не казалось ему мрачным. Желая облегчить путь землякам, Гелен дал им все, что может пригодиться в дороге, а также подарки для чужеземных владык: чеканное серебро, резную слоновую кость, котлы из меди восточной работы с ручками в виде фигурок. Эней получил доспехи Пирра, тройную золотую кольчугу, остро-

Гектор (мраморная статуя скульптора А. Кановы)

верхий шлем, украшенный косматой гривой. Его спутникам достались мечи прекрасной работы. На радость Палинуру прислал Гелен крепких гребцов. Обнимая Аскания, Андромаха вручила ему златотканый плащ.

— Это тебе, — сказала она со слезами. — Ткала я плащ в зимние ночи, вспоминая родину нашу. Прими, мальчик, дар от той, что была женою Гектора и родила Астинакса. Если бы его пощадили боги, был бы он товарищем в играх твоих и будущих битвах. В тебе, Асканий, сына милого образ я вижу.

— Прощайте! — проговорил Эней, обнимая Гелена и Андромаху. — Будьте счастливы. Нас ждут испытания, но отныне они не пугают меня. Знаю я, что у меня друзья и мысленно с нами они.

И вот корабли спущены в море. Гребцы взялись за весла. Палинур на корме, подобно гончому псу, крутит головой и ловит ветер ноздрями. Распущены паруса. Из тумана выплыл берег Италии. Но, памятуя наставления Гелена, кормчий ведет корабли в открытое море.

Берег циклопов³⁴

После долгих странствий и приключений глазам ски-тальцев открылась вершина снежной горы. На верхней палубе все перешли на правый борт, чтобы ею любоваться. Что это за гора и на какой она земле, знал один Палинур. На миг выпустив кормовое весло, он протянул руку к громаде и выкрикнул:

— Этна! Мы у берегов Тринакрии!

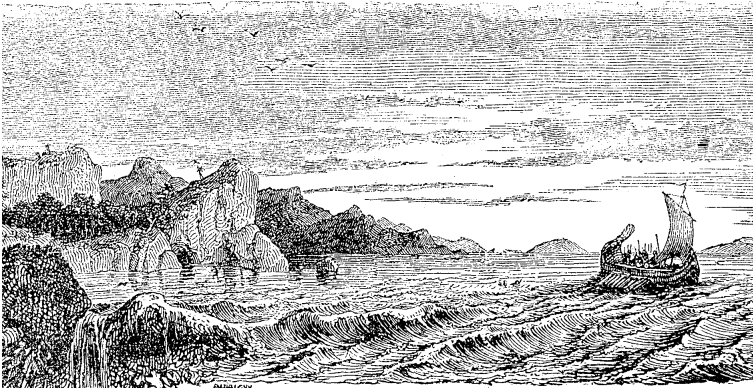
Поняв, что название ни о чем троянцам не говорит, он пояснил:

— Тринакрия — остров поболее Крита, но с тремя мысами. Этна — огнедышащая гора.

Внезапно послышался рокот, напоминающий шум прибоя. Ветер нес корабли навстречу ему.

— Все на весла! — закричал Палинур. — Это Харибда³⁵!

Троянцы бросились к веслам и налегли на них. Корабль свернул влево. Этот маневр повторили и другие суда. Харибда, раздосадованная тем, что ей не досталась желанная добыча, заревела еще яростнее и безнадежнее.

Пучина словно вывернула свое нутро. Казалось, хлопья пены достигали звезд.

Впереди открылась огромная бухта. Волны понемногу утихали. Приближавшийся берег Тринакрии манил к себе, суля отдых на твердой земле в тени деревьев. Высадившись, троянцы рассыпались в поисках сухих сучьев для костров, ломали свежие ветки для лож. И вдруг — словно бы треснуло небо. Из белой вершины Этны вырвалось пламя, сопровождаемое черным дымом.

— Разбушевался Энкелад³⁶! — в ужасе воскликнул Анхиз. — Я вспомнил рассказ, услышанный мною в юности. Боги навалили на поверженного гиганта гору Этну. Видишь, как он выдыхает огонь, если же повернется, затрясет всю Тринакрию, и от ее городов не останется камня на камне.

Едва дождавшись рассвета, троянцы взялись за пифосы, чтобы наполнить их родниковой водой, как вдруг из леса вышел незнакомец. Худой, изможденный, в лохмотьях, шел он, протягивая к троянцам руки.

— Кто ты? — спросил Эней. — Как ты здесь оказался?

Услышав дарданскую речь, несчастный задрожал всем телом. Троянцы его окружили. Видя, что у них нет враждебных намерений, незнакомец заговорил:

— Я — ахец. Да, я приплыл на кораблях, вместе со всеми осаждал Илион. Если обида ваша не утихла, можете бросить меня в волны. Но умоляю небесными светилами, властью богов, светом небес, не оставляйте меня на этом берегу.

Первым заговорил Анхиз. Он протянул юноше руку и ободрил его ласковыми словами:

— Успокойся! Мы не мстим безоружным и молящим о помощи. Отбрось страх. Расскажи нам о себе все без утайки.

Незнакомец встал, и в глубоком молчании прозвучал его рассказ, от которого кровь застывала в жилах.

— Родом я с острова Итаки. Но лучше бы мне вовсе не родиться. Отец, рассчитывая на богатую добычу, отправил меня вместе с Одиссеем. На обратном пути, во время странствий по морям, я попал на этот берег. Не зная, где находимся, мы укрылись в пещере. Видели мы, что ее стены покрыты багровыми пятнами, а не догадывались, откуда они. И вот в пещеру вошло с бляением стадо овец, за ними же вступил и пастух, ростом с гору. С глазом одним, круглым, как щит, торчащим над носом³⁷. Завалив вход огромным камнем, он стал нас поедать по одному. Человек исчезал в его пасти целиком. Раздавался хруст костей, на землю вытекала кровавая жижа, а затем в плевке вылетало то, что было одеждой. Вот от этих плевков багровые пятна на стенах. Так что не первые мы попали в ловушку людоеда. Но большинству из нас удалось спастись благодаря хитрости Одиссея. Меня же забыли в пещере...

— Да, Одиссею в хитрости не откажешь, — проговорил Эней. — Но какая же из его хитростей спасла вам жизнь?

— Одиссей, — продолжал ахеец, — напоил чудовище вином, а когда оно свалилось в бесчувствии, раскаленной жердью с нашей помощью выколол ему глаз. Но надо было еще выбраться из пещеры. Это казалось невозможным. Глыбы не оттолкнуть. От лап циклопа, даже ослепленного, не уйти. Но непоенные овцы и козы стали проявлять беспокойство, блеять. Циклоп решил их выпустить. Все, кроме меня, уцепились по совету Одиссея за их шерсть под брюхом. Я же, сам не пойму почему, уснул, а когда пробудился, пещера была пуста. Циклоп стоял на скале ко мне спиной и с ревом швырял обломки скал вслед удалявшимся кораблям. Я укрылся в лесу и с тех пор здесь живу, питаюсь чем придется, и в ужасе наблюдаю за циклопами.

— Так их много! — воскликнул Эней.

— Целая стая. Да вот один из них, тот самый, которого удалось ослепить. Его имя, будь оно проклято, Полифем.

Троянцы попадали на траву и, приподняв головы, стали наблюдать. Великан шагал, нащупывая дорогу вырванным с корнем стволом сосны. Спустившись в залив, он долго брел, пока вода не достигла груди. Зачерпнув ладонью воду, он стал промывать глаз.

Прячась за кустами, короткими перебежками достигли троянцы стоянки кораблей. Молча забрались на палубы, сели на весла, перерезали канаты.

Заслышав плеск, циклоп повернул голову и кинулся по воде наперерез, но было поздно. Хватая воздух руками, он поднял вопль. Глухим гудением ответили пещеры Этны, и тотчас же послышался многогласый рев. Отовсюду сбегались циклопы, ужасные сыны Этны. И вот они уже на берегу, все, как один. Так высятся над долиной дубы, вздымая пышные кроны, так над кручей стоят кипарисы, колеблемые ветром.

Берег Анхиза

Асканий смотрел на внезапно затихшего деда широко раскрытыми глазами. Анхиз лежал на палубе уже не сторбленный — прямой, не похожий ни на кого из людей, ни на себя самого, не принадлежащий ни земле, ни небу. Ничей. Потом его завернули в обрывок паруса, спустили в лодку и увезли на берег³⁸. Провожающие были вооружены, но копыя они держали остриями вниз, а щиты — обращенными к себе выпуклой стороной. Мальчик остался на корабле с Палинуром. Кормчий угрюмо молчал, склонив голову на кормило.

— Палинур! А Палинур! — спросил Асканий. — Почему повернули копыя и щиты?

— Чтобы не оскорблять священное оружие зрелищем смерти, — ответил кормчий, не поднимая головы, — ибо мертвые находятся в перевернутом мире.

«Перевернутый мир, — мучительно думал Асканий. — Его называют айдом. Он под землей. Поэтому перевернуты копыя. Да и взоры тоже обращены вниз. И Палинур, всегда глядящий в небо, закрыл лицо от моря, от неба, от всего».

Ярко светило солнце. Из волн, поднимая брызги, вылетали дельфины и, описав дугу, скрывались из глаз. Над кормой кружили чайки. Одна из них, осмелев, опустилась на палубу и прошла, широко расставляя красные лапки. В мире как будто ничего не изменилось. Но в жизнь мальчика впервые вступило то, что называют смертью.

Палинур приподнял голову. Чайка, взмахнув крыльями, взлетела. На берегу, обозначенном полоской прибоя, показались фигурки людей. Вот они спустили в море лодку. Мелькнуло ее смоленое дно. Взмахнули весла. Теперь лодка напоминала перевернутого на спину жука, отчаянно шевелящего лапками.

Лодка приближалась. Стали видны лица. Подняты вверх острия копий. Мальчик, устремившись к перилам, вглядывался до боли в глазах. Отец, Ахат, Клоант, Сергест... Вернулись все, кроме деда. Он навсегда остался на берегу. Плаванье будет продолжаться без него. Еще встретится много берегов. А у деда останется лишь этот. Берег Анхиза...

II. КНИГА ЛЮБВИ

Предисловие

В повествование о скитаниях введена любовная интрига. Она является развитием конфликта на небесах между враждебной Энею Юноной и его матерью Венерой. Первая насылает бурю, чтобы погубить Энея и его спутников, вторая с помощью Нептуна спасает скитальцев и высаживает их на берегу Ливии, где строится Карфаген, будущий великий соперник тогда еще не основанного Рима.

В античной литературе назывались две даты основания Карфагена — историческая (IX в. до н. э.) и легендарная — за 50 лет до разрушения Трои. Вергилий, естественно, останавливается на второй, поскольку она с меньшей хронологической натяжкой позволяет ему поведать о любви своего героя к основательнице Карфагена Дидоне. При этом он говорит о еще строящемся Карфагене,

ибо не может допустить, чтобы героине было около семидесяти лет.

История любви Энея и Дидоны в изложении Вергилия трагична, поскольку судьба заранее определила смертельную вражду двух народов — карфагенян и римлян, одному из которых дано было создать мировую империю, а другому — быть уничтоженным. Этот конфликт между политикой и любовью впервые открывает и развивает в художественном произведении римский поэт конца III в до н. э. Гней Невий, ибо перед его глазами был пример гибели Софонибы, возлюбленной римского союзника Массинисы, вынужденной покончить самоубийством. На глазах поколения Вергилия было повторение этого конфликта — судьба царицы Египта Клеопат-

Юнона (по стенной живописи в Помпеях)

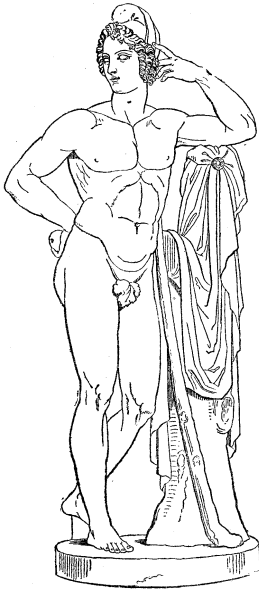

ры, также покончившей с собой после вступления в Египет римской армии Октавиана Августа.

Политизированный герой Вергилия отказывается от любви и оставляет возлюбленную на погибель. Ради чего? Ответ можно не искать в тексте. Его указывает само слово *амор* (лат. «любовь»), прочтенное справа налево, как читали тексты этруски — *Roma* (Рим). Рим поставлен в центр псевдоисторического эпоса. Рим стоит за всем. Он — центр мироздания, центр власти, чуждой всяким человеческим чувствам.

Гнев великой богини³⁹

Недоверчивый взгляд Юноны едва прикоснулся к скользящим над волнами парусам Энея, и тотчас не покидавшее ее с утра раздражение сменилось яростным гневом. С утра она перебирала в гордой и непреклонной памяти давние и недавние обиды, какие привелось ей принять не только от супруга, но и от смертных. С чувством брезгливости она вспоминала этого красавчика Ганимеда, появлявшегося всегда некстати, и другого, еще более наглого троянца, Париса, презревшего в присутствии соперниц-богинь ее красоту.

Парис (мраморная статуя скульптора А. Кановы)

«Опять эти троянцы, — подумала Юнона, отводя взгляд от кораблей. — Им мало того, что они улизнули от грозного меча Ахилла. Теперь им вздумалось обосноваться в Италии и воздвигнуть новую Трою как раз против звезды Ливии и Карфагена»⁴⁰.

Давно уже бессмертным и смертным было известно, что богиня возлюбила этот основанный тирийцами город более всех других городов⁴¹. Ради него она оставила свой Самос⁴² и доверила ему

свою боевую колесницу и доспехи. Она делала все, чтобы возвысить карфагенян, — дала им богатство, власть на морях и славу, догадываясь, однако, что к ним враждебны парки⁴³ и что они замыслили возвеличить их еще не существовавшего соперника.

— Не будет этого! Не будет! — вырвался из ее груди крик, и сразу же послышался грохот катящейся по склонам Олимпа снежной лавины.

Эол⁴⁴

Эол сидел на вершине огромной голой скалы и с отвращением взирал на расстилавшееся перед ним спокойное море. Сколько он себя помнит, он всегда здесь сидел после того, как ему удавалось загнать ветры в пещеру у подножия скалы. Ветры, оказавшись в ловушке, долго не могли успокоиться и по свойственной им, как и смертным, неблагодарности считали причиной своего заточения не самих себя, не свое буйство, а Эола. Вот и теперь, неуклюже ворочаясь, они кляли его, Эола. «Он не пастырь ветров, а настоящий тюремщик!» — провыл Зефир. «Он негодай!» — воскликнул пылкий Африк. «Он тиран, тиран!» — пробасил Борей⁴⁵.

Эол усмехнулся. Это что-то новое! Понаберутся у людей разных словечек и перекатывают их, как пустые орехи!

Стал вспоминать Эол блаженные времена, когда рядом с ним были жены. Много у него было их, а теперь не осталось ни одной, словно сдуло ветрами. А может быть, вовсе и не сдуло, а завели они шашни, ибо им, ветренным, стало скучно с ним, Эолом, и места здесь голые, неветсельные.

Но кто это там стремительно спускается с неба? Юнона? И конечно же снова у нее какое-то дело! За многие годы Эол узнал Юнону и научился по первому слову ее речи определять, чего она от него добивается. Если скажет «милый Эол» — это какой-нибудь пустяк. Если «владыка» — значит, дело исключительно важное.

— Владыка, отпусти ветры на волю, пусть они взбаламутят море, ибо в Италию направляется враждебный мне род.

Не стал Эол расспрашивать великую богиню, кого она имеет в виду и зачем ей понадобилась буря. Ведь даже его далекий утес не обошла молва о жестокой обиде, нанесенной троянцем Парисом, назвавшим «прекраснейшей» соперницу Юноны Венеру. Слышал он и о том, что Юнона способствовала гибели Трои и преследует спасающихся бегством троянцев. Конечно же в его власти было отказать Юноне, сославшись на то, что бурями ведают не он, а Нептун. Но ему самому надоело слушать, как ветры скулят в пещере, как звенят цепи, сковывающие их по рукам и ногам. Ему любо было увидеть удачу своих подопечных и вспомнить о собственной буйной молодости.

— Будет сделано, владычица, — проговорил Эол и, гремя связкой ключей, поплелся к пещере.

Буря

В корабле раскрылись трещины,
Море вздуто ураганами,
Берега, что мне обещаны,
Исчезают за туманом,
И шепчу я, робко слушая
Вой над водною пустынею:
«Нет, союза не нарушу я
С неборною богиней».

Николай Гумилев

И вот со свистом и воем вырвались на свободу ветры и обрушились на тихую водную гладь. Они взрыли ее, подняли волны и погнали во всех направлениях, так что те сталкивались друг с другом, как горы. Затем, взгромодившись на тучи, напоминавшие огромных черных коней, они с гиканьем погнали их по небу, и стало темно, как ночью⁴⁶.

Объятый ужасом, наблюдал Эней за буйством стихии. «Колесница Кибелы», потеряв управление, то взлетала вверх, то падала в пропасть. Мачты были надломлены, словно соломинки, реи покрыли палубу. Потoki воды врывались в трюм, флотилия исчезла из виду, и можно было думать самое худшее.

Тело его сковал холод. Воздев руки к небесам, он закричал что было силы:

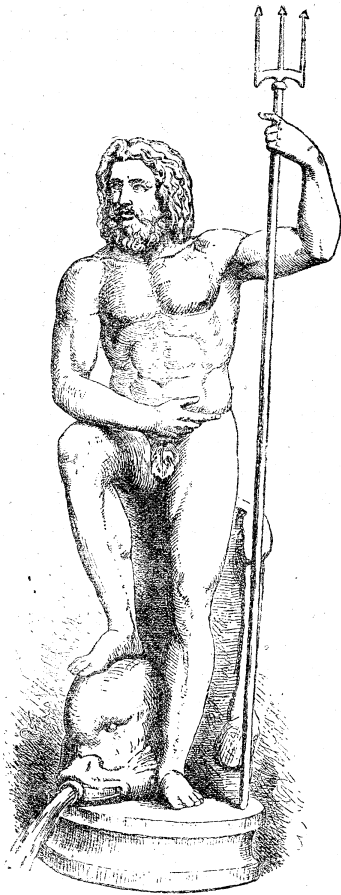
— Трижды, четырежды счастлив тот, кому довелось пасть в бою. И почему меня смерть пощадила и не сражен я ни Ахиллом, ни Диомедом, не унесен Симоэнтм вместе с телами сотен отважных троянцев?!

Конечно же Эней догадывался, что это козни Юноны, он вспомнил наставления Гелена. Но как принести Юноне жертву, если даже не устоять на ногах, когда и рта не открыть, чтобы призвать заступницу Венеру? Она же сама с высоты Олимпа видела все и спешила на помощь своему сыну. Великим волнением волн⁴⁷ был встревожен Нептун. Пробудившись в своем подводном дворце от грохота, выскочил он на поверхность.

— Я вас! — крикнул он громовым голосом, направляя свой трезубец то против одного, то против другого ветра⁴⁸.

И поникли их крылья. Смягчив свое бешенство, ветры с ворчанием понеслись к темнице.

Оглядев по-хозяйски море, Нептун увидел несколько застрявших в камнях кораблей и осторожно приподнял их своим трезубцем, не видимым смертным. Тритон с Кимофойей⁴⁹ корабли подхватили и погнали их к берегу Ливии. Знал Нептун, что этому краю покровительствует Юнона, но ему было видно, как над высотами поднимается величайший храм заступнице троянцев Венере, возводимый истосковавшей юной вдовою Дидоной.

Нептун (античная мраморная статуя в Дрездене)

Ливийский берег

Буря прекратилась так же внезапно, как и началась. Взгляду людей, собравшихся на растерзанных, заваленных обломками снастей и обрывками парусов палубах предстал полукруг черных скал, образующих залив, в центре которого виднелся островок. В одном месте скалы сходили на нет, и там желтел песок⁵⁰. К этому просвету и направились семь уцелевших кораблей. Выйдя на берег, троянцы свалились, не ощущая ничего, кроме смертельной усталости. Пробудившись, Эней стер ладонью соль, покрывавшую лицо, и дал Ахату знак развести костер. Сам же он направился к высокому утесу. С него открывалось пустое море. «Неужто Нептун оказал благосклонность нам одним, и мне больше не увидеть ни ликийца Гианта, ни храбреца Оронта, ни Амика, ни Каписа?...»⁵¹

Переведя взгляд на берег, Эней заметил стадо пасущихся оленей и поспешил к кораблям. Взяв у Ахата лук и колчан со стрелами, он бросился к стаду. Семь свистящих стрел, и вот уже на земле семь окровавленных туш, столько же, сколько уцелевших судов. Зажглось семь костров, и вскоре дразнящий аромат горящего жира вытеснил все другие запахи. Насыщаясь, троянцы вспоминали друзей, оставшихся в море, колеблясь между надеждой на их спасение и отчаянием.

И тогда обратился Эней к спутникам:

— Не падайте духом, друзья! Немало нам пришлось претерпеть бед. Будет богом дарован исход и этой. Ждет нас пристанище, где мы воздвигнем новую Трою⁵².

В эфире

День клонился к закату. Юпитер с вершины эфира озирает окрыленное парусами море и просторы суши, отведенные для обитания неисчислимым народам. И в то мгновение, когда его озабоченный взор коснулся Ливии, перед ним возникла Венера. Грустен был лик дочери, слезы текли по ее щекам, голос дрожал:

— О ты, наделенный вечной властью над миром! Чем же тебе мой Эней досадил? Почему для троянцев пути в Гесперию закрыты? Что отклонило тебя от обещанья

сохранить народ, перенесший такие несчастья? Где их бедам предел? Ведь Антенор ушел от ахейцев, иллирийских пределов достиг, дал свое имя народу и даже успел перед смертью город Патавию там основать⁵³. Тот же, о ком мое сердце болит, корабли потерял. Не такова ль благочестью награда?⁵⁴

Лик отца богов озарился улыбкой. Заключение Венеру в объятия, он промолвил:

— Страхи напрасны твои. Решение мое неизменно. Сын твой достигнет земли, ему назначенной мною. Мальчик его Асканий — отныне зови его Юлом⁵⁵ — станет царем. Уже отправлен Меркурий, пунам несет мою волю — пришельцам бед не чинить, оказав прием, их достойный.

Явление Венеры

С первыми едва пробившимися сквозь утренний туман лучами солнца Эней и его верный телохранитель Ахат покинули еще не оправившихся от ночного ужаса друзей. Надо было узнать, к какому их вынесло берегу и кто им владеет, порасспросить, не видели ли здесь спасшихся от ярости волн мореходов.

Сразу же за мысом, напоминающим вытянутый вверх, словно предостерегающий от опасности каменный палец, начинался лес. Он сулил желанную прохладу, но внушал также и страх, как все неизведанное.

— Мы с тобой видели оленей, — первым нарушил тишину леса Эней.

— И не только видели, — подхватил Ахат. — Сочное было жаркое.

— Так вот, — продолжал Эней. — Чтобы и нам самим не стать чьей-нибудь пищей, давай присмотримся к стволам и к земле. Нет ли следов от лап, рогов и чего-нибудь еще подозрительного.

Они наклонились над еще не высохшей лужей и отодвинули смятый пучок травы.

— Кажется, здесь пробежал вепрь, — сказал Ахат, вставляя палец в глубокую ямку.

— Нет, не вепрь, а медведь! — послышался звонкий голосок. — Но от нас он не уйдет.

Троянцы выпрямились. Перед ними стояла очаровательная юная охотница в одеянии то ли спартанки, то ли фракиянки Гарпалики, которая мчится на коне быстрее ветра. Собранный в узел хитон открывал обнаженные до колен ноги.

— От нас? — спросил Эней, поклонившись незнакомке. — Если я не ошибаюсь, ты одна.

— В одиночку на медведя не ходят, — пояснила дева. — Мои подруги, тирийские охотницы, рассыпались по лесу. Каждая носит колчан и одета пятнистою шкурою рыси.

— Ты слышал, Ахат! — воскликнул Эней. — Буря вернула нас во Фракию!

— Нет, не вернула, — тотчас успокоила дева. — Вы в благословенной Ливии, на земле колонии Тира Карфагена.

— Кто же правит этим новым Тиром, да благословят его боги?

— Мудрая наша царица Дидона. Ей пришлось покинуть родину. Прибыв к этому берегу на кораблях, она купила у местного племени для нового города участок размером в бычью шкуру, которую на него наложила, а потом по нашей тирийской хитрости увеличила раз в шестьдесят⁵⁶.

— Как же ей удалось так растянуть шкуру? — удивился Эней.

— Она не растянула ее, а искусно вырезала узкий длинный ремень, дотянувшийся до этого леса. Но довольно о Дидоне. Сами-то вы откуда и куда держите путь?

— Мы, красавица, — ответил Ахат со вздохом, — несчастные беглецы из Трои. Недавно был такой город! Теперь же по миру разошелся дым от его имени. С тобой говорил Эней. Я его скромный слуга, сын смертного. Энея же родила сама Венера.

— Венера? — переспросила дева, и глаза ее загадочно блеснули. — Кто это такая? Впервые слышу это имя!

— У моей матери много имен, — вставил Эней. — Данаиды зовут ее Афродитой, тирийцы, как мне говорили, — Астартой, а персы...

— О, Эней! — воскликнула дева с испугом. — Тебе известны божественные дела лучше, чем мне, скромной охотнице, следы, оставленные зверями.

Лицо ее вдруг преобразилось, озарившись ярким румянцем, и лес внезапно наполнился запахом амброзии. Троянцы не успели даже удивиться, как дева растворилась в воздухе.

— Венера! — воскликнул Эней. — Моя мать! Так и пребываешь в неведении, кем она еще прикинется, какую маску наденет. Сколько раз я принимал ее за смертных дев. А в бою все время чувствуешь ее руку. Когда я сражался с Диомедом, она, видимо, опасаясь за меня, перенесла меня по воздуху на остров. А враги могли подумать, что я струсил. Ты счастливец, Ахат. Родившись от смертных, живешь, не зная иного страха, кроме как перед богами. Я же, как раб, нахожусь под взглядом моей госпожи неусыпным. И осторожен бываю порою сверх меры.

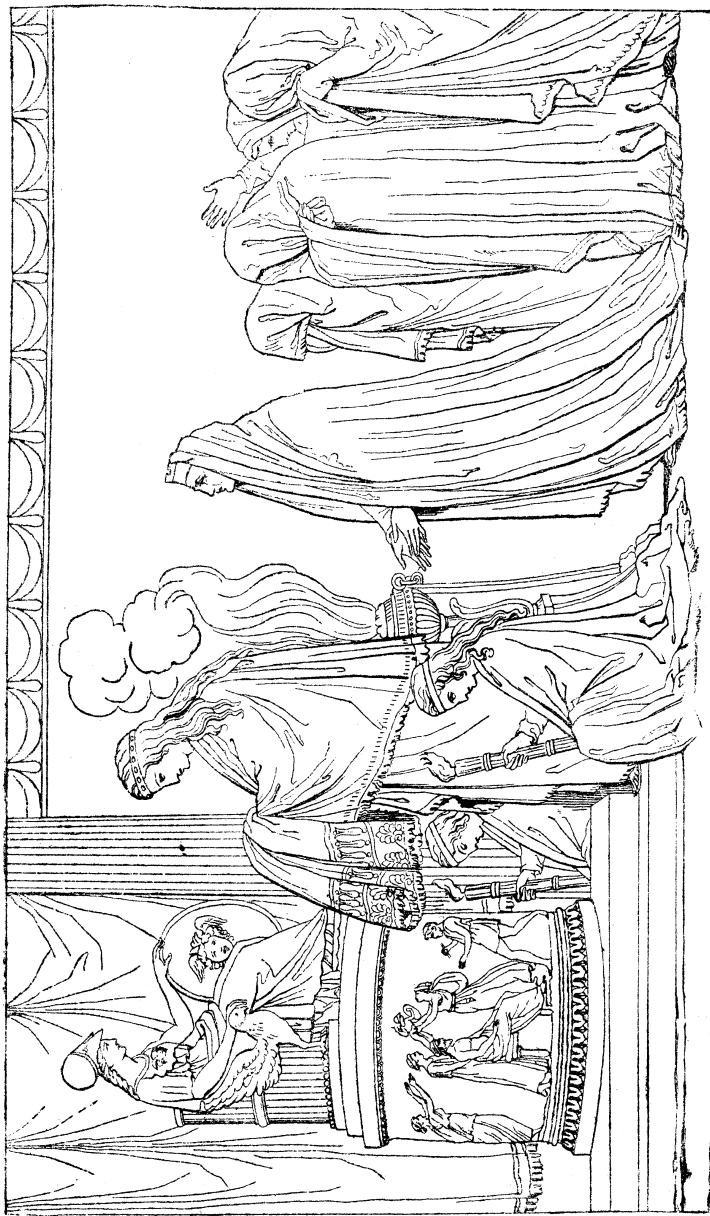
Ахат смотрел на Энея широко раскрытыми глазами. Никогда еще сын Венеры не был с ним так откровенен. И впервые он осознал, что наивысшее, как ему казалось, счастье связано с неудобствами и даже опасностями, о которых сыновья смертных и не подозревают.

В это время на путников опустилось темное облачко. И поняли они, что богиня, удаляясь в свой Пафос⁵⁷, обезопасила их от нескромных взглядов и ненужных вопросов.

В Карфагене

И двинулись Эней с Ахатом по едва протоптанной тропе, выведшей из леса на вершину заросшего колючим кустарником холма. Оттуда открылся вид на широко раскинувшуюся долину. Города еще не было, но все говорило о его будущем величии. В одном месте тирийцы сносили лачуги⁵⁸ и мостили дорогу, укладывая ее ложе ровными плитами, в другом — возводили стены необычайной толщины, в третьем — высекали мощные колонны для театра. Переведя взгляд к берегу, путники увидели, как масса полуголых людей углубляет дно гавани.

По медным ступеням вместе с толпой, но ей невидимые, взошли Эней и его спутник в храм Юноны. Именно в тот день богиня явила знак будущего величия святилища: был найден череп коня. Толпа ликовала и выкрики-

Умоляющие троянки перед Афиной Палладой

вала имя царицы. В ожидании ее прихода троянцы осмотрели храм.

— Смотри, это Троя! — воскликнул Ахат, указывая на дивное изображение стен и ворот с возвышающимся вдали дворцом Приама⁵⁹.

— Да, это наша несчастная Троя, — согласился Эней, и слезы оросили его лицо обильным потоком.

На другой доске было изображено поле битвы. Художник, должно быть, сам воин, с удивительным знанием дела показал схватку двух воинств. Троянцев можно было отличить от ахейцев. Безбородый Ахилл легко узнавался по надменно вздернутому подбородку. Взгляд Энея перенесся к другой расписной доске. Белел ряд островерхих шатров. Блестела поверхность реки. У самой воды паслись распряженные кони. Один из них, чем-то напуганный, повернул голову с раздутыми ноздрями. Из шатров выбегали полуодетые чубатые воины с мощными разрисованными телами. Конечно же это фракийцы Реса⁶⁰, застигнутые врасплох нападением Диомеда. Следуя далее, остановился Эней у картины, изображавшей троянок, шествующих к храму Афины Паллады. Волосы распустив, несли они в дар одеяние, то, что выткали сами в слезах и волнении о сыновьях и мужьях, защищавших отчизну. Подняты к небу ладони. На лицах скорбь и мольба. Но отвернулась от них богиня и потупила взор.

Лицо Энея вдруг стало белее снега. Художник изобразил останки того, кто был ему другом. Гектор валялся в пыли, а старец Приам простирал свои руки к Ахиллу, предлагая выкуп ему. Из уст Энея вырвался вопль и слезы, полившись потоком, его ослепили.

— Нет, Ахат! От нашей Трои остался не дым ее имени, — проговорил Эней, вытирая тыльной стороной ладони лицо. — Слава о ней живет и на чужбине. Вызывая сочувствие, может она выручить нас⁶¹.

Послышался шум голосов. По проложенной к храму дороге двигались непринужденно юноши в богатых одеждах и с ними молодая женщина, вся в пурпуре, увенчанная диадемой. Дидона! Так вот она какая! В ее облике ничего не говорило о перенесенных страданиях.

Процессия внезапно остановилась. К ногам царицы, выбежав из-за дерева, бросилось трое мужей.

Умоляющий Приам перед Ахиллом

— Да это же наши Клоант, Антей и Сергест! — воскликнул Ахат. — Они спаслись и о чем-то просят царицу.

Дидона сделала знак рукой. Троянцы поднялись с колен. И вот уже слышно в храме, что отвечает царица троянцам:

— Будьте спокойны. Я помогу вам отплыть, дам припасы. Если же захотите остаться, город мой — ваш. Эней же я отыщу, прикажу обыскать побережье, всю Ливию.

— Не надо меня искать, царица, — сказал Эней, выходя наружу. — Я перед тобой.

Купидон⁶²

Дворец, казавшийся снаружи незавершенным, внутри был убран с царской роскошью. Готовя пир в честь заморских гостей, рабы расстилали искусно вытканные ковры. Юные рабыни уставляли столы серебряными кубками, на которых искусным резцом были выбиты деяния предков Дидоны — мореходов, открывателей далеких стран и островов. Слуги несли воду для рук, яства и корзины с плодами.

Посредине на золотом ложе возлежали царица и рядом с нею Эней. По обе их стороны на расписных лодках расположились троянские и карфагенские юноши. Прозвучал рог трубача Энея Мизена, и все взоры устремились к высокой двери, откуда, как уже было известно и хозяевам и гостям, должны внести дары уничтоженно-

го пламенем города. Эней отправил за ними к кораблям Ахата, повелев ему привести и Аскания.

Да вот и Ахат с царским жезлом. В былые дни его всегда носила впереди отца Илиона, старшая дочь Приама. Вслед за ним появилось покрывало цвета шафрана, расшитое золотыми листьями аканфа, — то самое, которое получила Елена от матери своей Леды, и той же работы хитон. Диадему, сверкающую драгоценными камнями, нес мальчик удивительной красоты, выступающий походкою Юла. И никто в зале не знал, что это не сын Энея Юл, а бог Купидон. Опасаясь за судьбу Энея и его спутников, Венера приказала своему отроку принять облик Аскания и внести в сердце царицы такое пламя любви к Энею, чтобы в нем стгорела память о ее первом муже и никто из бессмертных не мог бы изменить ее чувств.

Купидон, обняв Энея, бросился к царице и передал ей диадему. Она притянула его к себе, прижала к груди и усадила на колени. Не знала несчастная, что на коленях у нее всемогущий бог и прикосновение его подетски пухлых губ ничем не уступало стреле из лука, способной пробудить страсть в любом человеческом сердце.

*Рассказ Энея*⁶³

Пир в честь пришельцев длился до темноты и зашел за полночь. Слуги зажгли бесшумно светильники и удалились. Все взгляды устремились к Энею. Наступила такая тишина, что можно было слышать его дыхание. И вот он начал рассказ.

— Ты мне, царица, велишь пережить поражения горечь, скорбь утрат обновить. Слыша такое, не только схваток участник — дикий долоп, мирмидонянин, воин жестокий Улисса⁶⁴, слез не сумел бы сдержатъ. Но я воле твоей покоряюсь. Как ни страшится душа повторения бедствий, как ни пытается сбросить памяти тягостный груз, не опущу ничего.

Со стен замечено было копошение данайцев. Понавели они с Иды много пиленого леса. Думали мы, что для кораблей. Они же, как нам показалось сначала, принялись дом воздвигать. Время прошло, и он принял очертание коня. Под брюхом его могла бы пронестись колесница.

*Купидон.
Античная статуя*

Отхлебнув вина, Эней продолжил:

— На виду у Трои скалистый есть островок. Тенедос ему имя. В начале правления Приама славились тенедосцы богатством. Здесь, как нам стало ясно потом, укрылись ахейцы. А мы, глушцы, рассудили, что, отчаявшись взять неприступный наш город, они удалились в Микены. Тотчас открылись настезь ворота. О, как приятно взглянуть на места, где были шатры Ахилла! Как любо пройтись по песку, где остались углубления от вражеских килей!

Много троянцев скопилось возле коня. И сразу же спор разгорелся. Одни предлагали внести его в город, словно победный трофей. Другие, напротив, зная коварство ахейцев, сжечь его помышляли иль в море пустить по волнам, чтобы ветром его отогнало подальше.

Но вот с акрополя Трои спустился окруженный мужами Лаокоон, жрец Аполлона. Он к нам обратился с такими словами: «Несчастные! Успели вы позабыть о хитрости Улисса? В чреве коня, быть может, укрылись ахейцы или иное коварство. Но, что бы это ни было, страшусь я данайцев и дары приносящих!»

Сказав, это, метнул он в брюхо, что стянуто скрепами туго, дротик тяжелый. Дрожь охватила коня от головы до копыт. Удар отозвался стоном и затихающим гулом. Будь на то воля богов, мы смогли б в нем уловить предвещание бед. Хитрость врага была бы разбита. Троя наша стояла бы и поныне, а над нею возвышалась твердыня Приама.

Эней вытер пот со лба и, окинув взглядом весь зал, продолжил речь с еще большим волнением:

— Между тем послышался шум. Обернувшись, мы увидели скользящих по поверхности моря двух огромных змей. Их черные груди, покрытые чешуею шеи, гребни, налитые кровью, колыхались над водой. Хвосты, будучи скрыты волнами, образовывали водовороты. Оказавшись на суше, змеи открыли пасти. Всех нас жаром обдало. Мы в бегство пустились. Но змеям до нас как будто не было дела. Обращена была ярость драконов на двух юных сыновей Лаокоона. Настигнув их, они оплели их тела кольцами и стали терзать своими страшными зубами. Мы окаменели от ужаса. Лаокоон же, потрясая копьем, один ринулся против чудовищ. Змеи охватили и его, связали огромными кольцами, дважды обвив ими грудь и мощную шею. Весь облепленный ядом и черною

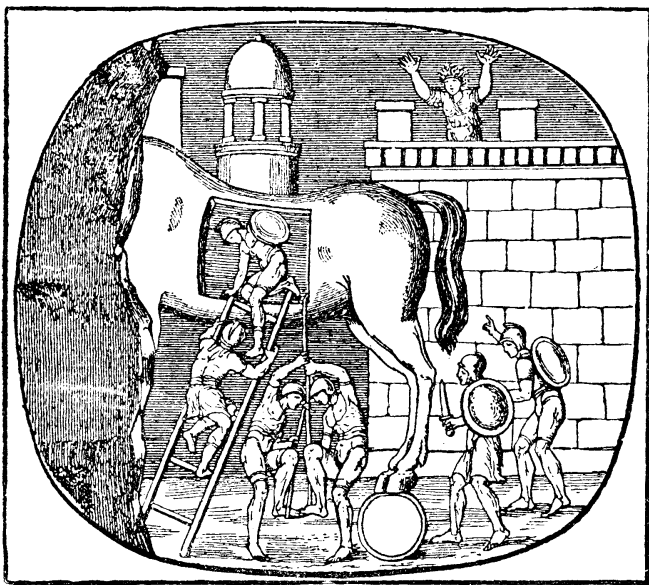
слуюю, вопль страдалец исторг такой, что его услышали звезды. Мне он напомнил рев быка, приносимого в жертву, когда порой ему удается с топором в загривке уйти от алтаря⁶⁵.

— Ужасно, — сказала Дидона. — В Тире я слышала много о чудовищах океана, что нападают на корабли. Здесь же, к югу от нас, лежит среди песков озеро Тритонида, где гнездятся драконы⁶⁶. Но кто мог подумать, что они, такое пройдя расстояние, могут стать орудием кары.

— Змеи, — продолжил Эней, — не удалились туда, откуда пришли, не провалились под землю. Они поползли по скале к храму Афины Паллады. Недавно, на корабле, один из служителей храма поведал о том, что увидел своими глазами. Змеи, уменьшившись втрое, в храм заползли и легли в ногах у богини.

Смахнув со лба капли пота, Эней продолжал:

— Но перейду к тому, что случилось немного позднее. Юноши наши привели пленника. Он назвался Синомом, родичем Паламеда⁶⁷ и врагом Одиссея. Уши разве-

Троянский конь по изображению на античном резном камне

сив, мы внимали лживым словам. Он рассказал, что, отплывая, греки его назначили в жертву богам, но он спрятался в болоте и ожидал, пока из виду скроются паруса, затем вышел и сдался. Именно этот Синон, змея в чело-вечьем обличье, рассеял наши сомнения. Он сообщил, что деревянный конь воздвигнут в дар богам, чтобы вернуть их милость, в надежде, что из-за огромных размеров его не удастся внести в город.

Так, ослепленные враждебными к Трое богами, с молитвенным жаром мы принялись за работу. Поднят конь на катки. Обвязан крепким пеньковым канатом. Мы, как волю, к нему припряглись и повлекли себе на погибель. Кольхаясь, словно живая, катилась громада к воротам. Стену разрушив, ибо конь был выше ворот, мы потащили его в пролом. Выйдя навстречу, девы и юноши, ставшие в круг, пели гимн Афине Палладе, славя коня как великую жертву, как дар наступившему миру. Трижды в движение своим конь коснулся стены. Трижды внутри загремело оружие. Преодолевая преграды, переступил конь роковую черту.

И тут появилась Кассандра. Пылали ее глаза, обжигая презрением и гневом. Как поток раскаленный с вершины вулкана, лились слова. Но были они нам непонятны. Только теперь я смысл их могу передать. Она призывала очнуться от наваждения, уверяя, что ночь, эта ночь будет для Трои последней. Но мы, как всегда, были к речам ее глухи. Вскоре убит был Приам. Жребий выпал тому, кто в Азии был владыкой многих земель и народов, в пламени Трои узреть и крушенье Пергама⁶⁸.

О том, что случилось потом, лучше не вспоминать. Предатель, бывший среди нас, помог ахейцам выйти наружу. Им на помощь пришли корабли, стоящие за Тенедосом. Теперь я расскажу о себе. После отчаянной схватки мне удалось по воле и с помощью той, о которой не место здесь говорить, добраться до дома, вынести отца на плечах, вывести супругу и сына. Пенатов Трои я друзьям поручил, приказав им в бой не вступать, чтобы не утратить святыню. Молча мы Троию прошли. У ворот, оглянувшись, я не увидел Креусы. Подумав, что она затеялась или отстала, как бывало в нашей жизни не раз, я рванулся в горящий город. Но вдруг она вышла из воздуха ростом выше той, какую я знал и любил. Хотел я ей

Гибель Приама

что-то сказать, но мой голос пресекся на первом же слове «Креуса». Она ж обратилась ко мне с речью, ее я слово в слово запомнил: «Не предавайся печали, мой милый супруг! Рядом с тобою в скитаньях мне быть не дано. Ведь мне и так оказана милость богами. Не буду я рабыней данайцев, не стану, подчиняясь их воле, рожать им рабов. Тебе же придется долгие годы скитаться, прежде чем попадешь в Гесперию, где Тибра меонийского струи привольно текут между пашен. Там свое счастье отыщешь. Разделит его с тобою супруга из царского рода. Обо мне же слезы не лей и вовсе не думай. Прощай и храни любовь нашу общую к сыну». Но нет, я не мог, не хотел примириться с тем, что устами Креусы мне вещала судьба. Трижды я пытался ее удержать, сжимая в объятия, трижды она ускользала. И тогда ко мне подбежали те, кому поручил я пенатов. Мы двинулись в горы и, пройдя через них, пришли к кораблям...

Небо светлело. Слуги погасили лампы. Но никто из тех, кто возлежал за столом, не шевельнулся. Эней взглянул на царицу. Слезы катились по бледным щекам. Губы что-то шептали. Казалось, она была еще вместе с Энеем в Трое и повторяла слова тени, какие к себе отнесла: «Там ты найдешь свое счастье. Его с тобою разделит супруга из царского дома».

Сестры

Распорядившись о ночлеге для гостей, царица отослала слуг. Сон не шел. Бросало из жара в холод. Она то вставала, то садилась. В памяти стояло божественное лицо Энея. Одна за другой сменялись картины его рассказа. Не находя себе места, она вышла в коридор, соединявший ее покои с горницей сестры Анны.

Оставляя родной Тир, принесший ей столько горя, Дидона взяла Анну девочкой. Выросла она вместе с Карфагеном в трудах и волнениях о нем. Дитя странствий, она ничем не напоминала изнеженных царевен, окруженных бесчисленными нянюшками и рабынями. Встретясь ей на побережье, как Европе, бык, она бы без малейших колебаний взобралась на его спину и поплыла на нем, болтая ногами над морской пучиной. Такой был у нее характер.

Приведись ей стать матерью, она бы наверняка родила и воспитала одного из тех финикийских мореходов, которым ничего не стоило на утлом суденышке выйти в океан и обогнуть Ливию. Но Анна — ей на десятый год от основания Карфагена исполнилось двадцать лет, — слава Юноне, не помышляла ни о замужестве, ни о материнстве. Где бы здесь отыскать ей супруга, могущего занять собой ее деятельную натуру. Она ни в чем не уступала тем воинственным девам, которые, если верить басням данайцев, живут где-то за северным ветром, проводят всю жизнь в охоте и чуждаются мужского общества и мужской ласки.

Нумидийцы, среди которых тирянам приходилось жить, словно в осаде, взирали на Анну с восхищением, смешанным со страхом. И девушке было поручено вести переговоры с наглым царьком Ярбой, вообразившим, что если город построен на его земле, то и царица должна быть его супругой. Анна вернулась уже после наступления темноты, и Дидона еще не знала о результатах переговоров.

Но нет, не за вестью шла Дидона к сестре. Ей не терпелось поделиться с нею нахлынувшими чувствами. Внезапно Дидона остановилась. «А поймет ли меня Анна? — подумала она. — И пристало ли мне, заменившей ей мать, делиться с девушкой самым сокровенным?»

Из-за стены, за которой находилась горница Анны, раздался какой-то странный звук, напоминающий львиный рык. Встревоженная и удивленная, Дидона толкнула дверь. На ковре обнаженная Анна боролась с почти взрослым львом. Конечно, это была игра, но на плечах адели свежие царапины.

— Анна! Что за безумие? Откуда этот зверь?

— Это твой львенок, — ответила Анна. — Я пробую его силы.

— Мой?! Мне еще не хватает зверинца!

— Но тем не менее он твой. Его тебе подарил Ярба, я не осмелилась отказаться от подарка. Это было бы величайшим оскорблением. Передавая мне клетку, Ярба сказал: «Моей львице!»

Анна схватила львенка за шею, затащила его в деревянную клетку и закрыла задвижку. Звереныш рычал и скалил зубы.

— Наглый варвар. Ты же должна была объяснить, что я не собираюсь вступать в брак, что я никогда не буду его женой.

— Он этого не хочет понимать. У нас пока еще нет войска, и с ним не нужно ссориться.

— А я получила другие дары, — проговорила Дидона. — От троянских беглецов. Они прибыли в наш город.

— Что это за люди? — спросила Анна.

— Их вождя зовут Эней. Как он прекрасен, как могуч и отважен! Говорят, что он происходит от бессмертных богов, и глядя на него, нельзя в это не поверить. Не из малодушия покинул он родину. На него ополчились беды. Его грозная доля гнала. Он прошел через страшные битвы и опасности. Не мне тебе говорить, что я испытала после горькой гибели моего супруга. Я дала зарок больше никогда не вступать в брак: ведь кто может заменить мужа, коварно убитого в первый год брака! И вот теперь пришелец склонил к себе мою шаткую душу, пробился огонь любви сквозь золу. Это великий дар. Но пусть подо мною развернется земля и всемогущий отец свергнет меня к бледным теням Эреба, если я решусь признать ему в своих чувствах.

Поток слез прервал речь Дидоны, склонившей голову на колени сестры.

— Дорогая моя! — начала Анна. — Я давно с грустью наблюдаю за тобой. Мы оказались на чужбине в окружении необузданных варваров. А из-за моря тебе угрожает войною наш брат. И вот теперь впервые к нам повернулось счастье. Какой великий город ты создашь с таким мужем, как Эней! Мы сольем силы троянцев и финикийцев. И кто нам тогда сможет угрожать! Пока еще море опасно для плаванья, есть время для того, чтобы привязать чужеземцев к Ливии. Эта земля, как никакая другая, богата зверями. Судя по твоему описанию, Эней страстный охотник. Я устрою для вас охоту, какой еще не видывала Ливия.

— Но ведь это опасно! — воскликнула Дидона.

— Нет! Нет! — успокоила Анна. — Вы не будете охотиться на львов. Если хочешь, за несколько дней я изгоню с окружающих гор всех хищников. Пошлю к Ярбе за опытными ловчими. Пока же пойдем в храм и принесем жертву богам, и прежде всего Юноне, освящающей браки.

Дидона удивленно смотрела на сестру. «Как она быстро распорядилась моей судьбою. Она не дала мне сказать главного». И все же Дидона встала и покорно двинулась вслед за Анной.

Охота

Пещеры свод навстречу встал из чащи,
Тенистый вход в темнеющую тень.
А крови стук — тревожнее и слаще,
Трепещет грудь, как загнанный олень...

Войди сюда, не хмурь угрюмо бровь:
В любви лишь власть познания мы обрящем.
Уйми свой бег, что тянет вновь и вновь
Идти вперед к иным, все новым чащам.

Михаил Кузмин

Колесница Авроры уже показалась из волн, но ее розовые персты едва лишь коснулись высоких кровель Бирсы.

Распахнулись дворцовые ворота, и из них со звонким лаем вырвалась стая узкомордых гетулийских псов. За ними проскакал отряд массивов⁶⁹. Блестели в их загорелых руках копыта с широкими лезвиями. Ловчие несли сети и тенета. Царица задерживалась во дворце. И ее конь, которого привела Анна, нетерпеливо бил копытами и грыз увлажненные пеной удила. А вот и она, Дидона, в сидонском плаще, отороченном пестрым узором, в пурпурном одеянии, края которого сколоты золотой застежкой, с золотым луком за плечами. Конь заплясал под нею и понес.

Троянцы выступали одним отрядом. Впереди, затмевая спутников красотой, шествовал Эней. Так вступает на землю каменистого Делоса Аполлон, возвращающийся на родину из холодной Ликии⁷⁰ во главе толп дриопов, критян, агафирсов с разрисованными телами. Увенчаны мягкой листвой волнистые кудри и стянуты золотой повязкой, стрелы звенят в колчане. Такая же сила и ловкость в движениях.

Загонщики уже достигли холмов, окаймляющих город. Из чернолесья вниз по хребту посыпались козы. Стадо оленей, закинув рога, помчалось в низину. Кто это за ними несется? Мальчик Асканий. Но нет, не за ними — он

ищет иную добычу: льва или вепря, не ведая о том, что по повелению царицы хищники удалены или перебиты.

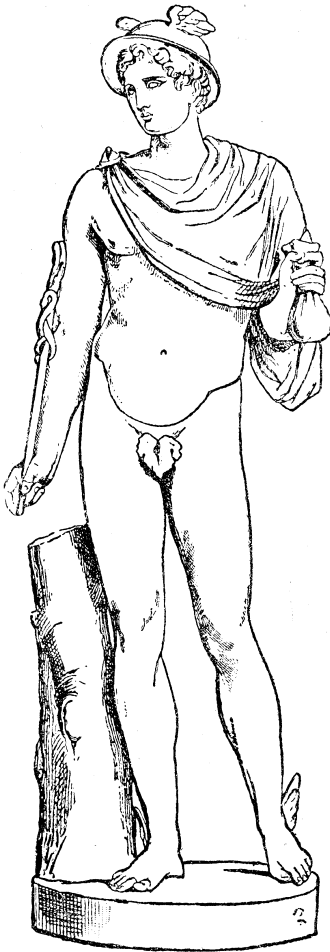
Внезапно небо омрачилось тучами, вспыхнула молния, зарокотал гром. Хлынул ливень. С гор по лощине понеслись потоки. Дидона спешила. К ней подбежал Эней. Перед ними ползаросшее зеленью отверстие. Пещера! Вот где можно переждать непогоду. Дидона на мгновение остановилась, словно бы вспомнив о Молве, наблюдающей за каждым шагом смертных, о своей женской чести, но затем, сжав ладонями голову, рванулась вперед и скрылась из глаз. Вслед за ней в пещеру вбежал Эней.

Снаружи завывал ветер. Потом он стих, но долго еще слышался шум дробящихся о камень капель. Его сменили свист стрел, крики ловчих. Охота продолжалась. В пещере Эней уже настиг добычу. Или добыча настигла его? Юнона, повернувшая корабли с назначенного им пути, могла торжествовать. Но ведь и Венера не оставалась безучастной к тому, что происходило в пещере. Кажется, впервые за долгие годы между богинями-соперницами воцарилось согласие.

Но более всех была довольна Молва. Тысячи глаз сплетницы зажглись ликованием. Вымокшие от дождя перья распушились, и выросла она чуть ли не до небес. Гнусная ее физиономия ослабилась в улыбке. Поднялись уши, напоминающие придорожные лопухи. опережая всех, полетела Молва во дворец. И вот уже по дворцу, по городу, по всей Ливии поползли, зашуршали порожденные ею слухи, будто царица Дидона впустила пришельца Энея к себе на ложе и они проводят дни и ночи в распутстве, будто в плену у страсти тирянка забывала о царстве своем, а троянец решил остаться в Карфагене.

Молитва Ярбы

И проникла Молва во дворец Ярбы, царя массилов. Был он сыном Аммона⁷¹ и в пустынной стране гарамантов воздвиг своему отцу сто алтарей. На них под охраною стражи горел неугасимый огонь, и так же загорелась душа массаила при вести, что Дидона сошлась с чужестранцем.

*Меркурий (античная статуя
в Капитолийском музее)*

Руки к небу воздев, обратился он к громовержцу:

— О всемогущий отец! Не тебе ль совершаем мы возлиянья на ложах во время пиров? Неужели зренье ослабло твое? Иль мы напрасно твоих перунов страшимся? Чужеземкой я дважды обманут: сначала место я ей уступил, какое было не больше шкуры быка, она же, ее разрезав, охватила ремнями весь холм и на нем воздвигла свой город ничтожный. Уступил я ей под холмом землю для пашни, а она отказалась от брака со мной и власть в царстве своем вручила Энею. Этот чужак, подобно Парису, прикрывшему фригийскую митрой умощенные кудри⁷², властвует над нашей землей.

И всемогущий Аммон внял мольбе любимого сына. Взор на Ливию устремив, он увидел чертоги царицы и сквозь стены — Энея, презревшего славу ради любви. Меркурия вызвав, он к нему обратился:

— Сын мой! На крыльях Зефира несись в Карфаген, к владыке дарданцев. Ведь не затем он был дважды мною спасен от ахейцев, чтобы пребывать среди враждебных племен. Должен Италией он управ

лять, которая матерью станет великой державы, и среди грома боев от текущей в нем крови тевкров произведет тот род, что заставит весь мир своим подчиняться законам. Если же ленью он обуян и слава его не прельщает, вправе ли он сына лишить твердыни грядущего Рима? Пусть отплывает. Возвести ему это решенье.

Полет Меркурия

Тотчас Меркурий, послушный воле отца, обул золотые сандалии (крылья на них несли его в воздушных потоках над землей и гладью морской), взял в руки жезл (им он в сон людей погружал и из смертельного сна выводил и им же толпы теней провожал в подземное царство) и скрылся из глаз всемогущего бога.

И вот он уже в клубящихся облаках, ветры жезлом своим погоняет. Впереди показалось могучее тело того, кто головой своей, кедру подобной, небеса подпирает. Черные тучи его венчают чело, ветер и дождь секут нещадно по бокам и спине, снег пеленою пушистой покрывает широкие плечи. Склована льдом борода густая. Когда же солнце проглянет, с подбородка бушуя несутся потоки.

И над Атлантом, титаном, повис бог килленийских вершин⁷³ — так птица порой совершает круги над берегом низким и над скалой, выходящей из вод, рыбой кишасших. И вновь рванулся он, рассекая воздух всем телом, к ливийским прибрежным пескам, коснулся окрыленный подошвой домов невысоких предместья, и вдруг среди новых строений твердыни тирийской он меч Энея узрел и его самого. Была меча рукоять золотистой осыпана яшмой, плащ же, подарок Дидоны, украшен тончайшим узором.

Пламя

И забыл ты, в ужасе и муке
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.

Анна Ахматова

Мрамор надгробный мой пусть надпись такую хранит:
«Прах здесь Дидоны лежит. От своей она пала десницы.
Повод смерти и меч дал ей троянец Эней».

Овидий (пер. Ф. Зелинского)

Ослепительное счастье захватило и понесло Энея, как разлившийся после ливня поток уносит щепку. Но не было его чувство безоглядным. И в мгновения наивысшей радости он не отдавался ему до конца, смутно созна-

вая, что где-то там в тумане его ждет и зовет к себе Италия, что Троию надо построить, чтобы не были напрасны деяния предков. Ведь должен же кто-то поклоняться осиротевшим пенатам, которые он вырвал из огня. Ведь не должна умереть память о подвигах Гектора, о страданиях Приама, Гекабы, Кассандры, Андромахи.

Все чаще в ночных сомнениях являлся ему отец в своем самом суровом облике. Из уст его не вырывалось ни единого звука. Но одно его появление напоминало о долге. Когда же среди белого дня предстал перед ним посланный Юпитером Меркурий и, осыпая упреками, напомнил о будущем его рода, предначертанном богами, осознал Эней, что должен немедленно покинуть город, оказавший ему редкое гостеприимство и едва не ставший родным.

Есть ли на языке людей слова, которые в состоянии убедить любящую женщину в необходимости разлуки?

Она всегда отыщет доводы, идущие от самого сердца, и будет права. В страхе перед гневом и отчаянием любимой, понимая свое бессилие, Эней приказал друзьям тайно готовиться к отплытию, хотя до весны было еще далеко, а зимнее море чревато бурями.

Но сколь тайными ни бывают замыслы и приготовления, их не скрыть от отвратительной сплетницы, имя которой — Молва. И при первом же свидании Дидона обрушила на голову Энея град жалоб и упреков. Каждый из них жалил, колод, ранил. О, лучше бы перед ним был недруг, которому он мог дать достойный ответ, а не женщина, которую он любил, страдания которой раздирали ему сердце. «О, мать, — обращался он мысленно к Венере, — ты, дарующая всему живому лю-

Атлант (античная мраморная статуя в Неаполитанском музее)

бовь, сделай так, чтобы мы не страдали!» Но Венера была бессильна перед порожденным ею чувством.

Оставаясь один, Эней все равно не покидал Дидоны — у него перед глазами всегда были ее лицо, ее руки. Не в силах сдержать в груди стон, он бежал к бухте, служившей укрытием для кораблей. Друзья уже сдвинули их в воду. Они покачивались на волнах. Из города же по одному и группками тянулись все, кому снова предстояло стать скитальцами. В их лицах, в движениях ощущалось нетерпение: «Скорее, скорее в море!»

«Счастливы же вы, не ведающие любви! — думал Эней, закрывая лицо ладонями. — Не знающие любви не знают и ее мук».

Всю ночь перед отплытием Эней метался на ложе. Не раз он уже готов был изменить свое решение и вернуться во дворец. Но, выбегая на палубу, остужаемый холодным ветром и презрительно перемигивающимися в небе звездами, тотчас возвращался назад на свое ложе, к своим страданиям.

И этой же ночью на площадке посредине дворца Дидона втайне от всех складывала дрова и смолистые ветви. Нет, она не захотела встретиться с Анной. На этот раз сестра не поймет, что без Энея ждет старость, одиночество, брак с Ярбой. На ветви Дидона положила милые сердцу вещи Энея — его одеяния, меч, что он оставил, убегая, его образ из воска. Распустив волосы, стояла царица перед зажженным ею костром и произносила слова проклятия своей великой любви:

— Ты, Юнона, кому я боль души доверяла, ты, Геката, госпожа теней запредельного мира⁷⁴, Диры мстящие⁷⁵ и вы, духи-спутники смерти моей! Покарайте Энея, обреките его на скитанье и гибель! Пусть не насладится он ни властью, ни миром, ни счастьем, ненависть пусть идет за ним по пятам, не давая покоя потомкам.

На рассвете Эней приказал обрубить канаты, соединявшие корабли с сушей. Едва остался позади берег, как возникло поднимавшееся над кровлей дворца пламя. Смутное предчувствие беды сжало грудь Энея, но он не мог и думать, что женщина в исступлении способна податься на костер.

Внезапно полнеба охватила радуга. «К чему этот знак? — мелькнула мысль. — Что несет Ирида⁷⁶ на ув-

лаженных росой крыльях?» И не дано было ведать ему, что сама Юнона послала Ириду к Персефоне — передать ей золотую прядь, облегчая ей смертные муки. Зажженное пламя любви, разгораясь, приобретало кровавый оттенок грядущей вражды между двумя городами — между колонией Тира и колонией Трои, какую воздвигнут потомки Энея. В этом пожаре через тысячу лет стогрит Карфаген.

III. КНИГА ИГР

Предисловие

Игра идет уже который век,
Еще с эпохи саблезубых тигров.
Природу победивший человек
Остался зверем в древних римских играх.

И выходил на бой с самой судьбой
В амфитеатре Рима гладиатор,
В кровавой схватке жертвуя собой,
Провозглашал он: «Ave, imperator!»

Как выяснено современной наукой, игровой элемент культуры присущ всем человеческим обществам, начиная с отдаленной и темной первобытности. Лучше всего известны и изучены в своей первоначальной магической, а затем политической подоплеке игры античного мира. Возникшие по подтвержденному археологией преданию в эгейскую эпоху, а затем с 776 г. до н. э. возобновленные и приобретшие регулярный характер знаменитые Олимпийские игры стали частью и нашего бытия. В городах древней Италии существовали игры, подобные Олимпийским, вобравшие в себя разнообразные культовые действия.

На латинском языке понятие «игра» передавалось словом *ludus*, созвучном этнониму *lydoi* — «лидийцы». И хотя это созвучие случайно, оно подкрепляло уверенность в этрусском происхождении игр, ведь этруски считались выходцами из Лидии. В Риме ежегодно отмечались Римские (или Великие), Таурийские, Таларийские, Троянские и другие игры этрусского происхождения.

Характер зрелища в Риме приобрели заимствованные у этрусков гладиаторские игры, первоначально связанные с человеческими жертвоприношениями во время тризны.

Вергилий в «Энеиде» не раз называет своих предков лидийцами, но происхождение игр он связал не с лидийцами, а с их соседями фригийцами или с троянцами. Пятая книга «Энеиды» целиком посвящена играм, перенесенным троянцами (т. е., в понимании поэта, этрусками) на итальянскую почву. Однако первым местом этих игр Вергилий делает не Италию, а Сицилию, и сами игры связывает с тризной на могиле похороненного в западной части острова Анхиза.

В Гигиновом каталоге игр, восходящем к неизвестным нам, но, разумеется, в той или иной мере использованным Вергилием эллинистическим источникам, игры, устроенные Энеем, занимают заключительное, пятнадцатое место. Им предшествуют игры Приама в Трое на могиле Париса (в них он, оказавшийся живым, становится победителем) и знаменитые игры Ахилла на могиле Патрокла. По образцу последних и созданы сицилийские игры.

До Вергилия об Энее в Сицилии рассказывали греческие историки, мифографы и поэты. В их произведениях появляются сицилийские герои Эгест, Элим, Эрикс, которых Вергилий вводит в «Энеиду» и делает участниками древнейших этрусских игр. Во времена Августа эти игры, считавшиеся «римскими», отмечались с особой пышностью на императорском уровне как секулярные (вековые) игры. С ними связывалось представление о возрождении творцов нового политического режима, древнего «золотого» века Сатурна (этрусского Сатре). Древние игры, задолго до Вергилия бывшие предметом исследования римских антикваров, стали орудием политической пропаганды.

И снова Тринакрия

Едва берег ливийский скрылся из виду, как небосвод затянули тяжелые тучи. С каждым мгновением море становилось темней и гневливей. Волны грозно плескались о борт. И корабль гудел от могучих ударов. Эней, объ-

ятый тревогой, прошагал к корме и стал рядом с кормчим, опершись на его плечо.

— О, Нептун! — воззвал Палинур. — Что ты нам готовишь?

Приказав мореходам спустить снасти и поставить парус наискось ветру, он продолжал:

— Если бы сам Юпитер вдруг поручился, что мы при такой погоде достигнем Италии, и то бы я поостерегся оставаться в море. Видишь, как набирают мощь враждебные ветры, как сгущаются тучи. Нам не под силу ни против ветра идти, ни вынести натиска бури. Один у нас выход — двигаться к суше. Справа от нас берег сиканов, уже нам знакомый.

— Что ж! — подхватил Эней. — Вижу и я, что нам ветер велит уклониться с пути, какой нами избран. Разверни корабли. Они, утомленные, отдыха просят.

С силою кормчий повернул весло. Описав дугу, «Колесница Кибелы» двинулась вправо. Этот маневр повторили и другие суда. Мореходы развернули паруса, и корабли радостно полетели. Вскоре показалась громада горы, нависшей над плоским берегом.

— Эрикс! — сказал Палинур, вытирая лицо, мокрое от пены. — Под нами земли, какими владеет Акест⁷⁷, для нас сбереженный судьбой.

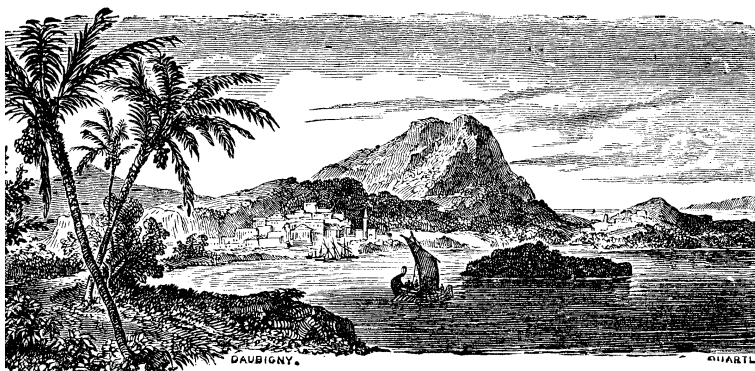
Вот уже волны белой каймой обозначили бухту, и едва в нее вошли корабли, как стал виден седовласый муж. Его могучие плечи покрывала шкура ливийской медведицы. В руке его было копьё.

— Я — дарданец Акест. Я надеялся на встречу с тобой, — обратился незнакомец к Энею, когда тот спрыгнул на берег. — Могила Анхиза на моих землях. Отныне можешь считать их своими.

Затем показались люди Акеста. Они помогли троянцам втащить корабли на песок и повели их к плоским холмам, где виднелись среди деревьев кровли домов.

Наутро, едва лишь на востоке появилась заря, Эней со всего побережья собрал троянцев и обратился к ним с такими словами:

— Хочу вам напомнить, потомки Дардана, что с той поры, как скончался мой отец и прах его в землю опущен, лун исполнился счет и годичный круг завершился. Горек и свят этот день для меня, и отныне, куда бы меня

ни пригнала судьба, его посвящать я буду Анхизу. Ныне же мы, с соизволения Всевышних, у могилы, нам ставшей святыней, среди друзей. Давайте же с ними вместе справим тризну по обычаям общих нам предков. Когда же воздвигнем новую Трою, этот обряд ежегодно мы будем справлять близ храма Анхиза. Мне Акест обещал выделить на каждое судно по два быка, чтобы достойно почтить мы могли душу Анхиза, а также богов и пенатов, которые чтимы Акестом. А на девятый день после тризны я состязанье устрою для всех, кто гордится силою рук и проворством. Сейчас же давайте обовьем наши головы миртом и в молчанье проследуем к алтарям близ отцовской могилы.

И тут же Эней обвил вокруг головы венок, сплетенный из цветов, угодных Венере. Сделали то же Акест и его провожатый Элим⁷⁸, а также Асканий и другие троянцы. Вслед за Энеем все безмолвно двинулись к могиле Анхиза. И вскоре пролил Эней на могильный холмик две чаши вина, столько же чаш молока и жертвенной крови. Могилу осыпав цветами, Эней обратился к Анхизу:

— Ты, мой родитель святой. Тебя из пылающей Трои я вынес. Но не дано было нам вместе с тобой берег увидеть, что нам богами обещан. Праху привет твоему, твоей тени и духу⁷⁹.

Едва он эти слова произнес, как, раздвигая цветы, с шипеньем показалась головка змеи. И вот уже вышло на свет упругое тело в темных разводах, тысячью разных цветов играя на солнце. Оползла змея все алтари, изви-

ваясь между жертвенных чаш и кубков, и исчезла в могиле.

Радуясь, что молитва услышана, хотя и не зная, кто принял образ змеи⁸⁰, гений места или какой-нибудь спутник Анхиза, дал Эней знак к принесению новых даров. Тотчас же обвели вокруг алтаря, а затем закололи по паре овец, свиней и быков⁸¹. Вскоре запыхали костры. Задымились котлы с жертвенным мясом. Устроившись на траве, насыщались троянцы, наперебой вспоминая Анхиза.

*Состязание кораблей*⁸²

И вот наступил девятый день после принесения даров духу Анхиза. Со всей Тринакрии собрался стар и млад — кто поглядеть на гостей, а кто и свои испробовать силы.

На траве были выставлены награды — богато украшенные треножники, оружие, слитки золота и серебра, пурпурные одеяния.

Для состязания Эней отобрал четыре самых больших корабля — «Химеру», огромную, как город, «Кита», «Кентавра» и «Сциллу», а метой, которую надо было обогнуть, чтобы вернуться к цели, назначил небольшой скалистый островок, давнее прибежище крикливых чаек.

Устроились вожди на кормах, выделяясь богатством одежды. Гребцы заняли места на веслах и затаили дыхание. И дал Эней знак Мизену⁸³. Поднес он к губам свой серебряный рог, и послышался звук, будоражащий сердце. Разом рванулись вперед корабли. Надулись шарами мышцы, натертые маслом. И огласились прибрежные холмы ревом и рукоплесканиями мужей, поставивших ставку на каждое судно.

Разрезая килем волну, первой проскользнула «Химера», ведомая Гиантом⁸⁴, гордым своим дарданским родом. Высоко над волнами поднимается ее нос с головами льва, козла и дракона. Гребцы, сидя на трех ярусах, с силой гонят ее вперед, вздымая ряды весел. За «Химерой» неотступно несет «Сцилла» с носом в виде разинутой пасти. Судно ведет Клоант, родоначальник римских Клуенциев⁸⁵.

А сзади, попеременно обгоняя друг друга, мчатся «Кит» и «Кентавр». Нос «Кентавра» с человеческим лицом переходит в конскую шею. На нем укрепился пыл-

кий Сергест, давший имя роду Сергиев⁸⁶. «Кита» ведет Мнесфей, предок Меммиев.

Между тем «Химера» и «Сцилла» приближаются к заветной мете. «Химера» впереди, но видит Гигант, как наседает соперник. Нос «Сциллы» вот-вот коснется ее кормы. И кричит он кормчему Меноту:

— Не теряй расстоянья! Ближе держись к островку!

Но знает Менот, что у островка подводные камни. Они пугают его. Он выводит корабль на простор.

— Куда ты, упрямый! — в ярости кричит Гигант, видя, что нос «Сциллы» уже навис над кормой «Химеры». — К скалам!

В это время корабль Клоанта, срезая дорогу, круто берет влево и, проскочив между громадой «Химеры» и утесом, обходит победителя. Брызнули слезы из глаз Гиганта. Не помня себя от гнева, сбросил он в море Менота и, схватив кормило, повернул корабль к побережью. А несчастный Менот плывет к островку и в мокрой одежде, из груди извлекая соленую воду, ползет по камням. Хохотом оглашается берег.

Потерял Гигант время, разворачивая свой громоздкий корабль. И загорелись дерзкой надеждой выйти вперед сердца вождей и гребцов на отставших «Ките» и «Кентавре». Почти вровень идут оба корабля, обгоняет Сергест соперника, но не может оставить его позади. В отчаянии взывает Мнесфей к своим гребцам:

— Вперед, славная рать Гектора! Вспомните, как вы налегали на весла у Малейской скалы, где сшибаются волны! Не награду боюсь потерять — пусть ее получит сильнейший, — но позорно последними стать!

До предела напрягаются мышцы. Пот ручьями струится по разгоряченным лицам, рты открыты, как у рыб, оставшихся без воды. Обшитый медным листом борт дрожит, и корабль звучит, как кифара, когда ее касаются быстрые пальцы.

Но вот гребцы испускают радостный рев: Сергест, пытаясь оторваться от «Кита», повернул слишком близко к утесу, и «Кентавр», войдя в неглубокое место, бьется о камни и ломает весла.

Ободренный, несется «Кит» в открытом море. Так из гнезда на распростертых крыльях летит встревоженная чем-то голубка. И вот уже позади остается не только

«Кентавр», тщетно пытающийся сняться с мели, но и лишённая кормчего «Химера». Вот уже приближается корма скользкой впереди «Сциллы» — к ней «Кит» устремлен. Но не сдаётся команда «Сциллы», уже считающая победу своей. Готова жизнь она отдать за успех. Совсем рядом «Кит», и пришли бы оба корабля одновременно, если бы Клоант, простирая руки к пучине, не взмолился ее владыкам:

— О владыки волн, по которым ныне я мчусь! На берегу, если первым приду, тельца белоснежного вам заколю и мясо его вместе с янтарным вином в море брошу!

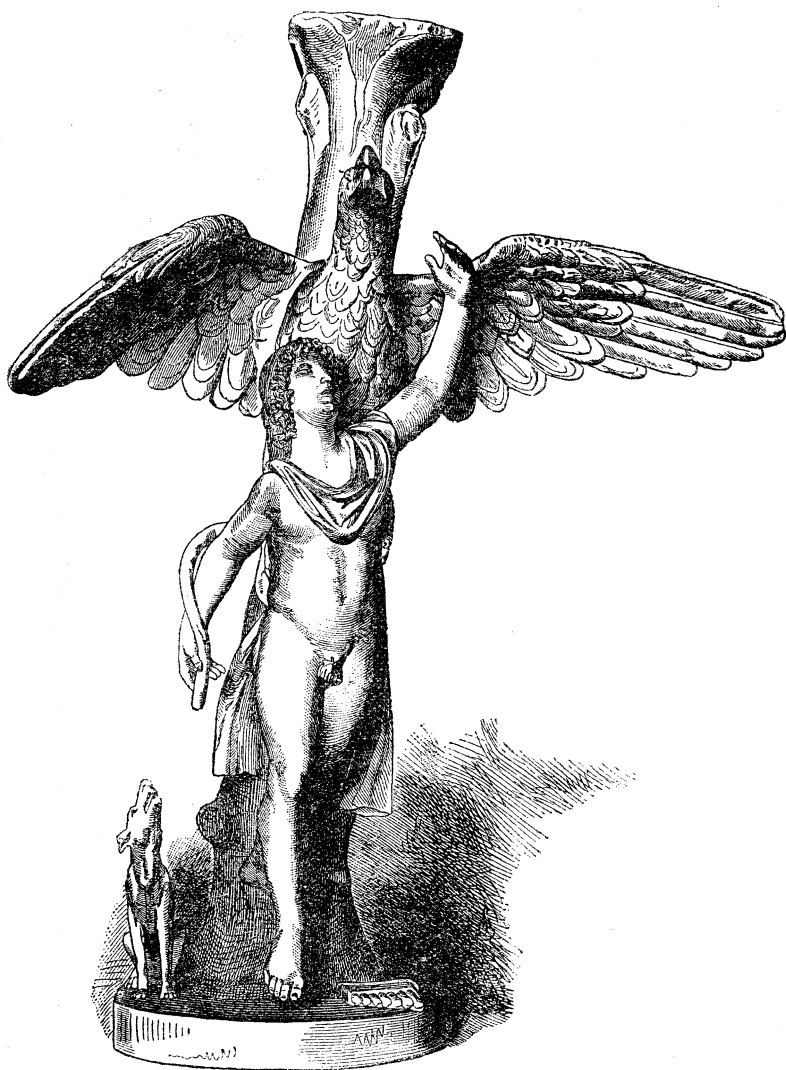
Услышали этот обет ненасытные волны. И невидимая рука отца Портуна⁸⁷ толкнула корму «Сциллы» с такой силой, что она полетела, как стрела, к глубокой бухте и под рев тех, кто ожидал ее победы, коснулась суши.

Дождавшись, пока причалют другие, вперед выступил Эней вместе с глашатаем. Украсил сын Анхиза остролистным лавром виски победителя Клоанта, а на плечи накинул золотом шитую хламиду. На ней был изображен Ганимед⁸⁸, бегущий по лесистой Иде вместе с царской свитой и сворою псов за златорогим оленем, а над головою юнца огромный орел, готовый вот-вот его схватить когтями. Стяжавший вторую награду Мнесфей взял из рук Энея панцирь, сплетенный из золотых колец. Сам он его сорвал с Демолеона в битве под стенами Трои. Гианту достались медные блюда и кубки из чеканного серебра со множеством драгоценных камней, вделанных в металл. Победители на лоб надели повязки алого цвета и стояли, красуясь.

Но вдруг послышался смех. Узрели троянцы, как снялось с мели судно Сергеста и, подобно змее, перерезанной колесом, корчилося в море. И все же Сергест награду обрел. Эней был доволен, что корабль возвращен и команда цела.

Бег

Едва завершилось состязанье на водах, принесшее радость не только смертным, но и владыке морей со всей его свитой, как мысли Энея устремились к новой игре. Он выбрал ей местом лошину между лесом и двумя тра-

*Ганимед, похищаемый орлом
(мраморная статуя в Ватиканском музее)*

вянистыми холмами. Здесь издавна приносили жертвы богам первые обитатели острова — сиканы⁸⁹. Здесь Геркулес, посетивший остров, сокрушил в кулачном бою цетв их молодежи⁹⁰. Сюда по зову трубы собрались беглецы из Трои и сиканы, принявшие в земли свои чужестранцев.

Зрители уселись рядами на зеленых склонах холмов. В центре лощины Эней расставил дары для победителей в беге: копья из города критян Кносса прекрасной работы, двойную секиру с насечкой на серебре, колчан из страны амазонок на золотой перевязи, полный фракийских стрел, вывел коня в богатом убранстве. Состязаться за эти дары пожелали два юных троянца Нис и Эвриал⁹¹, известные неразлучной чистой дружбой, Диор из царского рода Приама, акарнанец Салий⁹², Патрон из аркадской Тегей⁹³, а также Элим и Панопей из свиты старца Акеста (долго с ним блуждали они в лесах тринакийских).

Бегуны заняли место, наступив на полосу из врытых в землю плоских белых камней, и устремили глаза к видневшейся вдали цели. Прозвучала труба, и бег начался. Первым вперед вырвался длинноногий Нис, оставив соперников за плечами. Следом бежал Салий, за ним — Эвриал. За Эвриалом несли Элим, за Элимом проворный Диор, едва ему не наступая на пятки. Была уже недалеко цель, и Нис предвкушал награду. Но вот он поскользнулся на лужице крови принесенного в жертву быка и растянулся плашмя. Не забыв при всем своем огорчении об Эвриале, он подставил Салию подножку, и Эвриал первым достиг цели. За ним, запыхавшись, прибежал Элим. Диор добился третьей награды. Обиженный Салий, представ перед судьями, стал обвинять Ниса и Эвриала в обмане. Эней крикуна успокоил, вручив ему мохнатую шкуру льва, на которой сам восседал.

*Кулачный бой*⁹⁴

Едва улеглось возбуждение, как на поле спустился друг Энея Дарет⁹⁵, уже обнаженный для кулачного боя. В бою под стенами Трои в честь павшего Гектора всех одолел он и был удостоен награды. Глядя на мощные ру-

ки и плечи бойца и на вздувшиеся мышцы на груди, никто из сидящих не решился принять вызова. И зрители подняли крик, требуя вручить Дарету награду без боя. Но с мест, какие занимали сиканы, поднялся старец, и имя Энтелл прогремело над полем. Сойдя на траву, Энтелл бросил рядом с Даретом пару наручных ремней небывалого веса. Пронесся шум по рядам, и Энтелл обратился к Энею:

— Эти ремни надевал я, выходя на бой с Геркулесом, Эрикс, мой брат, да и сам я с ними сражался, пока виски мои сединой не покрылись.

Дарет при виде ремней, обшитых свинцом и железом, побледнел, и лоб его покрылся потом.

— Видел бы ты, — обратился к нему Энтелл, — с какими ремнями против брата сражался сам Геркулес! Я же готов тряхнуть стариной и надеть на свои кулаки иные ремни, какие предложат.

Эней приказал принести ремни равного веса. Их вынес на поле Асканий. Бойцы кулаки замотали ремнями и приготовились к схватке, головы в шею втянули, вверх подняли руки, защищая лицо от ударов.

Дарет был силен подвижностью и крепостью ног. Энтелл — весом и мощностью рук, но в коленях он чувствовал слабость и страдал от одышки. И потому он не двигался с места, отражая удары. Троянец подступал к нему то с одной стороны, то с другой, пытаясь удар нанести в лицо или в корпус. Но Энтелл был неколебим, как скала, и сам, улучив миг, первым выбросил правую руку. Увернулся Дарет от удара, и старый боец на траве распростерся. Двое мужей, на поле сбежав, подняли старца. Не утратил Энтелл от паденья воли к победе. Гнев возбудил его силы. Начал он гнать Дарета по полю, нанося удары попеременно то правой, то левой, не давая со-

пернику передышки. Были эти удары подобны граду, который порой сокрушает черепичные кровли. Но не сдавался Дарет, и Эней, привстав, укор ему бросил:

— Уступи, несчастливец! Неужто не видишь, что твой противник сильнее, что боги от тебя отвернулись?

И тотчас сбежались друзья и бойцов развели. Дарет уходил, качаясь как пьяный. Кровь у него лилась по лицу. Вместе с кровавой слюной он выплевывал зубы.

Эней вручил победителю кубок и сделал знак, чтобы привели быка для Энтелла. Взяв кубок в левую руку, правой Энтелл нанес удар между рогами быку, стоявшему рядом⁹⁶. Бык покачнулся и рухнул тушей на землю. Над холмами разнесся ликующий рев тринакрийцев и тевкров. Энтелл сбросил ремни, покрытые спекшейся кровью, и, повернувшись к горе, освещенной полуденным солнцем, обратился к душе брата:

— Эрикс! Эту жертву я посвящаю тебе взамен души троянца Дарета, которому жизнь даровал. Эта последняя схватка моя. Прощай, кулачного боя искусство!

Птица Венеры

С поврежденного судна снял Эней мачту могучей рукой и воткнул ее в землю. К вершине мачты привязан был голубь, вспорхнувший в небо, — цель для лучников. Прозвучала труба Мизена. Стрелки, которых жребий назначил, спустились на зеленое поле, чтобы испытать свое счастье. Гиппокоант, сын Гиртака, чей глазомер, испытанный в битвах, был известен троянцам. Его появление было встречено шумом. За ним шли Мнесфей, недавний победитель, еще увитый оливой. Эвримон был братом Пандара⁹⁷, того, кто под стенами Трои по наущению Афины стрелою своей сорвал перемирие с войском ахейским. Попробовать силы свои в искусстве стрельбы решил и старец Акест. Он вышел четвертым.

Первой прорезала воздух стрела Гиппокоанта. Она в мачту вонзилась, и испуганно вздрогнула птица. Второю была стрела Мнесфея. Она угодила в льняную нитку, и свободная птица, взлетев, рванулась к тучам. Эвримон достал ее своею стрелою. И голубь упал на землю, дыхание жизни оставив звездам. Акест бесцельно стрелу

свою в небо пустил. И, о чудо, она загорелась в воздухе, обозначив свой путь дымом, и исчезла подобно комете, которая смертным ужас внушает.

Не пренебрег мудрый Эней этим знаменем. Обнимая Акеста, словно бы радуясь меткости старца, он осыпал его похвалами и первую вынес награду — кратер тончайшей работы. Эвримон, пронизавший птицу стрелой, награды лишился, но не роптал, ибо голубь, так рассудил Эней, — священная птица Венеры. К ней посылал мольбу прародитель, надеясь, что беду, возвещенную чудом, сможет она лишь одна отвратить.

*Троянская игра*⁹⁸

Когда еще состязанье было в разгаре, Эней подозвал Перифаса, опекавшего его сына, и тихо шепнул ему на ухо:

— Возвести Аскания. Пусть готовится к играм.

Когда же бойцы разошлись, через Мизена дал прародитель знак толпе расступиться и очистить поле. Стало оно огромным цирком.

И вот, словно из-под земли, показалось облако пыли. Стали видны юные наездники. Не отличить троянца от тринакрийца. Все в коротких одеяниях. На головах шлемы, поверх их венки из свежих цветов. У отдельных героев с шеи на грудь спускаются витые гривны. И дивилась толпа блестящему конному строю. Гул одобрения слился с ровным стуком копыт и звоном оружия.

Юноши были разбиты на три отряда⁹⁹, скакавшие рядом. Каждый отряд возглавлял предводитель¹⁰⁰. Приам, сын Полита, удостоенный имени деда, скакал на фракийском коне, в белых яблоках и с белой звездой на лбу. Атис, друг Аскания, родоначальник римских Атиев¹⁰¹, гарцевал на вороном. Под Асканием был горячий сидонский конь, дар царицы Дидоны, знак любви к Энею и восхищения его сыном.

После того как мальчики проскакали по полю, красуясь своим убранством и прытью коней, Перифас щелкнул бичом, и отделились отряды, и понеслись друг на друга, наставив копыта из тонких стволов кизила, являя подобие битвы. Вот одна сторона отступает. На нее на-

ступает другая, чтобы затем поменяться ролями и беглецам наступать, смыкаться и вновь размыкаться. Подобные повороты-зигзаги имел лабиринт на критских холмах¹⁰², и там сотни путей меж глухими стенами сплетались в узор. Там люди выход к свету искали, безысходно блуждая во мраке. Также переплетались следы наездников юных, то расходившихся, то сходящихся, словно для боя. Не так ли дельфины игры свои затевают в многоводном море ливийском и в водах, омывающих остров Карпаф¹⁰³.

Позднее Асканий ввел эти игры, опоясав стеной Альбу Лонгу, и завещал их древним латинам. Их и донныне справляют в честь прародителя в Риме.

*Сожжение кораблей*¹⁰⁴

Скитания чужды женскому естеству. Девкалион¹⁰⁵, воссоздавая по воле богов после потопа человеческий род, говорят, выбирал для мужей острые камни, потоком снесенные с гор, а Пирра вырывала для женщин голыши, вросшие в землю. С той поры, если какая беда заставляет женщин покинуть жилище, они стремятся как можно скорее осесть на земле и привязать к ней искусством, какое им даровала природа, мужей, сыновей и отцов.

Не пригласил Эней женщин на игры. Оставшись у кораблей, они решили оплакать Анхиза. И как это нередко бывает, стенания об умершем перешли незаметно в жалобы о себе. Глядя на бесконечное море, жены сокрушенно вздыхали:

— Горькая наша судьбина! Сколько еще придется терпеть нам невзгод, словно бродягам морским? Когда же у нас будет дом, прочно стоящий, а не гонимый ветрами?

Тогда показалась старица в черном и, втесавшись в круг матерей дарданских, заговорила со страстью, для лет ее неподходящей. Узнали в ней жены Берою, вдову Дорикла. На корабле она оставалась, больная.

— Подруги! Боги вернули мне силы, чтобы я могла дать вам совет. Семь лет миновало, как мы покинули берег отчизны. Все это время мы настагаем нам обещанный

берег, но он ускользает. Зачем нам участвовать в этом? Ведь мы не дети и не рабыни. Среди вас немало женщин, которые, как и я, могут гордиться знатностью рода. Пусть нам объяснят, чем этот берег хуже других. Ведь не случайно выбрал его наш земляк Эрикс и нас дружески встретил Акест! Почему бы здесь, где похоронен Анхиз, не построить новую Троию? Кротостью мы ничего не добьемся! Возьмем спасенье мужей в наши слабые руки. Если сжечь корабли, придет скитаньям конец.

Сказав это, Бероя выхватила головню из костра и метнула ее в ближайший корабль. И не промахнулась.

Старица Пирго, кормилица царского дома, разгадала обман:

— Не верьте ей, сестры! Не Бероя она! На лице ее знаки божественной красоты, а речь вдохновенна. Я лишь недавно ушла от захворавшей Берои. Горько она сожалела, что ей не удастся почитать манов Анхиза. Не добратся бы сюда Берое одной.

Но в это время вспыхнула и охватила полнеба радуга. Охваченные безумием, женщины ринулись к алтарям и, выхватывая головни и горячие ветви, стали кидать их в корабли. Мнимая Бероя, воспользовавшись суматохой, растворилась в воздухе. Ее образ приняла враждебная Энею Юнона.

Увидев из лагеря языки пламени и столбы дыма, Асканий решил, что напали враги. Собрав несколько юношей и вооружившись, он бросился к берегу. Навстречу бежали перепуганные пламенем и ощущением вины троянки. Поняв, что произошло, Асканий преградил им дорогу.

— Остановитесь! Это я, Асканий! — Он скинул шлем и бросил его себе под ноги. — Что вы наделали?

Образовав цепочку, мужчины передавали друг другу пифосы, стараясь усмирить огонь водой. Но пламя тлело под намокшей древесиной и в пакле. Лишились бы троянцы всех кораблей до одного, если бы с неба не ударил внезапно гром, сотрясая равнины и горы Тринакрии. Струями захлестал дождь, наполняя каюты и трюмы. Спасти всю флотилию не удалось. От четырех кораблей остались лишь головешки да медная обшивка носов.

Эней сидел в горестном раздумье, когда к нему подошел старец Навт, жрец Афины Паллады. Утешая вождя, он сказал:

— Богорожденный! Порой нам кажется, что, приняв решение, мы идем, а нас судьбы влекут. И противиться им невозможно. Рок победить удается, лишь отдавшись ему. Имеется друг у тебя — троянец Акест. Передай ему всех, кто стал помехой в пути к цели, — старцев, согбенных годами, матерей, уставших от моря. Пусть для них в Тринакрии будет воздвигнут город, носящий имя Акеста.

Голос тени

Тем временем ночь на черной своей колеснице заполонила небо. Из мрака возник образ Анхиза и предстал перед Энеем. И услышал он милый сердцу отцовский голос:

— Сын мой, бывший мне жизни дороже, куда был жив! К тебе, в чьих руках судьба нашей Трои, я послан Юпитером, исполненным жалостью к тевкрам. Он ведь спас корабли, защитив их влагой небесной от пламени. Следуй совету Навта, мудрого старца: отбери из троянцев юношей, крепких телом и духом, могущих вынести тяготы странствий и битв. С ними в Италию мчись. Там тебе предстоит сломить суровое дикое племя. Но перед тем Аверн посети и через него проникни в глубины подземного мрачного царства, чтобы меня отыскать. В элизии светлом, селении праведных душ, я обитаю. Путь тебе укажет Сивилла, пожертвовав черных овец. Я тебе покажу весь род твой и город, который возвысит его. Пока же прости, что тебя покидаю: восток повеял влажным дыханием буйных коней нового дня.

Так он сказал, растворяясь в воздухе легком.

Жертвы богам принеся, Эней на ноги поднял друзей и передал им повеленье родительской тени. Акест, его здесь принявший, решил остаться в Тринакрии и возглавить тех, чьи помыслы чужды великой славы и кто страшит испытаний.

И тотчас нашлась работа для всех. Юношам на кораблях пришлось заменять обгоревшие бревна, строгать весла, ладить канаты. Готовых взойти на суда оказалось немного, но их доблесть умножила силу. Для решивших остаться Эней запряг белых быков и обвел сошником

городскую черту¹⁰⁶, наметив, где Илиону быть, где Трое стоять¹⁰⁷, где Форум разбить. Акест же, созвав старейшин, объявил им законы. На вершине Эрикса, что вздымается к звездам, на виду у могилы Анхиза, был заложен храм Идалийской Венеры¹⁰⁸ с роцей священной вокруг.

*Сон Палинура*¹⁰⁹

В душу Энея, объятую тревогой, входит неожиданная радость. Продолжением ее стали команда его «В путь!», движение на кораблях, шум голосов, скрежет донных камней, трущихся о борта. Немедленно были подняты мачты. Ветер-союзник на парусах морщины разгладил. Тронулась стая судов. Летел впереди корабль Энея. Палинур стоял за кормилом¹¹⁰.

Влажная ночь на небе почти достигала срединной моты. Гребцы, подняв весла, прилегли на жестких сиденьях. И тогда с эфирных высот Сон соскользнул, сумрак развеял, тени рассеял. Приняв облик Форбанта¹¹¹, он на высокий выступ кормы опустился, и Палинур, ни в чем не повинный, жертвою стал наважденья.

— Палинур, сын Иаса! — бог к нему обратился. — Сами волны корабль твой несут. Тебе слышно дыхание ровное ветра. Наступило время покоя. Склони свою голову и очи смежи, от работы уставшие. Стану сам ненадолго я кормчим.

С трудом глаза открывая, Палинур отозвался:

— Мне ль не знать, что такое моря покой?! Мне ли этому чудищу верить? Сколько раз испытывшему неба обман, ему доверить Энея?

Головой он к кормилу припал, за звездою следить продолжая.

И тогда принявший облик Форбанта поднял ветвь, орошенную Летой и забвеньем стигийских утесов, и тряхнул ею над головой Палинура. И так сладко стало ему, так спокойно, как никогда не бывало. И не спорили больше очи с дремотой. Не отпуская кормила, Палинур выскользнул в море вниз головой. И тотчас Сон крылатый вознесся и растворился в эфире.

Флот по обещанию Нептуна шел, не ведая страха. И когда корабли уже подходили к утесам сирен, пробудился Эней и, увидев, что нет на корме Палинура, дал команду гребцам повернуть судно с помощью весел.

Скорбя, Эней размышлял: «Почему, Палинур, ты доверился небу и спокойному морю? На каком песке теперь лежит твое обнаженное тело?»

IV. КНИГА СМЕРТИ

Предисловие

Оторвав Энея от родной ему Трояды, направив его флотилию к берегам Гесперии, колонизованной финикийцами и элинами через три с лишним столетия после падения исторической Трои, предшественники Вергилия в разработке троянского мифа определили сыну Венеры и конечную цель странствий — Италию. Римский поэт дополнил и так немислимый маршрут Энея предварительным спуском в царство смерти.

Смерть так же, как любовь и игра, принадлежит к вечным спутникам человеческого существования. Какова она

в представлении людей, зависит от обстоятельств жизни каждого поколения и от его ментальности. Никогда еще, во всяком случае в античную эпоху, боги смерти не собирали такую обильную и кровавую жатву, как в последние полвека республики, предшествующие правлению Августа. И поэтому обращение к теме смерти во времена Августа было попыткой разобраться в смысле великой трагедии прошлого и мысленно проникнуть в будущее Рима-Мира. Шестая книга «Энеиды» занимает в ней центральное положение. Нижний мир композиционно и идейно оказывается вершиной поэмы.

В своем интересе к загробной жизни Вергилий прежде всего этруск. Фрески, покрывающие стены этрусских гробниц VII—V вв. до н. э., превращают их в своеобразные галереи (кое в чем компенсирующие утрату этрусских религиозных книг) с изображением владык подземного мира Аитá и Персефна́й, с картинами погребальных тризн, сцен жертвоприношений покойным, странствий душ, сопровождаемых демонами смерти в иной мир: по морю — на фантастических животных, по воздуху — на птицах, по суше — пешком, верхом и на повозках. Этрусские представления о загробном мире слились у Вергилия с соответствующими греческими и египетскими, с идеями орфиков и пифагорейцев о бессмертии души и ее очищении в страдании для последующего возвращения в земную жизнь. Непосредственным источником шестой книги «Энеиды» могли стать книги Сивиллы, сделавшиеся достоянием римской религии при этруском царе Тарквинии Высокомерном*, и произведения старшего современника Вергилия, знатока мистического учения Нигидия Фигула.

В поэтической разработке сюжета спуска в загробный мир Вергилий имел великих предшественников — безвестного автора поэмы о Гильгамеше и Гомера. И если допустимо сравнивать гениев, то мы можем сказать, что Вергилий не уступил им ни в художественной силе, ни в философской глубине. Но сколь различны побуждения, заставившие проникнуть в мир мертвых восточного и римского героев! Гильгамешем движет жажда обрести бессмертие. Его мучает несправедливость человеческого

* Автор применил эпитет «Высокомерный» вместо общепринятого «Гордый», поскольку считает, что он более точно отражает характер данного исторического персонажа. (Примеч. ред.)

*Жрецы (sali)
по античному
изображению*

существования, Эней же спускается в подземный мир, чтобы осмыслить свое место в жизни и выполнить возложенный на него долг.

Введя в римскую литературу мистическую струю, до того чуждую ей, Вергилий был не только наследником этрусских традиций, но и глубоко современным поэтом. Римское общество его времени, пережившее не только жесточайшую, но и страшную своей непредсказуемостью гражданскую войну, было напугано ожиданием различного рода перемен и бедствий. В столице появилось множество гадателей и прорицателей — как местных, так и заморских — вавилонских и египетских. Трезво мыслящие римляне повернулись к ним лицом. Провинции же, особенно Палестина, были заполнены «пророками». Однако мистицизм Вергилия глубоко отличен от мистических чаяний поработанных провинциалов. Поэт, вхо-

дивший в ближайшее окружение Августа, взял на себя роль пророка великого будущего империи. И он пережил ее как пророк. Его представления о загробной жизни оказались во многом созвучными христианству, и это позволило Данте, выходцу из средневековой Тосканы, автору «Божественной комедии», избрать его своим проводником, сравнив римского поэта с человеком, который, идя во мраке, освещает светильником путь другим.

В роце Гекаты

— Труби высадку! — выкрикнул Эней.

Мизен привычным движением вскинул рог, и в шум гесперийской волны влились призывные звуки. Ожились палубы голосами и топаньем ног. Заскрипели корабли. Корабли один за другим развернулись носами

к желтым гесперийским пескам, к зелени рощ, к блеклой синеве отдаленных холмов.

И вот уже кили коснулись берега Кум Эвбейских¹¹². Молодежь, по сходням сбежав или пройдя мелководьем на берег, рассыпалась в поисках сучьев, сбитых с деревьев ветрами. Застучали кремни, высекая огонь. И затрепачали костры на побережье пустынном. Сев вокруг них, рассуждали троянцы о том, что их больше всего взволновало в то утро, — о бесследно исчезнувшем кормчем, первой из жертв, какую пожелали принять боги неведомой этой страны, и о причине их гнева.

Между тем Эней, сопровождаемый Ахатом, входил в священную рощу Гекаты. Прорезая ее, тропинка вела к дому из рубленых бревен, возносившему златоверхую кровлю Аполлонова храма. Поднявшись по дощатым ступеням, оказались троянцы у двери, обшитой листами из меди. На ней искусный мастер изобразил ряд удивительных сцен¹¹³.

— Вот Минотавр¹¹⁴, — первым воскликнул Ахат. — Какой яростью дышит эта бычья морда!

— Рядом с чудовищем, — добавил Эней, — бесспорно, Пасифая, чья преступная страсть к быку Посейдона опозорила Крит и владыку Миноса. Кажется, царь изображен на правой створке, у кораблей.

— Но как в этой глуши стало известно о критском позоре?

— Простому смертному, даже посвященному в критскую тайну, не удалось бы поведать о ней с таким мастерством, — сказал прародитель. — Не иначе это работа строителя лабиринта афинянина Дедала. Чтобы уйти из критского плена, он, дерзновенный, рискнул подняться в небо на крыльях и держал небывалый путь, сообразуясь с сиянием Медведицы¹¹⁵.

— А почему он не изобразил полет и падение Икара, рванувшегося к Гелиосу?! — воскликнул Ахат. — Эта сцена сюда словно просится. Видишь — солнечный диск?

— Нелегко пережить такую утрату, — молвил Эней. — Горе победило искусство. Но посмотри, видишь, на этих воротах изображена смерть Андрогея¹¹⁶ и рядом наказание Кекропид за то, что они отдавали в жертву Миносу детей.

Дверь внезапно распахнулась, и троянцам предстала старуха в белом одеянии жрицы. Седые космы, обрамлявшие худое сморщенное лицо, имели желтоватый оттенок, как у людей, перешагнувших данный им богами рубеж, но глаза были ясны, как у младенца.

— Да, Эней, — проговорила она, — ты не ошибся. Дедал здесь побывал и принес свои крылья, спасшие и ставшие причиной беды, в дар Аполлону. Теперь же пришло время твое. Жертвы твоей бог ожидает.

— Но откуда тебе известно мое имя? — спросил Эней.

— Я Сивилла¹¹⁷, — молвила жрица. — Бог ждет. Пошли своего провожатого за семью быками и столькими же коровами. А сам следуй за мной.

Пещера Сивиллы

Ты старше всех, и все, что было,
Застыло в памяти твоей.
Но кто же ты сама, Сивилла,
Среди живущих? Тень теней?

Ты вся на грани невозможной
Понятий «умереть» и «жить»,
И ни один еще художник
Тебя не смог изобразить.

К небу поднимался удушливый дым сжигаемых жертв. Залив алтари маслом, Эней подошел к холму, изрешеченному узкими отверстиями наподобие флейты. Жрица стояла у входа в пещеру. Взгляд ее блуждал. Седые космы разметаны, словно вихрем. Внезапно из уст ее вырвался вопль:

— Время судьбу вопрошать! Бог! Бог!

Ахат и другие троянцы, сопровождавшие Энея, в ужасе повалились на землю.

— Не медли! Не медли, троянец. Без молитвы твоей порог мне не перейти! — выкрикивала Сивилла, ударяя себя в грудь.

— Феб! — произнес Эней твердо. — Всегда ты был ревнителем Трои, направляя оружие ее против ахейцев. Ты вел нас, беглецов, за ускользящим берегом Гесперии. Пусть же злая судьба нас оставит в покое. Пусть на нас снизойдет снисхождение богов и богинь. И тебя,

пророчица-дева, я умоляю, дай нам осесть на дружеских землях. Пусть я стану царем, как мне судьба обещала, чтобы я мог поселить бесприютных пенатов. Тебе я, Аполлон, обещаю храм воздвигнуть высокий¹¹⁸. Тебе, Геката, на перепутье дорог поставлю я алтари¹¹⁹. В царстве моем и тебя, Сивилла, ожидает высокое место. Под охраной мужей, в тайны богов посвященных¹²⁰, будут храниться книги вещей твоих предсказаний. Но не раскрывай их теперь, чтоб не смешались листы, не стали игрищем ветра. Сама вещай, умоляю!

Сивилла вступила в пещеру, и оттуда раздался ее голос, усиливаемый и искажаемый отверстиями в холме. Речь ее все время прерывалась, словно бы кто-то понуждал жрицу говорить, хлестая бичом.

— Вижу я край, который вас примет. Вижу я грозные битвы и Тибр, заалевший от крови. Брань жесточайшая ждет вас и новый Ахилл в Гесперии. Юнона вас гнать не устанет. В брак с иноземкою ты пожелаешь вступить, и это послужит причиною распри великой. Ты в ней одержишь победу. Путь к спасенью начнется в городе, где беглецы обитают.

— Не ново многое из того, о чем ты вещаешь, — молвил Эней, когда успокоилась жрица. — Но немало узнал, о чем раньше не ведал. Просьба есть у меня. Укажи в преисподнюю путь. Видеть хочу я родителя тень. Я его на плечах из пламени вынес. Это он меня надоумил к тебе обратиться.

— В аид опуститься нетрудно, — ответила жрица не сразу. — Путь протоптан туда бесчисленным числом людских поколений. Но если жаждет сердце твое дважды проплыть по стигийским волнам, дай себе труд отыскать в чаще лесной ветвь, чьи листья золотым отсвечены блеском. Не смей железом коснуться ее или медью. От древа рукой бестрепетно оторви. Если поддастся, можешь считать, что судьбы к тебе благосклонны. Прозерпине¹²¹ угодна ветвь золотая, ибо будит она во мраке память о солнечном свете¹²².

Знай о том, — продолжала Сивилла, — друг твой скончался. Тело его бездыханное ждет погребенья. И прежде чем упокоить его в глубокой гробнице, черных овец заколи, иначе тебе не узреть для живых недоступного царства.

Долу глаза опустив, душою смущенный, к кораблям возвратился Эней и увидел тело того, кому равного не бы-

ло в искусстве медью людей созывать, возбуждая в них воинский дух. Узнав от друзей, что Мизен стал жертвой тщеславия — он вступил в состязанье с тритоном и был им погублен, — Эней вместе с Ахатом в лес углубился. Шагали они среди огромных деревьев, и мысль Энея не покидала: «Ветвь золотая, где ты?»

И, о чудо! С неба слетела пара голубок и уселась у ног.

— Мать! — взмолился Эней. — Ты хочешь помочь мне? Это птицы твои? Угодно тебе, чтобы я увидел Анхиза? Бессмертная! Не оставь меня в этот час!

Голубки вспорхнули и, прыгая с ветки на ветку, повели за собой. Так очутился Эней у зловонного устья Аверна, гибельного для птиц, но не для посланников бога. Вот и раздвоенный дуб. Блеснула сквозь зелень листьев его желтизна. Вот она золотая, чужеродная дереву ветвь, ствол охватившая как бы огнем. Эней ухватился за сук и его надломил с нетерпением жадным. Как факел, неся его перед

Сжигание усопшего

собой, двинулся он к пещере Сивиллы, ища благодарным взглядом пернатых посланцев Венеры. Но слились они с синевою.

Тем временем все пространство у мыса, где было найдено тело Мизена, наполнилось плачем. Люди вышли на берег с секирами. Вскоре на прибрежном песке появились стволы смолистых елей. Верхушки их оплели ветвями кипариса, дерева смерти. Окоченевшее тело омыли теплой водой. И поднялся к небу стон погребальный. Долг исполняя последний, друзья понесли носилки и прислонили к деревьям. Факел к ним поднесли, огнем обращенный к земле, и вспыхнуло пламя, с треском пожирая останки Мизена, и масло, какое лилось в огонь, и туши заколотых жертв. И вот уже насыпан над кострищем курган, на вершину его водружены пепел и кости в бронзовой урне, труба и доспехи Мизена. Имя его отныне будет носить этот мыс¹²³.

Нисхожение

Тропинка оборвалась вместе с кипарисовой рощей, которую они пересекли, и Эней оказался на берегу источавшего невероятный смрад озера. Вокруг ни деревца, ни былинки. В воздухе ни птицы, ни насекомого. Это преддверие царства смерти? А где же вход? Скользя по каменной осыпи, Эней сделал несколько шагов и увидел две голые скалы и темнеющий между ними провал.

— Сюда! — шепнула Сивилла, и вдруг задрожала под ногами земля и послышалось отдаленное завывание пса.

И вот Эней шагает в густом липком мраке, ощущая движение огромных невидимых тел и биение крыльев. Блеснула молния, и Эней увидел совсем рядом дракона, протянувшего к нему щупальца. Объятый ужасом, он схватил меч.

— Не бойся, — успокоила его Сивилла. — Это бесплотная тень.

Чудовище отступило само. От показавшейся внизу реки стало немного светлее. Вот и толпа умерших, спешащих к реке, — мужчин и женщин, старцев, старух, юных дев и детей. Их не счесть, как песчинки в песке, как листья в лесу, сбиваемых осенним ветром.

— Несчастные! — воскликнул Эней. — Что их волнует?

— Равенства нет и среди мертвых, — проговорила Сивилла. — Там за Стиксом должны держать мертвецы ответ за деянья земные. Нет им дороги в аид, пока не покроет земля их останки. Таков закон непреложный, и скорей возвратится от мертвых чудом проникший живой, чем войдет к ним непогребенный. Помню я всех четырех, что до тебя приходили сюда живыми. Первым спустился фракиец Орфей, гонимый любовью к своей Эвридике. Вторым — сын Леды Поллукс. Потом — храбрый Тесей, Прозерпину захотевший похитить, чтобы помочь Пирифою, и Геркулес, вернувший на землю Тесея. Ты будешь пятым, Эней, среди них и последним при жизни моей. А что будет после — сокрыто во мраке.

Слушая жрицу, Эней глаз не спускал со сбившихся в жалкую кучку теней. Две ему показались знаковыми, Оронт с Левкаспидом, оба погибли они во время бури на пути к Карфагену. Тень же одна, подбежав, протянула руки к Энею.

— Это ты, Палинур! — воскликнул сын Венеры. — Кто из всевышних тебя, спутник мой верный и друг, от корабля оторвал и бросил в пучину вместе с кормилом? Помнится, сам Аполлон уверял, что волны и ветры тебе не страшны. Вот и верь обещаньям бессмертных!

— Не от волны я погиб, не от ветра, — скорбно ответила тень. — Морем клянусь, не погружен был я богом в пучину. Вместе с кормилом я в море упал и, за него ухватившись, плыл, охваченный страхом — не за себя, за корабль, гонимый на берег. На четвертом рассвете с гребня волны Италию я разглядел и направился к ней. Забрался на голый утес, цепляясь за камни. Здесь и настиг меня меч дикаря, жадного к моему одеянию. Телом моим ныне играют волны у берегов Велии¹²⁴. Молю тебя, о Эней, отыщи Велийскую гавань и погреби останки мои или помоги мне на челн Харона вступить...

— Как ты смеешь с просьбой такой обращаться к Энею, — перебила Сивилла. — Прочь убирайся, но знай, что время настанет и будешь ты погребен, и потомки тех дикарей, что тебя погубили, искупят предков вину и над телом твоим поднимут холм погребальный. Имя твое получит утес, где ты погиб¹²⁵.

Переправа

И вот в ладье навстречу нам плывет
Старик, поросший древней сединою,
Крича: «О горе вам, проклятый род!

Забудьте небо, встретившись со мною,
В моей ладье готовьтесь переплыть
К извечной тьме, и холоду, и зною...»

Данте (пер. М. Лозинского)

Тень отступила, ликуя. Эней и Сивилла продолжали путь к реке. Впереди стал виден Харон, неопрятный старец с веслом¹²⁶. Души тянули к нему руки, умоляя взять на челн. Одних он пропускал, других отгонял. При виде Энея он выкрикнул грозно:

— Эй, человек! Что ты здесь потерял, среди умерших? Знай, что мой челн для теней предназначен, а людей я возить не обязан. Помню, сколько хлопот мне доставил один, уволокший Цербера от царских дверей, а двое безумцев — страшно сказать! — вознамерились похитить Прозерпину¹²⁷. Остановись! Кому говорю? Дальше ни шагу!

— Не ворчи, старикан, — сказала Сивилла. — Козней мы не таим. Спутник мой вооружен для обороны. Это троянец Эней, прославленный в солнечном мире. Сюда его привело благочестье сыновье. Если преданность сына тронуть тебя не сумеет, гляди!

Сивилла вынула ветвь, скрытую складками платья. Харон, обомлев, залюбовался сиянием листьев. И, мертвых согнав со скамьи, проговорил миролюбиво:

— Сразу бы так и сказала, что имеешь ветвь золотую. Не сетуй, что челн неказист. Он приспособлен для мертвых.

Эней вступил на настил, и суденышко под тяжестью живого тела вошло до бортов в болотную жижу. По мере того как приближался берег, отданный мертвым, громче и яростней лаял Цербер, учуяв живое дыханье.

Дорога вела мимо огромной пещеры, служившей псу конурой. И, содрогаясь от ужаса, Эней узрел три головы на шее, утыканной змеями словно бы шерстью¹²⁸.

— Сейчас я его успокою, — сказала жрица, что-то швырнув в пещеру.

Заросли мирта

Что же отвернулась ты, Дидона,
И исчезла среди чужих теней?
Это я, Венерою рожденный
И покорный жребию Эней.

Иль не сохранила Мнемозина
Ту пещеру. Молнии вокруг.
Нас, сердцами слитых воедино,
И сплетенье наших тел и рук.

Ради никому не нужной власти,
Что получают правнуки мои,
Отказался я, глупец, от счастья
И своей единственной любви.

Лай стал понемногу затихать, и вот уже донеслись голоса, прерываемые звоном металла.

— Там, — пояснила Сивилла, — беспощадный Минос вершит над душами суд, вопрошая о прожитой жизни¹²⁹. Виновным он назначает место, имя которому «поле скорбей». Там дано им блуждать во мраке. Здесь и души малых детей, лишенные сладостной жизни на самом пороге ее (слышишь их горестный плач?), и те, кто, свет возненавидев, сами себя ввергли во мглу. Как бы хотелось им ныне любую терпеть нищету и прочие беды, лишь бы дышать воздухом верхнего мира. Вот мы вступили в заросли мирта, предназначенные тем, кто не вынес мук, приносимых любовью, и наложил на себя руки¹³⁰. Вот, взгляни, по тропинке движутся две тени — дочь и мать, Федра и Пасифая. Конечно, ты слышал о критянках этих. А вот и Прокрида, афинянка, жившая на Крите¹³¹. Ее погубило недоверие мужу.

Один силуэт показался Энею знакомым. Он напряг зрение. Перед ним стояла Дидона с зияющей раной в груди. Слез не сдержав, Эней обратился к тени с ласковым словом:

— Значит, та весть, что я гнал от себя, была правдивой. И к кончине твоей я причастен. Но клянусь я всем, что в мире подземном священно, берег я твой покинул не по собственной воле. То же решение богов, какое меня побуждает сейчас среди теней скитаться во мраке, тогда погнало в море мои корабли. Поверить не мог я, что столько страданий тебе принесу. Дай на тебя поглядеть...

Гневен Дидоны был взгляд. И Энея слова душу смягчить не сумели. Отвернулась Дидона и стояла, потупив глаза, в лице не меняясь, словно в кремень обратившись или в мрамор. И вдруг, рванувшись, началось она к тенистому лесу, где ее ожидала тень первого мужа. Эней, потрясенный, долго смотрел в спину царицы¹³².

Поле воителей

Во владеньях Аида
Среди душ гонимых роя
Есть для тех, кто незапятнан,
Незакатной славы дуг.
Но забвение обиды
Чуждо древнему герою.
Память жизни невозвратной
Пострашней телесных мук.
Нет прощенья и за гробом.
В злобе мы не умираем,
А от ярости сгораем,
Сохраняя право мстить.
Кто б на месте Деифоба
Мог обидчика простить?

Но вот они достигли края равнины, назначенного теньям славных воителей. Эней узрел Тидея и Парфенопея, пропустивших его без внимания. Другие, тоже ахейцы, при виде его сверкавших во мраке доспехов задрожали и бросились прочь, как тогда, под стенами Трои, когда он гнал их к кораблям. Потом перед ним прошли дарданцы. Они со всех сторон окружили Энея, чтобы взглянуть на него и узнать, зачем он спустился к усопшим.

Перед Энеем предстал Деифоб, едва узнаваемый — весь в крови, с изувеченным лицом и телом¹³³.

— Это ты, Деифоб? — обратился Эней к тени. — Кто над тобой надругался? Тебя видели в груди тел. Но не смог я тело твое предать троянской земле, а воздвиг тебе кенотаф¹³⁴ близ Ретейского мыса¹³⁵, меч в него положил, имя твое написал и трижды к манам воззвал.

Ответила тень:

— Да, мне известно, что заботы твои на это поле меня привели. А бедам своим я обязан лаконке. В ту ночь, когда конь роковой был поднят на высоты Пергама, я был принят Еленой. Последнюю ночь я проводил в радо-

стях ложных. Сон, смерти подобный, мне члены сковал. Она беспрепятственно мой похитила меч и открыла дверь Одиссею, подстрекателю убийства, и Менелаю. В чертог ворвались и другие данайцы. И вот следы их злодейств. О боги, если к вам о возмездьи взывать не грешно, за бесчестье воздайте ахейцам!

— Эней! — перебила Сивилла. — Близится ночь, и кончается время, какое дано нам богами. Отсюда идут две дороги: одна из них в тартар¹³⁶, другой мы вступаем в элизий¹³⁷, к светлым просторам, к лугам, не сжигаемым солнцем¹³⁸.

— Не сердись, великая жрица, — проговорил Деифоб. — Я удаляюсь и вновь отдаю себя мраку. Шествуй, Эней! Шествуй, краса нашей Трои! Пусть судьба твоя будет счастливой!

Тартар

Эней оглянулся и за утесом увидел город. Одна над другой поднимались три стены. Под ними бурлила огненная река. Название ее Флегетон было ему известно. Блестели ворота из адаманта. Оттуда несли лязг железных цепей, удары бичей и стоны.

— Что это? — обратился Эней к Сивилле. — Место для наказаний?

— Ты счастливец, Эней, — проговорила жрица. — Тебе не дано оказаться за этим порогом в тартаре, увидеть хотя бы малую часть того, что творится за адамантовой дверью. Мне же там довелось побывать по воле Гекаты, доверившей мне рощи Аверна. Тартар поручен Радаманту¹³⁹, брату Миноса. Это он обличает души, привыкшие к обману. Рядом, на железной башне высокой, Тисифона¹⁴⁰ в окровавленной палле хлещет бичом и к лицам змей ужасных подносит. Гидра огромная там пятьдесят разинула пастей. В глубине, столь же далекой от нас, как эфирный Олимп до земли, пребывает могучее племя титанов. Это они пытались Юпитера свергнуть. Мне пришлось лицезреть такую же кару, какая назначена Салмонею¹⁴¹. Если ты помнишь, он, на колесницу воссев, подражал перунам и грому Олимпа. Рядом с ним Титий огромный¹⁴². Печень ему разрывает коршун с изо-

*Юпитер (античный мраморный бюст,
находящийся в Ватиканском музее)*

гнутым клювом. Над Пирифоем¹⁴³ висит утес, рухнуть готовый. Там много и других. Их имен не запомнила я. Одни ненавидели братьев, другие руку поднять на отца осмелились дерзко, третьи уличены в обмане клиента¹⁴⁴. Место нашлось и для тех, кто, владея огромным богатством, малую долю их пожалел, и для тех, кто принудил силой к любви женщин и дев, и для тех, кто влился в безбожное войско, дерзнув изменить своим господам¹⁴⁵. Страшны их муки. Будь у меня сто языков и сто гортаней железных, я не смогла бы перечислить злодейства и кары. В путь нам пора. Слышишь журчанье ручья? Обрати к нему взор. Умыться тебе предстоит, чтобы вступить просветленным и чистым к теням блаженным. Среди них твой родитель. Он представит тебе души, которым дано в грядущих веках воплотиться и по закону вечного кругообращения вновь возвратиться в Элизий.

— И тем, что в тартаре, тоже? — перебил Эней. — Ведь суждены им вечные муки?

— Искупив свои прегрешенья, — продолжала Сивилла, — они допущены будут в элизий, чтобы оттуда, забыв обо всем, что им при жизни пришлось испытать, вновь возвратиться на землю. И Дидоны душа вернется в свой срок, чтобы вновь пережить восторг любви и паденье. Возьми свою ветвь золотую — ждет нас элизий.

В элизии

Заря над землей пламенеет.
Оставив царство теней,
В страдании ставший сильнее,
Из мрака выходит Эней.

Выходит из царства он Дита¹⁴⁶,
И видно по блеску чела,
Что в нем воедино слиты
Сегодня, завтра, вчера.

Едва лишь эхо затихло в чахлах полях, пронизанных промозглым туманом, как распахнулись ворота. В их проеме открылось небо с сияющим солнцем нижнего мира. Глаза ослепила зелень дубрав и лугов, поросших сочной травой. На одной из полян царило веселье. Непринужденно взявшись за руки, одни вели хоровод, дру-

гие пели. Юноша в одеянии до пят, по обличию чужестранец, вторил их пенью и пляске. Лады, что плектром он исторгал из семиструнной лиры, были настолько прекрасны и гармоничны, что Эней едва удержался, чтоб не запеть¹⁴⁷.

— Это Орфей, — пояснила Сивилла. — В верхнем мире мелодией он приводил в движение скалы и ярость диких зверей умирал. Здесь он вечный досуг услаждает душам, рожденным в лучшие годы. Вон там, посмотри, золотая стоит колесница, дышлами вверх. Распряженные кони пасутся на берегу. Владеет колесницей и конями дальний твой предок Дардан. В этом мире и он сохранил пристрастие к жизни былой.

На другой поляне был расстелен полог с яствами и вином. Неподалеку стояли мужи, с головами в белых повязках. Выражая всем своим видом восторг, внимали они рассудительной речи собрата. Был он ростом выше других, и взгляд его горел вдохновением.

— Кто это? — спросил Эней Сивиллу.

— Перед тобою собрание избранников муз, тех, кому удалось украсить жизнь на земле песнями, ваянием, предсказаниями — всем, что оставляет в потомстве вечную память. В элизии их отличают белой повязкой. Речь же держит Мусей¹⁴⁸. Я к нему обращаюсь.

Приблизившись к группе теней, Сивилла проговорила:

— Величайший певец и предсказатель, равный славой отцу своему! Дозволь мне прервать твой рассказ. Мы явились из верхнего мира и ищем Анхиза. Покажи нам место его обитания.

— В элизии нет постоянных жилищ, — ответил Мусей. — Мы меняем места по влечению вольного сердца. Но тот, кто вам нужен, стоит под горой, взор устремив на еще не рожденные души, сонмы потомков своих созерцает. Идемте, я вас к нему провожу.

Они на гору поднялись, не ощущая подъема, любясь открывшимся видом.

— Вот! Смотрите! — воскликнул Мусей. — Он внизу. Он нас заметил и руки к нам тянет.

Наступил миг трижды желанный. Встретились взглядом сын и отец, разделенные смертью.

— Значит, ты все же добрался, проделав немислимый путь?! Твое благочестие превозмогло преграду, что по-

ставлена между жизнью и смертью. Значит, надежда не солгала мне. Ты снова со мной, пусть ненадолго!

— Иначе быть не могло, — ответил Эней. — Ты мне являлся во снах молчаливою тенью, призывая в эти пределы. И я, оставив свой флот, спустился к тебе. Дай же мне тебя обнять!

Трижды пытался Эней сомкнуть руки вокруг тени отца, и трижды тень ускользала от сыновних объятий, словно колеблемая дуновением ветра.

И тут Энею предстал в отдалении остров уединенный, отделенный от равнины потоком. Над ним витала масса теней, подобных гудящему рою над лугами в полдень палящий. Все это было так непохоже на покой, обнимавший элизий, что Эней удержаться не смог от вопроса:

— Что это там за река? И почему над ней, омывающей остров, люди или народы теснятся в волненье?

— Ты видишь Лету. Глоток ее влаги холодной приносит забвенье былого. Собрались здесь души, которым дано вселиться в тела. Здесь тонут их воспоминания о прошлом. У этой реки хочу наконец представить тебе наших потомков, которым еще не пришла пора возвратиться на землю. Думаю, зрелище это может твой дух укрепить. Ты представишь себе ждущих победы твоей, исполненья надежд, которые связаны с нею.

— Но как же, отец, — воскликнул Эней, — души могут стремиться покинуть элизий и снова облечься тягостной плотью?! Откуда у них, уже получивших забвенье, эта злая тоска по жизни земной?

— Мне сомненья твои понятны. Я постараюсь рассеять их по порядку. Знай, что наша душа — малая доля, искра великого Духа, или Ума, который жаром своим пропитал универсум: и твердь земную, и воды, и солнце вместе с луною. Он породил людей, животных, плоть наравив на вечные души. Из-за нее, сын мой, все наши страдания, из-за нее прегрешенья, что искупаются в муках. Одни будут висеть в пустоте, носимые вихрем, у других — преступлений пятно выжжет огонь, третьи смоят его в бездонной пучине. Манам любого из нас кары не избежать. И лишь немногим дано с оборотом колеса времен дух свой отмыть от пятна и чистым вступить в элизийский простор. Здесь за десять столетий, напоив

себя дыханием эфира, душ изначальный огонь обретет чистоту и вновь пожелает в тело вселиться¹⁴⁹.

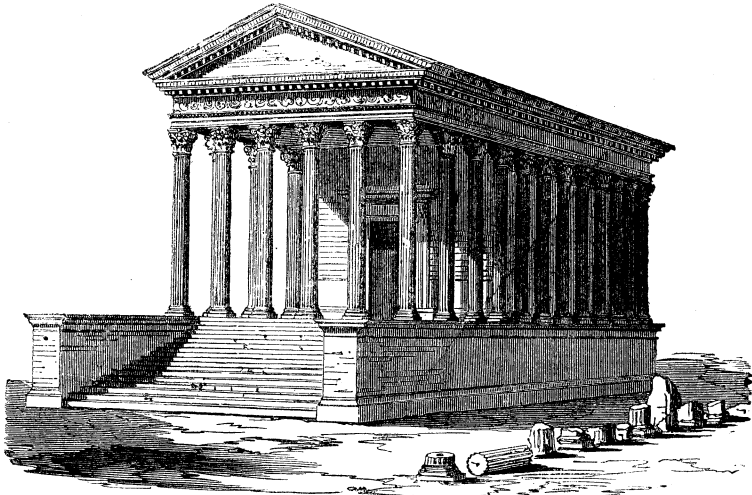
Поведав это, Анхиз увлек сына вместе с Сивиллой на холм, и оттуда открылась им вереница душ и лик каждой из них.

— Тени, какие ты видишь, — продолжил Анхиз, — прошли испытание временем. Они ожидают лишь знака, чтобы вернуться в мир, ими забытый. Вот этот юнец, что стоит, опершись на копьё из кизила с обожженным концом еще без железного жала, — Сильвий, твой сын от Лавинии. Тебе ни о чем это имя не скажет. Но будет Лавиния супругой твоей, и от нее пойдет твой прославленный род италийский. Молодцами из этого рода основаны будут Пометий, Нумент, Фидены и Габии, возведены Коллатии крепкие стены, Инуев лагерь, Бола и Кора¹⁵⁰.

Этот же, что головою в шлеме с гребнем двойным потрясает, — Ромул, рожденный в роду Ассарака от Илии¹⁵¹. Гребень ему даровал как знак отличия Марс, родитель его. Это великий воитель, он даст новой Трое имя свое, Рома, стены которой соединят семь холмов, власть нашего рода расширит до самых дальних пределов вот при этих мужах. Это Цезарь и Юлиев род. Среди Юлиев выделяется Август. Это он, как пророчества возвещают, сможет вернуть на латинские пашни век золотой, принесенный Сатурном и утраченный в смене веков, каждый из коих хуже другого. Этот муж раздвинет пределы державы до края земли, подчинит гарамантов и индов, в землях которых движется солнце среди нам неизвестных светил. Страхом наполнит он край Меотийских болот, Каспия воды, семиструйное устье Нила. Столько стран не прошли ни Геркулес, ни Либер в скитаниях долгих¹⁵². Но возвратимся, сын мой, ближе к нашим векам. Прямо за Ромулом видишь ты мужа. На старческом теле нет лат, седина увенчана ветвью оливы. Это Нума Помпилий. Законами мудрыми укрепит он город, рожденный на богатой земле, и власть передаст вот этому мужу с мечом в правой руке, трубою — в левой. Он нарушит мирный покой ленивых сограждан и рати к триумфам подвигнет¹⁵³. Пусть внимание твое привлечет человек, стоящий отдельно. Измождено лицо его горем. Видишь ты Брута¹⁵⁴. Он изгонит царей и присвоит знаки их власти, но во имя свободы придется ему казнить своих сыновей. Затем по-

сле ряда других — Манлий Торкват¹⁵⁵ с обагренною кровью секирой. На плечо положил ему руку Камилл¹⁵⁶, отбивший у галлов римских орлов. Здесь, в элизии, они неразлучны. Но света новой жизни достигнув, смертельными станут врагами. Этой вражды страшнее станет иная, когда со скал Монека и альпийских снегов тесть сойдет на равнину, чтобы с зятем сразиться¹⁵⁷. Дети мои! Отриньте от распрей гражданских души! Не терзайте отчизну грозною мощью своей! Это и ты осознай, кровинка моя, потомок богов! Меч опусти! Лучше взгляни на того великого мужа. Разгромивший ахейцев, он справляет триумф, поднимаясь на Капитолий¹⁵⁸. Этот низвергнет Микены, Агамемнона крепость, Аргос возьмет, разобьет Эакида, внука Ахилла, мстя за поруганный храм Минервы¹⁵⁹. Не пропусти и того, что речь произносит. Это великий оратор Катон¹⁶⁰. А вот Сципионы, две молнии, Ливию испепелившие¹⁶¹. Вот могучий, не для славы живший Фабриций¹⁶². Вот Максим, сохранивший все то, чего достигли в веках другие, одним промедлением¹⁶³. Знаю, что лучше иные отольют изваянья из меди. Мрамору, верю, придадут они большую живость. Будет блистательней речь их в судах. Смогут точнее они циркулем вычислить сфе-

Реставрированный храм в древнем Немаузуе

ры и восхождение звезд. Ты же, о римлянин, правь человеческим родом! В этом искусство твое, создатель державы. Побежденных щади и низвергай горделивых!

Вымолвив это, Анхиз перевел свой взгляд на изумленного зрелищем сына.

— Видишь того, — он сказал, — идущего в блеске богатой добычи, превосходящего остальных? Это Марцелл¹⁶⁴. Вернет он крепость великой державе, едва не разрушенной смутой столь же великой, галлов и пунов повергнет и трижды добьется триумфа.

— Отец! — обратился Эней к родителю. — Кто тот юноша с печальным лицом и потупленным взором? Шествует он за тем, о котором ты мне поведал. Сын он его, или внук, или кто-то еще из того же великого рода? Слышу я в голосах тех, кто его окружает, волнение. Над ним же самим тень витает ночи мрачней¹⁶⁵.

Анхиз, обливаясь слезами, ответил:

— Сын мой! Не береди нам обоим души. Великая скорбь твоему уготована роду. Таким, каким ты юношу этого видишь, его рок сохранит навсегда, не дав ему измениться. Не иначе боги сочли бы Рим чрезмерно могучим, если б он прожил еще. Был бы он гордостью нашей отчизны, всех превзойдя славою бранной, верностью и благочестьем. И ты бы, мой отрок, если бы злую судьбину сумел превозмочь, стал бы Марцеллом! Чем я смогу одарить такого потомка! Где мне сорвать столько пурпурных роз и лилий благоуханных, чтобы хоть этим бесплодным почетом выполнить долг перед ним!

Так они двигались по бескрайним воздушным полям, озирая все, что достойно бессмертья. Воспламенив душу сыновью зрелищем славы грядущей и любовью к потомству, Анхиз поведал о войнах, в которых он примет участие после того, как в верхний мир возвратится. Эней узнал от отца о лаврентах, о Латине; родитель предостерег сына от ложных шагов и ошибок.

Из элизия наружу имеются два выхода в верхний солнечный мир, двое ворот, открытых для сновидений. Одни — роговые, для правдивых снов, другие ворота, чьи створки из слоновой кости, служат проходом для грез, проникнутых ложью. И именно эти открылись перед Энеем и его провожатой Сивиллой¹⁶⁶. Прародитель пришел к кораблям кратким путем и дал знак к отправлению.

V. КНИГА БРАНИ

Предисловие

Развеялся век золотой Сатурна.
Стал италиец италийцу волк.
Чужак увел Лавинию у Турна
И в распрю древний Лациум вовлек.
Земля вступила в страшный век железный,
В огонь братоубийственной войны.
И в схватках погибали бесполезных
Энеевы и Турновы сыны.
На пепле и крови был Рим построен.
Заветы предков бережно храня,
Провозгласил себя он новой Троей,
Чтобы от имени ее героев
Сжечь мир из-за троянского коня.

С возвращением Энея из элизия завершаются его средиземноморские скитания и открывается полоса войн с обитателями Гесперии-Италии за право обосноваться на их землях. Этому поистине героическому периоду легендарного прошлого полуострова посвящены последние шесть книг «Энеиды».

В традиционном для эпической поэзии со времен Гомера обращении к музе, которое открывает вторую половину поэмы, Вергилий обещает читателям: «Величавее прежних будут события, величавее будет и труд мой». Странствия были лишь подготовкой к действию, являющемуся стержнем всего повествования. На почву Италии вступает новый Эней, не похожий на прежнего беглеца и скитальца. Прикосновение к смерти не просто закалило его. Впервые оказавшись в Италии, он единственный, кому открыто ее будущее. И это делает его на голову выше любого из противников, действующих вслепую. Эней легко врастает в чуждую ему почву. Он италиец по духу.

Калейдоскоп сменяющих друг друга схваток, где участвуют наряду с троянцами персонажи италийских легенд, дорисованные рукою зрелого мастера: Турн, в котором соединились Ахилл с Гектором, пылкий юный пеласг Палант, старцы Латин и Эвандр, италийская амазонка Камилла. Прекрасная природа Италии — не безжизненный фон, а постоянно меняющееся в соответствии с ситуацией лицо. Батальные сцены обрисованы

не только со знанием дела, но и с тонким психологизмом, которому мог бы позавидовать Гомер.

Таковы эти шесть книг, над которыми работал поэт в последние годы жизни, не успев их завершить. За легендарной Италией встает в тумане времен родина Вергилия, только что вышедшая из столетних братоубийственных войн и приветствовавшая «Августов мир», еще не зная, чем он для нее обернется. Все повествование пронизано намеками, которые без труда улавливались современниками, а нам придется их расшифровывать. Именно они придали «Энеиде» актуальное звучание, превратив ее в «современный» эпос.

Рисуя выпавшие на долю Энея и его спутников испытания, поэт заново переживал бедствия, перенесенные им самим. Ведь и он появился в Риме как чужак. И его лишили отцовского дома. Спас поэта Август, и поэтому Вергилий вложил свою благодарность и свои надежды в образ предка Августа Энея. Но это не мешало ему восхищаться доблестью противников Энея — италийцев, которые были втянуты в схватку с пришельцами не по своей воле, а по коварству судьбы, далекие замыслы которой неведомы смертным. Вергилий прежде всего — патриот Италии и ее единства, ради которого пришлось признать римское господство и отказаться от героического и культурного наследия каждого из италийских народов, и в первую очередь этрусков.

Афина Паллада (античная мраморная статуя в Ватиканском музее)

День первый

Флотилия, развернув паруса, резво неслась по морю, объятому ночью. В небе сияла луна, не усеченная мраком, и свет ее дробился на борозде волнистой, пропаханной килем.

Справа тянулся берег в зазубринах елей и сосен. Оттуда порой доносились странные звуки. Не там ли волшебное царство Цирцеи¹⁶⁷? Не там ли чертоги божественной дочери Солнца, где, напевая, она тклет бесконечную пряжу? Что это? Ветер ли воет иль это хрюканье, вопли и хохот зверей, заточенных в железные клетки?

На заре Австр затих, и паруса обмякли на реях. Пришлось опустить весла. Волны постепенно изменили окраску. Видимо, рядом река вливалась в море обильные воды. Над ними висела туча пернатых, встречая пришельцев приветственным гимном. И тотчас Эней приказал повернуть корабли, в реку войти и двигаться против течения. Как приятно, выйдя из шаткого дома морского, расположиться под зеленою кроной, костры развести из сучьев опавших. В спешке забыли захватить с кораблей сосуды. Лепешки из полбы, запеченные в углях, заменили посуду. Многим не хватило терпенья дожидаться дичи. Принялись за лепешки. Асканий, доедая свою, проговорил с наполненным ртом:

— Вот мы и съели столы.

Эти слова донеслись до слуха Энея, и ясным стал смысл предсказания, внушавшего ранее ужас. Во всеулышанье он возвестил:

— Край, судьбою сужденный, здравствуй! Пришло ваше время, верные Трои пенаты. Здесь отныне ваш дом и новая ваша отчизна!

И тотчас сорвал Эней с зеленого бука ветвь и, обвив вокруг лба, как венки, обратился с молитвой к Гению места¹⁶⁸, к Земле, первой среди бессмертных¹⁶⁹, и к нимфам, владычицам рек и потоков, по именам еще неизвестных. Вспомнил он также Юпитера Троянской Иды и фригийскую мать Кибелу.

И еще не успели троянцы в чаши вина нацедить и украсить кратеры венками, как с не омраченного тучами

неба грянул громовой удар и за ним два других, а затем Юпитер предстал золотым облаком, сошедшим с эфира. И сделалось ясно, что первый день новой Трои наступил. Осталось лишь стены воздвигнуть.

Царство Латина

Муза, поэта наставь, как воспеть мне жестокою брань,
Воинский строй и царей, увлеченных на гибель страстями,
И тирренский отряд, и Гесперию — ту, что сплотилась силой оружия¹⁷⁰.

Вергилий

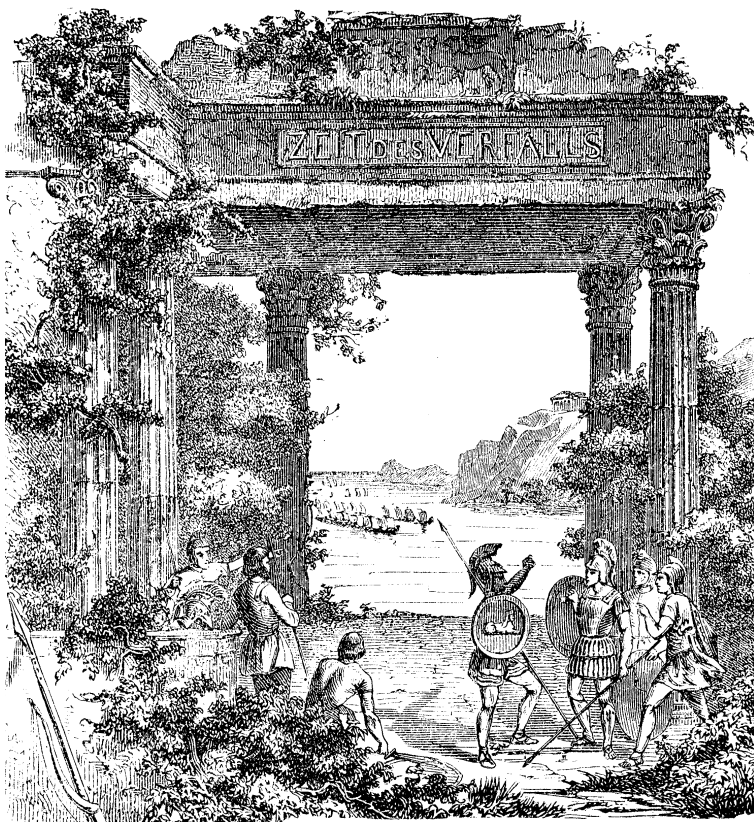
Берег, принявший пришельцев, принадлежал лаврентам, одному из старинных латинских племен. Царствовал здесь, владея селеньями и полями, старец Латин, Фавном рожденный¹⁷¹, правнук Сатурна¹⁷², приплывшего в эти места на корабле из благодатных восточных земель. Не подарили боги Латину желанного наследника-сына. Была у него на выдании дочь Лавиния¹⁷³. Многим юношам знатным хотелось пронести ее через порог дома законной супругой. Но царица Амата всем женихам предпочла Турна¹⁷⁴, сына владыки рутулов Давна. Да и Латин, наслышанный о воинской доблести Турна, желал иметь его зятем и предложил ему прислать сватов.

Но незадолго до появления троянцев весь Лаврент стал свидетелем чуда. На лавр, произраставший в центре дворца, опустился жужжащий рой, принесенный откуда-то ветром восточным. Пчелы, сцепившись в комок, напоминали диковинный плод. Прорицатель, приглашенный Латинком, на лавр глаза устремив, произнес:

— Вижу я, царь, спешащего к нам иноземного мужа. С той стороны, откуда ветер подул, он должен явиться и на землях латинян воздвигнуть город великий.

Слушая предсказание, припомнил Латин случай, за давностью времени полузабытый: Лавиния подносила зажженную лучину к дворцовому алтарю, и пламя едва не спалило Лаврент. Тогда же прорицатель объяснил знамень, возвестив, что Лавинию ждет в веках величайшая слава, но станет она причиной раздора и долгой войны.

Связав в уме предсказанья, решил Латин совет получить у оракула Фавна в лесу Альбунейском. Заколов доб-

рую сотню овец, Латин велел их шкуры доставить к ручью, посвященному Фавну, и, улегшись на них, уснул. Во сне он услышал голос из чащи лесной:

Дочери мужа, мой сын, средь латинян искать не пытайся,
Если же избран жених, откажись от задуманной свадьбы —
Явится зять-чужестранец и кровью своей возвеличит
Нас обоих до звезд. Ведь к ногам наших правнуков общих
Будет повергнут весь мир, с небес озираемый солнцем¹⁷⁵.

Вернулся Латин во дворец и предался тревожным раздумьям. Право, неплохо в роду иметь властителей мира. Но сколько придется им испытать забот, трудов и волнений. Ведь опыт учил, что по доброй воле никто не усту-

пит даже клочка отеческой почвы. Значит, придется им без конца воевать, не зная покоя...

И в это мгновение в покои ворвался гонец с вестью:

— К Лавренту подходят мужи высокого роста, по внешности чужеземцы.

«Началось», — подумал Латин и, крихтя, стал натягивать мантию, прилаживать на голове корону.

— Подайте мне скипетр отцовский, — приказал он слугам, садясь на деревянный трон.

Посольство

В ожидании приглашения послы Энея прогуливались по прихожей. Стены ее были из бревен, пол и потолок — из досок. Убранство говорило о владельце дворца не меньше, чем мог сказать о себе он сам. Трофеи, прибитые над дверью, — кривая секира, с десяток копий, два щита, медные затворы крепостных ворот — свидетельствовали о том, что царю приходилось воевать, хотя и нечасто. Обращали на себя внимание вырезанные из дерева четыре фигуры, не то идолы, не то предки местного царя. Искусство, поражавшее троянцев в Карфагене, как и роскошь, кажется, не гостили в царском доме.

Но вот слуга дал послам знак, что они могут войти. Царь, судя по седой голове, был уже немолод, но еще достаточно подвижен. В нем не было важности или надменности, присущей восточным владыкам. Вскочив с крепко сбитого сиденья, он бросился навстречу послам и засыпал их вопросами:

— Кто вы такие? Откуда плывете? Сбились с пути или ищете убежища?

Только после этого он уселся на свой трон и приготовился слушать.

Илионей начал с того, что поставил перед царем дары: чашу, головной убор и искусно сделанный скипетр. Он более всего обрадовал Латина, который счел этот дар предзнаменованием того, что чужеземцы не собираются лишать его царской власти. Затем Илионей объяснил, что по поручению пославшего его Энея, ведущего свой род от Дардана, просит клочок земли для того, чтобы по-

селиться. Он не преминул добавить, что Энею покровительствует Венера, его мать.

— Будет вам земля, — промолвил царь, когда посол кончил говорить. — Обещаю вам: пока я на престоле, будете безвозмездно пользоваться ее дарами. Пусть ваш повелитель Эней прибудет ко мне, чтобы скрепить дружеским рукопожатием узы гостеприимства. И не забудь передать, что в доме у меня выросла дочь и многие готовы взять ее в жены, но знамения не велят выдать ее за мужа из латинского рода. В отчем святилище голос предрек, что должен явиться зять мой издалека и, соединив кровь с моею, имя латинян до звезд он поднимет. Думаю я, что судьбы привели вас на землю мою. Противиться им я не намерен.

Переглянулись послы. Илионей, радости не скрывая, обещал передать Энею предложение царя. При выходе из дворца ожидали посланцев дары. На них Латин не поскупился: триста коней в богатом убранстве, колесница, достойная сына Венеры, запряженная скакунами небесной породы, выращенной Цирцеей обманом от одного из коней, изрыгающих пламя.

В этот час возвращалась Юнона на Олимп, покинув Аргос, с детства любезный сердцу ее. Она с высоты усмотрела троянцев, покинувших корабли и стан воздвигающих, послов и конский табун, поднявший облако пыли.

— Нет! — закричала богиня в гневе великом. — Браку не быть! Факел я брошу в чрево невесты. Свахою будет Беллона¹⁷⁶. Ждите второго Париса!

Опустившись вихрем на землю, призвала Юнона из подземного царства Аллектó¹⁷⁷. Среди фурий¹⁷⁸, гибель смертным несущих, нет ужасней ее и коварней. Страх она внушает Плутону. Даже сестры ее ненавидят, столько в ней притворства и злобы.

— Вот, Аллектó, занятие тебя достойное! — обратилась Юнона к дочери ночи. — Позаботься, чтобы не было брака между Энеем и дочерью царской. Пусть троянцам, мне ненавистным, не достанутся земли латинян. Прими любой из тысячи ликов, чтобы разрушить мир, который обещан пришельцам. Сей семена войны беспощадной, и пусть они заколосятся. Никто ведь лучше тебя не умеет вооружать друг против друга братьев, живущих в согласии¹⁷⁹, и наполнять враждою жилища.

Вакханалии

Весть, что царь обещал отдать Лавинию в жены Энею, задела за живое Амату. Вбежав к Латину в слезах, она обрушила на него град упреков.

— Подумай, безумец! — вопила Амата. — Кому отдаешь ты нашу голубку? Залетному ястребу! Фригийцу! Словно тебе неизвестно, что фригийский пастух, проникнув в дом Менелая, похитил его супругу Елену и вызвал войну, погубившую Трою и причинившую множество бедствий ахейцам?! Где твоя забота о благе латинян? Где верность данному слову? Где любовь ко мне и к нашему чаду? Ты уверяешь, что богам угодно, чтобы Лавиния стала женой чужеземца. А разве Турн латинского рода? Ведь ругулы потомки аргосцев!

Но не поддался старец Латин уговорам супруги. Слезы жены решения его не изменили. Натолкнувшись на сильную волю, упорство Аматы не надломилось, но разрослось, отравив все ее существо. Так по телу распространяется яд, если места укуса не коснулся огонь. Помутившись сознанием, стала метаться царица по Лавренту, словно волчок, запущенный чьей-то рукою на радость мальчишкам, ускоряющим вращенье игрушки хлыстами. Мало того, покинув дворец, устремилась Амата в чащу лесную и увела с собой дочь. Волосы распустив, грудь раздирая ногтями, носилась несчастная между деревьями, к помощи Вакха взывая:

— Вакх! Эвоэ! Где ты, рожденный из тела Семелы?! Где ты, Дионис, старый мир обошедший, чтобы влить в его жилы кипенье юности? Где твоя свита в шкурах звериных, что тирсы возносит и славит тебя песней хмельною? Вакх, ты один лишь достоин познать мою дочь.

Дионис (мраморный бюст в Капитолийском музее)

Безумье Аматы стало примером для многих матрон латинской земли, и они, презрев супружеский долг и заботы о доме, бежали в чащи лесные и там гнали зверей и, их настигая, разрывали на части. Всех их хлестала стрелой Вакха Аллекто, оставаясь незримой¹⁸⁰.

*Сон Турна*¹⁸¹

Над благодатной равниной, к югу от Альбулы быстро текущей, холм возвышался, превращенный в неприступную крепость. Стены ее приказала построить беглянка Даная, дочь владыки аргосцев, мать героя Персея¹⁸². Крепости было дано гордое имя Ардея. Жила в ней Даная вместе с супругом Пилумном. Сыном супружеской пары был Давн, а наследником Давна — Турн, прославивший имя свое в битвах с тирренами.

В ту беззвездную ночь юноша Турн отдыхал после похода на ложе, застеленном шкурой медведя. Явилась к нему в сновиденье Аллекто, коварно приняв облик дряхлой старухи Калибы, жрицы Юноны. Веткой оливы она оплела свою голову, скрыв под ней змей, гнусный лоб покрыла сетью морщин и выпрямила нос крючковатый. Придав своей маске выражение скорби, она обратилась к спящему Турну с речью, полной участия:

— Спишь ты после бранных трудов, не ведая, что награда, какой ты достоин, другому назначена, что невесту вместе с приданым получит дарданец. Ведь его зятем выбрал Латин. Воюй! На посмешище всем рушь тирренские рати! Покой охраняй латинской земли! Меня послала к тебе дочь Сатурна Юнона. Встань же и призови молодежь к оружию. Стены покинь и бодро поведи своих воинов против фригийцев. Сожги их корабли расписные. Такова воля всевышних. Если же после того царь Латин обещанья не сдержит, пусть испытает и он силу твою.

Выслушав этот совет, спящий ответил мнимой жрице, скрыть не желая насмешку:

— Заблуждаешься ты, вещунья, думая, что сказала мне нечто, о чем я не знал. Страхи твои мне чужды. Юнона меня не забудет. Годы, что согнули тебя, зренье и разум твой повредили. Они терзают тебя понапрасну.

Дело твое — забота об изваяньях и храмах. Мир и войну представь на усмотренье мужей.

Слова эти отозвались в сердце фурии бешеным гневом. Она сорвала венки с головы, и через седину накладную просунулись шипящие змеи. Лицо исказилось страшной гримасой. Взгляд загорелся яростью. Турн, охваченный дрожью, что-то пытался сказать, но Аллекто его оборвала:

— Вот я какая! Нет, я не та, у которой старость может разум ослабить. Взгляни на меня! Я — одна из сестер, вселяющих ужас, чья забота битвы и смерть.

Сказав это, пылающий факел она швырнула юноше в грудь¹⁸³. Прерван был сон. В холодном поту Турн потянулся к мечу в изголовье. В сердце его проснулась преступная жажда убийства. Не так ли бывает, когда хвост, воспламенившись, языками огня обнимает медный котел и бурлящая влага, поднявшись со дна, вверх устремляется, клубами пара взлетая, пеную хлещет за борт? Юных ругалов он призывает к походу против Латина, который нарушил союз. Рать другую готов он направить к стану дарданцев. Сил у Турна достаточно, чтобы сражаться сразу с двоими.

Олень разгора

Ничто в то погожее утро для обитателей затерянной в лесах Лация деревушки не предвещало беды. Могучий Тирр¹⁸⁴, которому Латин доверил охранять свои леса, стада и пашни, с топором отправился по дрова. Двое его сыновей, выведя из хлева скотину, повели ее на прибрежный луг. Двое других тесали колья для изгороди. Первенец Тирра Альмон чистил хлев, а супруга Тирра молола между камнями зерно. Нашлось дело и для дочери, юной Сильвии. Деревянным гребнем она расчесывала золотистую шерсть красавца оленя, перед тем как повести на купанье. Спасенный от хищных зверей, растерзавших его мать, баловнем вырос он среди людей, на их зов возвращался послушно. Коровы и лошади поначалу его дичились, но потом привыкли. Даже свирепые псы, охранявшие стадо от волков и медведей, давно уже перестали на него бросаться и, напади на оленя хищники, не дали бы его в обиду.

Украшив любимцу шею венком из цветов полевых, Сильвия слегка шлепнула его по крутому бедру, и олень понесся, запрокинув рога.

Надо же, что именно в это, а не в какое-либо иное утро Асканий вместе со своей сворой продирался сквозь чащу. Почувяв запах дичи, собаки с лаем рванулись вперед. Выбежал юноша на берег потока и увидел оленя, плывущего по стремнине. И не смутило Аскания то, что собаки не испугали оленя и он продолжал как ни в чем не бывало плыть, разрезая мощной грудью отраженья деревьев. Не иначе как какое-то враждебное миру божество ослепило юношу, и он не заметил венка, красовавшегося на шее оленя. Призывая на помощь Диану, снял Асканий с плеча лук из рога, наложил роковую стрелу и спустил тетиву. Со свистом вылетела стрела и угодила животному в бок, ибо сама Аллекто ее направила в цель. С жалобным стоном, заливая поток кровью, выскочил олень на берег и помчался в стойло.

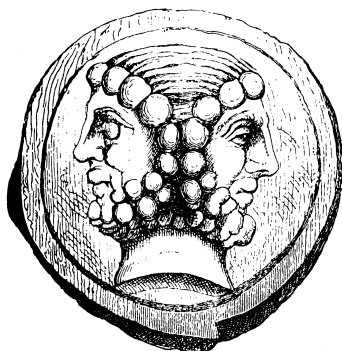
Первой увидела его Сильвия. На мгновение она застыла, а затем, руками всплеснув, завопила по-бабьи. На крик прибежали Тирр с топором — в то время рубил он дрова, сыновья его с кольями и камнями. Кровавый след привел их на берег реки. Увидев селян разъяренных, причину их гнева не понимая, Асканий в рог затрубил. На помощь сыну Энея из лагеря примчались троянцы. И началась драка, незаметно перешедшая в битву. От троянской стрелы пал юный Альмон. Старец Галес, выйдя вперед, чтобы стать посредником мира, не был услышан. Ликовала Аллекто, кровью убитых насытив ненавистную распрю.

И тотчас же Тирр отправил гонцов к Латину, требуя наказать убийц. Отовсюду стекались в Лаврент люди. Кто предлагал царю помощь, кто настаивал, чтобы он немедленно выступил против чужеземцев. Латин заперся в своих покоях, наказав слугам никого не пускать. Дворец, казалось, подвергся осаде. Трудно было царю отказаться от мысли, что Лавиния не станет супругой сына Венеры. Но об этом теперь нечего было и думать. И войны нельзя было избежать, ибо один человек, даже если он царь, не может противиться толпе, если она одержима какой-либо идеей, благой или пагубной.

Уже тогда в Лавренте высились на устрашение всем деревянные ворота Януса¹⁸⁵, бога, обращенного двумя свои-

ми ликами в разные стороны. Если ворота были закрыты, страна вкушала мир благодатный, если открыты — бушевала война и Марс-копье-носец сеял вокруг себя гибель. Эти-то роковые ворота и предстояло открыть царю. Он вышел на площадь перед дворцом в сопровождении одетых в белое старцев. Долго стоял Латин у ворот в раздумье, а затем резко повернулся и зашагал к себе во дворец, вызвав недоумение одних, возмущение других. И вдруг, на удивление всем, сами распахнулись ворота, словно бы их изнутри толкнул пробудившийся Янус, или иной какой-либо бог, или сама Аллекто.

*Монета с изображением
двулицкого Януса*

*Сборы*¹⁸⁶

Лаций был внезапно охвачен военным пожаром. Те, кто недавно пасли овец или взрезали поля деревянной сохой, с этого дня натирали мазью из волчьего жира щиты или плели их заново из свежих ивовых прутьев, водрили секиры на точильных камнях, от ржавчины очищали доспехи, еще служившие дедам, и их к себе примеряли. Над кровлями из тростника и соломы поднимался гул наковален. Ревели бычьи рога, собирая отряды конных и пеших бойцов. Туда и сюда сновали посланцы, доставляя таблички с военным паролем.

Первым готов был к сраженьям владыка тирренов свирепый Мезенций¹⁸⁷, ненавистник богов и подданным своим ненавистный. С ним прибыл сын его Лавс, укротитель коней и охотник, равный доблестью Турну. Был он, право, достоин иметь другого отца. По тысяче оба они привели мужей из Агиллы. На колеснице, украшенной листьями пальмы, явился горделивый муж Авентин¹⁸⁸, рожденный в роще священной юною жрицей Рей от Геркулеса, который возвращался в Микены со ста-

дом коров Гериона. Плечи героя, как у отца, покрывала огромная львиная шкура так, что морда зверя с оскаленной пастью шлем заменяла. Щит Авентина украшалось изображением гидры, обвитой сотней змей. За вождем двигался грозный строй юных сабеллов. Они прижимали к плечам копьё с железными жалами. Для ближнего боя припасены были кинжалы, а также ножи с плоскими лезвиями.

Из горных твердынь тибуртинцы явились, получившие имя аргосца Тибурта¹⁸⁹. Их возглавляли два брата Тибурта — Кор и Котил. Были они быстротою подобны кентаврам, когда они мчатся, кустарник ломая, с вершин заснеженных.

Из Пренесте пришел основатель этого города Цекул, рожденный в огне очага Вулкана¹⁹⁰. За ним выступало ополчение сельчан, вздымая пыль босою левою пяткой и топя правой, в сырмятную кожу обуви. Одни из них, в шлемах из волчьих шкур, несли по два копьё, другие держали пращу и мешочек свинцовых фасолин. Явился Мессап¹⁹¹, рожденный Нептуном, неуязвимый для огня и железа, вместе с человеком, отвыкшим от брани. Шли, прославляя царя своего фесценинскою песней¹⁹², те, кто населял гору Соракт и рощи Капены¹⁹³. Можно было принять их строй за лебедей, летящих с озер воздушной дорогой. Рать большую привел Клавс из сабинского древнего рода¹⁹⁴, давший начало трибе латинской. Силой своей он один был целому войску подобен. Среди пришедших были отряды из Амитерна, давшего трибу квиристов, люд из Эрета, Мутуски маслиноносной, Номента, пьющего воды Тибра и притоков его Гимелы, Фабара, Алии, принесшей несчастье.

На помощь Турну привел колесницу свирепый Галес, Агамемнона сын, враждебный троянцам¹⁹⁵. Были в его войске также аврунки, холмы заселявшие и берега Вольтурна¹⁹⁶. Оружьем их были дротики на гибком ремне, щиты и кривые мечи.

Явился Ойбал, вождь телебоев, живший на Капри¹⁹⁷. Был он сыном Телемона и Себетиды, нимфы прекрасно-голосой. Остров стал ему мал, и он посягал на материнские земли. Было под властью его племя саррасков, чьи земли с городом Руфры Сарн омывает волнами. Были также и те, что смотрят на стены яблоконосной Абеллы.

Явились с оружием за спиной нерсы, обитатели гор, изнемогавшие в битвах с каменистой почвой — они ее разрыхляли, а кормились охотой. Страшен был для соседей этот народ, вознесенный молвою.

От маруцинов и умбров явился жрец знаменитый Умброн. Он знал заклинанья от тварей болотных и змей, в сон их ввергал и исцелял их укусы зельем с Марсовых гор. Но рана от пики дарданской не подчинилась ему, и был он оплакан в священной роще богини Ангиции. В стороне не остался прекраснейший юноша Вирбий, сын

Диана Версальская

Ипполита. На берегу увлажненном, в роще Эгерии был он воспитан, там, где Дианы алтарь. Впрочем, согласно другому преданью, Ипполит, разорванный разъяренными конями, был возвращен к жизни травой Пеона и любовью Дианы. Когда врачевание, враждебное вечным законам, вызвало гнев громовержца и врачеватель был в воды Стикса низринут, богиня унесла Ипполита во владенья трехликой Гекаты и поручила Эгерии в священной роще ее. В лесах италийских, чуждых ему, он бродит, названный именем Вирбий. Вот почему есть запрет появляться коням в рощах священных и храмах Гекаты¹⁹⁸.

Турн обходил воинский строй, превосходя всех красотой и ростом. Шлем его был украшен изображением пасти Химеры, кипящей от ярости, подобно клокочущей Этне. В левой руке у царевича был щит заморской работы с изображением Ио¹⁹⁹, уже превращенной в телку. Пылали ее рога золотые, а глаза увлажняла мольба о пощаде. Рядом с ней Аргус стоял неусыпный со вздыблен-

ной шерстью. То там, то здесь появляясь, озирает царевич отряды рутулов, сиканов, аврунков, сакранов и лабиков, живущих по берегам Тибра и Нумика, в лесах до самого Уфента, несущего в море волну.

Но кто это подскакал во главе девичьего конного войска и пехоты в медных доспехах? Это Камилла²⁰⁰, не приучившая рук к девичьим работам, угодным Минерве, к станку прядильному и плетению корзин, но всю себя отдавшая брани, мужскому занятию. Все, кто явились на зов рутула, взоры направили к деде, восхищаясь ее силой, статностью, пурпуром царским ее одеянья, убранством ее головы, колчаном ликийской работы. Она же потрясала трезубцем на древке из мирта.

Турн у ворот

Зовет труба! Веди меня, Вергилий,
По тропам неисхоженным своим
В Аркадию, отечество идиллий,
И в непорочный пеласгийский Рим,

В прекрасную страну воображенья,
Что соткана из самых темных снов,
Полупророчеств, ставших наваждением,
Веди меня, Вергилий. Я готов!

Предшествующее повествование ввело нас в Лаций, познакомив с его древнейшими обитателями латинянами и объяснив ситуацию, вызвавшую конфликт между ними и пришельцами троянцами. Содержание этой части поэмы — первая битва в Италии и поиски Энеем выхода из, казалось бы, тупиковой ситуации. Так, в поле зрения читателей появляются еще два народа, которым, согласно концепции Вергилия, суждено стать союзниками Энея — аркадяне (пеласги? микенцы?) и тиррены-этруски. Они, так же как и троянцы, — пришельцы на почве Италии, но появились до них. Под стилем Вергилия персонажи греческой и этрусской мифологии приобретают черты, позволяющие их вписать в картину Италии, уже вышедшей из золотого века Сатурна, но сохранившей его отблеск. Так, аркадянин Эвандр, согласно преданию, вынужденный покинуть родину после убийства родителей, превращается в доброго пастыря своего наро-

да и любящего отца. Этрусский герой Тархон, о котором до Вергилия не было ничего известно, кроме того, что он привел в Италию беглецов-лидийцев, становится вождем свободолюбивого народа, изгнавшего жестокого тирана, и верным союзником Энея.

В действие вступает сын Энея Асканий-Юл. Он уже не мальчик, а воин, на плечи которого ложится руководство главными силами троянцев и аркадян. Из-за убитого им домашнего оленя против пришельцев поднимается вся Италия. И это позволяет Вергилию показать, что подлинными спасителями Энея и его дела стали этруски. Более активной становится мать Энея Венера. Она больше не жалуется своему родителю Юпитеру, а, применив женское очарование, добивается для сына победоносного оружия. Действие этой части поэмы относится ко времени, от которого нет каких-либо литературных источников на языках народов Италии, и Вергилий использует греческие легенды о переселении в Италию выходцев из балкано-анатолийского региона, а также и местные предания, перенося их в более глубокую древность. Археологические данные показали, что в период, предшествующий крушению микенской цивилизации, Италия была объектом массовой колонизации микенцев, но об этом Вергилию не было известно. Его Эвандр — не микенец, а аркадянин. Римские холмы до основания Рима были заселены, как доказано археологией. Вергилий ничего не знает также и об этом, но домысливает предшественников Ромула.

Минерва (античная статуя, музей Турина)

Отец Тиберин²⁰¹

На утомленную землю мягко ночь опустила звездное покрывало. Затихли и птицы, щебетавшие в кронах деревьев. Сон сковал утомленных скитальцев. Но и ночь не принесла успокоения Энею, избравшему местом отдыха берег. Вечером лагерь у Тибра взбудоражила весть, что Латин отправил посланцев ко всем племенам и народам с просьбой прислать ему воинов. Троянцы были одни против всех.

После полуночи вместе с влажным туманом сон смежил очи Энея. Явился ему величавый старец в лазурном гиматии, с тростниковой короной на седой голове. Плавно колеблясь, он прожурчал:

— Вот перед тобою я, отец Тиберин. С гор я прошу свои воды через леса и тучные нивы, чтобы смешать их с солью морскою. Гость ты мой долгожданный! Беды против тебя ополчились, но ты не тужи, выбрось мысли о бегстве и войны не пугайся! Ведомо мне, что и боги к тебе благосклонны. Как только проснешься, получишь благоволения знак. Ты белую веприцу встретишь среди прибрежных дубов. Тридцать родится у нее поросят. Место рождения их станет местом для города, имя которого Альба. Стены его заложены будут через тридцать годин²⁰². Помощь тебе в войне окажет старец — такой же пришелец, как ты. Добраться к его владениям я пособлю. Ты же, лишь первые звезды погаснут на небе, встань и молитвой Юноне утро открой. Меня же почтить успеешь после победы.

Едва он это промолвил, как черты его рябью покрылись и величавая тень растворилась в тумане. Эней, пробудившись, спустился на берег. Влагу речную зачерпнул он горстями и поднял над головою. Пока вода выливалась, молитву произносил он, но не Юноне:

— Нимфы! О, нимфы Лаврента, давшие рекам начало. Также и ты, Тиберин, наш родитель священный. Нас в свое лоно примите, от опасностей оградите. Где бы ни находился, Тиберин, твой прекрасный источник, за страдание к невздам ты будешь дарданцами чтим, бог рогоносный. Подтверди мне свое прорицанье!

Помолившись, Эней поспешил к кораблям. И вскоре со всех сторон собрались троянцы. Еще не зная, какое

принял вождь решение, по выражению лица его они догадались, что путь к спасению найден.

— Друзья! — к мужам Эней обратился. — Нам свыше обещана помощь. Соберите два корабля, снарядите команду. В путь я отправлюсь немедленно. Вы же ко всему будьте готовы. Караулы усилийте! Укрепите стан частоколом.

— Отец! — издалека послышался голос.

Эней обернулся. Асканий несся к нему, словно на крыльях.

Запахавшись от бега, юноша проговорил:

— Отец! Там за дубом свинья улеглась, размером с тельца, снега белее. Увидев меня, животное поднялось и не спеша побрело вон туда.

— Вот он и знак, что был Тиберином во сне мне обещан! — воскликнул Эней, руки к небу вздымая.

За деревьями прячась, троянцы пошли за животным. Свинья, удаляясь от берега, брела к неведомой цели. Овраг обойдя, она стала на холм подниматься и, грузно опустившись на землю, разродилась выводком таких же белых, как она, поросят. Жадно они припали к материнскому брюху и впились, как пиявки, в сосцы. Было детенышей тридцать.

— Постарайся запомнить, Асканий, — молвил Эней. — Минет тридцатилетие. Ты город воздвигнешь на этом холме. Помощь обещана мне Тиберином. Поведет он меня к поселению таких же, как мы, пришельцев.

У Эвандра

Я омывал берега, служившие пастбищем стаду
(Альбула было тогда древнее имя мое),
Раньше даже скотом рогатым был я презираем.
Ныне же имя мое трепет народам несет.

Овидий

Тибр, бурливший всю ночь, внезапно воды свои успокоил и стал подобен заводи мелкой. Весла гребли без нажима. Смоленые кили скользили, словно по маслу. В зыби зеркальной отражались леса и солнца огненный круг, всходивший на небо. К полудню издалека на прибреж-

ном холме стали видны деревянные стены и редкие кровли домов.

В тот день в роще священной на берегу обитатели этих домов приносили жертвы великому сыну Алкмены²⁰³. Он недавно почтил своим пребыванием эти места. Из-за поворота реки внезапно показалось два пестрораскрашенных судна. Люди на палубах, судя по одежаниям и оружию, приплыли издалека. Один из них, ростом повыше, в блестящих доспехах, держал ветвь оливы.

Испуг охватил благочестивых людей. Кинув священную утварь, они ринулись было под защиту башен и стен. Но сын и наследник царя Эвандра Палант²⁰⁴ словами и жестами вернул их к священному долгу, сам же, приставив к губам ладони, крикнул:

— Кто вы такие? Откуда плывете? Несете нам мир или брань?

Муж, взмахнув оливковой ветвью, ответил:

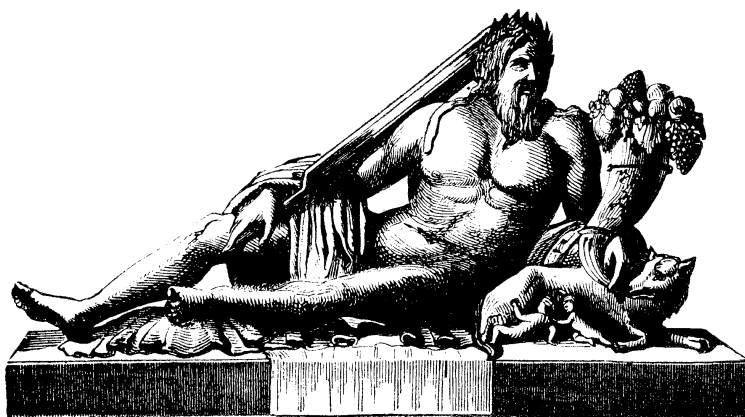
— Наша родина — Троя, ставшая пеплом. Копья, какие ты зришь, враждебны не вам, а латинянам, недругам вашим. В бегство они нас обратили в сраженьи. Мы ищем подмоги.

С лица Паланта сошла напряженность. Троянцы на берег сошли. Эней с Ахатом двинулись к роще священной, в тени которой старец Эвандр находился.

Приветствуя царя дружеской речью и излагая просьбу о союзе, Эней напомнил царю, что имеет общих с ним предков. Эвандр же пристально разглядывал собеседника, и лицо его, покрытое морщинами, постепенно светлело.

— Как же я рад приветствовать тебя, храбрый сын Илиона! — воскликнул царь, когда Эней замолк. — Как счастлив я вспомнить Анхиза, великого воина. Заодно память моя оживила Приама, посетившего некогда нашу Аркадию. Тогда пушок едва покрыл мой подбородок. До сих пор я храню у себя его щедрые и дорогие сердцу дары. Так что союз наш давно заключен. Ты же как раз поспел к нашему празднику. Отметим его, как подобает союзникам и друзьям.

С этими словами старец дал знак подать яства, расставить кубки, сам же усадил гостей вокруг стола на сиде-

Тибр

нях из дерна. Много было выпито в то утро вина, много произнесено речей о времени давнем, когда еще не выросла яблоня, плод которой сделал ахейцев и троянцев лютыми врагами. Война под стенами Трои была далека от Эвандра, поселившегося на притибрских холмах за-долго до нее. С удивлением внимал Эней мужу, которому Ахилл и Гектор были одинаково дороги.

Заинтересовал Энея и рассказ Эвандра о давних временах той земли, которая должна стать родиной внукам и правнукам Энея. Оказывается, в старину берега Тибра были заселены людьми, возникшими из древесных стволов, не умевшими ни запрягать волов, ни оставлять на зиму запасы. Пищей им служили птичьи яйца и добыча нехитрой охоты. Затем к дикарям явился Сатурн²⁰⁵, лишенный власти своим сыном Юпитером. И с той поры эта земля служит укрытием многим изгнанникам. Сатурн собрал дикарей, бродивших по лесам, в единое племя латинян, дал ему справедливые законы. Вспоминая о них и о кротком правлении Сатурна, латиняне называют те времена золотым веком. После Сатурна правило много царей, и среди них более всех прославился неспобаемый Тибр, оставивший свое имя реке, ранее звавшейся Альбулой.

По пути к дворцу, когда на землю уже спускался вечер, показал Эвандр Энею место, где Геркулес²⁰⁶ покарал

Кака²⁰⁷, похитившего у него быка Гериона. Это был провал зияющей бездны, над которым высился утес. Сын Алкмены раскачал его и швырнул в низину. Вот тогда и заметался Как под потоком внезапно хлынувшего света и не дающими промаха калеными стрелами героя. Тщеты были попытки Кака скрыться. Спрыгнул Геркулес в глубокий провал, огнем полыхавший, наполненный дымом, руками обвил чудовище и сдавил его так, что наружу вылезли глаза и пересохло горло, лишенное крови. Затем, двери сорвав, через отверстие вывел наружу быков, похищенных Каком.

Повел Эвандр гостя и к воротам, близ которых находился алтарь из дерна, украшенный полевыми цветами.

— Здесь, — сказал старец, — чтим мы ту, которая дала мне жизнь. Моя мать покинула вместе со мною Аркадию и скончалась на этой земле. Здесь же она стала известна под именем Карменты²⁰⁸.

Отдав молчанием честь Карменте, хозяин и гость направились к видневшемуся вдали высокому холму с раздвоенной вершиной.

— Этот холм, — произнес Эвандр благоговейно, — избрал обиталищем некий бог. Мои спутники полагают, что это Юпитер. Один из них даже уверяет, что видел во время грозы его потрясающим черной эгидой.

— А что это за строения на вершине холма? — спросил Эней.

— Ты видишь остатки двух городов. Один из них воздвиг Сатурн, потому и имел он название Сатурния. Другой же, Яникул, был основан Янусом. Ныне оба они во прахе.

Так, продолжая беседу, они спустились в низину в кочках болотных и, пройдя мимо мычащих коров, поднялись на вершину холма.

— Здесь дом для моих гостей! — молвил Эвандр, указав на лачугу, достойную пастуха коров, что паслись в низине. — Через эти сени до тебя прошел Геркулес. Приучись относиться с презрением к богатству. Удостоенный находиться в жилище богов не гнушался скудным достатком.

Произнеся это, старец ввел Энея под кровлю тесного дома и указал ему ложе. Было оно покрыто сухой листвою и лежащей над нею шкурой медвежьей.

*Просьба*²⁰⁹

Ночь набежала, охватив крылами тесную землю. Сну предались и смертные, и олимпийские боги. Венера одна не сомкнула очей в ненапрасном волнении о сыне. Вступила она в золотые покои супруга²¹⁰ и опустила бело-снежные руки на его загорелые плечи.

— Вулкан! — произнесла она голосом, полным истомы. — В дни, когда цари Аргolidы Пергам осаждали, обреченный пожару, гибель неся мне любезным троянцам, я у искусства, каким ты владеешь, не просила подмоги. Я не хотела тебя отрывать от занятий, которым ты предан. Молча я слезы лила, взирая на муки Энея. Ныне, когда Юпитера волей он пребывает в близких тебе пределах ругулов, я явилась с мольбою, как до меня приходили Фетида за щитом для Ахилла и Аврора за оружием ради Мемнона²¹¹. Обе они сумели тебя растрогать слезами. Я не пытаюсь. Просто взгляни, сколько племен ополчилось на тевкров. Вслушайся: даже ночью они точат оружие о камни близким моим на погибель.

Сказав это, заключила Венера Вулкана в объятия, и он, разомлевший, жарко вспыхнул огнем и жадно прильнул к ее лону²¹².

В час меж зарею и тьмой, когда ночь на исходе, а день еще не забрезжил, когда смертные жены в заботах о семьях, встав спозаранку, огонь раздувают и садятся у прялок, Вулкан свою спальню покинул, оставив супругу одну на скомканном ложе. С горнего неба он вихрем опустился на землю, туда, где остров Липара из Сиканского моря скалы подьемлет крутые. Есть в этих скалах, дымом и гарью пропахших, ходы, ведущие к Этне. Гулко в пещерах там раздаются удары молотов тяжких, пламя в горнах гудит, не смолкая, шипит раскаленный металл. Там циклопы²¹³ куют громовые стрелы, которые в гневе на землю мечет владыка-отец. Там творятся колеса для колесницы крылатой Марса. С нее он на брань поднимает мужей и твердыни. Там создается для гневной Паллады эгида с головою Горгоны, вращающей очи над обрубленной шеей.

— Отложите заказы бессмертных, — Вулкан повелел одноглазым. — Должно доспехи сковать для храброго мужа. Время не медлит. Употребите силу и быстроту, на какую способны, не забывая о наставленьях искусства.

*Марс. Бог изображен отдыхающим после битвы;
у его ног сидит Амур (античная статуя)*

Едва он закончил, молча три великана — Бронт, Стероп, Пиракнон²¹⁴ — взялись за работу. Медь ручьем потекла. Расплавилось золото в горнах, соединясь с металлом халибов, наносящим смертельные раны. Щит возник огромный, единственно годный для отражения копий латинян, ибо он состоял из семи скрепленных друг с другом кругов, попеременно железных и медных. От ударов гудела пещера. Тяжко дышали мехи, воздух в огонь нагнетая. Шипела вода, соприкасаясь с раскаленным металлом. Вздymались и опускались могучие руки циклопов с железом, зажатым в клещах.

Рукопожатие

Лучи, что упали на остров Липару, где ковалось оружие Энея, птиц пробудили от сна и на кровле убогого дома Эвандра. Старец, с ложа поднявшись, сунул ступни в сапоги тирренской работы, подпоясался тегейским мечом²¹⁵, набросил на плечи пеструю шкуру пантеры и, в сопровождении свиты собак-волкодавов, стопы направил к Энею.

Эней в раздумье сидел. Аркадянин и троянец приветствовали друг друга рукопожатьем. Неторопливо начал Эвандр свою речь:

— Ведомо мне, что не погибнет Троянское царство, куда ты здравствуешь, сын Венеры. Но не возлагай больших надежд на нашу подмогу, великий воитель. Заперты мы этрусским потоком. Рутул нас теснит постоянно, сотрясая грохотом меди наши жилища. Однако есть по соседству с нами город Агилла²¹⁶, принявший на холмы свои лидийское племя, славное в брани. Много веков он процветал, пока не одолел этот гордый народ силой оружия надменный Мезенций, тиран из тиранов, богов ненавистник. Страшно и вспомнить об им придуманных казнях — их самому бы ему испытать. Мертвых, с живыми связав, он оставлял их на долгую гибель в гное и тлене. Иссякло у агиллийцев терпенье. Город восстал. Ко дворцу подступили во всеоружьи, с огнем, порубили охрану тирана, друзей его истребили. Но удалось Мезенцию скрыться среди суматохи. Гостя преступного принял охотно Турн под защиту. Вслед за Агиллой восстала Этрурия вся, требуя выдать тирана. Вот тебе войско, Эней! Вот тебе корабли! На берегу они стоят кормою к корме.

Послов ко мне посылал прорицатель Тархон, объятый волнением. Боги вещали ему, что одолеть врагов дано одним чужеземцам. А где их найти? Мне предлагал он корону и над Тирренией власть. Но куда мне она? Я для подвигов стар. Встретят они тебя как спасителя. С тобой я отправлю Паланта, рожденного мною от девы сабинской, близкой этой земле, ставшей ему отчизной. В нем все надежды мои и утешенья. Пусть, тобой восхищавшийся с детства, к Марса тяжким трудам он начнет привывать под присмотром твоим. Будут с ним двести отборных мужей, аркадских всадников.

Едва он это промолвил, послышался грохот и рев тирренской трубы. Небо разверзлось. Сквозь рваные тучи блеснуло оружие. Мечи и копья сами сшибались. В страхе закрыл старец лицо, но Эней его успокоил такими словами:

— Не сулит это знамение зла тебе, друг мой. Оно отнюдь имеет ко мне одному. Бессмертная мать ко мне взывает с Олимпа. Она уже обещала мне помощь в грядущей войне. Ты видишь на небе оружие Вулкана.

Кони за воротами давно уже ржали нетерпеливо, а Эвандр никак не мог руки оторвать от Энея и завершить разговор.

— О, если бы мне Юпитер вернул ушедшие годы и я бы остался таким, каким отнял в бою у владыки Эрила²¹⁷ три души, способные трижды сражаться, дарованные ему матерью Феронией²¹⁸. Не пришлось бы мне тогда разлучаться с Палантом. Тогда б и Мезенций не позволил себе зверствовать вблизи от пределов моих, истребляя множество граждан, навлекая позор на соседей. Теперь же мне остается одно: просить у Юпитера продлить мою жизнь, чтобы милого сына увидеть. Если же то не дано, пусть моя жизнь оборвется сейчас.

Проговорив это, старец лишился чувств, и слуги унесли его в дом. И только тогда Эней и его свита оседлали коней. Остальным он велел идти к кораблям и спуститься вниз по течению.

Эней скакал первым, рядом с ним — верный Ахат, следом другие троянцы и между ними Палант, выделяясь сверкающими доспехами и расписною хламидой. От копыт коней поднялось облако пыли, скрывшее отряд от глаз матерей, стоявших на стенах Палантия.

В Агилле

Вот уже месяц, как Агилла пребывала в радостно-тревожном волнении. Избавление от Мезенция было величайшим, немислимым счастьем, но тирану удалось избежать справедливой кары, и он не оставил надежды вернуться в город, на этот раз с помощью смертельных врагов агиллейцев и других тирренов — рутулов и им союзных латинян. Это и было причиной тревоги. Граждане, сначала отдавшиеся безмерному ликованию и отметившие свое освобождение грандиозными цирковыми играми, стали собираться встревоженными кучками у храмов и на перекрестках, обсуждая меры для спасения города и ожидая каждый день появления у стен неприятеля. Кто-то даже предложил разобрать гробницы предков и использовать их квадры для укрепления городской стены. Пусть мертвые защитят свободу живых! Но жрецы решительно воспротивились такому кощунству и вызвали этим большое волнение.

И именно в этот критический момент стражи заметили приближающийся к городу небольшой отряд всадников. По одежде и вооружению стало ясно, что это не рутулы и не латины. С быстротою молнии распространился слух, что могучий муж, которого привел Палант, сын Эвандра, — именно тот чужеземец, который, как предсказано в священных книгах, вырвет Тиррению из пучины бедствий.

И вот уже все население высыпало на главную улицу, ведущую к городским святыням. Под копыта коней летели цветы. Слышались возгласы: «Лар! Лар!» По словам Паланта, это тирренское слово означает «герой».

Вождь агиллейцев Тархон, или лукумон, как его называли тиррены, принял Энея и Паланта в просторном полутемном помещении, освещаемом лишь через небольшое квадратное отверстие в потолке. Гости были усажены на почетное место рядом с очагом. Поблизости возвышался шкаф со множеством закопченных от гари и дыма восковых фигур. Эней не спускал с них глаз, полагая, что это тирренские боги, и не зная, как их приветствовать.

Заметив беспокойство гостя, после обычного приветствия лукумон сказал:

— Я хочу тебе представить моих предков — воинов, жрецов, строителей городов. Вот мой покойный отец Теллеф, да будут к нему милостивы подземные боги. В день его похорон изображения предков участвовали в процессии. Остальное же время они находятся здесь, чтобы и мои ближние, и я могли ощущать их постоянное присутствие и поддержку.

— Мы тоже чтим предков, — отозвался Эней. — Они живут в моей памяти. Прадед Ассарак, дед Капис. Отца моего звали Анхизом. Я вынес его из горящей Трои на плечах. Теперь у нас нет родины. Я оставил сына и спутников в укрепленном лагере в низовьях Тибра и отправился за помощью к Эвандру. Он и послал меня к тебе.

— Весь остаток моей жизни я буду его за это благодарить! — воскликнул Тархон. — И не я один! Ты видел, как тебя встретили агиллейцы. Город мой невелик. Да и часть воинов придется оставить для защиты стен. Но отряд из трехсот воинов в твоём распоряжении, Эней. И я вместе с ними. Этого, конечно, мало. Но я избран главою двенадцатиградья. Нам помогут лигуры и веныты. Я сейчас же отправлю гонцов. Хорошо, что вы стоите на Тибре. Мы подойдем к твоему лагерю с моря. И никто не осмелится нам помешать, ибо у латинян и рутулов нет кораблей. У тебя будет три с половиной тысячи воинов. На тирренов ты можешь положиться, Эней!

Щит Энея

Венера, спустившись с высей эфирных, застала Энея в раздумье.

— Вот, — сказала она, — дар, что мною обещан тебе и создан искусством Вулкана. Можешь отныне вызывать на бой любого лаврентца, и даже отважного Турна.

Сына обняв, она положила у дуба меч, роковой для врагов, с гривою шлем, панцирь из меди цвета закатного неба, поножи легкие из сплава золота с серебром и щит, себе не имеющий равных.

Бог, взгляду которого были доступны грядущего дали и прорицанья не чужды, изобразил на щите судьбы потомков Энея: волчицу, лижущую шершавым языком младенцев, припавших к ее мохнатой груди; дев сабинских,

Венера Прародительница (античная статуя, Лувр)

похищенных ратью Ромула; примирение царей — зятя и тестя, — скрепляющих у алтаря союз двух народов; предателя Меттия, разорванного конями на части; этрусков Порсены, теснящих осадой город. В самом центре щита был представлен Капитолий священный²¹⁹.

Взгляд привлекали завитки волн из червонного золота и над ними фигурки дельфинов из серебра. Щит опоясывало море. С великим искусством показана битва морская. Цезарь Август стоит на высокой корме, и пламя небесное с обеих висков охватило чело, над которым сверкает звезда его рода, а рядом Агриппа, радостно рати ведущий, награжденный астральной короной за победу на море. Против них варварский сброд, огромный и пестрый: Антоний, победитель берега алой зари, пришедший в Египет, Восток и дальнюю Бактру²²⁰. Друг на друга пошли корабли, и от бесчисленных весел и трехрубых носов море вокруг запенилось и закипело. Горы навстречу горам. Можно сказать, струнулись с места Киклады, чудища-боги, лающий пес Анубис против владыки морей Нептуна, против Венеры и против Минервы²²¹. В рваном хитоне, с веселым оскалом Распря бредет и вслед за нею с кровавым бичом Беллона. Но вот мир торжествует победу, и Цезарь, исполняя обет, с триумфом тройным вступает в столицу. Вот он сидит на пороге святилища Аполлона, принимая дары у побежденных народов.

Рагуга

Одна нога — на облаке, другая — на другом,
И радуга очерчена пылающим мечом.
Лицо его как молния, из уст его — огонь,
Внизу, к копыю привязанный, храпит и бьется конь.

Михаил Кузмин

Среди чудес, которые разворачивают боги на голубом небесном занавесе перед глазами смертных гостей вселенского театра, нет удивительнее радуги. То ли это пестро раскрашенный лук для бессмертного ловчего, то ли цветная повязка для прекрасной богини. Но не эти сравнения пришли на ум Турну, когда он, подняв голову, увидел огромную сверкающую дугу.

— О, Ирида, неба краса! — воскликнул он ликующе. — Кто тебе повелел пролететь на раскинутых крыльях? Кто из богов меня к оружию призвал?

Совсем недавно он выслушивал лазутчика, принесшего весть из троянского лагеря: Эней с частью троянцев отплыл на двух кораблях вверх по Тибру и, видимо, проник до далекой твердыни Корифа²²². Кто-то надумил его вступить в переговоры с такой же перелетной птицей, как он сам, — с этим пеласгом Эвандром, слепившим гнездо в излучине реки на холмах. Еще тогда Турн подумал: «Хорошо бы в отсутствие вождя обрушиться на лагерь всем войском». Едва подумал — вот и радуга, сулящая радость победы, знак того, что мысль верна.

Поручив лазутчику продолжать следить за Энеем, Турн отпустил его и призвал трубачей. Они вскинули свои длинные трубы, и над равниной разнесся призывный звук. И вот уже несметная рать уверенно движется к троянскому лагерю. Так же катится Ганг, когда семь в нем сольется притоков. Так же и Нил молчаливый на берегах оставляет жирный свой ил, чтоб в привычное русло вернуться.

Первым с укреплений, обращенных к полям, поднял тревогу Каик.

— Троянцы, глядите! — крикнул он. — Какой черный стелется туман! Это враги! Поднимайтесь на стены с оружием!

И тотчас лагерь пришел в движение. Так, когда сошник пахаря разворотит муравейник, ни один из его обитателей не остается спокойным.

Эх, выйти бы в поле и схватиться с врагами! Но, уходя, Эней приказал не вверяться открытому полю, оставаться под защитой стен. И бойцы, покинув ров, запирают ворота, заносят на стены камни, готовясь к осаде.

Вот от войска отделился отряд небольшой. Впереди его воин на коне в белых яблоках. Он выше других. Шлем золотой горит на его голове. Пламя с гребня струится. Да ведь это Турн! Он подлетает к стене и первым в воздух дротик бросает, слыша за спиной одобрительный рев огромного войска. Но лагерь троянцев словно бы вымер. Не слышно лязга железных затворов. Неужто молва о храбрости этих пришельцев обманчива? Почему его вызов не

принят? И мечется Турн вокруг крепости на коне и ищет, где стены слабее и нет ли какой лазейки. Не так ли волк обегает овчарню, жадно вбирая ноздрями запахи ягнят, матку сосущих, и гортань его засыхает без крови.

Чудо о кораблях

Поняв наконец, что в лагерь ему не войти, обратился Турн яростный взгляд к стоявшим на якорях кораблям. Вот они, никем не охраняемые, беззащитные. Если поджечь суда, пришельцы, возможно, выйдут, чтобы сразиться в открытом поле. Приняв решение, Турн поскакал к воинам, чтобы добыть огня. И вот уже рутул, опережая всех, несется к кораблям с зажженным факелом. Спешившись, он подбегает к судну. Его гордо вознесшаяся над берегом пестрая змеиная голова обвита венком. Ветер едва колышет засохшие лепестки лилии. Кажется, это главный корабль. Сейчас факел коснется палубы, и сухое дерево вспыхнет, как погребальный костер, потечет смола. И Эней, где бы он ни был, поймет, что его дело проиграно.

Турн закинул руку за спину для броска, и в это мгновение «Мурена» рванулась вперед с такой силой, что удерживавший ее канат лопнул, как тетива натянутого лука. Примеру «Мурены» последовали «Дельфин», «Химера», «Кит». Достигнув середины реки, корабли вдруг стали медленно опускаться на дно. Мелькнув прощальным блеском, скрылись в пучине намалеванные желтым по черному корабельные глаза. Вот уже волны прокатываются по палубам, затопяя трюмы. Вот погружаются верхушки мачт.

В молчании наблюдали с крепостного вала троянцы за неслыханным чудом. Корабли показывали им, как надо вести себя в безвыходном положении. Многие из воинов строили эти суда из сосен священной рощи Кибелы, что на Иде Фригийской. Не Кибела ли вдохнула в мертвую древесину жизнь? Или, может быть, Палинур, исчезнувший той безветренной ночью, став морским богом, потребовал корабли к себе, ибо не может такой великий кормчий, как он, остаться без любимого дела? А не превратились ли корабли в морских чудищ, чьи имена им

даны, и не дано ли отныне им рассекать грудью бескрайний простор морей?

Турн, замерший с пылающим факелом над головой, швырнул его с такой яростью, словно хотел поджечь Тибр.

— Это чудо лишь тевкрам грозит, — закричал он. — Юпитер, не дождавшись наших мечей и факелов наших, отнял привычный им к спасению путь; что до суши, в наших она руках.

*Нис и Эвриал*²²³

Погруженный в молчание лагерь троянцев, казалось, застыл в своей гордой и одинокой обреченности, вокруг же него трепетала огнями и полнилась пьяными криками вся равнина, от блестящей под луной полосы Тибра до зазубренной кромки леса. Турн роздал своим воинам вино и приказал разжечь костры. Притаившимся на валу троянским часовым были слышны песни, и они могли бы их понять, не будь чуждым их язык. До них доносился дразнящий запах поджариваемой дичи.

Но дух осажденных не был сломлен, словно бы над ними и во мраке витала мать Энея Венера, внушая им надежду и бодрость. Асканий вместе со старцами Алебом и Мнесфеем уединились, чтобы обсудить план ближайших действий. За полночь в шатер донесся шум шагов. Асканий отодвинул полог.

— А, это вы, Нис и Эвриал! — воскликнул Асканий. — Почему не спите после караула? Или что-нибудь случилось?

— Все спокойно, — ответил Нис, переминаясь с ноги на ногу, — мы подумали...

— Мы решили, — вставил Эвриал.

— Да, мы решили, — перебил Нис, — предложить нашу помощь. Видели мы, что в одном месте ранее других погас костер. Там лощина, и мы проползем незамеченными к реке, а оттуда камышами пройдем к лесу. Мы отыщем Энея. Мы весть ему принесем, что лагерь в осаде.

При слове «Эней» из шатра вышли старейшины. На плечах Мнесфея желтела львиная шкура.

— Вы хорошо придумали, юноши, — протянул Алеб. — Но ведь леса здесь огромны и полны диких зверей. Не зная дороги, заблудиться легко, пропасть ни за что.

— Лес нам этот знаком, — возразил Эвриал. — Охотясь за дичью, мы прошли его вдоль и поперек. Рутулы сами здесь чужаки. Они заблудятся, а не мы.

— Я вам верю, — молвил Алеб. — С такими, как вы, храбрецами можно дожидаться Энея.

— Да! Да! Это так, — подхватил Асканий. — Идите, и пусть вас хранят боги. Отыщите моего отца. И помните, судьба новой Трои в ваших руках. Я же, поверьте, не останусь в долгу.

— У меня есть просьба, — проговорил Эвриал почти шепотом. — Я один у матери. Она спит, не зная, что мы решили. Мне не вынести ее слез. Уйду не простившись. Возьми, Асканий, о ней заботу. Вот что я хотел сказать.

— Я исполню все, что достойно ваших деяний, друзья, — сказал Асканий с дрожью в голосе. — Вот вам залог.

Он передал Эвриалу продолговатый предмет. В лунном свете стали видны ножны из слоновой кости удивительной критской работы.

— Это дар моего деда Анхиза, — пояснил юноша. — Вы его достойны.

Эвриал вытащил клинок и с благоговением приложил к металлу халибов губами.

Мнесфей снял с себя шкуру и со словами «льву львиное» накинул ее на плечи Ниса.

Друзья перемахнули в темноте через ров и поползли к вражескому стану. Италийцы лежали в тех позах, в каких их застиг сон, — кто в обнимку с винной амфорой, кто с игровой костью в кулаке. Над рекой стояли колесницы дышлами вверх. Фыркали распряженные кони. Не удержались лазутчики при виде дорогого оружия. Прикончив его обладателей, троянцы прихватили трофеи и двинулись к лесу. При этом успел Эвриал надеть на себя вражеский шлем.

В это время из Лаврента к Турну двигался конный отряд во главе с отважным Вольсентом. Шлем Эвриала, предательски блеснув, обратил на себя внимание. С криком латиняне ринулись в погоню за юношами, поняв, что это враги.

Лес, принявший Ниса и Эвриала, был огромен и страшен своей темнотой. Колючие ветви хлестали по бокам и старались вырвать из рук беглецов их добычу. В непро-

лазной чаще редко виднелся просвет. Крики погони раздавались с разных сторон. Видимо, недруги спешились и рассыпались по знакомым им одним тропам. К тому же мешала добыча.

Во мраке друзья потеряли друг друга. Оказавшись в безопасном месте, Нис хватился Эвриала и двинулся на его поиски. Ориентируясь по крикам, он набрел на поляну и сквозь кусты увидел Эвриала в окружении врагов. Пытаясь его освободить, он погиб и друга от смерти не спас, но лег на тело его своим израненным телом.

Плач

И снова Аврора, поднявшись с шафранного ложа, пролила на земные просторы зарево первых лучей. Троянские стражи со стены взглянули на ров и увидели на его насыпи копья, на них же две головы в засохшей черной крови. И вестница горя Молва тотчас на крыльях своих облетела лагерь троянцев, повергнутый в трепет, и застала несчастную мать Эвриала за прялкой²²⁴. Покатился моток, распуталась пряжа, выпали спицы из рук. Несчастливая с пронзительным воплем к валам понеслась, терзая седины и плачем наполняя землю и небо:

— Тебя ли я вижу, мой сын, опора старости поздней?! Из Трои горящей ты рядом со мною бежал! Ради кого не осталась в Тринакрии я? Как мог ты покинуть меня, не простившись?! Напутственных слов ты моих не слышал, идущий на верную смерть. На поле чужом добычей ты стал прожорливых псов и птиц италийских. Мать к погребению тебя не снарядит, глаз не закроет, ран не омоет, не покроет одеждой, которую ткала ночами и днями. Где отыскать твоё тело? Не для того за тобой по морям и по суше скиталась! Вот я, рутулы. Если жалости капля в жестоких душах у вас сохранилась, цельте копья в меня! Окажи мне милость, небесный родитель! Сверху направив перуны, меня поразь, ибо жизнь, для меня ненавистную, не могу оборвать я иначе.

Стон катился по рядам фригийцев. По совету Илионея²²⁵ и Юла, который не смог рыданий сдержатъ, воины подняли мать и на руках в шатер ее понесли.

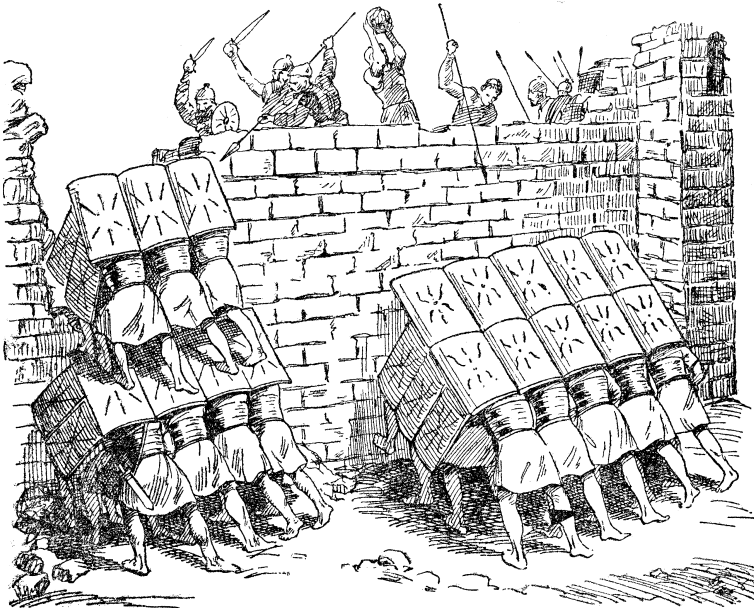
Стрелы Аскания²²⁶

Турн, окрыленный удачей, воинству приказал начать на лагерь атаку. К стенам бойцы подступили, засыпая рвы и окопы. Сверху на них троянцы валили огромные камни, круша черепахи, какую италийцы сложили из медных щитов.

Над лагерем возвышалась деревянная башня. Долго италийцы к ней подбирались и гибли под градом камней, пока Турн пылающий факел не зашвырнул прямо в бойницу. Пламя, раздуваясь от ветра, охватило строение. Защитники, от огня убегая, скопились в месте одном, и рухнула башня. Казалось, что вскоре ее судьбу разделит весь лагерь.

К стенам тогда подошел Нуман, Турна сородич, и к троянцам, стоявшим на стенах, обратился с такими словами:

— Снова вы под защитою стен, завоеванные дважды, и стыд вас даже не гложет, что скоро и эту потеряете крепость. Сами ли вы решили отнять невест наших си-

Атака крепости (черепаха)

лой? Или какой-нибудь бог на погибель вас надоумил? Нет, не надейтесь найти здесь разбогатевших Атридов и Одиссея речистого, который прославлен притворством. Племя суровое мы. В реках студеной мы кушаем младенцев, их для битв закаляя. Рыщем в лесах мы с малолетства, коней укрощая, и стволы молодые сгибаем для луков. Мы довольны немногим и бедную землю скребем деревянной мотыгой. У нас не знает покоя посвященное Марсу железо. Поздно пришедшая старость не ослабляет наши тело и душу. Шлем из коры покрывает наши седины. Любо добыть нам трофей варварским, залихватским набегом. Вам же праздность сестра. Ваши одежды блистают шафраном и пурпуром царским. Длинные их рукава. Душе вашей дороги пляски. Фригийки вы, а не фригийцы! Что ж! Отправляйтесь на пир, куда зовут вас тимпаны и флейты двойные Идейской богини. Смирясь перед нашим оружием, нам войну предоставьте.

Со стены этой речи нехитрой Асканий внимал. До той поры юноша знал одну лишь охоту. Впервые стрелу он направил не на зверя, а на мужа. Обратившись к Юпитеру с мольбою дать ему меткость, за это он ему быка обещал белого в жертву. Внял небесный отец, и лук загредел смертоносный. Стрела пробила Нуману висок, и он не услышал слов, какие ему предназначены были. Но их услышали и фригийцы, и италийцы.

— Что ж! Издевайся теперь над нашей отвагой. Вот вам ответ завоеванных дважды.

*Тирренские корабли*²²⁷

Плыл между тем, возглавляя суда тирренов, Эней по морю ночному. Он сидел на корме, рядом с Палантом, к нему прильнувшим. Тархон, у кормила стоящий, начал рассказ о тех, кто решил помочь троянцам в войне против Турна.

— Видишь ты сразу за нами плывущее огромное судно? Нос его медный, поднятый над волнами, изображает тигра в прыжке. Ведет его Массик²²⁸, с ним вместе клузийцы²²⁹ и воины Козы²³⁰, прославленные стрелки из лука. Рядом с «Тигром» плывет «Аполлон», украшенный фигурой медной бога искусной работы. На палубе рать

Абанта из Популонии²³¹ и с острова Ильвы²³². На нем добывают руду и, выплавляя ее в печах, получают металл смертоносный, носящий имя халибов. Третий корабль ведет Азил, искусный в гаданиях. Внятен ему язык пернатых, знаки небесных светил и молний понятны ему. Тысячу смелых бойцов дала ему Пиза²³³. Ее основали в нашей земле пришельцы с берегов Алфея. На кораблях, какие скрыты во мраке, бойцы Астира, родом из Цер, с берегов Миниана, из Пирг и туманной Грависки²³⁴. Есть среди них и Купавон²³⁵, приведший отряд числом невеликий. На голове у вождя укреплены лебединые перья в память о преступной любви, о Кикне, который, узнав о гибели Фазтона, среди его сестер, в тополя превращенных, изливал свою скорбь в песне предсмертной. За плечами его выросли крылья, и все тело мягким пухом покрылось. От земли оторвавшись, петь продолжая, он ринулся к звездам. Вот в память о нем и носит Купавон перья. Сам он и рать его на корабле с изваяньем кентавра.

Хочу я также поведать об Óкне, сыне Тибра, нашей тирренской реки, и пророчицы Манты, имя которой Мантуя носит. В городе этом три народа живут, и каждый из них на четыре разделяется рода. Сильны мантуанцы кровью этрусской. Узнай также о Минции, сыне Бенака, который на помощь тебе полтысячи воинов привел на корабле из легкой сосны. С ним рядом корабль, который украшен фигурой тритона. Этот корабль ведет сам Тритон, получеловек-полурыба. Ты слышишь гуденье рога его. Он будит в наших душах воспоминанье о подвигах предков. На каждом из тридцати кораблей те, кто рвутся в сраженье. На них, о Эней, положиться ты можешь, как на меня и на себя самого.

*В греме*²³⁶

Эней заменил у кормила Тархона. Палуба опустела. Но что это? В хлопанье парусов и скрипение снастей влились незаметно звонкие голоса девичьего хора. Кто может петь в море открытом? Не козни ли это Юноны, подобные тем, какими погублен был Палинур, да будут к нему милосердны маны. Голоса явственней зазвучали, и в их переливах Эней имя свое различил. И вот он зрит среди пены

морской головы и загорелые плечи девичьи. Одна из певуний, судно догнав, ухватилась правой рукой за корму и, продолжая левой грести, произнесла нараспев:

— Ты дремлешь, ты дремлешь, богами рожденный. Бодрствуй, Эней! Снасти ослабь. Освободи паруса. Кимодикейя имя мое. Была я сосною рощи священной, и по воле ее госпожи свой образ переменяла. Стала я кораблем крутобоким и приняла имя «Колесницы Кибелы». Такова же судьба и подруг моих, что рядом со мною росли на кручах Идейских. Вот они за моею кормою дружно плывут. Были мы прежде кораблями твоими, Эней. Ныне мы девы морские. Когда вероломный рутул задумал нас сжечь, мы оборвали канаты, оставив в воде якоря, покинули берег враждебный. Новый даровала нам облик и новую жизнь великая мать богов. Она же поручила сказать, что отрок твой милый Асканий в лагере осажден и отрезан от моря. Пусть пробудятся Тархон и Палант и готовятся к схватке. Ты же щит свой достань, подарок огневладыки Вулкана, и, как только Авроры румяна волны окрасят, над головой его вскинь. Жди, когда край золотой щита, подобного небу, загорится лучами. Верь мне, Эней, светило дневное увидит недругов многих твоих, поверженных в битве жестокой.

Это пропев, толкнула дева морская корму, и корабль помчался быстрее стрелы, летящей со скоростью ветра. Вздрыгнул Эней от толчка и, стирая ладонью со лба едва его не погубившую дрему, взор устремил к небесам, к богине Кибеле:

— О Великая мать богов, возлюбившая выси Диндима и искусством людским взнесенные над городами башни, покорившая львов и взнуздавшая их в золотую свою колесницу! Будь благосклонна к фригийцам, тебе сохраняющим верность и на чужбине, среди невзгод, веди нас в сраженье, приблизь исполнение знаменья.

Безумие войны

В то время как Эней, находясь у Эвандра и Тархона, собирал бойцов для войны с враждебными ему латинянами и рутулами, на лагерь у Лаврента было совершено нападение. Но настоящая война начинается с высадки Энея и его аркадско-тирренского воинства. Развитие сюжета и обри-

совка образов участников древнейшей из отраженных в литературе войн Италии целиком заслуга Вергилия, вложившего в свой рассказ проникновенное понимание человеческих характеров и любовь к родной ему Италии и умело изобразившего чувство ожесточения, которое превратило первоначально дружественно настроенные друг к другу народы в непримиримых врагов. Ни одна из сторон не чувствует себя виноватой в возникшем конфликте и ведет войну за полное истребление недругов. Но явственные и различия в поведении главных противников — Турна и Энея. Турн — носитель безумия войны, воплощенного Гомером в образе бога войны Ареса. Он упирается убийством и собственной удачей. Эней, напротив, носитель разумного начала в войне. Не ослепленный яростью, он выполняет свой долг, ведет справедливую войну, конечной целью которой является объединение Италии. И здесь ощущается современный поэту прототип Август, в то время как за Турном видится Марк Антоний, едва не погубивший свою родину.

*Встречный бой*²³⁷

Уже день разгорался, звезды своя с небосклона, когда увидел Эней с высокой кормы берег и собственный лагерь. Вскинул он щит, и фригийцы, издав его сиянье узрев, ответили радостным криком. Был он подобен курлыканью журавлей, несущихся в небе осеннем к благодатному югу. Удивились рутулы, не понимая, к кому обращается враг, пока им не открылось судами покрытое море и щит, горящий зловещим огнем. Не так ли во мраке кровавые блещут кометы, внушая отчаянье смертным.

Смутились рутулы, но Турн их ободрил искусною речью.

— Вот, наконец, мы дождались возможности проявить свою доблесть. Враги перед нами, не за стеной. Сам Марс нам вручает над ними победу. Надо берег занять и встретить их, идущих по колена в воде, увязая в песке. Помните жен своих и родные пенаты. На это посягают троянцы. И помните — смелым судьба помогает.

Эней между тем выводил дружину на берег, сбросив мостки с кораблей. Гархон заметил тихое место, по-

вел туда корабли, и они, покрытые пеной, с ходу влетели в песок. Однако судно одно, налетевши на мель, развалилось, и люди оказались в воде среди обломков. Турн между тем войско повел за собой, и на отмелях сразу бой завязали. Эней возглавил его. Ахат едва поспевал подавать ему копьа. Воздух они рассекали, и ни одно цели не миновало. Копье пробило медь щита и панцирь Меона, грудь ему разорвав. На помощь Меону рванулся брат его Алканор. Копье, пронзив ему руку, между бедер вонзилось. Нумитор, копьа из тела павшего вырвав, с ним пошел на Энея и ранил Ахата. Тут появился Клавз и поверг троих фракийцев из дружины Энея. Подоспели Талес и Мессап со своими бойцами, и битва стала упорней. Звон мечей, свист стрел сливались с тяжелым дыханьем и стонами поверженных воинов.

На другой стороне, где бурный поток разнес по лошине камни и песок забросал прибрежный кустарник, ругулы гнали аркадян, не привычных к пешему строю. Коной им оставить пришлось, не пригодных для местности этой. Палант удержать попытался бегущих и вернуть их в сраженье.

— Стойте, друзья! Славы бранной своей не доверяйте ногам! Чести Эвандра не опозорьте! Не погубите нашей общей надежды! Куда вы несетесь? Не помогут вам волны морские! Нет нам для бегства земли. Путь к спасению один: через вражеский строй. Пробить его можно железом. Ведь сражаемся мы не с богами!

Навстречу Паланту несся с камнем огромным в руках какой-то ругул. Юноша сразил его пикой и с мечом обнаженным рванулся к другому, кто попытался павшего защитить, и пронзил его с ходу. Пришел черед Анхемола, сына Роета, царя маррувийцев, который осквернил отцовское брачное ложе, мачеху полюбив Касперию, и к Турну бежал от отцовского гнева. И он был повергнут Палантом.

Успехи царевича подняли дух сражающихся. Остановившись, они издали клич боевой и на врагов устремились. Видя это, Талес поспешил на помощь ругулам. Многих аркадян он поразил. Но парки его нить оборвали. Палант, достав Эвандра копьа, к Тибру обратился с мольбою:

— Родитель вечнотекущий, даруй мне удачу. Направь копьа мое в сердце Талесу. Обещаю доспехи сына Неп-

туна тебе посвятить и на дуб повесить прибрежный, им твою украсить дубраву.

Эту молитву услышал поток и дал меткость копью Эвандра. Пал великий герой, пронзенный копьем, брошенным с силой. И тотчас вышел из строя рутулов Лавс. От руки его пал Абант, но Паланту он был не опасен.

Гибель Паланта

Пред Турном, бившимся на колеснице и рассекавшим строй троянцев, предстала Ютурна в короне, сплетенной из тростника.

— Брат, — обратилась она к нему. — Палант погубил Анхемолу, которого ты принял в доме своем. От его руки пал великий Талес. Лавс не может с юнцом совладать. Не пора ли тебе обуздать сына Эвандра?

— Оставьте сраженье! — приказал Турн, обращаясь к тем, кто бился с Палантом. — Я с ним сражусь. Жаль, что этого боя не увидит Эвандр!

Удалились рутулы. Турн же погнал колесницу по чистому полю навстречу Паланту. Он, удивленный удалением врагов и мощью того, кто их заменил, стоял, взглядом скользя по огромному телу рутула. Поняв его замысел, он бросил надменному Турну в лицо:

— Нынче я буду с богатой добычей или погибну. Ты мне не страшен!

Рутул спрыгнул на землю и приближался, потрясая огромным копьем. При зрелище этом кровь у аркадян в жилах едва не застыла. Палант, видя превосходство врага, решил первым удар нанести и вознес Геркулесу молитву:

— Тебя умоляю гостеприимством отца и пиром, который был дан в твою честь, помоги мне, Алкид! Пусть я сорву с гордеца полумертвого латы.

Метнул Палант в Турна копьё, но оно, угодив в край щита, по телу врага только скользнуло. Могучую руку тогда рутул назад оттянул и с силой огромной бросил копьё, проговорив: «Гляди-ка! Мое копьё будет, пожалуй, острее!»

Пробило копьё щит из скрепленных смолою кругов кожи, железа и меди и застряло в груди у самого сердца.

Паллант попытался вырвать копьё из раны и пал. В потоке крови и душа у него отлетела.

Рутул, к павшему подойдя, крикнул:

— Аркадяне! Передайте Эвандру, что ему возвращаю сына таким, каким он его мне послал. Дорого обойдется ему прием, каким он встретил Энея. На память себе я возьму только это.

На труп наступив, сорвал с него пектораль золотую. Эвритид, искусный художник²³⁸, изобразил на ней брачную ночь Данаид: на ложах, залитых кровью, трупы братьев-мужей, которых девы убили по приказу отца.

Взойдя на колесницу, Турн поднял над головою трофей, и радостный вопль италийцев взметнулся над полем.

С вестью о происшедшем тотчас помчался к Энею голец. Услышав о страшной беде, застыл прародитель с поднятым мечом. Встала перед очами недавняя встреча: старец Эвандр и Паллант, с сельскими яствами стол, беседа, пожатия рук. И ярость зажгла сердце Энея²³⁹. Тотчас он в плен берет четырех юных латинян и столько же юных рутулов, чтобы их кровью горячей залить погребальный костер²⁴⁰. Пику затем он в Мага метнул, но промахнулся. Маг, колени его обнимая, о пощаде взмолился:

— Тенью Анхиза молю и надеждами Юла, жизнь подарь мне. Много в доме моем серебра, много золота. Вот тебе выкуп.

— Поздно о выкупе нам говорить! — отозвался Эней, и меч его в горло Магу вошел.

Смертью наказан был Гемонид, жрец Гекаты и Аполлона. У Анксур он поначалу отсекал левую руку и затем заколол. Тарквиний, сын Фавна и нимфы Дриопы, был пикой убит. Так он несся по полю и сеял смерть подобно потоку, что с гор в половодье несется. А навстречу ему мчался Асканий. Лагерь освобожден от осады. Рутулы бегут в беспорядке.

Спасение Турна

Увидев с высей Олимпа ярость Энея, Юнона как вихрь устремилась на землю, прямо к войску, стоявшему у Лаврента. Здесь, соткав из тумана облик могучего мужа, она придала ему сходство с Энеем, вложила ему в ус-

та голос сына Анхиза. Точно такую же тень смертного, говорят, витает после кончины. Или же нас сновиденья морочат. Призрак был послан к Турну. Метнув в него пику, он повернул к нему спину и в бегство пустился. Тотчас рутул загорелся обманной надеждой. И устремился за призраком он, мечом ему угрожая и бранью позоря. На берегу оказался корабль. Привел его с опозданием клузиец Осиний. Призрак на судно взлетел. Турн, его догоняя, поднялся по сходням и на палубе стал гоняться за тенью. Юнона тотчас причальный канат оборвала, и корабль отливом был вынесен в море.

Призрак исчез, и Турн, отделенный от войска, понял обман и, стеная, воздел к Юпитеру руки:

— Зачем на меня ты, о всемогущий отец, такую кару обрушил? Где я? Куда уношусь? Умиравших слышу я стоны. Они трусом считают меня, спасающим шкуру свою. Пусть же земля подо мной разверзнется! Ветры пусть бросят корабль на скалы!

Так он метался, мореходов смущая, не зная, что предпринять. В море ли прыгнуть, до берега вплавь добираться? Броситься грудью на меч? А корабль скользил по волнам. Течение его относило к стольному городу Давна.

Смерть Лавса

Рабы мы. Нам некуда деться!
Слабы мы. Наш жребий таков.
Но есть среди нас и Мезенций,
Презревший всеильных богов.

Они смеются, быть может,
Над ним во всеильи своем.
Но все же! Но все же! Но все же —
Не прожил он муравьем.

Между тем, подстрекаем Юпитером, на ликующих тевкров обрушился грозный Мезенций. Его со всех сторон окружили тиррены, ибо был он им ненавистен. На него одного нацелены копья. Подобно скале, окруженной волнами в море открытом, высился он, принимая удары неба и моря. Был он похож на гигантского вепря, коего с гор недоступных, за ляжки кусая, согнала свора собачья. Многих он уложил своею огромною пикой, зубами скрипя и с себя сотрясая стрелы и копья.

Был среди им поверженных Акрон, греческий муж из пределов старинных Корифа. Оставил несчастный невесту, на помощь своим поспешив, как только проведет о том, что Мезенций неодолимый сметает отряд за отрядом. Поверженный мощным ударом, он был придавлен пятой Мезенция. Рядом с ним лежал на земле бездыханный Ород. Он на Мезенция с тыла удар нанести попытался и был поражен не коварством, а мощью. Умирая, крикнул Ород:

— Кто бы ты ни был, недолго тебе ликовать остается!

Захочет, ответил Мезенций:

— Умри! Обо мне же родитель богов пусть решит, что захочет!

Пика с огромною силой понеслась к Энею и, отлетев от доспехов, Антора поразила. В Аргос он сопровождал

Геркулеса, в Италии стал оруженосцем сына Венеры. Дух испуская, несчастный взор свой на небо направил, родные края вспоминая. Эней копье свое кинул, и оно, пробив Мезенция щит, в теле застряло его и утратило мощь.

Видя это, Эней вытащил меч свой и с радостным криком стал наступать, повергая Мезенция в ужас. Сыновья любовь у Лавса слезы исторгла. Выбежал он из фаланги отцу на защиту, загородив его телом, словно щитом. Эней, загоревшись от гнева, крикнул юнцу:

— Отойди! Не по силам твоим, неразумный, то, что задумал.

Но юноша был непреклонен, и парки нить его оборвали. Меч пронизал беззащитное слабое тело. Сам же Эней, поблдевав, застонал, и жалобный вопль над землей потрясенной разнесся:

— Чем наградить тебя, мальчик, за этот подвиг великий? Праха я не коснусь твоего и передам его вместе с доспехами манам и могилам отцов. Пусть будет им утешенье, что смерть ты принял от оружия Энея²⁴¹.

Отцовское горе

Тем временем на берегу Мезенций омывал водами Тибра рану. Над головою его качался на ветку повешенный шлем. По груди борода разметалась. Задыхаясь, умолял он друзей о сыне узнать. А его, бездыханного, уже несли на носилках и на траву положили возле доспехов отца. Руки к нему простирая, Мезенций стонал:

— Неужто, мой мальчик, к жизни любовь моя настолько упорна, что мог я тебя, кровинку мою, не сбереечь? Вот когда ранен я. Вот когда смерть подступает ко мне, давно запятнавшему имя свое и достойному казни любой²⁴². Но не сдамся я смерти. Коня мне!

Оруженосцы коня подвели, и, с трудом из-за раны на спину его поднимаясь, обратился Мезенций к последнему другу, глядя гриву его и пытаясь в глаза заглянуть:

— Вижу я, Реб, зажились мы с тобою на свете, если впрямь кто-то нашелся, кто ставит пределы для смертных. Что ж! Теперь или ты понесешь голову мужа, убившего Лавса, и доспехи врага, обгаренные кровью, или со

мною падешь, если телом своим не пробьешь дорогу к победе. Ну не дрожи так, храбрец мой, и глаз не коси. Рабство у тевкров тебе не грозит! Ты его не достоин²⁴³.

Так он сказал и, в ладони набрав побольше дротиков острых, незаметным движеньем пустил Реба вскачь к струю троянцев на верную гибель.

Тризна

Блажен, кто принял смерть за отчий дом
И за очаг с пылающим огнем.

Шарль Пегу

Вышла на небо Аврора, покинув ложе ночное свое — Океан, и озарила опустевшее поле сражения. Печаль не могла помешать благочестивому исполненью обетов. Холм насыпал Эней и дуб, очистив от веток, в землю воткнул²⁴⁴. К стволу он приставил Мезенция окровавленный панцирь, пробитый во многих местах. Шлем блестящий, с мохнатою конскою гривой, он повесил на сук и, оглядев сооружение, к друзьям обратился, пришедшим из стана:

— Вот во что превращен моими руками Мезенций. Ныне же нам предстоит поход на Латина. Будьте готовы к нему духом и телом. Но теперь нам пора выполнить долг свой перед теми, кто пал, сражаясь за нас и за новую Троию. Прежде всего мы отправим к Эвандру тело Палланта.

И он направил стопы туда, где хладное тело старец Акет охранял. Оруженосец, служивший Эвандру, был он им дан юноше в дядьки.

Едва Эней и троянцы в покои вступили через высокие двери, вскинулся вопль до звезд. Когда же он смолк, Эней, слез не сдержав, обратился к покойному с речью:

— Отрок несчастный! Фортуна, мне улыбаясь, не пожелала, чтоб ты вернулся в родительский дом. Но тебя мы проводим с почетом, и раны кровавой родитель твой не увидит. О, какую теряет опору Авзония и ты, мой Асканий.

Юноши быстро сплели из веток вишневого лозы и гибких веток дубовых носилки и, устлав их листвою зеле-

ной, опустили Паланта на смертное ложе. Был он похож на цветок полевой, что рукою сорван девичьей, иль на фиалку нежную, хранящую прелесть даже тогда, когда мать-земля ее не питает. Два златотканых покрыва вынес Эней, работы Дидоны, дар ее давней любви. Одним он облек тело юноши, другое положил ему под голову, и двинулся воинский строй, сопровождая носилки. Сзади плелся Акет, то в грудь себя ударяя, то ногтями царапая щеки, то простираясь в пыли.

За ним провели колесницу, обогренную кровью рутулов. Следом коня боевого Паланта. Конь шел с головой наклоненной, крупные слезы роняя. Друзья несли шлем и копьё Паланта. Остальное оружие Турну досталось. Шествие замыкали тиррены и тевкры. Когда оно удалилось, вернулся в лагерь Эней. Там ожидали его послы из Лаврента с ветвями оливы в руках. Молили они разрешить им тела взять для погребения. Эней, разрешение давая, промолвил:

— Злая судьба вас, латины, ввергла в войну. Царь ваш нарушил гостеприимства законы и доверился Турну. Это ему одному справедливо бы было выйти на бой и решить со мной спор оружием. Но поспешите к себе предать своих граждан огню.

Гроза над Лацием

У Гомера в «Илиаде» к схваткам под стенами Трои обращены пристальные взоры не только смертных, но и олимпийцев. Боги не только сочувствуют той или иной стороне, но и подчас поддерживают ее личным участием. Последователь Гомера Вергилий как патриот заставляет небожителей перенести внимание на доисторический Лаций, ибо все, что происходило на западном «фронте», имело отношение к событию не менее важному, чем отгремевшая Троянская война, — к рождению Рима и великой империи. Троянцам традиционно помогает Венера по мере своих сил, а рутулов и латинян поддерживает ее соперница Юнона (Гера). Но Юпитер (Зевс), как всегда, не теряя контроля над ситуацией, препятствует пристрастным и пылким богиням торопить время. Он предоставляет каждому из героев проявить свою до-

блесть, хотя предстоящее торжество потомков Энея и завоевание ими мирового господства предрешено судьбой.

Эта концепция, изложенная Вергилием в начале X книги, позволила ему в последних двух книгах показать с точки зрения гомеровской объективностью величие доблестного противника Энея Турна и других италийских героев, воевавших против пришельцев. Последние две книги «Энеиды» (XI и XII) посвящены преимущественно военным событиям. В описании батальных сцен легендарной войны Вергилий достигает вершин своего гения.

Источниками в описании грозы над Лацием Вергилию послужили легенды италийских племен, собранные и изложенные более чем за век до него Катон Старшим в «Началах», а также написанные стихами «Анналы» Энния. Оба эти произведения до нас не дошли. Но благодаря Вергилию и его современнику Теренцию Варрону, знатоку римской старины, в нашем распоряжении оказалась то, что можно назвать италийским фольклором.

*Царский совет*²⁴⁵

В то утро на тихих, поросших травой улицах Лаврента былолюдно. Прохожие в богатых одеяниях, подчас запыленных, по несколько человек и поодиночке, двигались к находящемуся на холме царскому дворцу. Латин еще несколько дней назад разослал по всему Лацию приказ старейшинам родов собраться на совещание и назначил время для сбора. Царский совет в Лавренте не созывался более года, и все понимали, что предстоит принять какое-то важное решение.

Оглядев советников, занявших предназначенные им места, взглянув на стоявшего с ним рядом Турна, царь проговорил:

— Отцы! Я вас собрал прежде всего для того, чтобы сообщить о результатах посольства, отправленного мною в самом начале войны к Диомеду²⁴⁶. Впусти послов.

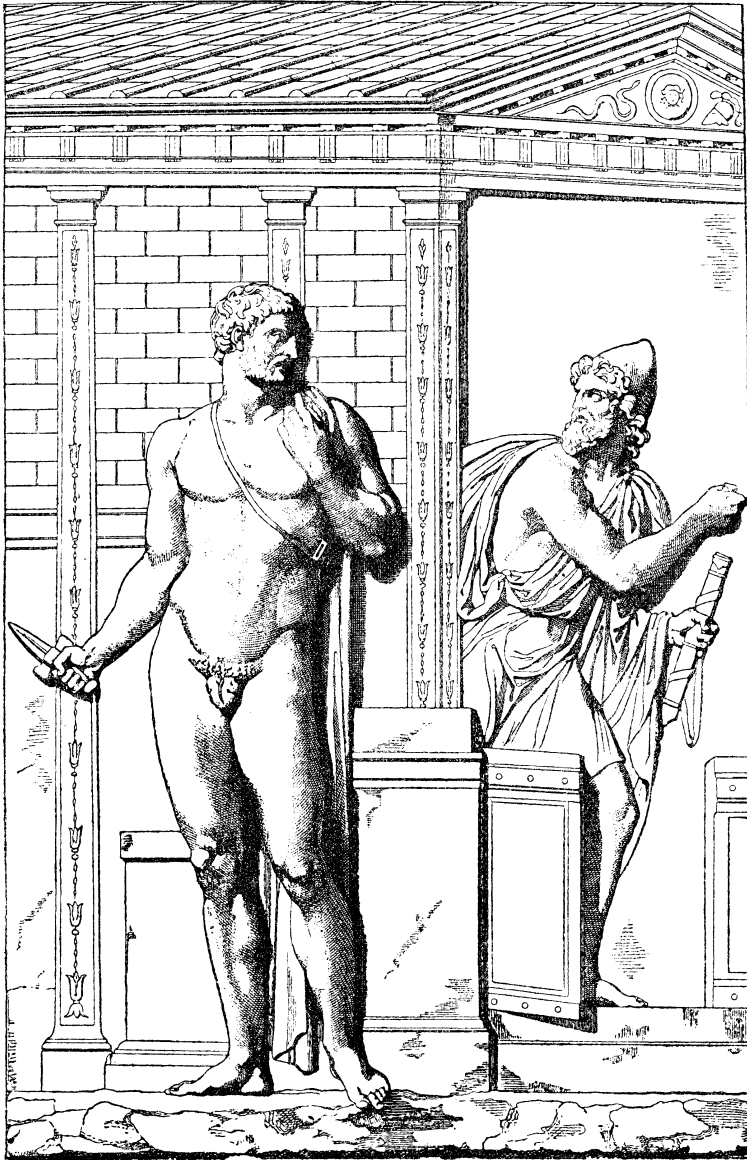
Отворились двери, и в зал вступили трое мужей. Пройдя по проходу между скамьями, они остановились в паре шагов от трона.

— Говори, Венул! — обратился Латин к старшему из послов. — Пусть отцы услышат то, что ты поведал мне.

— Сограждане! — начал Венул. — Мы совершили долгий путь, преодолев немалые препятствия, ибо время ныне не мирное. Боги нам помогли достигнуть владений царя Давна и зятя его Диомеда. Город Диомеда Аргириппа²⁴⁷ находится под горою Гарганом. Нам открыли ворота, и мы вошли в дом и коснулись руки, сокрушившей Трою. Приняв наши дары, Диомед со спокойным лицом выслушал, откуда мы родом и кто нами правит, с кем ведем войну. Когда же мы изложили просьбу о союзе, он встал и, взволнованно расхаживая, сказал следующее: «Счастливы живущие в стране, которой правил Сатурн. И сама эта страна прекрасна, как никакая другая. Зачем же вам помышлять о войне, да еще с кем, с самим Энеем? Ведь знаю его я не по рассказам! Сам стоял под его жестоким оружием. Помню, как поднимает он щит и как копье посылает. Если бы еще двоих подобных ему породила земля, Троя стояла б поныне. Ведь только Гектор и он в течение десяти лет отражали наши атаки. Мужеством и доблестью оба равновелики. Но благочестием выше Эней. На каких угодно условиях мир с ним заключайте. Вот мой совет. В войне я вам не помощник. Не могу вспоминать я о том, что извели мы под стенами Трои, скольких мужей потеряли. За ее разрушение мы так расплатились, что над нами б сжалился даже Приам. Не дали боги и мне в Калидон возвратиться, трижды желанный, к сердцу супругу прижать²⁴⁸. Нет и теперь нет мне покоя. Птицы меня днем и ночью тревожат²⁴⁹, души непогребенных друзей. Воплем они оглашают утесы прибрежные, бродят у рек, что текут под Гарганом. Вот и теперь... — Он оглянулся и закрыл голову руками. В покоях мы были одни, и мы поняли, что Диомед видит то, что недоступно нашему взору.

— Довольно, — сказал Латин. — Об обратном вашем пути можешь не говорить. Ваше посольство было нелегким. Конечно, мы ожидали, что вы принесете желанный союз, надеялись мы, что тот, кто Трою разрушил, поможет избавиться нам от троянцев. Но это, я вижу, не угодно богам. И вот что я скажу. Пусть Диомед от горя помешался умом, но совет разумен его. У Альбулы есть участок²⁵⁰, который граничит с твоими владениями, Турн. Почему бы его не отдать троянцам в обмен на мир справедливый? Пусть себе рядом с нами живут. Если же по-

Диомед и Улисс (по античному барельефу)

желают нашу землю покинуть, дадим им нашего леса, меди и полотна, всего, что надобно для постройки судов. Вот что у меня на уме. Вы же предложение мое обсудите, чтобы решение мог я принять.

Первым взял слово Дранкей, завистник и недруг рутулов, муж, искусный в речах, для войны бесполезный.

— То, что хочу я сказать, чего требует счастье латинян, знает в Лавренте любой, но не каждый поведать дерзнет из страха за жизнь. Я же скажу, хотя мне оружие и смерть угрожают. Тот, что рядом с тобою стоит, о Латин, пусть от нас удалится. Из-за него столько вождей полегло. Удача враждебна ему, и гордыня его ододела. К словам твоим, царь, о мире с Энеем позволь мне добавить. Кроме земли, чтобы мир обрести надежный, троянцу отдай дочь свою в жены. Нет спасенья в войне, и все мы требуем мира. Турн, удались, тебя еще раз прошу. Над нами и над рутулами сжался. Если же царская дочь тебе дорога, спор реши поединком с Энеем.

Яростно вспыхнул рутул. Из груди его вырвался стон.

— Да! Я разбит. Но кто, кроме гораздых на речи, сможет меня обвинить в этот миг, когда решают судьбу сила рук и доблесть, что не все я сделал для победы? Кровью убитых мною врагов пенится Тибр. Мною разрушен город Эвандра. Спор с Энеем не кончен. Время настало скрестить наши мечи. Искать врагов нам не придется. Рядом они. Цели наши войска. Мне на подмогу спешит Мессап, укротитель коней, вспять обращая течение рек. Конное войско нам на подмогу ведет царица вольсков Камилла.

— От женщины много ли проку, — вставил Дранкей, — если мужи бегут от оружия Энея.

— От женщины? — Турн повторил. — Знаешь ли ты, муж гнуснейший, кто такая Камилла? Изгнанный гражданин враждой родитель Камиллы Метаб²⁵¹ уходил из древнего града Приверна²⁵². Жену свою царь потерял, была с ним дочь, носившая имя покойной. Шел лесами Метаб, отовсюду ему угрожали копыя сограждан. При переходе реки Амасен²⁵³ ливень настиг беглеца. Переполнилось русло. Перед тем как пуститься вплавь, Метаб привязал ребенка к копыю и, забросив на берег, обратился к Диане, дочери Латоны, с мольбой Камиллу принять и своею сделать служанкой. Выплыв на берег, Метаб девочку поднял. Он воспитал ее средь медвежьих берлог, звери-

ным вскормил молоком. Первой игрушкой ребенка была не кукла из глины — маленький лук и праща. Птицы стали первой добычей Камиллы. Затем и звери стали бояться ее. Весть о ее красоте разошлась по городам Тиррении. Многие слали к ней сватов, желая видеть нимфу лесную супругой в доме своем, но были отвергнуты ею, ибо отец отдал ее Диане и она оставалась верна клятве отца. Вот кто идет к вам на помощь против пришельцев. Ваше, латиняне, дело принять ее или отвергнуть. Что до меня, я готов на поединок, если Эней пожелает сразиться со мною одним. Смело я выйду против него, равного силой Ахиллу, взяв на себя общее дело. И кажется мне, что эти руки Победа не ненавидит, как утверждает Дранкей. Он может меня не бояться. Гнусной душонки его я не исторгну из тела. Пусть она в нем остается. Мысли мои не о нем...

Долго бы еще длиться спору на царском совете, если бы в зал не ворвался гонец. Устами его, руша все надежды и планы, заговорила война:

— Эней привел в движение лагерь. За Альбулой построились тевкры. К ним на подмогу идут рати тирренов.

— Вот вам, отцы, — закричал Турн, — достойный урок. Обсуждайте условия мира. К вам же врываются в дом с оружием!

И Лаврент закипел. Пришли в смятение души. Разноголосый крик поднялся к небу.

Перег схваткой

Удрученно покинул Латин собрание совета. План мирения сорван. Турну удалось овладеть умами сограждан. Неудержимо приближается к Лавренту война. Город приходит в движение. Лаврентийцы катят огромные камни, чтобы поднять их на стены. Уступая железу, за воротами стонет земля. Воздвигается ров. Тянутся нестройные толпы в крепость, к храму Минервы, чтобы молитвою благочестивой беду отвратить. На колеснице, в сопровождении служанок, ведущих овец и телят на закланье, восседает Амата. Суровостью дышит лицо супруги Латина. Среди дев, несущих цветы, царская дочь, виновница распри. Не смеет она взгляд оторвать от земли.

Турн, окруженный ватагой рутулов, крепость покинул. На нем панцирь чешуйчатый, пылающий багровой медью. В правой руке его шлем. От дуновения встречного ветра алый развевается гребень. Лицо юноши наполнено ликованием. Так, привязь сорвав, скакун из конюшни рвется наружу к знакомой реке и весело ржет, взрывая копытами землю. Грива, раздувшись от ветра, на крутой развевается шее. В ушах звенит отдаленный зов кобылиц.

По зеленому лугу несется навстречу рутулу лихая девичья дружина. Прекрасны воительниц лица, разгоряченные скачкой и ожиданием боя. Камилла прекраснее всех. Подруг обогнав, первой она достигает ворот и, спешившись, обращается к Турну:

— Дозволь мне, вождь, задержать с девами турмы Энея и разгромить их во встречном бою. Ты же можешь здесь оставаться с пехотой, обороняя стольный город латинян.

Любуясь неземной красотой амазонки, рутул отвечал:

— Об этом и сам я хотел просить тебя, дева. Принесли лазутчики весть, что троянец послал по равнине всадников. Сам же Эней, избрав потаенные тропы, к нам пробирается с тыла. В горах я ему подготовлю засаду, в лощине, которую Марс для хитрости бранной избрал. На помощь тебе я даю мессапов, искусных в конных сражениях, и несколько турм латинян и тибуртинцев. Прими над ними начало, краса земли италийской.

Вскочив на коня, Камилла к реке поскакала, за нею весь девичий отряд. Дождавшись, когда амазонки исчезнут из виду, Турн обратился лицом к своему пешему строю. Ему коня подвели, и воинство двинулось в горы.

Амазонки (рисунок на вазе, музей Неаполя)

У стен Лаврента

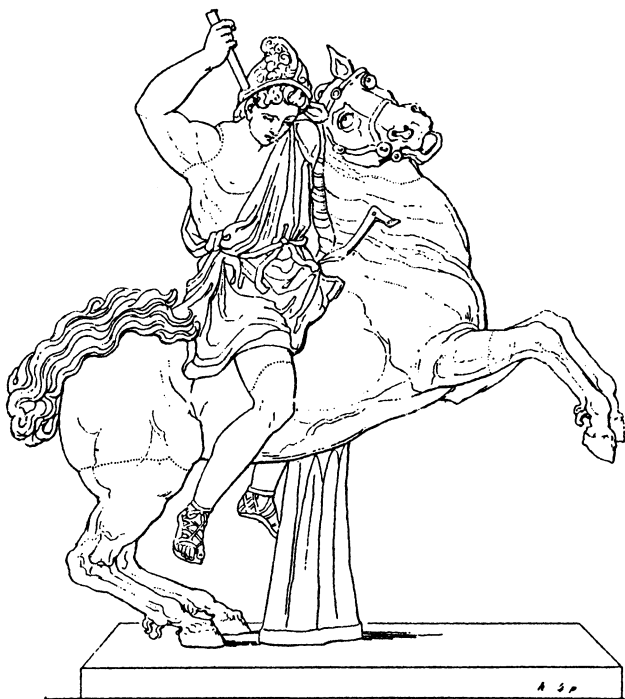
Блестящий щит и панцирь искрометный
Тугую грудь приметно отмечал,
Но шелк кудрей, румянец, чуть заметный,
Девицу в нем легко изобличал,
И речь текла без риторских начал.
«Сразись со мной! Тебе бросаю вызов!
О если б был ты встречных всех сильней!
Желанен мне не прихотью капризов,
Но силой той, что крепче всех цепей.
Возьми меня! Как звонок стук мечей!»

Михаил Кузмин

Впервые в то утро узрели граждане Лаврента столбы отдаленные пыли. И вскоре оцетинилось поле железными жалами копий. Луг запылал от блеска доспехов. Навстречу тирренам устремились турмы мессапов и латиняне в пешем строю. С каждым мгновением громче и яростней клич боевой пехотинцев. И вот засвистели копыта и стрелы, солнце затмив. Могучим был натиск тирренов. Защитники Лаврента отброшены к стенам, но у самых ворот, как бы опомнившись, повернули коней и погнались врагов, уже предвкушавших победу. Не так ли волны морские, равнень держа, к небу вздымая пенные гребни, неудержимо несутся на берег, чтобы затем отступить, обнажая желтый песок и застрявшие в нем ракушки и камни.

И еще раз рванулись вперед турмы тирренов, подобно прибою, но в это мгновение из-за холма показался летучий девичий отряд. Камилла неслась впереди с обнаженной левою грудью. Косы ее, выбившись из-под шлема, прикрыли черной волною лук, дорогой ей подарок Дианы. В правой руке амазонки сверкала боевая секира. Нет от нее спасенья. Один за другим смерть находили от прекрасной девичьей руки тирренские воины. Но вот навстречу Камилле с пикою наперевес мчит юный охотник Орнит²⁵⁴. Шкурой быка защищены его мощные плечи. На голове вместо шлема волчья шкура с разверстою пастью и устрашающим рядом желтых клыков. Камилла лук натянула, и стрела повергла Орнита на землю.

Вслед за Орнитом от секиры Камиллы пал Орсилох, и вот новый противник — юный Лигур, сын Авкна, та-

Сражающаяся амазонка

кой же хитрец, как и все обитатели Апеннин, живущие над равниною Пада²⁵⁵.

— Слава невелика, женщина, — обратился к Камилле Лигур, — добиться победы, на коне восседая могучем. Иное — помериться силой в пешем бою.

И тотчас, разожженная гневом, Камилла спустилась на землю, коня передав одной из спутниц своих. Лигур же, хлестнув свою лошадь, пытался бежать. Но обман ему не помог. Вскочив на коня, его настигла Камилла столь же легко, как ястреб, в небе парящий, хватая голубку, терзая ее кривыми когтями.

Видя побоище это, Тархон понесся к бегущим тирренам. По именам обращаясь ко многим, он их позорил такими словами:

— Стыд вами потерян, тиррены! Где доблесть ваших отцов? Откуда в душах у вас эти леность и трусость?

Женщина гонит вас всех в постыдное бегство. Зачем же вы на себя нацепили мечи? Нет, для полуночных утех Венеры вы не ленивы. Так же, едва лишь слуха ухнет, к пляскам взывая, вакхова флейта кривая, вы усерднее всех. И кто обойдет вас, когда призывает гарусник в священную рощу почтить небожителей пиром²⁵⁶?

Выкрикнув это, Тархон ворвался в гущу врагов и поверг на скаку мощной рукою аргосца Венула и доспехи с него сорвал. Зрелище это исторгло из глоток яростный вопль. Взоры латинян обратились к Тархону. Тиррены рванулись вперед. Аррунт²⁵⁷ первым коня повернул навстречу Камилле и стал за нею следить, ожидая, не пошлет ли ему удачу фортуна. Камилла, его не заметив, гналась неотступно за богатой добычей. Привлек ее взгляд, к украшениям жадный, конь в чепраке фригийском из позолоченной бронзы. Всадник был в гиматии из шуршащих полотен и в расшитой тунике, шлем золотой голову защищал, на спине был колчан золотой.

Видя неосторожность дикарки, Аррунт ликующе вскинул копье и молитву вознес к богу, чей храм высится на горе среди сосен могучих Соракты²⁵⁸:

— О Аполлон, хранитель наших святынь! Чтим мы тебя, сорактийцы. Вспомни сосен стволы, запылавшие жаром. По нему мы ступаем босыми ступнями, на золе следы оставляя. Дай мне, Отец всемогущий, смыть позор с оружия тирренов. Стяжаю хвалу я или без славы вернусь, лишь бы мне извести это злое творенье.

Внял мольбе Аполлон. Ветер утих, просвистела в воздухе пика, вонзившись под обнаженную грудь воинственной девы. И тотчас Аррунт бросился прочь. Смешались в душе его ликованье и ужас. Волку был он подобен, который, зарезав тельца, спасается в горы и, чуя погоню, прячет под брюхо трепещущий хвост.

Меж тем девы подскакали к Камилле, не дав ей упасть. Сама она попыталась вытащить дротик, но бесполезно — железное жало в ребрах застряло. Смертельная слабость охватила все тело, со щек румянец сошел. Обратилась Камилла к Акке²⁵⁹, подруге своей, с последней мольбою:

— Все у меня чернеет во мраке. Скачи к Турну. Пусть он меня заменит в бою.

Обронив поводья, амазонка соскользнула с коня. Склонилась на грудь голова, и душа, негодуя, со стоном к теням устремилась.

И тотчас поле битвы заполнилось воплем. И никто не заметил, как в облаке черном опустилась Акка на поле, исполняя волю Дианы, чтобы тело Камиллы, не оскверненное прикосновеньем враждебным, в небесный чертог унести. Напуганные исчезновеньем Камиллы, амазонки рассеялись в поле, рутулы же поспешили под защиту стен Лаврента, но лавренты не пожелали их в город пустить, и меж своими разгорелось сраженье. Сверху со стен жены и дети кидали в бегущих камни и бревна. Они же пытались конями, словно тараном, пробить ворота из крепкого дуба.

Уже вечерело, когда Акка, вестница смерти, добравшись до леса, встретила Турна и своим рассказом его повергла в смятение. Нет Камиллы в живых! Рассеяно пешее войско латинян! Рутулы побиты камнями. Враг наступают.

Турн принимает решение оставить лесную засаду и идти на равнину. Едва он покинул холмы, как в ущелье вступило войско Энея и, идя по пятам рутулов, вышло к реке, текущей под Лаврентом. Рассеялась пыль, какую подняла пехота, входящая в город, увидел Эней Турна в воротах. И Турн, обернувшись, узрел Энея, узнав его средь троянцев по доспехам и росту.

Быть бы отчаянной схватке, если бы утомленные длинным путем небесные кони не омочили копыт и колесница дневного светила, шипя, не опустилась в иберийскую бездну²⁶⁰. Ночь охладил пыл противников и их до зари разделила рвом и городскою стеною.

Решение

Едва показалась на небе заря, Турн поспешил в крепость для объяснения с Латинном. При виде рутула встречные отводили глаза. Сломлены были латиняне враждебностью Марса. Но Турн был в ярости своей непреклонен.

— Войско разбито, — он бросил царю. — Но кто меня назовет побежденным! Я один с Энеем сражусь, как мне уже предлагали на совете твоём. А вы все наблюдай-

те с башен и стен, как бьются за вашу свободу. И пусть победитель владеет твоею страной и невестой.

— О нет, — Латин отозвался. — Не могу я на гибель обречь жениха Лавинии. И вспомни о том, что ждет тебя в Ардее высокой отец престарелый.

Турн хотел возразить, но Амата к нему подбежала и, обняв племянника, мешая со слезами слова, произнесла:

— Ты один опора старости нашей несчастной, в руках у тебя одного власть над латинским народом. Ты один подпираешь наш покачнувшийся дом. Молюсь я о том, чтоб с пришельцами более ты не сражался. Вместе с тобой я покину мне опостылевший свет.

Слыша эти слова, залилась невеста слезами. Лицо ее разгорелось ярким румянцем.

Смущенный словами Аматы и горем Лавинии, Турн на мгновение умолк, но затем, найдя в себе силы, молвил:

— Нет! Я своего не меняю решения. Только схватка с Энеем может решить, кому быть твоим зятем, Амата, кому иметь над латинами власть.

И вот уже слуги подводят Турну коней белоснежных, от корня тех скакунов, которых Орифия, супруга Борея, подарила Пилумну, и в колесницу их запрягают, помогают ему натянуть на плечи панцирь и меч подают, подаренный Давну Вулканом. Могучей рукой Турн хватает копьё, — было оно прислонено к колонне, подпиравшей кровлю дворца, — и им потрясая, он восклицает:

— Пика, ты никогда еще мне не изменяла с тех пор, как я тобой овладел, отняв в поединке у Антора, владыки аврунков. Так послужи мне теперь! Помоги повергнуть мощное тело фригийского полубога, кудри его, напоенные миррой, с грязью смешать.

Яростью непреклонной пылало лицо рутула. Напоминал он быка, разъяренного красною тряпкой, который, копытами роя, взметает песок, готовясь широким лбом и рогами дуб разнести, вставший у него на пути.

Притворство

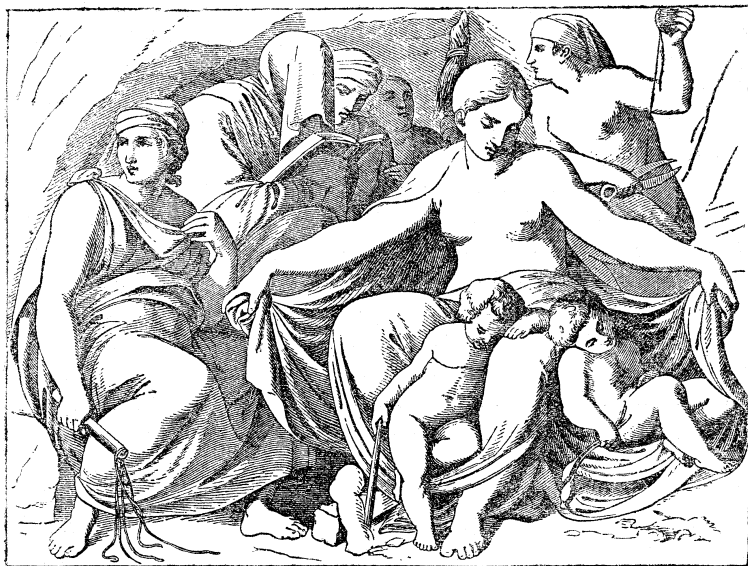
С вершины горы (имя «Альбанская» ей будет позднее дано, тогда же ни имени, ни славы она не имела) издалека обозревала Сатурнова дочь равнину. Взору ее открылся ряд алтарей, воздвигнутых по решению Латин

на и сына Венеры для принесения жертв небожителям общим.

Между войсками, сверкавшими вооружением, снова ли вожди, выделяясь красотой одеяний. Узнала Юнона тирренца Азила, Мнесфея из Ассаракова рода, Мессапа, потомка Нептуна. Покинув коней, они копыя в землю воткнули и наклонили щиты. Повторили то же движение оба воинства. И мгновенно равнина покрылась стволами кизила. Были видны Юноне стены и кровли домов. Их усыпал люд Лаврента, охочий до зрелищ. Переведя взгляд к потокам речным, впадающим в Тибр, богиня обратилась к нимфе Ютурне²⁶¹, дочери Давна, сестре воителя Турна. Знала ревнивица, что Юпитер с Ютурной встречался на ложе и девство похитил ее, но, притворившись к этому безразличной, она обратилась к сопернице юной с ласковой речью и льстивой:

— Нимфа! Ведомо мне, что супруг мой делил с тобой ложе. Но оно мне постыло. Я зла на тебя не таю. Горе тебе угрожает. Брат твой в неравную битву должен вступить. Парки готовятся нить ему перерезать.

Богини судьбы Парки, их мать Ночь и их братья Сон и Смерть

В состязании с роком мы, боги, бессильны. Я не в силах даже смотреть на то, как будет принято решение о битве. Ты одна в состоянии нарушить условия мира и брата спасти.

Залилась слезами Ютурна, ударяя себя ладонями в грудь.

— Нынче не время для плача, — решительно проговорила Юнона. — Действуй! Я в ответе за все!

*У алтарей*²⁶²

Между тем в пространство между войсками въехали две колесницы. На одной могучий Латин в короне двенадцатилучевой, какую носить дозволено внукам дневно-го светила. Белоснежною парой коней правил рутул, вооруженный копьем с широким жалом. На другой колеснице стоял сын Венеры, сверкая небесным доспехом. Конями правил Асканий.

С колесницы сойдя, Эней пошел к алтарям и обратился к богам Олимпа и к Солнцу, к рекам и родникам, обещав удалиться в опустевший город Эвандра, если победа достанется Турну. Если же Марс даст ему победу, он обязался связать латинян и тевкров вечным союзом.

Латин поклялся Землею, Солнцем и Морем, а также Янусом и владыкой подземного царства мир соблюдать до тех пор, пока не смешаются небо с землею и скипетр царский в правой его руке не выбросит листья.

Так говорили вожди, скрепляя договор рукопожатием, а потом над алтарем, по обряду старины, заклали овец, вырвав печень и сердце, предали их огню.

Рутулам казалось, что договор невыгоден им. Когда же Турн с изможденным бледным лицом у алтарей появился, ропот возник. Его услышала Ютурна и втесалась в гущу бойцов, приняв обличье Камерта²⁶³, царя амиклейцев, сына Вольсента, стала искусно их подстрекать против согласия между вождями:

— Где у вас, соратники, стыд! За наше общее дело будет сражаться один. Взгляните, перед нами враги, аркадяне, тевкры, тиррены. Разве мы им уступаем числом или силой? Если будет бой неудачен для Турна, мы станем рабами пришельцев.

Ропот прошел по рядам италийцев. И в это мгновение Ютурна изобразила чудо на небе. Орел с высоты напал на лебединую стаю, и птицу одну закогтил. Но лебеди, сбившись в кучу, напугали врага, и он добычу свою отпустил.

Первым голос подал гадатель Толумний²⁶⁴:

— Я вижу богов, давших нам знак. Злобный пришелец птицу схватил, а теперь он трусливо спасается бегством за море. Время и нам взяться за копья, чтобы царя защитить и сбросить в море пришельцев.

Выйдя вперед, метнул он копье в сторону тевкров не целясь. Оно поразило одного из юношей чудных, сыновей аркадянца Гилиппа. Старцу их родила тирренянка²⁶⁵. Братья взялись за мечи. Затем вся фаланга оцетинилась копьями. Навстречу тирренам вышла рать лаврентов. Спасается бегством Латин, унося богов оскорбленных нарушением клятвы. Мессап гонит тиррена Авлеста. Уткнулся тот головою в алтарь, и груда камней его завалила. Короней, головню с алтаря подхватив, ее мечет в Эбуса, и у того густая борода запылала. Вожди спешат занять колесницы, и град громыхает железный.

Благочестивый Эней, не успевший доспех надеть, простирая к соратникам руки, призывал их остановиться:

— Куда вы несетесь?! Ведь договор заключен, и право сражаться осталось за мною.

Он не успел досказать, как стрела в его ногу вонзилась. После из смертных никто не приписал себе славу раненья Энея, и есть подозренье, что некто бессмертный стрелою распря разжег. Энея окружили сын и Ахат с Мнесфеем, уведя его в лагерь. Турн, увидав, что Эней строй покидает, воспрянул духом. Вскочив в колесницу, берет он в руки поводья и гонит коней, преследуя убегающих. Глумясь над врагами, гибнущими жалкою смертью, кричит он: «Вперед!» За ним его дружина несется.

Исцеление

Оруженосцы вели Энея в лагерь. Он порывался вырвать из раны стрелу, но тростник надломился. «Расширьте мне рану мечом!» — умолял он, но спутники не соглашались.

И вот на траву уложили вождя. Был приглашен целитель Япиг²⁶⁶, Аполлона избранник. Предложил ему в юности бог-стреловец кифару и быстрые стрелы, но им предпочел благочестивый юнец врачевание, знание трав, чтобы отсрочить кончину отца. И Япиг прожил век, славы чуждаясь, занимаясь в тиши своим скромным искусством.

Концы плаща подобрав по обычаю всех пеанидов²⁶⁷, склонился Япиг над вождем, шевеля остаток древка, заливая в отверстие раны травяные настои. Но пути к спасенью Фортуна не указала. Аполлон не пришел на подмогу, и ужас тевкров объял.

Между тем приближались к стану рутулы, и пылью небо затмило, в шатрах слышен стал воинственный клич. И Венера, чтоб вызволить сына, на Крит полетела, сорвав на склоне Иды цветок, чье имя диктам. Им летатся дикие козы, изгоняя из тела застрявшие стрелы. Незаметно для всех явилась Венера в шатер и в сосуд, служивший для утоления жажды, смешав его с амброзией сладкой, цветок опустила. Япиг омыл этим раствором целебным рану Энея, и стрела удалась безо всяких усилий, гноя источник иссяк. Видя это, Япиг крикнул голосом зычным:

— Ведите коня, несите оружие! Что вы стоите?

Обращаясь к Энею, он добавил:

— Не человеческим ты искусством спасен. Бог тебя спас и к великим делам призывает!

Роковое копьё

На поле, на чистом, у дороги к Лавренту одинокая стояла олива, радуя глаз серебристо-пыльной листвою. Под тенью ее спасались от зноя путники. Порою на ветках священного дерева под ветром качалась одежда, пропахшая солью морскою, дары прародителю Фавну от тех, кто чудом спасен был от коварства Нептуна.

На поле, на чистом, неподалеку от дерева фригийцы лагерь разбили. Без умысла злого они срубили оливу острым железом под корень. У свежего пня упало копьё роковое, несущее гибель могучему Турну. Железное жало под цепкие корни ушло. Эней, подбежав, ухватился за

древко и потянул, но копые ему не поддавалось. Обливаясь потом, тянул он копые, но оно сопротивлялось ему, словно живое. Матерь-земля, вскормившая Турна, была сильнее пришельца. Впервые в затуманенном смертью взгляде рутула пробудилась надежда. Пав на землю и к ней прикоснувшись губами, шептал он:

— Кормилица-мать, не отпускай железо, твое погубившее чадо. Не уступай святотатцу!

Услышала шепот вечнотекущая нимфа Ютурна, и, русло покинув, образ Метиска приняв, она доставила брату меч, который из рук его был выбит пришельцем. Теперь рутул при мече, а тевкр безоружен. В отчаянье с неба спустилась Венера и, с легкостью вырвав копые, его вручила Энею²⁶⁸.

И вот они снова стоят друг против друга, гневом пылая, готовые к бою, сын латинской земли и сын чужеземной богини Венеры.

Диалог в облаках

Находясь в золотых облаках, за поединком мужей наблюдала чета небожителей. Видя волнение супруги, к ней обратился владыка Олимпа с увещанием:

— Долго ли этому длиться? К чему твои ухищрения? Все равно ведь Эней Индигет вознесется судьбою до звезд. Дальше идти я отныне тебе запрещаю.

Потупив взор, отозвалась дочь Сатурна:

— Да, признаюсь, это я убедила Ютурну прийти на помощь брату. Но, клянусь Стиксом, ни лук, ни копые ей брат не велел. Да, я готова примирить пришельцев и Лаций на условиях, выгодных им. Троя погибла, и пусть испарится имя ее. Пусть царствует Альба. Итальянской доблестью пусть будет мощен римский народ.

— Просьбу твою я исполню, — ответил Юпитер. — Но и ты из сердца гнев изгони. Пусть останутся в Лации тевкры и растворятся среди латинян, я свяжу их единым наречьем. От смешанной крови род возникнет, который превзойдет благочестием бессмертных и смертных.

Так укрощен был дух мятежный Юноны, и она, следуя за супругом, покинула облака²⁶⁹.

Превращение

Ютурна, возвратив оружие брату, стояла поодаль, готовая снова вмешаться в сражение. Юпитер смотрел на нее, размышляя, как ее устранить.

Есть, говорят, две чумы, две заразы по имени Диры, рожденные Никтой вместе с Мегерой в сплетении змей, три крылатых сестры, к услугам которых верховный владыка прибегает во гневе. Вызвав одну из них, приказал Юпитер немедля явиться к Ютурне. И она полетела, словно стрела из парфянского лука, начиненная ядом, и, прорезая пространство, повисла над троянскою ратью и отрядом рутулов. Приняв облик птицы, имеющей обыкновение сидеть на могилах и кровлях пустынных, она опустила на землю.

Турн, узрев ее, остолбенел. Ужас сковал его тело, голос пресекаясь в гортани. Ютурна, издалека услышав биение крыл, задрожала. Ногтями царапая грудь, волосы вырывая, она завопила:

— Чем тебе, брат, я смогу пособить? Какое искусство поможет удержать в глазах твоих свет? Я ухожу, не пугай меня, зловещая птица. За тобою я Юпитера вижу мощную волю. За что он карает меня? За то ли, что дева я? И почему тогда он мне вечную жизнь даровал? И я не могу сопровождать несчастного брата и покончить с земными скорбями. Мне бессмертие дано. И как я одна, любимый, останусь на этой земле без тебя? Или другая земля предназначена мне?

Тяжело вздыхая, закутавшись в покрывало Главка, нырнула она в глубокое русло.

Возмездие²⁷⁰

Эней наступал, потрясая мощным древком, подобным стволу древесному, и речью Турна позорил:

— Что же ты меддишь опять? Какую новую ищешь уловку? Бой ведь у нас, не состязание в беге! Можешь любое обличье принять и призвать на подмогу все, чем искусство и доблесть владеют: взмыть ли птицею к звездам или в недра земные спуститься.

Турн головою кивнул:

— Твоих угроз я не пугаюсь. Страшны мне боги одни и Юпитер!

Озираясь, увидел он камень, мхом обросший, огромный, служивший межою на случай тяжбы судебной. Дюжина самых могучих людей, ныне рожденных землею, его бы поднять не сумела. Дрожащей рукою вскинул камень рутул и кинул в Энея. Но не прошел он всего расстояния, что бойцов отделяло.

И Турн себя не узнал. Так бывает тогда, когда сон наши очи смежает, когда телу привычных сил не хватает и к гортани прилипает язык. Разные чувства в его боролись груди. Взгляд его охватил и рутулов, и город, стеной окруженный, и пику, к нему обращенную грозно. Не осталось сил ни для бегства, ни для сражения. Нет колесницы. Сестры почему-то не видно.

Медленно заносит Эней копье роковое за спину и, выбрав место удара, кидает, вперед устремившись всем телом. Пика несется, подобно черному вихрю. Не так ли снаряд из баллисты, сорвавшись, в стене рассыпается с громом? Пройден щит семислойный. Пробита кольчуга. Жало вонзается в бедро со свистом.

Валится Турн, сгибая колени, на землю. Строй рутулов отзывается воплем, и жалобно вторят ему окрестные горы и рощи. Рутул глаза открывает и простирает руку к Энею:

— Я ни о чем тебя не прошу. Пользуйся счастьем. Но если сжалиться можешь над моим несчастным отцом, — был у тебя ведь такой же родитель, Анхиз, — тело мое, лишенное света, или меня самого родичам кровным верни. Ты победил. Твоя Лавиния, в жены ее возьми и уйми свою злобу.

Эней наклонился над Турном и отвел уже занесенную руку. Сердца его коснулись слова, какие Турн отыскал, и оно начинало смягчаться. Но вдруг из-под панциря Турна блеснула бляха той пекторали, которая покрывала грудь Паланта, и, взгляд на нее устремив, загоревшись яростным гневом, крикнул Эней:

— Нет! От меня не уйдешь, защищенный доспехом Паланта. Это он, мой друг, нанесет удар моею рукой, на злодейство твое отвечая возмездием.

И железо погружается яростно в грудь. Охладевает смертью объятое тело. Жизнь его покидает и к теням отлетает со стоном...

Эпилог

Конец биографии создан
Фантазией (нет, не моей):
Взмывает стремительно в воздух
Благочестивый Эней.

Без спутников и провожатых
Летит одинокий, как перст,
Богами на небо взятый, —
И звезды сияют окрест.

И ждет его мать Венера,
Распахнут небесный чертог.
Вознаграждается вера —
Отныне бессмертный он бог.

Он смотрит сверху на землю,
На свой любимый народ,
Призывам воинственным внемлет
И Цезаря с Августом ждет.

Так пал непреклонный вождь ругулов. Эней и его спутники могли надеяться, что после долгих и ожесточенных схваток они будут пользоваться благами мира. И поначалу казалось, что эта надежда их не обманет. Латин, потрясенный ужасным разворотом событий, понял, что всеми действиями пришельцев руководят небожители, и больше не сомневался в том, что его дочь Лавиния должна принадлежать победителю. Эней был объявлен наследником трона, и троянцы, покинув свой лагерь, переселились в Лаврент²⁷¹. Многие из них взяли в жены латинянок. Город быстро разросся. Пришельцы нашли себе дело. Казалось бы, совместными трудами их и латинян на истерзанную землю возвращается золотой век Сатурна.

Но дух Энея не обрел спокойствия. Ведь провозглашенная пророчествами великая цель — новая Троя — не осуществлена.

Как-то перед царем Латинном предстал Эней вместе с супругой своей Лавинией и Асканием, уже достигшим расцвета юности.

— Царь и отец, — начал Эней, склонившись перед старцем. — Дозволь мне поделиться с тобой мыслью, которая давно уже лежит камнем на сердце.

— Я тебя слушаю, мой сын, — отвечал Латин. — Освободи свое сердце от тяжести, какой бы она ни была.

— Камень, — продолжал Эней, — это мысль о новой Трое. Я хочу положить его в фундамент города, который должен сохранить и умножить славу своего великого предшественника. Такова же, как я смог убедить-ся, и воля бессмертных богов, в руках которых наши судьбы. Я хочу дать этому городу имя твоей дочери. И пусть он будет возвышаться на берегу моря, чтобы его гавань могла принимать корабли из всех городов и стран.

— Сын мой! — прервал Латин зятя. — И мне божество уже три ночи подряд внушает во сне, что тебя ожидает еще один великий подвиг. Когда же ты хочешь положить в основание города первый камень?

— Сегодня же! — отвечал Эней. — Боги на заре, перед тем, как мы покинули дом, приняли мои жертвы. А на пороге мы видели над своей головой благоприятных для любого начинания пернатых. Ночью же мне явился сам Аполлон, обещая чудо.

— Идите, дети мои! — проговорил старец растроганно. — Я верю, что город, какой вы построите, прославит мое царствование. Покажи мне, Эней, место, где ты хочешь поставить город.

По пути к морю предстало Энею, Латину и их спутникам чудо, обещанное Аполлоном. На краю леса дымились собранные в кучу сухие сучья. Лесной пожар был в те времена обычным явлением, удивительным было то, что вокруг кучи бегал волк, животное, боящееся огня, и раздувал пламя своим пушистым хвостом.

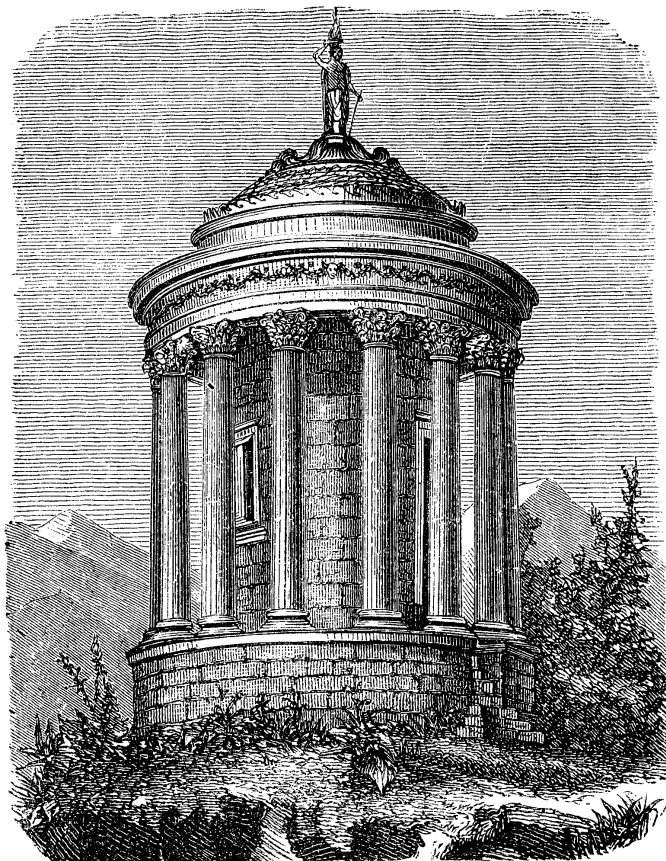
— Смотрите! — воскликнул Асканий, показывая влево. — Там лиса. И она мочит хвост в ручье. Вот она бежит к волку.

Подбежав к пламени, лиса стала брызгать на него воду хвостом. И тут же с неба камнем упал орел и стал раздувать пламя взмахами крыльев.

Усилиями волка и орла пламя стало подниматься все выше и выше. Лиса же, увидев тщетность своего труда, удалилась.

— Мы стали свидетелями настоящего чуда, — сказал Латин. — Но как понять смысл знамения?

— Мне кажется, — молвил Эней, — что священный огонь зажжен богиней очага, которой поклоняются все

Храм Весты

народы. Здесь, в Италии, ее называют Вестой. Зажженному Вестой огню содействовали волк — зверь бога войны Марса и орел — птица Юпитера, или Тинии, как его называют тиррены. Город, который я хочу воздвигнуть, прославится и будет вызывать восхищение во всем круге земель. Но, — об этом говорит схватка зверей, — по мере того как будет увеличиваться его мощь, она станет тягостной и ненавистой соседним народам. Поэтому лиса, соседка волка по лесу, сделала все, что в ее силах, чтобы загасить пламя. Глядя на эту

лису, я вспоминал Турна, все эти годы стоявшего на моем пути.

— Ты прав, сын мой, — согласился Латин. — Взгляните, волк и орел исчезли, показав нам, что теперь мы должны давать этому пламени корм. Ведь священный огонь не должен погаснуть. Займемся же делом! Начнем воздвигать храм Весты!

Так было начато сооружение Лавиния. Латин, дав строительству благословение, вернулся в Лаврент. Новая Троя при энергичном руководстве Энея росла не по дням, а по часам. Рядом с храмом Весты, куда были помещены спасенные из пламени Трои пенаты, появились храмы Юпитера и Марса. В святилище Марса Эней повесил свое копьё. И не было ему покоя. Оно все время дрожало, призывая лавинийцев к оружию. Ведь Лавиний стал у рутулов бельмом на глазу. Они вспоминали погибшего героя Турна и корили себя за то, что не были столь решительны в борьбе с пришельцами, как он. Лавиний внушал страх и тирренам. Их царь заключил с рутулами союз. Объединенное рутуло-тирренское войско двинулось к стенам Лавиния. Эней, заручившись поддержкой богов, выступил ему навстречу.

На берегу Нумика²⁷² разразилось сражение, и одновременно загрелась гроза. Молнии, подобные стрелам, терзали небо. Слово бы и боги по примеру смертных вступили в схватку друг с другом. От потоков воды переполнился Нумик и залил равнину. Но пострадали от наводнения больше рутулы и тиррены, чем троянцы.

— Мы побеждаем! — разнесся по полю громовой голос Энея. — Боги за нас!

И вдруг на несколько мгновений мрак опустился на землю. Когда же засияло светило, троянцы не увидели сына Венеры. Поднялся переполох. Остаток дня, а затем и полночи лавинийцы искали, в реку ныряя, вождя, перешаривая кусты и переворачивая тела павших.

На заре Асканий обратился к соотечественникам:

— Возрадуйтесь! Мой и ваш родитель поднят на небо богами, и сейчас он взирает на нас с высоты и вместе с нами ликует.

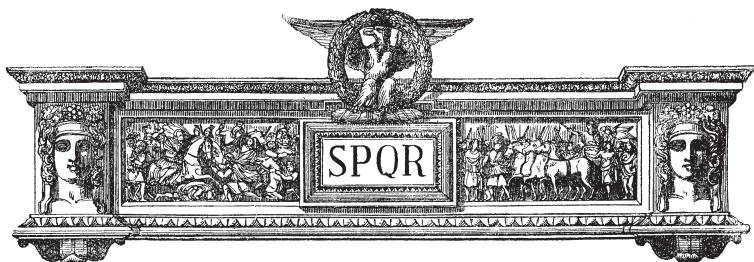
У латинян же насчет судьбы Энея было свое суждение. Они полагали, что прародитель утонул в Нумике,

и возвели ему на берегу кенотаф, водрузив на вершине погребального холма такую надпись: «Отцу и богу этой земли, управляющему течением реки Нумика».

Как бы то ни было, на седьмой год после отплытия из Трои Эней исчез. Жена же его Лавиния покинула город, носящий ее имя, то ли от горя, то ли от страха за судьбу того, кого она носила в своем чреве²⁷³. Рассказывали, что заботу о ней проявил охотник по имени Тирр, или Тиррен²⁷⁴. Отведя ее к себе в лесную чащу, он построил там хижину и помогал матери и ребенку, которому по месту рождения дали имя Сильвий (от *silva* — «лесной»). В Лавинии же исчезновение дочери Латина приписывали козням Аскания, ибо у того был свой сын, которому он хотел передать власть и царствование. Но в городе Альбе Лонге, основанном Асканием, после его смерти стал царствовать сын Лавинии Сильвий.

Часть вторая

НАЧАЛА

Первая часть нашей книги вобрала в себя легенды, относящиеся ко времени, предшествующему появлению Рима. Другая ее особенность в том, что повествование опирается на произведение одного автора, собравшего весь материал и придавшего ему характер эпического произведения. У нас возникали трудности, связанные с необходимостью сохранить художественное воздействие древнего оригинала, разъяснить мысль гениального автора и сделать понятными исторические реалии, использованные при изложении древнейших судеб Средиземноморья и Италии.

Вторая часть книги основывается не на одном источнике, а на многих, при этом совершенно иного характера. И дело здесь не в том, что они написаны прозой, а не стихами. Авторы на основании легенд и разного рода домыслов, основанных на религиозных обрядах, названиях местностей, именах персонажей, пытались восстановить историю Рима, о котором его соседи знали очень мало или вовсе не знали. Наша же задача — на основании «историй» воссоздать легенды и представить изложение истории в образах. В первой части читателю приходилось следить за судьбами немногих героев, знакомясь с другими по мере их странствий и попыток утвердиться на территории, которая станет ядром будущей империи. Здесь же персонажи будут постоянно меняться, и с каждой новой главой и страницей их число будет увеличиваться. И с этим ничего не поделаешь!

Сохраняя структурные особенности первой части, мы излагаем начальный период римской истории также по книгам, выделяя в каждой из них то главное, что характеризует смысл происходящих событий.

VI. КНИГА ЦАРЕЙ

Предисловие

«Рим был основан царем, давшим ему свое имя, и на протяжении почти четверти тысячелетия управлялся царями. Царей было столько, сколько в Риме холмов — семь. Последний царь был тираном. После его изгнания в Риме утвердился Республика».

Видимо, такую справку выдал бы компьютер, если его «попросить» изложить на основании имеющихся у нас материалов историю царской эпохи в кратчайшей форме, опуская легенды. И даже при этом оказалось бы, что все же мы от легенд не избавились: число семь отдает легендой (священное число), и трудно себе представить, что правление семи было столь длительным. Что же касается царя, давшего городу свое имя, то на память приходит столица Ассирии Ниневия, будто бы основанная царем Нином, и древнейшая столица Руси Киев, получившая имя по Кию. И мы понимаем, что компьютер с порученной задачей не справился, потому что заложенные в него данные — легенды, и для их понимания еще не выработаны точные методы.

За легендами стоят определенные религиозные представления и исторические реалии. Так, за преданиями о Ромуле и Сервии Туллии проглядывается представление о священном браке с божеством как источнике политической и сакральной власти. Известно, что жрицы богини очага Весты почитали фаллос.

В рассказах о римских царях постоянно фигурируют жрецы — понтифики, авгуры, гаруспики, салии, арвальские братья и др. Царям приписывается создание жреческих коллегий, учреждение праздников и религиозного календаря. Римские цари были обладателями власти иного порядка, чем владыки Ассирии или Египта. Если фик-

Жертвоприношения весталок

сация за отдельными царями тех или иных религиозных преобразований не выдерживает критики, то нет сомнения в том, что сама система архаической римской религии возникает в царскую эпоху и связана с личностями тех или иных царей.

Римские легенды о царях сходны с подобными легендами греков, карфагенян, этрусков и других древних народов. Они были рассмотрены Аристотелем и его учениками в огромной серии трудов — «Политий» (исследований государственных устройств), включая и «Тирренскую политику» — не по народу тирренов, а по названию страны Тиррения (т. е. Италия). Обобщая результаты руководимых им частных исследований, Аристотель в «Политике»

выделил в универсалиях царской власти архаическую примитивную форму, господствующую как у современных ему «варваров», так и в «героическую эпоху» у греков, в политическом и культурном плане от варваров ничем не отличающихся.

Римские легенды характеризуют именно эту модель. Современные исследователи в анализе ее вслед за Аристотелем опираются на этнографический материал. Это дает возможность отделить в рассказах о римских царях реальные исторические элементы от того, что навеяно поздними великодержавными трактовками. При этом данные источников, не доступных античным историкам Ливию, Дионисию Галикарнасскому и Плутарху, позволили выделить в легендах о римских царях две эпохи — древнюю, вписывающуюся в предложенную Аристотелем модель примитивной царской власти, и позднюю, которая стадильно соответствует ранней греческой тирании VII—VI вв. до н. э. При Тарквиниях Рим был таким же полисом, как Афины, Коринф или Фивы и собственно этрусские государства — Цере, Тарквинии или Вольсинии. Тем не менее в нашем распоряжении опять-таки легенды, требующие усилий не столько мифографов, сколько историка, владеющего археологическим, эпиграфическим и лингвистическим материалом.

Ценным источником для изучения истории римских царей является археология. Благодаря ей мы знаем о раннем периоде Рима больше, чем римские историки, гордившиеся тем, что Рим им известен со времени его основания Ромулом. Археологический материал позволяет не только внести поправки в рассказы о римских царях, но и осветить то, что ускользало от внимания Теренция Варрона, Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Плутарха: экономическое развитие территории будущего города, его разносторонние контакты с итальяскими и внеиталийскими народами. Особенно много дали раскопки самого Рима, других латинских городов и примыкающих к Лацию этрусских и итальянских центров. Благодаря этому в распоряжении науки оказались этрусские, осские, умбрские и другие итальянские надписи и памятники, характеризующие мифологию и религию доримской Италии.

Глава 1

РОМУЛ И РОМА

В рокочущем имени Рома
Мне слышится клекот орла,
Раскаты далекого грома
Над миром, сожженным дотла.

Вот к небу вздымаются стены
На страх и на гибель врагам,
И падает вождь Карфагена²⁷⁵
К обутым в калиги²⁷⁶ ногам.

И все уже недруги немы,
Но в ножны не входят мечи,
И вспомнит об участи Рема
Сам Цезарь в предсмертной ночи.

Легенды о возникновении великих городов мира никогда не рождаются на пустом месте. Они появляются тогда, когда появляется потребность оправдания завоеваний чужих земель и удовлетворения непомерно раздувшегося честолюбия завоевателей.

Создатель «Сравнительных жизнеописаний» греческий писатель Плутарх дал наиболее полное из до нас дошедших изложение легенды об основании Рима в форме биографии его основателя Ромула. При этом он объединил Ромула и такого же вымышленного афинского героя Тесея в одну пару и именно с нее начал рассказ о замечательных людях древности. Это объединение не только подчеркивало лояльность к владыкам мира римлянам, но имело глубокий внутренний смысл. Подобно тому, как миф о знаменитом афинском герое Тесее был в свое время призван обосновать гегемонию афинян на морях в качестве наследников якобы сокрушенной Тесеем критской державы Миноса, миф о Ромуле был создан для освящения Римской империи, мировой державы, подчинившей своей власти Средиземноморье, часть Европы и Азии.

Плутарх и все многочисленные греческие и римские писатели, обращавшиеся к ранней римской истории, стремились разглядеть в перипетиях жизни основателя Рима все то, чем Рим стал впоследствии, в период своего величия, то, чем можно было кичиться завоевателям мира, но уже вызывало не только у завоеванных, но и у самих

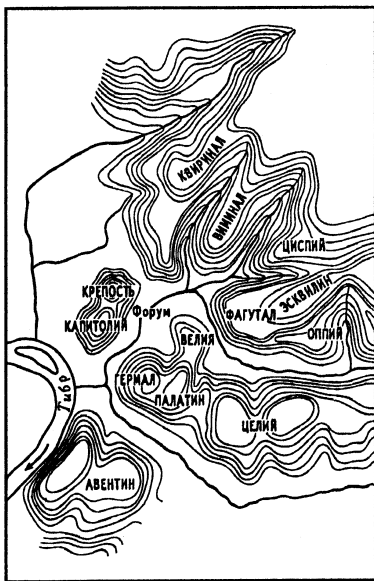

римлян подчас негодование и ужас. Миф о Ромуле в том виде, в каком он до нас дошел, — это пророчество задним числом не только о создании могущественной империи, но и о заложенных уже при основании города на Тибре пороках, приведших к кровопролитным гражданским войнам, которые поставили державу на край пропасти.

Пожалуй, более всего подорвал доверие к принятой римлянами легенде о Ромуле великий знаток античной старины Плутарх, приведя в начале биографии основателя Рима мнения древних авторов о том, «от кого и по какой причине город Рим получил свое великое и облетевшее все народы имя». По одной версии, городу дали имя пеласги, поселившиеся в нем, в знак силы («роме») своего оружия. По другой версии, город получил имя по троянке Роме, которая подговорила троянских женщин сжечь стоявшие в устье Тибра троянские корабли и тем самым принудила троянцев искать здесь место для поселения. По третьей версии, Рома была не троянской, а местной женщиной, дочерью Итала, вышедшей замуж за беглеца из Трои Энея.

Таковы мифические претендентки на основание Рима, соперницы Ромула. Но были у него и соперники: Роман, сын Одиссея и Кирки; Ром, посланец воевавшего под Троей Диомеда; латинянин Ромис, изгнавший с территории будущего города пришельцев-этрусков. И даже те, которые отдавали первенство Ромулу, спорили между собой, был ли Ромул сыном Энея или его отдаленным потомком.

Таким образом, официальная легенда о Ромуле, которой с редким единодушием придерживались римские историки и поэты времени Августа (именно ее мы и будем излагать),

Ранний Рим.
Римские холмы

была одной из многочисленных версий, которая больше устраивала римлян не из-за того, что существовали какие-либо веские данные в ее пользу, а потому, что образу воинственного Рима более подходил мужественный основатель, а не женщина, не латинянин, а, скорее, чужеземец — пеласг или этруск.

Город на шести ручьях

Существуют связанные с древними городами словесные формулы, которые не только их переживают, но своей лапидарной силой сковывают умы последующих поколений и направляют их обращенную в историю мысль лишь по одной, отнюдь не прямой колее. Такова относящаяся к Риму хорошо известная поговорка «город на семи холмах», ориентировавшая специалистов в области древнейшей истории и топографии на рельеф, не обращающая внимания на не менее существенную особенность его географических условий — гидрографию. Лишь в конце XIX в. в работах итальянского археолога Р. Ланчани была отмечена исключительно важная роль в исторических судьбах раннего Рима шести перерезающих его территорию и впадающих в Тибр ручьев. Его мысли подхватила в середине XX в. Л. Холланд, которая пошла дальше и попыталась объяснить гидрографией не только политические, но и религиозные аспекты раннеримской истории.

В весеннюю пору эти ручьи (известны названия лишь двух из них — Петрония на Марсовом поле и Югурна на Форуме) разливались и заболачивали все низины, тем самым создавая препятствия для общения между обитателями разных холмов. Кроме естественных трудностей, возникавших при переправах, существовали преграды, воздвигавшиеся религией.

Римляне, как и другие древние народы, считали ручьи и реки священными. Их воспринимали в образе быков, что само по себе свидетельствует о времени возникновения этих представлений: бык — древнейшее божество средиземноморских религий. Согласно Фесту, реки ассоциировались с быками, поскольку были так же необузданны, как эти животные.

В обращении к рекам античность выработала формулу, сохраненную позднее поэтом Авсонием: «Здравствуй, поток неведомый, священный, благотворный, вечный». Наведение переправы через реку считалось актом, сковывающим вольную силу божественных вод. Сооружение даже небольших мостков поручалось священнослужителям понтификам (дословно: «мостоделателям»), которые должны были придерживаться священных предписаний. Главным из них был запрет на использование при постройке моста или его ремонте металлов — бронзы или железа. Разумеется, табу на металл могло появиться лишь тогда, когда он воспринимался как нечто чуждое, враждебное природе.

Таким образом, вопреки легенде о создании Рима как города выходцами из Альбы Лонги, само существование которой вызывает сомнения, в превращении сельских поселений в город решающую роль сыграли этруски, обитавшие в непосредственной близости от Рима — на территории Лация. Они одни в те времена обладали техническими возможностями и опытом осушения болот, что привело к объединению сельских поселений на холмах в единый город.

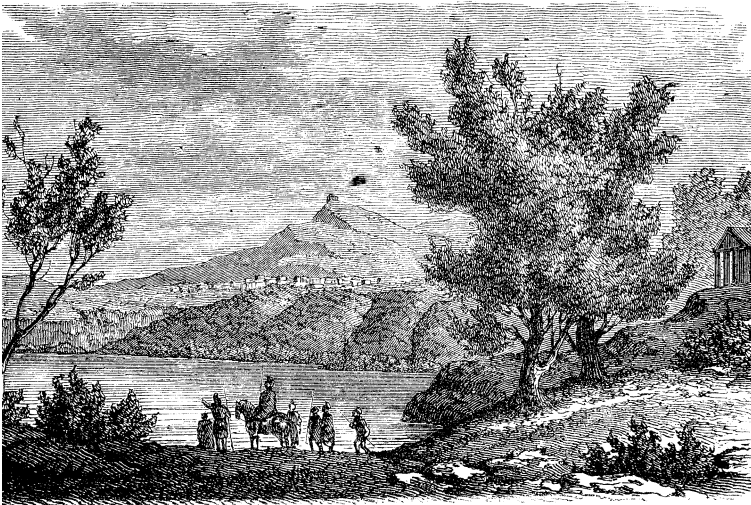
Рея Сильвия и ее сыновья

Смотри, как просты и квадратны лица, —
Вскормила их в горах твоих волчица...

Михаил Кузмин

Много вынес своих вод к морю могучий Тибр (Альбула) до той поры, когда в Альбе Лонге²⁷⁷ стал править царь Прок²⁷⁸. Было у Прока двое взрослых сыновей — Нумитор и Амулий. Чувствуя, что конец его жизни близок, слабеющий царь вынес на открытое место корону, скипетр и другие знаки власти, а на некотором расстоянии от них приказал взгромоздить кучу сокровищ. Вокруг же кучи были поставлены овцы и коровы, приведенные с полей. В бляенье и мычание влился голос царя:

— Дети! Я разделил все, чем обладаю, поровну между вами. Тебе, Нумитор, как старшему, дается право выбора.

Альба Лонга

Недолго думая, Нумитор поднял корону. По губам Амулия скользнула коварная улыбка. Младший сын Прока понимал, что с такими богатствами, какие достались ему, нетрудно будет приобрести и корону.

Так и случилось. Как только душа Прока удалилась к предкам, Амулий без труда отнял у брата власть, но, то ли его пожалев, то ли сочтя для себя неопасным, сохранил ему жизнь.

Было у Нумитора двое детей — сын и дочь. Юношу Амулий погубил во время охоты. Дочь же, Рею Сильвию²⁷⁹, назначил жрицею богини домашнего очага Весты. В обязанности весталки входило поддерживать священный огонь и соблюдать безбрачие²⁸⁰.

Все продумал коварный Амулий, чтобы на Нумиторе оборвался его род и можно было передать царскую власть собственным сыновьям. Но он не принял в расчет воли богов и их справедливости.

Однажды юная весталка с кувшином на плече спускалась с городского холма в священную рощу Марса²⁸¹, чтобы набрать из бившего там источника ключевой воды для жертвоприношения. Вдруг, откуда ни возмись, перед ней среди бела дня вырос огромный волк с зияющей

пастью. Спасаясь, девушка в ужасе забежала в ближайшую пещеру, но зверь настиг ее и тотчас превратился в божественно прекрасного юношу. Это был не кто иной, как сам Марс.

Внезапно погасло солнце, и в крошечной мгле, охватившей местность, Марс соединился с Реей Сильвией как муж с женой. Через несколько месяцев о случившемся с весталкой стало ясно по ее фигуре. Страшен был гнев жрецов, узнавших, что Рея Сильвия нарушила обет безбрачия. Что касается Амулия, то он вызвал племянницу и сказал ей:

— Известно ли тебе, несчастная, что тебя ожидает?

— Известно! — ответила Рея Сильвия. — Но да будет известно и тебе, брат моего отца, что я избрана Марсом и ношу в себе божественное семя. Каждый, причинивший мне вред, будет иметь дело с могущественным и мстительным богом.

— Негодница! — вскрикнул разгневанный царь. — Мало того, что ты нарушила священный закон. Ты еще возводишь напраслину на бога! В темницу ее!

Не защитили ни боги, ни люди Рею Сильвию и двух ее крепышей, вскоре родившихся в мрачном подземелье. Оторвали их от материнской груди, дали рабу, приказали утопить, как щенят. Поскольку близ Альбы Лонги для этого не было подходящей реки, исполнительный раб потащил младенцев к Альбуле, как тогда называли Тибр.

Было то время года, когда Альбула наполняется водами и между прибрежными холмами образуются стоячие болота. Утомившись, раб решил не идти до глубокого места и бросил младенцев, которых нес в корзине, на мелководье. Он полагал, что все равно их унесет в глубину или они погибнут как-нибудь иначе.

Едва опрометчивый раб удалился, как младенцы стали хныкать, и на эти звуки из пещеры, что на ближайшем холме Палатине, выбежала, озираясь по сторонам, матерая волчица. Она схватила младенцев зубами и потащила в свое логово, где вскормила их вместе с волчатами.

Окрепнув, мальчики стали выползать на свет и однажды попались на глаза благочестивому царскому пастуху Фаустулу²⁸². Он отнес их своей жене Акке Ларенции²⁸³,

Бюст весталки на Римском форуме

которая воспитала найденшей как своих собственных детей. Одного мальчика назвали Ромулом, другого — Ремом. Как и их приемные родители, они жили в хижине, сплетенной из тростника и соломы, на берегу мутной Альбулы. И хотя найденши не отличались от пастухов одеждой и не имели на лице или теле каких-либо знаков, их происхождение давало о себе знать чем-то неуловимым во внешнем облике и поведении. Вскоре братьям добровольно подчинилось несколько десятков молодых пастухов, смотревших им в рот и готовых выполнить любое их распоряжение.

Кажется, проявило себя вскоре и молоко волчицы, которого близнецы хлебнули в первые месяцы жизни. Братья вместе с дружиной стали заниматься разбоем — угоняли коз и овец, нападали и на подобных себе разбойников, а добычу делили между всеми пастухами. Обозленные разбойники не оставались в долгу. Как-то они подстерегли Рема, схватили его, но не расправились с ним по-свойски, а отвели в Альбу Лонгу, надеясь этим поступком искупить собственную вину.

И стал Ромул думать, как выручить брата, которого ожидала верная смерть. Об этом же размышлял и Фаустул, давно уже с удивлением приглядывавшийся к приемным сыновьям и к их необычному для пастухов поведению. Тем более ему стало известно о том, что подобрал он младенцев вскоре после того, как по приказу царя было уничтожено потомство Реи Сильвии. Не решаясь поделиться своими догадками с посторонними, он поведал о них приемному сыну, возбудив в Ромуле дремавшее честолюбие.

Рема тем временем вели по Альбе Лонге со связанными за спиной руками. Со всех сторон двигались многие из тех, кто пострадал от набегов братьев и их дружины. Нумитор увидел возбужденную толпу, следовавшую к дворцу, и присоединился к ней, ибо его удивили благородный облик пленника и мужество, сохраненное им в беде.

Царь Амулий, выслушав обвинителей, требовавших сурово покарать разбойника, приказал передать юношу для наказания Нумитору, так как от набегов пострадали главным образом его люди. Оставшись с Ремом, старец

стал расспрашивать его о родителях. Рем же смог передать лишь то, что слышал от своего приемного отца, — о волчице, вылизывавшей его и брата-близнеца. Так Нумитор понял, что перед ним один из его внуков, и, приказав его развязать, рассказал ему об его истинном происхождении.

Дед и внук, посоветовавшись, послали надежного человека к Ромулу. Явившись в Альбу Лонгу с дружиной, Ромул напал на царский дом и, почти не встретив сопротивления, убил Амулия. Так тот был наказан за все свои преступления.

После этого Нумитор собрал народ Альбы Лонги и, обливаясь слезами, рассказал о преступлении брата и чудесном спасении внуков. Под ликующий рев толпы Ромул и Рем провозгласили деда царем и надели на его седую голову корону.

За короткое время Нумитор сумел укрепить государство, доведенное при Амулии до жалкого состояния. Быстро увеличилось население города, и царь решил вывести поселенцев к притибрским холмам. Он объявил это решение юношам, и они с радостью возглавили колонистов.

Братоубийца

Так появился на свет (кто теперь в это поверит)
Рим, под чьею пятой ныне поверженный мир.

Вергилий

Так Ромул и Рем с великой радостью отправились к местам, где прошло их детство, чтобы заложить там город. К ним и свободным переселенцам присоединились рабы, собравшиеся во множестве в надежде начать на новых местах свободную жизнь.

Между братьями и ранее бывали недоразумения и ссоры, которые позднее вылились в соперничество. Уже облеченные властью вождей над большим количеством людей, они не договорились о главном. Ромул пожелал основать город на холме, имя которому Палатин. Рему и его свите пришлось по душе лежавший ближе к Тибру Авентин²⁸⁴. Заняв еще вечером каждый свой холм, они

вместе со спутниками разожгли костры и стали дожидаться рассвета, когда пробуждаются птицы и песнями приветствуют восходящее солнце. Ведь только птицы, которым доступен полет, в состоянии донести смертным волю небожителей.

Рем долго боролся со сном, но к полуночи задремал. Не услышал он, как где-то рядом выла кормилица-волчица, учуявшая близкую гибель одного из своих питомцев. Он проснулся вместе с рассветом от звуков, напоминающих плач младенца.

Вскинув голову, увидел Рем шесть больших птиц, летящих с севера по направлению к нему.

— Коршуны! — радостно выдохнул он. — Чистейшие из птиц. Город будет на Авентине.

И торжествуя, отправил он гонца на Палатин, чтобы известить брата о знамении. Гонец же, приблизившись к Палатину, услышал доносящиеся оттуда ликующие вопли. И сразу же понял их причину. По небу пролетало двенадцать коршунов.

Спор между братьями разгорелся с новой силой. Рем упирал на то, что знамение предстало ему первым и поэтому он имеет право выбора. Ромул же доказывал, что боги на его стороне, ибо они послали ему вдвое большее количество крылатых вестников.

Но у Ромула было больше сторонников, и пришлось Рему скрепя сердце признать первенство брата. Не медля Ромул пригласил из Этрурии жреца, знатока священнодействий, и по его наставлениям приступил к основанию города-крепости.

В указанном ему месте он собственноручно вырыл яму той формы, какую имеет мать-земля, соприкасаясь с небом. Выброшенная наружу почва образовала подобие вала. Торжественно его обходя, этруск пояснил:

— Этот малый круг, или, как мы его называем, мундус, предназначен для подземных богов. Заполни его первинами урожая и закрой землей.

Ромул кинул в яму колосья ячменя, пшеницы, зеленые яблоки и твердые груши. Затем все присутствующие стали наперебой бросать в яму горстями землю, пока она не заполнилась до краев. Так возник священный центр, определивший форму всего города в виде круга. Оставалось только воздвигнуть стены.

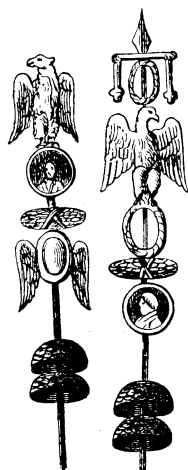
Этрусск подвел ослепительно белого быка и такого же цвета корову. Ромул запряг их вместе в плуг таким образом, чтобы бык был справа, а корова слева. Именно так этрусски предписывали ходить супружеской паре: мужчине справа, женщине слева.

После этого пахарь погнал священных животных. Они двинулись по заранее намеченной этрусском черте, оставляя за плугом ровную борозду. Люди, шедшие сзади, поправляли вывороченный пласт по направлению к городу, чтобы ни один комок поднятой священным медным лемехом целины не лег по другую сторону борозды. Там, где черта прерывалась, Ромул останавливал животных. Лемех вынимался из плуга и ставился в гнездо лишь тогда, когда возобновлялась черта. Пропущенный участок предназначался для ворот будущего города.

В то время, пока совершалась эта удивительная церемония, спутники Ромула собирали камни. Отдав упряжку этруску, Ромул подошел к куче камней и стал складывать стену с такой сноровкой, словно бы всю свою жизнь был не пастухом и воином, а заправским каменщиком. К тому времени, когда явился Рем, стена достигла колен Ромула, чем основатель города был очень горд. Рем же стал через нее прыгать, как козел, и, кажется, вовсе не потому, чтобы продемонстрировать свою ловкость, а для того, чтобы показать соседям, как легко будет им взять город. Придя в ярость, Ромул нанес Рему смертельный удар и, когда тот упал, произнес:

— Так погибнет всякий, кто пожелает взять мой город²⁸⁵!

Похоронив брата²⁸⁶ и не уронив при этом ни единой слезинки, суровый Ромул приказал подтащить сено и зажечь его. Он стал прыгать через горящее сено с такой же прытью, с какой совсем недавно его несчастный брат прыгал через стену. Его примеру последовали все участники похорон. Надо было очистить себя от братской крови и прикосновения к мертвому телу. С тех пор 21 апре-

ля каждого года римляне отмечали день рождения города праздником Палилии. Собиравшиеся со всей округи прыгали через зажженное сено и угощались на открытом воздухе сельской пищей.

История города на Тибре началась, таким образом, с убийства и похорон. Город же по Ромулу стал называться Рома²⁸⁷.

Похищение сабинянок

Совсем еще юный город имел уже имя, стены. Был у него и царь. Но ему не хватало населения. Ромул с присутствующим ему умом государственного мужа нашел выход из положения. Он объявил, что Рим открыт для всех, кому невозможно жить в своем городе, в своем племени, переносить установленные порядки, подчиняться старинным обычаям. К тому же на одной из вершин холма, который впоследствии стал называться Капитолием, между двух священных деревьев было сооружено убежище, очищавшее от преступлений и дававшее неприкосновенность. И в короткое время в город нахлынула масса изгнанных и преследуемых, но также беглых рабов, разбойников и искателей приключений.

Сначала Ромула удивляло, что в любое время дня на окружавшей его город стене можно было видеть мужей, глазевших на расстилавшуюся между холмами низину. Но потом он понял, что привлекало взоры его подданных. Это были сабинские босоногие девы, спускавшиеся со своих холмов с кувшинами на плечах, чтобы набрать воду, или гнавшие на выпас скотину. Не долго думая, призвал к себе Ромул самого храброго из воинов Гостию Гостилия и обратился к нему с такими словами:

— Ты уже не раз показывал храбрость в бою. Теперь тебе, Гостию, предстоит доказать, что смелости твоей не уступает красноречие. Отправляйся к нашим соседям сабинянам²⁸⁸ и латинянам, уговори их отдать своих дочерей нам в жены.

Так в Риме появился первый посол, и родовое его имя удивительно соответствовало роду его деятельности.

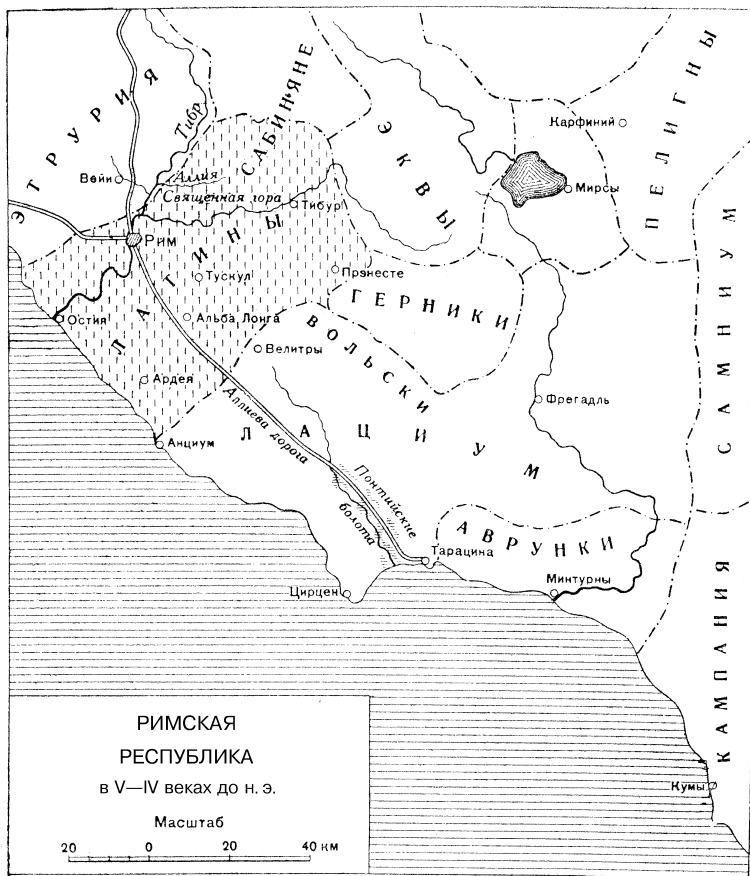

Ведь «Гостилий» по-латыни — «чужеземный», ему приходилось иметь дело с чужеземцами.

Достигнув ближайшего города, посланец Ромула вручил обступившим его старейшинам подарки и изложил просьбу, подкрепляя по укоренившейся привычке слова энергичными рубящими жестами.

Выслушав предложение, старейшины сердито замотали седыми головами и бородами:

— Убирайся-ка поскорее из нашего города, пока боги не обрушили на тебя гнев. Поищи для твоих женихов воровок и развратниц в другом месте!

Такие же и подобные речи пришлось Гостилию выслушать всюду, где он побывал. Вернувшись в Рим, он сокрушенно доложил царю о неудаче:

— Лучше бы мне не покидать города! Чего я только не наслышался за эти нундины²⁸⁹. Меня не только прогнали, но и требовали возвращения исчезнувших овец или вырытой из участков репы. Ибо если что-либо пропадает на всем пространстве между Тибром и Альбанскими горами, это считают делом рук наших молодцов.

— Я прикажу никого не выпускать из города! — воскликнул помрачневший Ромул.

— На природу не наложишь запоров. К каждому не приставишь стража, — отозвался Гостилий. — Пока они воруют овец, а потом дело дойдет до женщин.

— Прекрасная мысль! — сказал царь, шлепнув себя ладонью по лбу. — Отправляйся к чужеземцам с вестью, что я приглашаю их в гости, что их ждет великолепный стол и не менее великолепное зрелище.

На даровое угощение стеклось множество соседей. Явились жители Ценины, Крустумерия, Антемны и других латинских городов. Но более всего было охочих на даровщину сабинян. Они пожаловали с женами и детьми, а также с объемистыми холстяными мешками, рассчитывая на царские дары. Разглядывая выставленные перед стенами деревянные столы с яствами, они щелкали языками, выказывая удивление радушию тех, кого считали ворами и отъявленными разбойниками.

После пира, как обычно, начались игры. Загудели бараньи рога, и из ворот шумно выступила праздничная процессия, возглавляемая самим Ромулом. Затем на мулах, украшенных цветами и пестрыми лентами, вывели царские дары. Сабиняне поторопились открыть свои мешки, и в этот момент Ромул дал условный знак, и римляне, как волки, ринулись на девушек, выбирая, какая покрасивее или просто какая попадетя.

С воплями и проклятиями отцы и матери похищенных покинули луг, призывая на головы римлян гнев богов. Не меньшим было возмущение самих дев. Сбившись в кучу, как овцы, они не подпускали юношей к себе, выказывая к ним полное презрение. Пришлось самому Ромулу обратиться к будущим римлянкам с первой речью, достойной той мудрости, с какой он отыскал римлянам жен:

— О девы! Не по своей вине нам пришлось применить к вам мужскую силу. Я посылал свата, но он натолкнулся на высокомерие ваших отцов, оскорбивших не только нас, но и небожителей, покровительствующих браку. Вам нечего опасаться. В моем городе вы будете не прислужницами, не рабынями, а законными женами, а затем и матерями. И будут вас называть матронами. Предоставьте же повелителям не только свои тела, но и души, разделите с ними заботы по дому. Они же дарованными им богами средствами постараются успокоить вашу тоску по родительскому дому.

На многих дев эта речь подействовала, и они покорно побрели в хижину избравших их мужей. Среди них была и Герсилия, доставшаяся Ромулу. К тем же, кто упорствовал, не подпуская к себе и продолжая кусаться и царапаться, была применена испытанная лесть: упрямец уверили, что выбор вызван внезапной страстью и единственный выход — удовлетворить ее²⁹⁰.

Тарпея

Когда говорят, что врагам
Капитолий выдала дева,
Тебя узнаю я, Адам,
Сваливший вину всю на Еву.

Не верю я басням мужским,
Я верю девичьему сердцу.
Ведет меня в Ромулов Рим
Потомок этрусков Проперций²⁹¹.

Похищая дев, Ромул надеялся, что сабиняне в конце концов без боя признают его власть. Но царь сабинян Тит Таций был непримирим. Не поддаваясь скоропалительному гневу, он упорно собирал силы, чтобы нанести по Риму точный и грозный удар. Видя, что Ромул берет верх не только храбростью, но и коварством, Таций решил ему в этом не уступить.

Была у начальника римской крепости дочь — красавица Тарпея, жившая вместе с отцом²⁹². В ее обязанности входило приносить воду из родника под скалою. Как-то раз, когда она, босая, в домотканом одеянии, с грубым кувшином на голове, спускалась с холма, ее узрел царь

сабинянин Тит Таций, поивший коня. Встретившись с ним взглядом, Тарпея была охвачена ранее неизвестным ей чувством. Кувшин упал с ее головы и разбился. Она же, раскрасневшись, как мак, помчалась по склону холма, даже не по тропинке, а напрямик, через кусты ежевики.

В разорванной тунике, с расцарапанными в кровь руками явилась дева домой. И сколько ее ни спрашивали, что с ней случилось, она молчала.

С тех пор, укрывшись от всех, Тарпея оживляла в своей памяти встречу у источника, вспоминала лицо незнакомца и золотые браслеты, охватившие запястье его левой руки.

Тит Таций, давно уже думавший о том, как завладеть самым высоким и крутым холмом в излучине Тибра, также не забыл этой встречи. Через своих людей он выведал, что дева, встреченная им у источника, — дочь начальника крепости. Поведение ее не оставляло никаких сомнений, что она в него влюблена. И подослал коварный сабинянин к деве своего слугу, обещав через него взять ее в жены, если она ночью откроет ворота крепости.

«Обманет», — подумала Тарпея.

От тетушки и подруг она не раз слышала, что мужчинам верить нельзя — они ждут только случая, чтобы воспользоваться юной красотой и скрыться.

— Я согласна, — сказала дева слуге. — Но пусть царь даст залог.

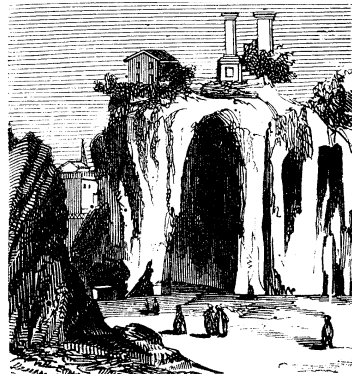
— Чего же ты хочешь в залог?

— То, что у него на левой руке, — ответила Тарпея.

— Клянусь богами, ты это получишь, когда мы придем! — воскликнул сабинянин.

Такой клятве Тарпея не могла не поверить.

Утром, проснувшись, римляне, к своему ужасу, узнали, что их крепость в руках недругов. Римский воин, которому удалось спастись бег-

Тарпейская скала

ством, рассказал и о гибели Тарпеи. Дева, открыв ворота, спросила у царя обещанной награды. И тогда царь бросил на девушку свой тяжелый щит, а воины последовали его примеру. Ведь щиты всегда носят в левой руке. Так была заживо погребена наивная сабинянка.

Станным образом, римская традиция сохранила две версии поведения Тарпеи и, соответственно, падения крепости на Тарпейской скале. Согласно одной из них, девушкой руководила присущая женской породе алчность. Однако римский поэт времени Августа, современник Вергилия, Секст Проперций, представил юную сабинянку влюбленной и обманутой. Если согласиться с трактовкой Проперция, то за требованием Тарпеи, возможно, скрывается желание получить некий брачный символ как гарантию будущего супружества.

Союзники

Захват Капитолия сабинянами дал толчок самой опасной из войн, которые вел в своей долгой жизни Ромул. Никогда враг не подходил к Палатину так близко, как тогда. Если ранее для объявления войны римским жрецам надо было спуститься с холма, то теперь они могли это сделать, не покидая городских стен.

После соблюдения необходимых формальностей римские воины во главе с Гостием Гостилием сошли на луг между Палатином и Капитолием, туда, куда в корзине были брошены во время разлива близнецы. И вновь это место должно было решить — быть или не быть Риму. С других холмов навстречу римлянам вывел воинов Тита Тация сабинянин Меттий Курций. И столкнулись соседи в смертельном бою. Поначалу стремительным натиском заставили римляне сабинян отступить. Но кем-то метко брошенное копьё оборвало жизнь Гостию Гостилия, и римский строй заколебался. Ободренный успехом, Курций воскликнул:

— Гоните их! Истребим волчье отродье! Уничтожим их логово!

Кинув щиты, римляне показали сабинянам спины. Толпа беглецов, ища спасения в городе, подхватила Ромула, стоящего в воротах.

Тогда царь, вскинув к небу щит и меч, произнес:

— Взгляни на меня, Юпитер! Это я, Ромул, заложивший по твоему велению город. Сабиняне, обманом захватившие крепость, теснят нас. Задержи их! Останови наше постыдное бегство! За это я обещаю воздвигнуть тебе храм, который станет памятником божественной помощи.

Едва успел царь произнести эти слова, как его воины остановились и начали отражать неприятеля. Видя это, Меттий Курций решил подбодрить своих воинов. Он выскочил вперед на коне с криком:

— Держитесь, друзья! Пусть вероломные поймут, что имеют дело не с девицами, а с мужами!

Он хотел к этим словам добавить что-то еще, но на него с горсткой дерзких юношей бросился Ромул. Меттий отпрянул. Его конь, напуганный блеском оружия и криками, понес. И вдруг, о чудо, сабинянин скрылся из глаз вместе с конем. Под Меттием разверзлась земля, и он оказался в глубокой яме. Сабиняне бросились его выручать. Битва на какое-то время приостановилась,

Посредничество сабинянок для примирения римлян с сабинянами

но вскоре разгорелась с новой силой. На этот раз перевес был на стороне римлян, уверенных в сочувствии того, кто заставил землю расступиться.

Все это время с высоты воздвигнутых Ромулом стен наблюдали сабинянки за ходом боя. Гибли их мужья и отцы, и они, распустив свои волосы и разорвав одежды, спустились на луг и отважно бросились между сражающимися. Обращаясь попеременно к тем и к другим, они призывали прекратить смертоубийство.

И вышли навстречу друг другу Ромул и Тит Таций с протянутыми вперед в знак мира правыми руками. И произошло рукопожатие, сделавшее недавних врагов не просто союзниками, а объединившее их в одно государство. Сабиняне согласились жить с римлянами в одном государстве и даже не возражали, чтобы город сохранил имя Ромула. Ромул и Тит Таций стали царями-соправителями. Все население было разделено на 30 курий, полувивших имя сабинянок. Ведь это они, установив мир между отцами и мужьями, спасли Рим. В память о подвиге женщин-матерей был установлен праздник матроналии²⁹³. Место же, где провалился конь Курция, стали называть Курциевым болотом²⁹⁴, ибо оно вскоре наполнилось водой и туда собрались лягушки со всего луга.

Усиление власти

Немало времени прошло с тех пор, как беглые рабы и бродяги стали горожанами. Но, казалось, разбойничьи волчьи замашки были неистребимы. Как-то послы расположенного неподалеку Лаврента направлялись в Рим. На них кто-то напал, и они были убиты. Лаврентийцы обратились с жалобой к римским правителям. Решительный Ромул приказал схватить преступников, которые даже не сочли необходимым скрыться, ибо считали свой поступок патриотическим подвигом. Таций же согласия на казнь не давал, будто бы потому, что среди убийц были его родичи. Тогда разъяренные родственники убитых напали на Тация в то время, когда он совершал жертвоприношение богам, и закололи его.

Ромул доставил тело соправителя в Рим и похоронил его по обычаям предков, а убийц послов отпустил, заявив,

что убийство искуплено. Этим он дал повод толкам, будто рад случившемуся и возвращению единоличной власти.

Став правителем двух объединенных общин, Ромул воспользовался этим для создания регулярного войска. Он отобрал из латинян и сабинян юношей, способных носить оружие, назвав их «отобранными», «отборными» (по-латыни — «легионом»). Наряду с легионом имелась группа всадников «целеров» — «быстрых», которые одновременно охраняли царя. Остальное свободное население получило название «популюс» — народ. Из числа самых почтенных по возрасту обитателей нового города Ромул набрал совет — «сенат».

Жители города Фидены, расположенного на берегу Тибра северо-восточнее Рима, усмотрев для себя угрозу в объединении двух общин и создании войска, также собрали легион и напали на Рим. Ромул, выведя воинов из города, устроил засаду в местности, заросшей кустарником, и одержал над фиденянами победу. Видя успехи Ромула, жители соседнего с Римом города заключили с римлянами мир на сто лет.

Исчезновение

Пал перун. Ударом бога-грома
Прервалась событий череда.
И исчез на Козьем поле Ромул,
Словно бы и не жил никогда.

Испарился призрак славы громкой,
Но, ища потерянную нить,
Потерявшим Ромула потомкам
Оставалось сказку сочинить.

И никто не смел в ней усомниться,
Разнеслась она во все концы —
О младенцах и благой волчице,
Что дала подкидышам сосцы,
О разбойнике-братоубийце,
Небом предназначенном в отцы.

Заключив мир, Ромул устроил смотр своему легиону и целерам близ Козьего болота²⁹⁵. Во время их построения внезапно подул сильный ветер. Облака поднятой им пыли затмили солнце. Когда вновь стало светло, римля-

не, к своему ужасу, не увидели Ромула. Царское кресло было пустым.

Тотчас же начальник целеров поспешил в Рим, чтобы известить о пропаже царя. Сенаторы встретили это известие по-разному. Одни были глубоко потрясены и поспешили надеть темные тоги, другие же, считавшие основателя Рима тираном, ликовали. И это дало повод подхваченному народом слуху, будто Ромул не исчез, а растерзан сенаторами. Возмущенные люди заполнили Форум. Раздавались призывы к расправе над похитителями царя. И в это время перед воинами появился незнакомец, то ли римлянин, то ли сабинянин.

— Меня зовут Юлий Прокул²⁹⁶, — начал он. — Иду я из города Альба Лонга. Небо очистилось от туч. Ярко засветила луна, и я загасил свой факел. Вдруг вижу: дрожит ограда, отделяющая дорогу от зарослей. От ужаса у меня волосы встали дыбом. И тут мне явился Ромул, облаченный в царскую трабею²⁹⁷, роста же выше человеческого. Вот что он мне сказал: «Передай моему народу, чтобы он возрадовался. Насытившись долгой жизнью, я взят богами на небо и буду отныне называться Квирином...»

— Почему Квирином, а не Марсом?! — воскликнул один седобородый старец.

В толпе всегда найдутся люди, готовые усомниться даже в чуде и подозревать его свидетелей в надувательстве. Но толпа угрожающе загудела. Ведь она наполовину состояла из тех, у кого матери были сабинянками. Их не огорчало, что Ромул принял имя сабинского, а не латинского божества.

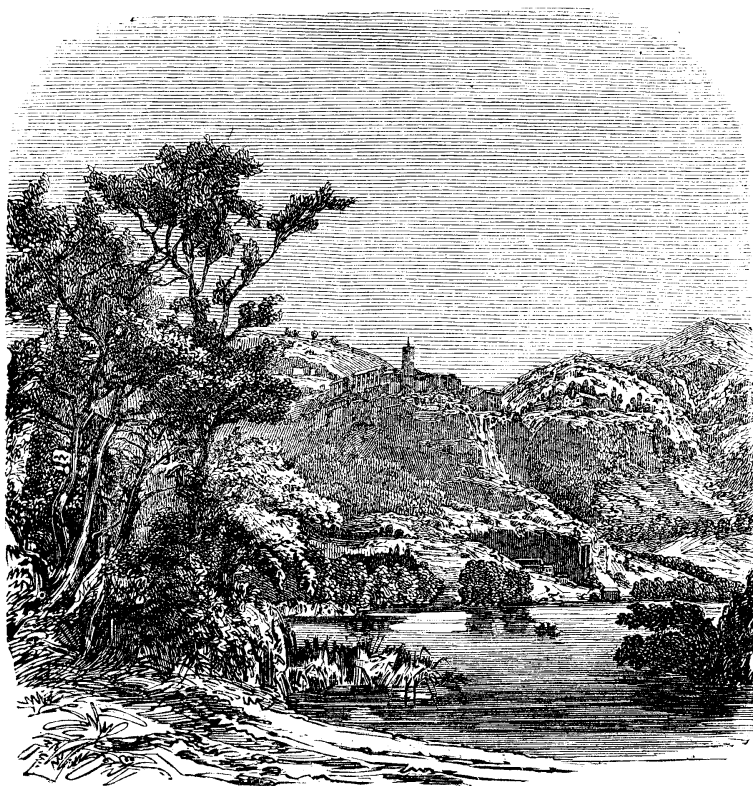
Видя поддержку, назвавшийся Юлием Прокулом молитвенно возвел руки к небу:

— Клянусь, что все мною сказанное — истина! Закончил же Ромул-Квирином так: «В своей земной жизни я основал Рим, а на небесах буду ему покровителем во всех войнах. Пусть мне воскурят благовония!» С этими словами он скрылся из моих глаз, как бы растворившись в воздухе.

С этого дня, 17 февраля, Ромул стал именоваться Квирином, а римляне — квиритами²⁹⁸. Тогда же был учрежден праздник квириналии, совпавший по времени с другим, более древним «праздником глупцов».

*Глава 2**ДЕЯНИЯ НУМЫ*

Второй из римских царей, Нума Помпилий, правление которого римские антиквары относили к 715—673 гг. до н. э., — такая же вымышленная фигура, как Ромул. В рассказах о нем сконцентрирована богатейшая информация о древнейших верованиях, обычаях, правовых установлениях не только Рима, но и всего Лация. Сабинянин по происхождению, Нума, родившийся в день основания Рима, как считалось, принес в город пастухов и разбойников все то, что впоследствии отличало

Озеро Нему

римлян от других народов круга земель. И в то же время в образе Нумы Помпилия, созданном римскими поэтами и историками, присутствуют черты, отличающие его от Ромула и других римских царей и вообще типичных римлян. Он близок к природе, любит одиночество, обладает магической силой, позволяющей ему творить чудеса. Он мыслитель и приверженец мира. Он избранник не в силу ситуации, сложившейся в Риме после исчезновения Ромула, а по предназначению богов, с которыми может общаться.

Озеро Неми

Девам давно не верю я,
Ибо душа их темна.
Только одна Эгерия
Сердцу ясна до дна.

Мчится лесными дебрями
Средь лугов и полей.
Голос ее серебряный
Всех голосов милей.

Пусть все на свете рушится,
Лишь бы не замер он.
В нем, коль умеешь вслушаться,
Самый мудрый закон,

И по закону этому
Вы проживете века,
Сами того не ведая,
Что автор его — река.

Прекрасно горное озеро Неми²⁹⁹, питаемое быстрыми ручьями и речками. Недаром, очарованная своей бесмертной красотой, веками глядится в него с высоты лесистого холма сама дева Диана. Пастух или охотник, забредший в эти места, может увидеть колеблемые волнами щеки юной богини в утреннем или закатном румянце и даже встретиться с нею взглядом. Поэтому озеро со священным именем Неми называют также «Зеркалом Дианы».

На холме, откуда Диана любит своим изображением, испокон веков располагалась ее священная роща, охраняемая юным жрецом. Рассказывают, что однажды

жрец, жаривший над костром тушку посвященной Диане лани, услышал за спиной торопливые шаги. Испуганно обернувшись, он увидел тощего юнца, босого, в пропыленном одеянии, без пастушьего посоха, без дротика или лука со стрелами. В его руке был свиток, что немало удивило жреца. Он пригласил странного незнакомца к трапезе. Но один вид жареного мяса привел чужака в замешательство. Прикрывая лицо ладонями, он бросился в чашу.

Потом пастухи видели этого самого человека лежащим на берегу речки Эгерии. Опустив в нее руки, он любовался гладко обтесанными цветными камешками. Когда с ним заговорили, он вскочил на ноги и приложил палец к губам.

Объединив все эти наблюдения, жрец Дианы пришел к заключению, что незнакомец — один из учеников мудреца Пифагора, переселившегося в Италию и обосновавшегося на самом ее юге. Ведь пифагорейцы ходят босиком, ибо обувь делают из кожи животных, не употребляют мяса и дают на несколько лет обет молчания.

Некоторое время спустя пастухи вновь увидели странного юношу. На этот раз, склонившись над речкой, он гладил ее струи и называл ее ласковыми именами. Около этого места был замечен шалаш. Видимо, незнакомец переселился к озеру Неми.

Но вскоре он исчез. Один из пастухов, посланный по его следу, выяснил, что странный юноша отправился в землю сабинян, в небольшой городок Куры. Порасспросив горожан, пастух узнал, что юноша происходит из рода Помпилиев³⁰⁰ и зовут его Нумой³⁰¹, что он действительно был в обучении у Пифагора³⁰², но ушел от него, получив знамение, и что, кроме этого, юноша сочиняет песни, посвящая их какой-то Эгерии.

— Как какой-то! — возмутился пастух. — Эгерия — это наша камена³⁰³. Ее поток впадает в озеро Неми.

— Так вот почему он называет ее среброгласой и ясноликой! — обрадованно воскликнули курийцы. — Так вот почему на просьбы отца выбрать себе невесту для продолжения рода он отвечает: «Я уже сделал выбор!»

Призвание на царство

Под громыхание грома
И стрел Юпитера блеск
Сын Марса и Сильвии Ромул
На Козьем болоте исчез,

Убит или в старости умер,
Но трон оказался пустым.
Сенат Помпилия Нуму
На царство в город пустил.

В те времена, когда рубежи римского государства были раздвинуты так далеко, что их нельзя было ни взглядом объять, ни обойти пешком, Молву называли крылатой. Но при Ромуле, когда за Тибром жили этруски, почитавшие чуждых богов, а за Аниеном — сабиняне, Молва добиралась в курию на собственных кривых ногах. На этот раз она избрала облик почтенного сабинянина, который поведал сенаторам удивительную историю о своем земляке Нуме Помпилии, вступившем в сношения с каменной Эгерией и набравшемся от нее невероятного ума.

— Изберите Нуму царем, — закончил сабинянин. — Имея советчицей Эгерию, он не допустит промахов Ромула и навеки соединит два наших народа в дружбе.

— А может ли быть камена подругой и советчицей смертного? — спросил сенатор-латинянин.

— А может ли волчица вскормить младенца? — парировал сабинянин.

На этом спор оборвался, ибо, как ни опасались латиняне преобладания сабинян, своего кандидата на царскую должность у них не было.

И отправили звать Нуму на царство двух послов — Прокула и Велеса. За первым было племя Ромула, за вторым — племя Тация. Полагая, что Нума обрадуется приглашению и сломя го-

Нума Помпилий

лову сам помчится в Рим, послы приготовили короткую речь, по обычаю древних спартанцев, славившихся немногословием. Произнес ее Прокул:

— Будь у нас, Нума, царем! Тебя призывают сенат и римский народ.

На это Нума ответил длинной речью, во время которой Прокул клевал носом, а Велес вовсе заснул. Нума изложил все преимущества жизни человека, свободного от обязанностей, отметив, что отказ от этого блаженно-го состояния равносильен безумию. Затем на примере царствования Ромула он показал, какие превратности судьбы обрушиваются на голову безумца, взвалившего на свои плечи пурпурную царскую мантию. В заключительной части речи Нума коснулся своего характера, своей склонности к покою и любви к миру, окончил же речь так:

— Надо мной только посмеются, когда увидят, что я учу служить богам, чтить справедливость и ненавидеть насилие и войну — учу город, который более нуждается в полководце, чем в царе.

От этих слов, произнесенных резко и решительно, римские послы немедленно пробудились и в своих уговорах проявили если не красноречие, то завидное римское упорство. Они не давали Нуме открыть рта, упирая не на преимущества царской власти, а на то, что все в Риме хотят Нуму Помпилия и им совершенно невозможно вернуться в город без него.

Будучи человеком мягким и деликатным, Нума был сломлен натиском римских посланцев и согласился стать царем из врожденного человеколюбия.

Так сабинянин из Кур стал римским царем и принял заботу об общественном благе. Ему дали в жены Тацию, дочь Тита Тация, чтобы он считался преемником соправителя Ромула-Квирина.

Сенаторы пожелали представить своего избранника народу. Но Нума, мягко отклонив их предложение, отправился на Капитолий, где, как ему было известно, обитал авгур³⁰⁴, сын того вещуна, который истолковал полет птиц над Палатином в пользу Ромула.

— Авгур! Где ты? — крикнул Нума.

На зов вышел согбенный старец с такой же изогнутой, как его спина, палкой без единого сучка³⁰⁵. Поняв,

что от него хотят, авгур повел пришельца к той части холма, где была крепость. Они остановились у замшелого, вросшего в землю камня таким образом, чтобы лицо Нумы было обращено к югу. Авгур встал слева от него и, вскинув свою палку, стал совершать движения, пока у Нумы не зарябило в глазах. Затем, переложив палку из правой руки в левую, он властно опустил ладонь свободной руки на голову Нумы и произнес:

— Отец Юпитер! Если боги соизволят, чтобы этот Нума Помпилий, чью голову я держу, стал царем в Риме, яви надежные знамения в пределах, какие я очертил.

И хотя, как назло, в этих пределах в это мгновение над Римом не появилось ни одной птицы, авгур, храня серьезное выражение лица, возвестил:

— Вот они, двенадцать коршунов, летящих в нужном направлении. Поднимайся, Нума Помпилий, царем.

При этом на губах жреца все же мелькнула улыбка³⁰⁶. Но Нума сделал вид, что ее не заметил. Поднявшись с камня, он понимающе ответил:

— Авгуру дано видеть то, что недоступно зрению непосвященных. Так выбирай направление и впредь вместе с твоими сотоварищами. Я же обещаю, что без вашего совета и согласия не обойдется ни одно государственное дело³⁰⁷.

Таким был первый закон, провозглашенный вторым римским царем и вскоре подкрепленный решением сената. Так была создана коллегия авгуров, просуществовавшая более тысячи двухсот лет, пока римские императоры не приняли христианства.

Нума Помпилий и Янус

Мир побеждает войну.
Марс в надежном плену.
И воцаряется Янус,
И открыл календарь:
Вместо марта — январь,
И пришла ПОСТОЯННОСТЬ.

И наступили новые времена в прямом смысле этих слов. Ранее год начинался с марта (мамерса), месяца весенних полевых работ и разбоя. За ним следовал ап-

рель, месяц Венеры. Уцелевшие в битвах могли предаваться ее дарам. Третий именовался маем, то ли по имени богини Майи, матери Гермеса-Меркурия, то ли от латинского слова *maior* — «старший». Четвертому месяцу было дано имя италийской богини браков Юноны. Остальные месяцы именовались своим порядковым номером в году: квинтиль («пятый»), секстиль («шестой»), сентябрь («седьмой»), октябрь («восьмой»), ноябрь («девятый»), декабрь («десятый»).

Нума, сохраняя прежние десять месяцев вместе с их названиями (отсюда несоответствие некоторых названий современных месяцев их месту в календаре), ввел два новых месяца — январь и февраль, поставив их перед старыми. Таким образом, год стал насчитывать двенадцать месяцев и начинался не с марта, как ранее, а с января. Каждый лунный месяц календаря Нумы имел двадцать девять дней, двенадцать часов и четырнадцать минут. Расхождение между солнечным и лунным годом уравнивалось введением раз в несколько лет дополнительного месяца.

Римский поэт Овидий, изложивший реформу календаря Нумы в стихах, писал:

Как же прославить тебя, о Янус, бог двуобразный!
В Греции нет божества, равного силой тебе.

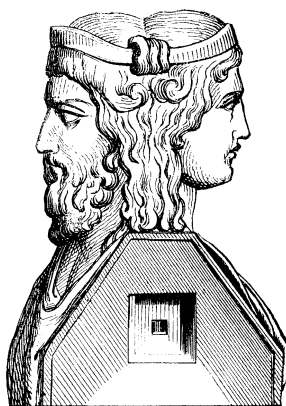
В самом деле, греки не знали бога Януса, но соответствующий ему двуликий (четырёхликий) бог всякого начала был у этрусков. У этрусков же Нума заимствовал этрусский двенадцатимесячный солнечный календарь. Первый месяц года он посвятил старинному италийскому богу Янусу, которого отождествил с этрусским двуликим божеством. Рассказывали, что первым к прибрежским холмам прибыл на корабле бог Сатурн, давший древнейшему в этих местах городу имя Сатурний. За Сатурном неведомо откуда появился Янус, от которого пошло название холма Яникул (на правом берегу Тибра, против сооруженного еще в царскую эпоху деревянного свайного моста). Считалось, что Сатурн принес Италии изобилие золотого века, Янус — справедливость и мир. Поэтому воздвигнутый в Риме храм Януса имел ворота, запиравшиеся в дни мира. Полагали, что они прочно

удерживают мир. Когда же ворота храма раскрывались, мир словно бы выдувало сквозняком. В храмы и жилища людей вступала беспощадная война, которой покровительствовал Марс-Квириин.

Ромул считался любимцем Марса, Нума Помпилий — Януса. Чтя двуликого бога, Нума все годы своего царствования держал ворота храма Януса на запоре. Трудно себе представить, как ему удалось этого добиться. Но ни о каких войнах Нумы с соседями в древности не знали, словно, и они также позакрывали у себя ворота двуликого бога начал.

Будучи богом, древность почитания которого в Риме и Италии была азбучной истиной, Янус оставался и для римлян одним из самых загадочных богов. Введение культа Януса возводили ко временам Ромула, однако было известно, что впервые упоминание Януса появилось в песнях древнейшей жреческой коллегии салиев, введение которой приписывалось Нуме Помпилию. Местом почитания Януса в Риме был Палатин, где находилось 12 его алтарей (видимо, по числу месяцев года). Почитался Янус и на Форуме, где Нумой Помпилием была установлена арка Януса Гемина, через которую можно было пройти к Аргилету и на Квиринал. Именно эта арка закрывалась во время мира и открывалась при объявлении войны, именно через нее проходили войска, отправлявшиеся в поход. Поблизости была установлена статуя двуликого Януса. На другом форуме, впоследствии получившем имя императора Нервы, высилась бронзовая статуя Януса с четырьмя лицами, изображавшая пальцами число дней двенадцатимесячного года — 365. В Янусе в равной степени можно видеть бога света и солнца, открывающего небесные врата и выпускающего из мрака день, и бога всех входов, выходов, переходов, мостов, в том числе и перехода из одного возраста в другой (инициаций). Трудно сказать, какая из этих функций была самой древней.

Янус

Янус считался отцом Фонса (бога источников), супругом Ютурны, в некоторых мифах он муж италийской морской богини Венилии (впрочем, она же считалась супругой и Нептуна и Фавна). В конце римской республики Янус — создатель человечества и как бы бог богов. На ободке этрусской гадательной печени из Пьяченцы Янус под этрусским именем Киленс — первый из небесных богов, а боги, соответствующие Юпитеру и Юноне, ему подчинены. При этом известно, что изображения двуликого и четырехликого Януса под именем Кулсанс появляются у этрусков раньше, чем у римлян.

Нума и понтифики

Будучи верен своей Эгерии, Нума Помпилий перенес ее почитание в Рим, в рощу ее сестер-камен за Капенскими воротами. Эгерии и ее шести сестрам-каменам, омывавшим низины между римскими холмами, он отдал в нераздельное и вечное пользование пещеру на холме в гуще деревьев. Там они, незримые смертным, держали совет о собственных и человеческих делах. Нума при всей своей любви к порядку терпеливо сносил весеннее буйство сестер. Злокозненные советы царей соседних этрусских городов, предлагавших ему заковать камен в камень и навсегда избавить римлян от болот и полчищ комаров, он отверг с порога.

Нума знал, что камни очень болезненно относятся к любому соприкосновению с железом, металлом, удобным воинственному Марсу. Поэтому он запретил строить мостки и переходы с использованием железных орудий и железных гвоздей. Сооружение переправ Нума поручил особым жрецам, изучившим капризы речек и ручьев и знавшим, как их умилостивить. Этих жрецов называли понтификами (мостоделателями), и они действительно сооружали переправы, не пользуясь враждебным всему живому металлом³⁰⁸.

Сохраняя за этими жрецами их освященное седой стариной имя, Нума Помпилий подчинил им всю римскую религию, в чем, возможно, проявилось его странное пристрастие ко всему, что было связано с водной стихией. Понтификам было передано совершение свя-

щеннодействия не только на мостах, но и повсюду. Они ведали календарем, выделяя в нем присутственные и не-присутственные дни, возвещая согражданам появление на небе серпа луны и начало нового месяца.

Поставленный во главе понтификов *pontificus maximus* («понтифик величайший») ³⁰⁹ стал не просто верховным жрецом, но занял положение, независимое от царя, сената и народа. Он мог единолично назначать на жреческие должности и накладывать на священнослужителей штраф за нерадивость и за иного рода прегрешения. Ему была передана власть над весталками, хранительницами священного очага римской общины. Он имел право сечь их за мелкие провинности и приговаривать вместе с другими понтификами к смерти за нарушение обета безбрачия. Непосредственно понтифику величайшему были подчинены жрецы-фламины («возжигатели»), ведавшие жертвоприношениями трем богам — Юпитеру, Марсу и Квирину. Вскоре никто уже не связывал слово «понтифики» с сооружением мостов, так же как сентябрь никто не считал седьмым месяцем года.

Бог Термин

Нелегко управлять народом, не научившись различать свое от чужого, привыкшим к тем стародавним порядкам, когда общим было все. Часто приходили к Нуме Помпилию с жалобами на захват участков и кражу скота, когда же он призывал к себе похитителей, те все бесстыдно отрицали. В глазах у своих подданных благочестивый сабинянин улавливал волчий блеск, свидетельствовавший о природной завистливости и жадности выкормышей волчицы. Он долго думал над тем, как его подавить, но, не найдя решения, отправился за советом к своей Эгерии.

Вернувшись, Нума собрал народ и объявил, что нимфа посоветовала ему отдать каждому совершеннолетнему римлянину безвозмездно участок земли, поделив ту землю, которая была завоевана Ромулом и передана для общего выпаса скота. Единственным условием для получения участка было то, что его собственник вырывал на указанной ему границе яму, заполнял ее жертвенными

плодами, а также медовыми сотами, укладывал туда же части жертвенных животных и все это поджигал. Затем в еще теплую золу он должен был уложить заранее подготовленный массивный камень, а за неимением его дубовую колоду, утрамбовать вокруг почву и обложить для прочности булыжниками.

Когда все получившие землю выполнили это предписание, Нума созвал их и обратился к ним с такой речью:

— Я вижу, что вы недоумеваете, зачем я вас просил выполнить труд, показавшийся вам бесполезным. Так вот, я хочу сказать, что вы совершили обряд почитания бога священной межи Термина³¹⁰. Повелеваю каждый год 23 февраля³¹¹ умащать каждому своего Термина благовоениями и увенчивать венками³¹². Я предвижу, что некоторым из вас может захотеться расширить свои владения, выкопать свой Термин и перенести на новое место. Знайте, что этот человек будет проклят и лишится всего, что имел.

Так Нума утвердил священное и неприкосновенное право собственности на землю — основу государственности, порядка и благосостояния. После этого было немало желающих вернуться к общей собственности. Иногда им удавалось уговорить людей уничтожить термины и сообща обрабатывать землю. Но из этого ничего хорошего не получалось. Во главе государства становились люди, потакавшие таким же лентяям, как они сами. Да и трудолюбивые люди, видя, что плодами их труда пользуются лежебоки и крикуны, начинали работать хуже. Беднело все общество. И приходилось возвращаться к порядкам Нумы.

Верность

Как-то в римском сенате в присутствии Нумы Помпилия зашел спор, какая из добродетелей главная. Один из сенаторов назвал Согласие, другой — Благочестие, третий — Честь, четвертый — Доблесть³¹³. Когда все высказались, царь, поднявшись со своего трона, произнес такую речь:

— Выше всего я ставлю Верность, ибо она — основа Согласия в семье и обществе, истинная причина Благочестия (ведь благочестивым мы считаем того, кто верен бо-

гам). Никто из нас не назовет честным человека, неверного своему слову. Верность — высшая из доблестей, так же как вероломство — наихудший из человеческих пороков. Моя Эгерия, посоветовавшись со своими сестрами-каменами, прислала вам передать, что в Риме должен быть построен храм Верности, ибо такого святилища нет нигде³¹⁴. Вы спросите меня, в каком же облике чтить Верность?

В курии воцарилась тишина. Никто из сенаторов не знал, как ответить на заданный вопрос. Тогда Нума высоко вскинул над головой правую руку.

— Вот она! — сказал царь. — Угодная богам десница. Ею мы приветствуем друг друга и даем клятвы, которые, правда, не всегда храним. О воре мы говорим, что он нечист на руку, и отрубаем у него, как известно, запятнавшую себя правую руку. Тому, кто родился левшой, мы не доверяем. В храме Марса чтят его копьё, приносят ему жертвы, в храме Весты — огонь. В храме Верности мы будем чтить ее святыню — правую руку.

И в тот же день, 1 октября, по соизволению сената началась постройка храма Верности, завершённая ровно через год. Двери его, как и в храме Януса, были всегда

*Торжественное жертвоприношение Марсу
перед выступлением войска в поход*

закрыты, чтобы никто не мог осквернить Верность, а в дни праздника жрецы Верности по тем же соображениям направлялись к месту жертвоприношения в крытой повозке, и их правые руки до кончиков пальцев были обернуты белым холстом. С такой же замотанной десницей изображалась Верность на статуе³¹⁵.

Нума и Юпитер

Рим во времена Нумы был почти сплошь деревянным и очень страдал от молний и людской неосторожности. Почти каждый год происходили опустошительные пожары. От них римляне несли больше убытков, чем от воинственных соседей. И решил Нума обратиться к Эгерии, чтобы с ее помощью избавиться от беды-напасти. Выслушав супруга, камена молвила: «Молнии подчинены небесному Юпитеру, а я, богиня вод, не могу на него повлиять. В этом деле тебе могут оказаться полезными боги Фавн³¹⁶ и Пик³¹⁷. Попробуй их изловить на Авентине и выведать, как воздействовать на Юпитера».

Холм Авентин находился тогда за стенами Рима и не был еще заселен. Он изобиловал рощами. Одна из них, дубовая, считалась священной. Люди и звери избегали пить из ее ручья, опасаясь встречи с Фавном и Пиком, ходившими в рощу на водопой. Нума предусмотрительно заколол у ручья овцу, поставил кувшины с крепким старым вином и занял место в находившейся неподалеку пещере.

В самое жаркое время дня пришли Фавн и Пик к ручью напиться. Увидев вино, они жадно припали к нему. К воде же и не прикоснулись. Видя, что вино ударило богам в голову и их сморил сон, Нума и его сотоварищи быстро выскочили из пещеры и скрутили Фавна и Пика по рукам и ногам, после чего удалились³¹⁸. Пробудившись, Фавн и Пик попытались вырваться. Но не тут-то было! Дождавшись, пока божественные пленники осознают, что без посторонней помощи не обойтись, Нума возвратился и обратился к ним с подобающей речью:

— Простите меня, почтенные, за вынужденное самоуправство. Знайте, что у меня нет против вас злого умысла. Я просто хочу узнать, как обезопасить мой город от молний!

— Многого ты, царь, захотел! — проворчал Фавн. — Мы владыки равнин. Наша власть не распространяется выше горных вершин, так же как твоя — за пределы Рима. Молниями владеет Юпитер. Тебе же его самому с неба не свести!

— Мы тебе в этом поможем! — добавил Пик. — Только развяжи нас.

— Будет по-вашему, — сказал Нума. — Я дам вам волю. Но поклянитесь, что не обманете меня и не причините мне зла!

— Клянемся подземным миром! — воскликнули Фавн и Пик в один голос. — Только отойди, ибо мы не смеем открыть смертному нашей тайны.

Понадеявшись на эту страшную клятву, Нума развязал богов и удалился в пещеру, где ни живы, ни мертвы прятались его спутники.

Не видел Нума, что делали Фавн и Пик, но только почувствовал, как задрожала земля под его ногами, а с потолка пещеры вместе с пылью посыпались камешки. Ослепленный и напуганный, он выскочил наружу и выкрикнул:

— О Юпитер! Дай нам средство от твоих молний. Ты получишь жертвы, какие только пожелаешь.

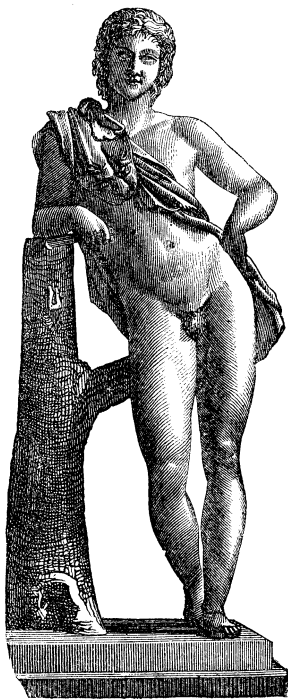
— Голову отсеки! — приказал Юпитер, явно имея в виду человеческую жертву, которую ему приносили испокон веков.

Но царь-хитрец, сделав вид, что не понимает, притворно засуетился;

— Сейчас! Сейчас вырву тебе с грядки головку лука.

— Человеческую! — угрожающе протянул Юпитер, досадуя на непонятливость смертного.

— Да! Да! Человеческую! — подхватил Нума. — Дерни за волосы...

Молодой Фавн

— Мне надо живое, — пояснил Юпитер.

Нума указал на ручей:

— Вот возьми рыбешку.

— Я вижу, ты обучен вести беседу с богами! — проговорил Юпитер, улыбаясь. — Завтра на заре ты получишь верный залог того, что просишь.

После этих слов прогремел гром, и вместе с ним поднялся Юпитер на небо.

Еще затемно по призыву царских глашатаев собрались квириты у царского дома, чтобы лицезреть чудо. Вынесли царский трон, вырезанный из клена. Нума уселся, обратив взор на восток. Показался багровый краешек солнца, и по толпе прошло волнение. Нума же не шелохнулся, только крепче вцепился в поручни. Солнце нехотя поднималось. Нума поднялся и покрыл голову белым холстом. Солнце взошло полным кругом, и тотчас же Юпитер трижды громынул из безоблачной выси. Разверзлось небо. Показалось нечто, медленно падающее на землю.

Запрокинув головы, квириты смотрели на предмет, напоминающий семечко акации, кружащееся на ветру. И вот дар Юпитера на траве. Толпа было рванулась к нему, но Нума ее остановил. По его знаку ему подвели жертвенную овцу. Заколов животное и совершив молитву, царь поднял упавший предмет над головой. Это был продолговатый щит с двумя вырезами по краям, образующими волнистую линию. В нем не было ни одного острого угла³¹⁹.

— Квириты! — обратился царь к толпе. — Этот щит — защита нашего государства в этом месяце, при этой луне. Надо изготовить еще одиннадцать таких щитов на весь год. Кто из вас выполнит эту работу, будет награжден, как ни один из кузнецов.

Наступило долгое молчание. Нума опустил щит, уже не надеясь на то, что ему удастся осуществить свой замысел, как вдруг, расталкивая толпу, вперед вышел человек могучего телосложения и, потряхнув длинными светлыми волосами, сказал:

— Меня зовут Мамурий Ветурий. Я готов выполнить твой приказ.

Прошли нундины. И на заре к царскому дому пришел мастер и разложил на земле один за другим двенадцать сверкающих щитов.

— Принимай работу, царь.

— Ого! — воскликнул Нума, выходя на крыльцо. — Я вижу двенадцать щитов. Но где щит, низринутый Юпитером, тот, что послужил тебе образцом?

— Попробуй отыскать его! — улыбнулся кузнец.

— Но ведь они совершенно одинаковы!

— Да, одинаковы, как ты хотел. Но на одном из них сзади я сделал пометку, чтобы не спутать.

Кузнец поднял один из щитов и показал Нуме еле заметную надпись.

— Тут что-то написано. Буквы мне знакомы, а слово не читается, — сказал Нума.

— Потому что это этрусская надпись и читается справа налево, — пояснил кузнец.

— Что это такое?

— Этрусское название месяца, первого числа которого Юпитер, или, по-нашему, Тиния, сбросил с небес это маленькое солнце. Надпись на каждом из щитов соответ-

Пляска салиев

ствует месяцу того календаря, который ты, царь, ввел в Риме. Но это и мое имя.

— Но, как я понял, тебя зовет Мамурием. А щит упал первого марта.

— Мамурий — это по-нашему Марс и Март, а второе мое имя Ветурий дано мне здесь в Риме для тебя и в переводе не нуждается.

Произнеся это, кузнец растворился в воздухе. И понял Нума, что изготовил ему одиннадцать щитов не простой смертный, а сам Марс, назвавшийся Ветурием («древним»), ибо его почитание в Риме было более древним, чем культ Януса.

И в честь древнего Марса учредил Нума специальную жреческую коллегию салиев из двенадцати мужей³²⁰. Каждый из них стал хранителем и стражем своего щита. Первого марта каждого года салии в коротких пурпурных хитонах, с медными шлемами на головах и широкими медными поясами на бедрах, ударяя коротким щитом по щиту, совершали прыжки с такой удивительной легкостью, словно готовились к ним весь год.

— Мамурий Ветурий! Мамурий Ветурий! — выкрикивали плясуны, то ли имея в виду праздник древнего Марса, то ли называя имя изготовителя щитов.

Вторая смерть Нумы Помпилия

Латинское слово «цензура»
(Проклятие нашей земли).
Его мы присвоили сдуру
И «цензоров» всех превзошли.

Ведь резали, жгли и топили
Сокровища чувств и ума.
Но первыми жертвами были
Помпилия Нумы тома.

Таковы были деяния второго римского царя Нумы, совершенные на благо мира. За все сорок три года его правления³²¹ римляне ни разу не брались за оружие. Мечи и копья от неупотребления покрылись ржавчиной, а в обшивке щитов поселились мыши. И это никого не беспокоило, поскольку у Нумы и у управляемого им Рима не было недругов.

Нума угас восьмидесяти лет от роду, как угасает светильник, когда иссякает масло. Его хоронили не только римляне, но и все народы Лация, казалось бы примирившиеся с существованием города на Тибре. По завещанию, составленному незадолго до смерти царем, тело его не сожгли, как это было принято в Риме, а захоронили в каменном саркофаге³²², а рядом в таком же саркофаге с плотно пригнанной крышкой погребли свитки, из которых Нума черпал всю свою мудрость. Это были книги греческих мудрецов. У самих римлян тогда еще книг не было. Писать и читать они еще не научились.

Домашняя часовня

Через четыреста лет после смерти Нумы³²³ зимние проливные дожди размыли могильную насыпь на Яникуле и обнажили массивные каменные гробы. Когда подняли крышки, то один из саркофагов оказался совершенно пуст, а в другом обнаружили прекрасно сохранившиеся свитки, написанные по-гречески и по-латыни. Их, соблюдая предосторожности, вынули и вручили городскому претору Петелию для прочтения. Претор умел читать по-гречески, но самих греков недолюбливал.

Когда он ознакомился с содержанием найденных рукописей, был созван сенат. И претор выступил с такой речью:

— Отцы сенаторы! Не сочтите дело, из-за которого вас собрали, недостойным вашего внимания. Ведь на наш город не ополчился какой-нибудь из наших врагов и плебеи не вздумали снова переселиться на Священную гору. Всего лишь обнаружили старинный гроб, а из него извлекли свитки, принадлежащие, как не трудно понять, царю Нуме Помпилию. При чтении волосы у меня встали дыбом. Я подумал: а вдруг их прочтут наши молодые люди, опора нашего могущества. Прочтут

и, вместо того чтобы упражняться с оружием на Марсовом поле, распустят слюни и начнут философствовать, подобно грекулам³²⁴. В этих книгах — страшно сказать! — прославляются блага мира. Может быть, для кого-нибудь мир и благо, а для нас, римлян, — погибель. Мы рождены для войны. В войне наше будущее. Так пусть же никто никогда не прочтет этих книг, которые хуже чумы.

В тот же день по специальному решению сената книги отнесли на комиции³²⁵ и сожгли. Впервые, но не в последний раз, в Риме сжигались книги. А в этих книгах была душа Нумы Помпилия, так что его похоронили второй раз по римскому, а не по чужеземному обычаю.

Глава 3

ТУЛЛ ГОСТИЛИЙ И АНК МАРЦИЙ

После Нумы Помпилия, согласно рассказам древних историков, Римом правили Тулл Гостилий и Анк Марций. Вся совокупность сообщений о них создает впечатление, что оба они выдуманы, чтобы заполнить пустоту в римской истории между Нумой Помпилием и царями этрусского происхождения, с которыми были связаны наиболее впечатляющие легенды, частично восходящие к этрусским источникам.

Приписанные Туллу Гостилию деяния, скорее, характеризуют его как первого, а не третьего из римских правителей. Да и само его родовое имя Гостилий («чужеземный») символизирует чуждость всему тому, что насаждали в Риме Ромул и Нума Помпилий. Рим Ромула, судя по легенде, был населен людьми без роду и племени, беглыми рабами, разбойниками, нашедшими убежище во вновь основанном городе. При Тулле Гостилии действуют нетронутая родовая организация и варварские обычаи, несовместимые с религией и моралью Нумы Помпилия. Детали правления третьего римского царя возникли как объяснение названий древних частей Города. Образ Анка Марция создан по контрасту с образом воинственного Тулла Гостилия.

Рим и Альба Лонга

Гораций и Куриаций,
Вы вестники будущих бед,
Италия, родина Граций,
Таких не знала легенд.

Но в дебрях варвара-Рима
Вы кровью оставили след
Гражданских, неумолимых
Ненужных людям побед.

После кончины Нумы Помпилия некоторое время в Риме не было царя. Затем трон занял Тулл Гостилий, внук того Гостилия, который во времена Ромула вступил в бой с сабинянами и героически пал на Форуме. Держа в памяти образ своего деда и того, кому он служил, Тулл решил вернуть Рим к войнам, от которых римляне за долгое царствование Нумы успели отвыкнуть.

Любое недоразумение между Римом и его соседями, которое Нума легко бы погасил, при Тулле вело к войне и кровопролитию. Так случилось и тогда, когда римские пастухи угнали с соседней земли Альбы Лонги несколько коров. Альбанские пастухи ответили угоном десятка овец. После этого правитель Альбы Лонги Клуилий отправил своих послов в Рим для выяснения обстоятельств. Альбанских послов Тулл встретил подчеркнуто дружественно и старался их как можно дольше задерживать у себя. Они не подозревали, что в это же время в Альбу Лонгу посланы римские послы, которые объявили войну.

Когда римские посланцы возвратились в свой город, они еще застали альбанских послов. Узнав, что его приказание выполнено и война объявлена, Тулл Гостилий отослал альбанцев с такими словами: «Передайте своему царю, что я, Тулл Гостилий, беру в свидетели богов: чья сторона первой отослала послов, не уважив их просьбы, на нее пусть и падут все тяготы и бедствия войны».

К тому времени, как альбанские послы вернулись в свой город, он напоминал военный лагерь. Клуилий, вооружив всех юношей и мужей, не дожидаясь окончания тридцати дней, названных римскими послами как срок начала военных действий, повел воинство на Рим.

В пяти милях от городских стен альбанцы поставили лагерь, обведя его рвом³²⁶. В лагере Клуилий внезапно умер, и вместо него альбанцы поставили над воинами диктатора Метта Фуффетия³²⁷.

Вскоре после этого альбанцы выступили из укрепленного лагеря на равнину и построились для боя. Так же поступили и римляне. Два воинства стояли друг против друга, ожидая сигнала. Но прежде чем Тулл успел подзывать трубачей, перед ним вырос гонец Фуффетия.

— Мой царь и повелитель приказал передать тебе несколько слов. Хочешь ли ты их выслушать? — сказал альбанец.

— Пусть говорит! — отозвался Тулл.

Выйдя вперед, диктатор альбанцев прокричал:

— Наши города и народы соединены родством. За нами же стоят этруски, с нетерпением ожидающие того, как мы ослабим друг друга в войне, чтобы сделать нас данниками.

— Что же ты предлагаешь? — спросил царь римлян.

— Выберем с каждой стороны трех воинов и отдадим им судьбу наших городов. Город побежденных будет отдан во власть города победителей³²⁸.

— Быть по твоему, — отвечал Тулл. — Только надо принести клятву перед лицом Юпитера, что победитель получит все.

На этом они и поклялись, обратившись к Юпитеру с призывом, чтобы он покарал нарушителя клятвы своей молнией.

Было в римском войске трое братьев-близнецов Горациев, равных не только по возрасту, но по силе и мужеству. Их и выставил Тулл Гостилий, посчитав, что братья будут сражаться более стойко. Из альбанского строя, ободряемые криками, им навстречу вышли трое близнецов Куриациев³²⁹. И лишь тогда прогудели боевые трубы, которые испокон веков назывались этрусскими. С обнаженными мечами в правой руке, со щи-

тами в левой бойцы кинулись друг на друга. Каждый натиск, каждый удар встречал у воинов, ставших зрителями схватки, живой отклик. Лица их то бледнели, то краснели, руки дрожали. Голос и дыхание застревали в глотках. Ведь от успеха или неудачи зависело, кем им быть — господами или рабами.

Но вот смертельно раненным упал на траву один из Горациев. Вопль ликования вырвался из строя альбанцев. Горации растерялись. Падает еще один Гораций, правда, успевая тяжело ранить одного из Куриациев. Последний из Горациев, теснимый противниками, обращается в бегство. Альбанцы уже торжествуют победу. Но в это время беглец, обернувшись, внезапно наносит смертельный удар тому, кто за ним гонится, затем приканчивает второго преследователя и, возвращаясь, добивает третьего, тяжело раненного Куриация.

Теперь уже ликовало римское войско. Победителя, давшего Риму власть над Альбой Лонгой, подняли на ру-

Горации, выступающие на единоборство

ки и понесли к городским воротам. Между тем роятся могилы для павших. Радостные крики сливаются с горестными воплями.

Показались Капенские ворота Рима. Воины опустили Горация на землю и вручили ему его трофеи — доспехи и одеяния трех убитых им Куриациев. И в это мгновение из ворот выбежала его сестра, Горация, просватанная за одного из Куриациев. Увидев на плечах брата плащ жениха, она запричитала, выкрикивая имя Куриация и раздирая ногтями щеки. Торжествующий победитель, не догадывавшийся о том, что его сестра любила Куриация, был возмущен до глубины души. Выхватив меч, он заколол Горацию со словами: «Так да погибнет каждая римлянка, которая дерзнет оплакивать недруга».

Пролитие родственной крови в те времена относилось к проступкам, караемым распятием на зловещем, не приносящем плодов дереве. Горация немедленно схватили и отвели к Туллу Гостилию, но он его не принял. Преступление, совершенное Горацем, считалось неподсудным царю и подлежало рассмотрению двух особых судей из числа сенаторов. К ним и отправили преступника.

Тогдашние обычаи не знали смягчающих обстоятельств. И судьбы вынесли смертный приговор. Глашатай его объявил. И в это время к народу обратился отец приговоренного — Публий Горацій:

— Неужто вы, кфириты, только что видевшие моего сына, вступающего в город победителем, сможете спокойно лицезреть его окровавленным после порки и распятым на осине?

Наступило молчание, прервавшееся криками:

— Оправдать! Оправдать!

— Я отменяю постановление о казни Горация согласно волеизъявлению народа, — произнес торжественно Тулл Гостилий. — Ты же, отец победителя, очисти своего сына от пролития родственной крови.

Под радостные вопли сограждан Публий Горацій перекинул через узкую улочку брус таким образом, чтобы он уперся краями в противоположные стены, и, прикрыв юноше голову, велел ему пройти словно бы под ярмом. Так был осуществлен обряд очищения³³⁰.

Метт Фуффетий

И предстал перед миром воочью
Из пеленок вышедший Рим.
В жажде власти неутомим,
Проявил он повадки волчьи.

Разорвал он на части Фуффетия
У отстроенных Ромулом стен,
Чтоб затем растерзать и Грецию,
И Египет, и Карфаген.

Поражение Куриациев оставило в душах альбанцев горький осадок. Их взоры обратились к Метту Фуффетию, в котором видели защитника латинской славы и наследника древних латинских царей. Понимая, что одной Альбе с Римом не справиться, Фуффетий вошел в сношения с недовольными римской властью соседями — Фиденями и Вейями. Договорились, что фиденяне и вейяне первыми нападут на римлян, во время же сражения альбанцы покинут общий с римлянами строй, что не будет нарушением клятвы: не поднимать против Рима оружия.

В назначенное время фиденяне и вейяне перешли римскую границу и выстроились в боевой порядок у слияния Аниена и Тибра. Тулл Гостилий немедленно повел туда свои два легиона. Альбанцы как союзники римлян выступили вместе с ними. Правый фланг римлян был расположен против легиона фиденян. На левом фланге против воинства Вей Тулл Гостилий поставил альбанцев во главе с Меттом Фуффетием.

Едва прозвучали трубы и горны, призывавшие римлян наступать, как альбанцы стали отходить к горам. В римских легионах начался переполох. Но Тулл не растерялся. Громким голосом он объявил, что тревожиться нечего, ибо он послал альбанцев обойти незащищенные тылы противника. Одновременно царь вполголоса обратился с молитвой к Страху и Смятению³³¹, обещая им учредить в Риме святилища, если они успокоят воинов. Марсу же, от которого зависела победа, было обещано расширение коллегии жрецов-салиев³³². Боги вняли этому обету, и римские воины начали успокаиваться. Страх, покинув римлян, переметнулся в ряды фиденян, Смятение же перебежало к вейянам. Ведь и те и другие, понимая язык

римлян, подумали, что Метт Фуффетий и впрямь повел своих альбанцев им в тыл. Марс придал мужества римским воинам, и они, преследуя потрясенных недругов, многих перебили.

После этого альбанское войско спустилось на равнину. Метт как ни в чем не бывало поздравил Тулла Гостилия с победой, а тот поздравление принял, сделав вид, что не гневается на союзника. Отдав приказ соединить оба войска в одном лагере, он дал всем воинам отдых.

На рассвете и римляне и альбанцы по зову труб были подняты на сходку. Поднявшись на возвышение, Тулл неожиданно обвинил Метта в предательстве и приказал центурионам его схватить. Когда Метт был закован, Тулл обратился к нему с такими словами:

— Совсем недавно ты, Метт, раздваивался душой между нами, римлянами, и нашими врагами, теперь ты будешь развоен и телом.

И тотчас были поданы две четверни. Метта привязали ногами к одной, руками — к другой. По знаку царя возницы погнали коней. Метт Фуффетий был разорван на двое.

Переселение

Поздним вечером римские всадники ворвались в Альбу, не ожидавшую от римлян ничего дурного и еще не знавшую о судьбе Метта Фуффетия. Спешившись, римляне обходили дом за домом, объявляя:

— Выходите! Все выходите немедленно! Город будет сожжен.

Немая скорбь и молчаливое горе сковали сердца горожан. О жестокости и коварстве римлян они знали давно, но можно ли было ожидать от Ромы, что она бросит факел в свою мать Альбу?! Повинуясь силе, альбанцы покидали жилища, в которых они родились и выросли, оставляли ларов с пенатами. Уходя второпях, уносили все, что попадалось на глаза. Сплошная толпа заполнила улицу, ведущую к северным, Римским воротам. Все другие ворота были заблаговременно заняты римской стражей. Оставался лишь один путь в Рим, где

царь Тулл Гостилий обещал им, бездомным, выделить место для поселения.

Альбанцы не успели еще покинуть город, как за их спиной послышался грохот рушащихся зданий. Взметнулись столбы пыли. Обернувшись, изгнанники увидели в разных частях уже темного города языки пламени, жадно лизавшие то, что недавно было их кровом, их жизнью. Это зрелище исторгло у женщин вопли, у стариков слезы. Многие упали на родную землю, чтобы с нею проститься навсегда. Всего за один час погибли труды четырех столетий! От Альбы оставалось одно имя. Неужто всевидящие боги закрыли глаза на это страшное преступление и не покарают его виновников?!

*Гнев Юпитера*³³³

Новым переселенцам не нашлось места в Старом городе, как стали называть Палатин. Их поселили на небольшом пространстве холма Целий³³⁴, к югу от Эсквилина. Туда же перенес свою резиденцию Тулл Гостилий, почему-то захотевший жить среди тех, кто должен был питать к нему лютую ненависть. Впрочем, на альбанцев царь возлагал особые надежды. Из их числа он набрал десять новых турм всадников. Римская конница увеличилась вдвое, и это позволило царю начать войну против непокорных сабинян, закончившуюся их полным разгромом.

Желая оставить свое имя какому-либо сооружению, он начал на форуме строительство здания для сената, также увеличившегося почти вдвое за счет введенной в него альбанской знати — Юлиев, Сервилиев, Квинкциев, Куриациев. Постройкой руководили приглашенные из Этрурии мастера.

Едва была достроена новая курия³³⁵, как в Рим прибежали перепуганные пастухи, пасшие стада близ развалин Альбы Лонги. По их словам, при тихой погоде с неба посыпались камни и поубивали многих овец. О смысле этого знамения были запрошены гаруспики, и, чтобы дать ответ, они отправились к месту происшествия. Каменный дождь к их прибытию уже прекратил-

ся, но гаруспикам, как они уверяли, удалось услышать доносившийся с вершины горы громовой голос, повелевавший переселившимся в Рим альбанцам либо совершать жертвоприношения богам, оставшимся в их отечестве, либо усвоить, наконец, римские обряды. Гаруспики посоветовали совершить девятидневное молебствие Юпитеру, ибо сомнений в том, что голос принадлежал ему, не было — ведь он доносился из посвященной Юпитеру рощи.

Но, кажется, Юпитер все же остался недоволен. Или негодовали боги альбанцев, брошенные ими в городе. На Рим вскоре обрушилась новая беда — мор. Погибли очень многие. В соседних же городах никто не заболел и не умер. Видимо, болезнь не миновала и царского дома. Во всяком случае, оттуда стали приходиться такие странные распоряжения, что можно было подумать, что они исходят не от Тулла Гостилия, а от кого-то другого, занявшего его место. Сабинянам были возвращены без выкупа их пленные, захваченные во время последней войны. Отменялся призыв в легионы. Распространялись

Застрельщик (рорарий с пращей), пехотинец, ликтор и всадник

слухи, что Тулл Гостилий, мало обращавший внимания на религию, углубился в чтение записок Нумы и, отыскав в них какие-то указания о тайных жертвоприношениях Юпитеру, по ночам приносит ему жертвы. В одну из таких ночей на царский дом с неба обрушилась молния³³⁶. Из всех его обитателей погиб один Тулл, царствовавший тридцать два года и добившийся великой воинской славы.

Анк Марций

Вечно хранимая ларами,
Светится под луной
Старая Via Salaria,
Или «путь соляной».

К самому сердцу Лация
С солью пойдут корабли.
Рим по почину Марция
Станет «солью земли».

Туллу Гостилию наследовал Анк Марций³³⁷, сын дочери Нумы Помпилия. Верный памяти деда, он принял знаки власти не иначе как в надежде возратить римлянам благочестие, утраченное ими в годы правления своего сурового предшественника. По повелению нового римского царя понтифик извлек из хранившихся в храме записок Нумы все наставления, относящиеся к священнодействиям, и начертил их для всеобщего обозрения на побеленной известью деревянной доске. Кажется бы, в Лаций вскоре вернутся хорошие времена Нумы Помпилия.

Но этому воспрепятствовал груз старых недоразумений и обид. Латиняне не могли забыть о судьбе Альбы Лонги и не дали новому царю возратить в Лаций мир. Восприняв мирные намерения внука Нумы то ли как слабость, то ли как уловку, они совершили незаконный набег на римские земли. А когда Анк Марций потребовал возмещения убытков, ответили отказом. И пришлось Анку Марцию вопреки своим намерениям взяться за оружие.

Не найдя в записках Нумы ничего относящегося к правилам ведения войны, ибо он думал только о мире,

Анк Марций учредил по собственной инициативе специальную коллегию жрецов-фециалов³³⁸, возложив на нее угодную богам процедуру объявления войны и иные связанные с войною обряды.

Если Риму кто-либо чинил обиду, в его земли посылался фециал с пучком травы на голове, извлеченным вместе с корнями и землей со склона Капитолия. Другой фециал, сопровождавший первого, сжимал в кулаке кремневый нож. Достигнув границ обидчика, тот, что с ножом, прикрыв голову шерстяным покрывалом, произносил такие слова: «Внемли, Юпитер, внемлите (латиняне, сабиняне, этруски), да слышит меня Вышний закон! Я вестник всего римского народа, по праву и чести прихожу послом, и словам моим да будет вера! Вы (латиняне, сабиняне, этруски) напали на нашу землю и увели столько-то овец, столько-то коров и столько-то пастухов. Возвратите их. Если неправо и нечестиво требую я, чтобы эти люди и эти вещи были мне выданы, да отторгнешь ты меня, Юпитер, навсегда от моего отечества!»

Перейдя рубеж города-обидчика и затем встретив кого-либо на пути, жрец с кремневым ножом повторял то же самое. Так же поступал он, входя в городские ворота, и затем на городской площади. Не получив возмещения, через тридцать дней на рубеже города-обидчика фециал во всеуслышание призывал богов в свидетели, что его требование не выполнено. После этого в течение трех дней римский народ на своих собраниях объявлял нарушителю мира войну, и сенат это решение утверждал. И снова фециалы в сопровождении трех квиритов шли к вражеским рубежам, и, сообщая им и Юпитеру о принятом решении, один из жрецов бросал через границу копьё с железным наконечником или кизиловое древко с обожженным концом. Война была объявлена!

Точно выполнив всю эту процедуру, Анк Марций вторгся в пределы латинян. Первым под натиском римлян пал латинский город Политорий³³⁹. Взломаны ворота. Повалены стены. Политорийцы от мала до велика выброшены наружу. Победители гонят пленников в Рим, подталкивая копьями, а за их спиной слышится вой и визг убиваемых животных, грохот обрушиваемых зда-

ний, и вскоре над развалинами поднимается пламя. В огне сгорает все, что побежденным не дали унести, а победители не пожелали взять. От города ничего не осталось, кроме пепла, но имя его продолжало жить на Авентине, куда поселили политорийцев и где возник Политорийский квартал.

Вскоре так же возникли Телленский, Фиканский кварталы, ибо Теллена³⁴⁰ и Фикана³⁴¹ разделили судьбу Политория. Латинские войска были оттеснены к прекрасно укрепленному людьми и природой городу Медуллию³⁴², где развернулись самые ожесточенные схватки Латинской войны. Латиняне сражались с яростью обреченных, нанося недругам чувствительные удары. И все же Анк Марций одержал победу, и в низине³⁴³, соединяющей Авентин с Палатином, вскоре появился Медуллийский квартал.

Пришлось Марцию воевать и с Фиденями, городом, населенном по преимуществу этрусками. Фиденяне не объявляли Риму войну, но совершали постоянные набеги на римские земли, разоряли селения, уводили скот и пленных. При этом послы Фиден клятвенно уверяли, что их город более всего стремится к прочной дружбе с римлянами. Марций повел против Фиден легион и стал лагерем близ городских стен. Фиденяне ожидали нападения, но римляне ничего не предпринимали, словно бы просто хотели напугать своим присутствием. Однако по ночам они рыли подземный ход в город и проникли в него, вызвав ужас осажденных. Когда были сломлены незначительные очаги сопротивления, Марций через глашатая велел побежденным снести оружие в одно место, наказал розгами зачинщиков интриг, а потом всех отпустил по домам.

Царь надеялся, что мягкостью он склонит фиденян к дружбе с Римом. Но просчитался. На протяжении столетий фиденяне много раз воевали против римлян, неизменно поддерживая всех их врагов.

Войны не помешали строительной деятельности Анка Марция. На правом берегу Тибра, откуда всегда угрожали этруски, он укрепил холм Яникул и соединил его с Римом деревянным мостом на сваях³⁴⁴. Это был первый мост через Тибр, сооруженный по предписаниям понтификов. Другое не менее знаменитое сооружение Анка

Марция — знаменитая Мамертинская тюрьма³⁴⁵ у подножия Капитолийского холма на Форуме. Впрочем, тюрьма была не зданием, а ямой. Туда бросали первоначально военнопленных, а затем собственных преступников для телесных наказаний и казни. Дожди, лившие сверху, и сточные воды, проникавшие сквозь щели в массивной кладке, превращали темницу в подземный пруд. Много столетий спустя один из приговоренных к смерти царей, сброшенный в эту тюрьму, воскликнул: «Хорошее же купание вы приготовили мне, римляне!»

Завоевания Анка Марция расширили пределы римского государства до самого моря, и римлянам ничего не стоило построить корабли и стать морским народом. Но пас-

Анк Марций оказывает почетный прием Тарквинию Приску

тухи, выросшие в горах, питали неприязнь к неоглядным морским далям. И все же, будучи практичными людьми, они взяли у моря его соль, которую так любили лизать их овцы. В устье Тибра они соорудили соляные варницы. Как поселение солеваров возник городок Остия (Устье), впоследствии ставший одним из главных портов римской державы.

В конце своего сорокадвухлетнего правления Анк Марций расширил храм Юпитера Феретрия, ибо ему, а не какому-либо другому богу он был обязан своими победами.

Глава 4

ТАРКВИНИЙ ДРЕВНИЙ

С Тархны, известного в Риме как Луций Тарквиний Древний, в Риме начинается блестящая эпоха этрусских правителей. Реальность этрусского владычества (или преобладания) подтверждается находками в Риме этрусских надписей, памятников быта и искусства этрусского происхождения, а также и этрусскими легендами, изложенными в труде римского императора Клавдия и частично ставшими сюжетом одной из этрусских фресок. Хронология этрусских надписей и памятников в общем совпадает с датами правления трех последних римских царей, рассказы о которых более достоверны, чем сведения о первых четырех. Очевидно, это связано с тем, что в распоряжении римских историков и поэтов, произведения которых являются нашими источниками, имелись некоторые сведения, восходящие к этрусской легендарной письменной традиции. В этой связи должно быть обращено внимание на то, что римские историки при изложении раннеримского периода ссылаются на «этрусские истории», «этрусские трагедии», «этрусские книги».

Во времена последних трех царей Рим становится городом в собственном смысле этого слова, открытым влиянию как этрусской, так и греческой культуры. Этрусские научили римлян писать, однако латинское письмо,

как и этрусское, имеет общее греческое происхождение. По этрусскому образцу сооружаются храмы с культовыми статуями, которых римляне ранее не имели. Не исключено, что рассказ о происхождении первого этрусского правителя в Риме от коринфянина Демарата отражает смешанное этрусско-греческое влияние на Рим в эту эпоху.

Согласно Ливию, первый римский царь этрусского происхождения Тарквиний Древний был родом из Тарквиний, города, основателем которого считался мифический Тархон, брат Тиррена. Параллелизм в названии города и имени царя вызывал подозрение в подлинности предания, и некоторые исследователи предпочитали считать родиной Тарквиния Церы, где еще Дж. Деннисом в 1846 г. была обнаружена гробница семейства Tarchna. Ее стены были покрыты фресками и надписями, в 35 из которых английский путешественник обнаружил основу Tarchna, а в одной имелось имя Танаквиль. Это открытие произвело огромное впечатление на современных историков, до того отрицавших этрусское происхождение Тарквиния, тем более что именно в Церы, по Ливию, бежал изгнанный из Рима последний из Тарквиниев. Заколебался даже Т. Моммзен, предположивший, что римские Тарквинии произошли из Тарквиний или Цер. Ныне гипотеза о Церах как родине Тарквиниев отпала, поскольку стало ясно, что гентилиций, произошедший от имени легендарного предка этрусков Тархона (как и имя Танаквиль), не уникален и встречается во многих этрусских эпитафиях.

Отцом царя считался знатный коринфянин Демарат, покинувший родину после узурпации власти Кипсолом в 657 г. до н. э. и женившийся на знатной тарквинийке, имя которой осталось неизвестным. Ряд старых исследователей считал коринфскую версию выдумкой римлян IV в., т. е. времени интенсивных контактов Рима с Коринфом. На наш взгляд, предание о Демарате имеет не римское, а этрусское происхождение и заимствовано римскими авторами (наряду с Ливием также Тацит) у одного из сочинителей «этруских историй», писавших в III—II вв. на латинском языке и основывавшихся на этрусских преданиях. Примечательно, что этот этрусский патриот, чей труд, видимо, был известен Тациту, припи-

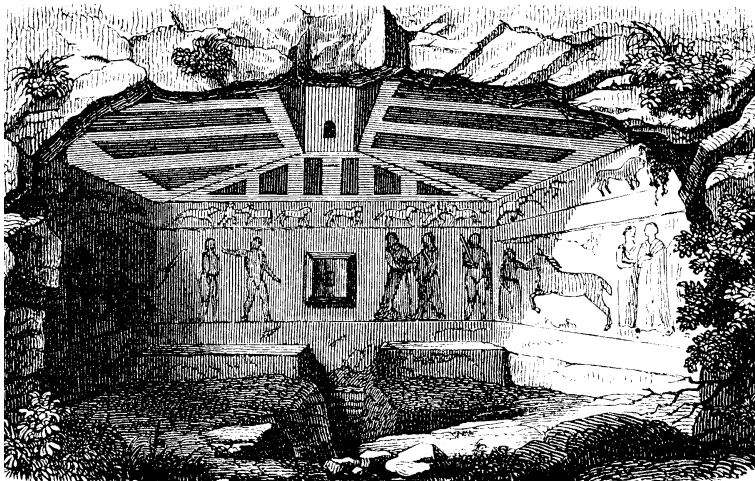
сал Демарату введение в Италии алфавита. Коринфское происхождение отца Тарквиния согласуется с ролью Коринфа в ранней греческой колонизации Запада и распространением в Лации и Этрурии VII в. коринфской терракоты и керамики.

Тархна и Танаквиль

Боги! Это не вы ли
Великим сделали Рим?
Или он Танаквили
Обязан величием своим?

Не под ее ли напором
Рим пробудился от сна,
Выйдя на новый форум,
Славный во все времена?

Ранним утром страж, охранявший Римские ворота славного этрусского города Тарквиний, проснулся от дребезжания колес. Высунувшись из своего укрытия в стене, он увидел спускавшуюся по склону холма четырехколесную повозку, а за нею еще четыре возка, нагруженные доверху вещами. У ворот возница придержал

Этрусские гробницы в Тарквинии

мулов. Из раздвинувшегося полога высунулась голова женщины. Она была уже не молода. Но трудно было сказать, сколько ей лет. Лицо с широко расставленными глазами источало властную силу.

Почтительно поклонившись, страж спросил:

— И все-таки ты, Танаквиль³⁴⁶, решилась отправиться на чужбину?

Та, которую назвали этим именем, отозвалась не сразу, видимо решая, стоит ли вступать в разговор с простым воином. Наконец она сказала:

— И родина покажется чужбиной, если мужу закрыты все пути. Тебе ведь известно, что мой тесть — грек Демарат?

Страж понимающе кивнул головой и дернул цепь. Ворота со скрипом раздвинулись. Повозка въехала в узкий коридор, образованный двумя стенами, и оттуда раздался глухой женский голос:

— Прощай, родина!

— Счастья тебе и Тархне на новом месте! — отозвался страж.

К полудню в повозке стало душно, и Тархна снял свой пилей³⁴⁷. Но Танаквиль мгновенно напялила его ему на голову.

— Перед чуждыми богами надо впервые появляться с покрытой головой, — объяснила она мужу.

Тархна не стал спорить. За годы жизни с Танаквиль он привык не только к непреклонности ее характера, но и к тому, что она считала себя сведущей во всем том, что было принято называть «этруссским учением», хотя ему самому это «учение» казалось собранием варварских суеверий. Стерев со лба пот тыльной стороной ладони, Тархна вновь погрузился в дремоту. Когда же он открыл глаза, ему предстала впереди огибающая холмы река.

— Взгляни, это — Тибр! — толкнул он супругу.

— А за Тибром — Рума³⁴⁸, — проговорила она, почему-то вглядываясь в небо, а не туда, куда смотрел муж.

— Рума! — протянул Тархна. — Ты называешь эту дыру Румой? Но почему я не вижу черепичных кровель? А где храмы? Где, наконец, цирк? Он отсюда должен быть виден, если бы он был. Клянусь Херкле³⁴⁹! Лучше было бы нам не покидать Тарквиний.

— И тогда бы тебя всегда презирали как чужеземца! Тебе были бы закрыты пути к власти! — произнесла Танаквиль негодуя.

— Но в Руме я буду еще большим чужаком. Ведь мать у меня из расенского рода.

— Рума состоит из одних чужаков, — успокоила Танаквиль супруга. — Там ты будешь как все. Город ведь основан пастухами и разбойниками, бежавшими отовсюду и получившими убежище. Потом они напали на сабинских девушек и обзавелись семьями...

— Пстой! — перебил Тархна. — Там стадо. Без пастуха и сторожевых собак. Стадо в городе!

— Я не вижу никакого стада, — раздраженно проговорила Танаквиль, не опуская взгляда.

— Смотри! Вон там высокий, отдельно стоящий холм с двумя раздвоенными вершинами, правее — другой холм, густо застроенный хижинами, а между ними пустое пространство. И там пасут овец.

В это мгновение огромный орел камнем упал с неба на голову Тархны и, схватив когтями пилей, снова взмыл вверх.

Люди, скопившиеся у переправы через Тибр, долго не могли прийти в себя от удивления.

— Этот орел — посланник Тинии³⁵⁰. Тиния дал знать, что тебя ожидает корона и царская власть, — с ликованием произнесла Танаквиль.

Вскоре обитые железом колеса застучали по бревнам. Это немало удивило Тархну, поскольку этруски строили мосты из камня.

— Деревенщина! — выпалил он. — Куда ты меня привезла!

Но Танаквиль терпеливо объяснила супругу, что румей сооружают мосты из бревен, притом на дубовых сваях, из страха перед своими богами, которые привыкли к старинным обычаям и не терпят мерзкого им по самой своей природе железа.

— Если буду царем, — воскликнул Тархна, — я их ставлю почитать богов, которые благоволят не только к дереву, но и к металлам. Ведь государству не достигнуть могущества без железа, находящегося под защитой нашего Сефланса³⁵¹.

Тарквиний Приск в мастерской иностранных оружейников

Въехав на другой берег Тибра, Тархна и Танаквиль увидели несколько десятков человек, прохаживающихся между выставленными на продажу быками, коровами и овцами. Среди них по добротной одежде они узнали расена и, подозвав его, вступили с ним в разговор.

Расен, оказавшийся пришельцем из Вей, города, расположенного рядом с Румой, объяснил, что торжище на берегу Тибра здесь называется Бычьим, хотя продают также коз и рабов, что рабы в Руме дешевы, а лучшие дома находятся на холме, имя которому Палатин.

Воспользовавшись этим советом, Танаквиль приказала вознице двигаться к Палатину. В тот же день супруги приобрели дом, который в Тарквиниях мог бы показаться жалким, но по румским понятиям считался приличным. Здесь выгрузили вещи и заполнили ими низкие помещения с земляными полами. У ворот Танаквиль поставила раба, приковав его цепью к столбу. Раб должен был отвечать всем любопытствующим, что домом владеет ситтельный Луций³⁵² Тарквиний, который приглашает каждого свободного жителя города быть его гостем. Тарквиний — так теперь звучит переименованное на румский лад имя этруска Тархна из Тарквиния.

Приобретенный дом Танаквиль вскоре перестроила, добавив к нему обширную переднюю, освещаемую через прорубленное в кровле отверстие квадратной формы. Такие же помещения вскоре стали строить и в других домах, называя их этрусским словом «атрий»³⁵³.

Дружелюбием и щедростью Луций Тарквиний вскоре сумел привлечь римлян, отличавшихся чисто крестьянской скарденностью. Сведя с Марцием знакомство на коротке, он охотно выполнял его поручения, не скупясь на серебро. Царь стал приглашать Тарквиния на совещания по государственным делам. Советы, предлагаемые Тарквинием, а на самом деле Танаквилью, были разумнее всех других. Дело дошло до того, что Анк Марций назначил Тарквиния опекуном своих несовершеннолетних сыновей.

Через несколько лет после переселения в Рим Тархны и Танаквили царь Анк Марций внезапно скончался. Двадцать четыре года он правил Римом и сделал для его процветания не меньше, чем любой из его предшественников, занимавших трон более половины своей жизни.

Римскому народу и сенату предстояло осуществить выбор его преемника. И тут Тарквиний по совету Танаквили сам предложил себя в цари, что немало удивило римлян. Предварительно отослав сыновей покойного Анка на охоту, он обратился к согражданам на латинском языке, который уже знал достаточно хорошо:

— Квириты! Вот я перед вами, весь как есть и каким вы меня успели узнать. Не удивляйтесь, что власти над вами домогается чужеземец. Не я первый! Кем, как не чужеземцами, были Ромул и Тит Таций! А Нума Помпилий, дед недавно умершего царя! Вам ведь известно, что он был родом из сабинских Кур и стал царем в совершенно чужом для него городе. Я же прожил в Руме немало времени и успел под руководством такого безукоризненного наставника, как Анк Марций, изучить ваши законы и обычаи.

Сенаторы, конечно, подметили ошибки в произношении оратором отдельных слов. По привычке он назвал Рим Румой. Но речь произвела благоприятное впечатление, и Тарквиний был единодушно избран царем, на язы-

ке румейцев рексом. Вступив в должность, он продолжил войну с латинянами, захватил и разрушил Апиолы, один из городов племени вольсков на берегу Альбанского озера. По возвращении в Рим он занялся постройками, стремясь придать городу блеск своего могущества и приучить римлян к этрусским порядкам и верованиям.

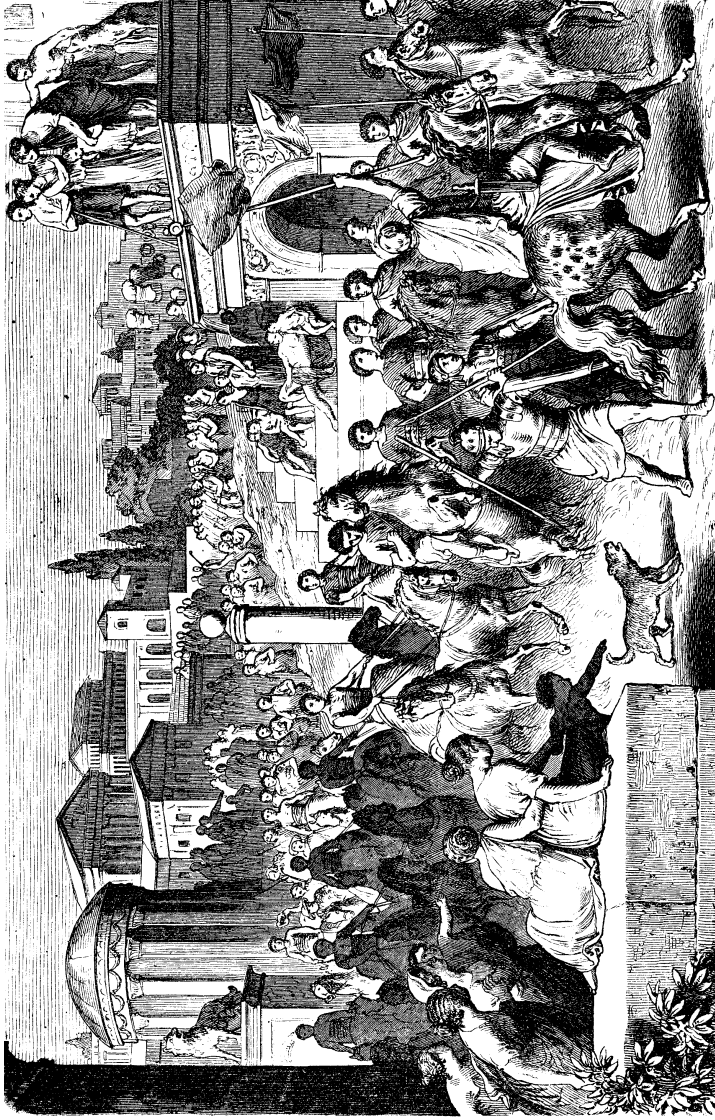
Цирк Величайший

Здесь с Танаквилью проезжал Тарквиний.
А здесь орла ему направил Тин.
От Тибра поднимаясь по лощине,
Впервые здесь узрел он Палатин.

Здесь меж холмов цирк распростерся чашей,
Заполнился народом до краев,
Стал называться Цирком величайшим.
Нет ничего точней двух этих слов.

Еще при первом въезде в Рим Тарквиний обратил внимание на лощину между Палатином и Авентином, частично застроенную лачугами насильственно переселенных в Рим латинян. Отведя пришельцам пустоши, Тарквиний призвал из этрусских городов мастеров и приказал им, пользуясь трудом римлян, превратить это место в цирк³⁵⁴. Ибо что за жизнь без цирка, без зрелищ! Огромное сооружение получило название Цирка Величайшего, поскольку он превосходил подобные сооружения в этрусских городах, где впервые стали сооружаться цирки.

На открытие своего детища Тарквиний пригласил жонглеров, фокусников, дрессировщиков диких животных, а также искусных кулачных бойцов из этрусских городов. Мало того, он впервые устроил гонки двухколесных повозок, запряженных конями. Еще до вступления в цирк первые зрители были поражены тем, что им пришлось идти от Палатина по дороге, устланной великолепным полотнищем, из которого на родине Тарквиния могли бы изготовить паруса для целой флотилии. И это настроило зрителей на торжественный лад. День открытия цирка стал ежегодно отмечаться как Римские, или Великие, игры.

Движение в цирк на праздник Римских игр

Форум

О Реме и Ромуле спорам
Нет окончаний пока:
Откуда имя, которым
Город гордится века?

Одно лишь неоспоримым
Стало с течением лет,
Что Форум — творение Рима,
Что Рима без Форума нет.

Что можно считать главным признаком города? Стены, являющиеся его защитой? Если это так, то нет никакой разницы между городом и крепостью. Римляне на седьмом столетии от основания Рима хорошо понимали разницу между ними. Когда римский полководец, воевавший в Испании, сообщил в своем отчете, что за год исполнения им должности он завоевал триста городов, его в сенате строго поправили: «Не городов, а крепостей».

Но ни один древний римлянин из патриотических чувств не поднял вопроса, был ли Рим, основание которого приписывается Ромулу, городом или крепостью? И это относится не только к Риму. Были ли городом Афины, когда они помещались всего лишь на одном холме? И имеются ли признаки, позволяющие четко отличить город от крепости?

В ходе археологического изучения античных городов этот признак был найден. Им оказалась городская площадь, служившая одновременно торжищем, центром общественной, а подчас и религиозной жизни. Греки называли эту площадь агорой, римляне — Форумом. При Ромуле Рим Форума не имел. То место, которое впоследствии занимал Форум, было болотистым лугом, пастбищем и местом для захоронений. Не было Форума и при Нуме Помпилии. Форум появился при Тарквинии Древнем, так что его вполне можно назвать основателем города Рима.

Едва лишь был воздвигнут Цирк Величайший, как Тарквиний загорелся идеей нового строительства. Созвав сенаторов, он им сказал:

— Смотрю я на то, что вы называете Форумом, и удивляюсь. Разве одна и та же площадка может быть

одновременно местом для собраний и торговли, пастбищем и кладбищем³⁵⁵? Я задумал перестроить Форум таким образом, чтобы Рим стал настоящим городом, полисом, как называют такой город греки, или спурой, как у этрусков. Для этого потребуются огромные средства и много времени. Возможно, я не доживу до окончания строительства и Форум придется достраивать моему преемнику. Поэтому я и решил посоветоваться с вами, как вы смотрите на мой план.

Сенаторы угрюмо молчали. Наконец слово взял авгур Атт Навий, противник всяких перемен:

— Я с тобой согласен, царь, что Форум нуждается в переоборудовании. И к нему можно будет приступить, если на то дадут соизволение птицы. Однако меня удивили твои слова о строительстве, на которое не хватит жизни. Бывал я в греческих городах и видел то, что называют агорой. Неужели на то, чтобы замостить эту площадь, пусть даже вдвое большую, чем в любом из греческих городов, потребуется так много времени и средств, как ты говоришь?

На это царь ответил:

— Ты, Атт Навий, видел лишь то, что покрывает Форум. Если бы ты мог видеть сквозь камни и землю, то понял, что в строительстве Форума самое главное — сооружение очистного рва, то, что в Риме называют клоакой³⁵⁶. Этот ров должен забрать все дождевые потоки и текущие вместе с ними нечистоты, превращающие осенью и весной город в гнилое вонючее болото, и вывести их в Тибр. Что же касается покрытия Форума камнями, то на это и впрямь будет достаточно пары лет.

После этой речи Атту Навию нечего было возразить. Сенаторы согласились с царем, и перестройка Форума началась. В город по приглашению царя прибыли этрусские мастера.

Прежде всего они отыскивали в горах место, где на поверхность земли выходил прочный камень. Там были открыты каменоломни. Рабы вырубали каменные прямоугольники и квадраты. Для их перевозки в город были сооружены огромные повозки, в каждую из которых можно было впрячь шесть быков.

Вскоре вольнотекущие ручьи были впущены в каменные коробки. И отныне они вместе с нечистотами текли

пряником в Тибр. Отныне во время весенних разливов нельзя было оплыть Палатин на лодке. А если кому бы вздумалось избавиться от младенцев, как в свое время избавились от Ромула и Рема, пришлось бы идти к реке.

После того как ручьи были одеты камнем, Тарквиний приказал замостить освободившееся пространство булыжниками³⁵⁷, с которых стекала вода. И никто уже не мог выгонять на эти места скот. Так возник Форум. Участки вокруг него были распределены между частными лицами для сооружения лавок. Позднее там появились и общественные сооружения.

Тарквиний и Атт Навий

По образцу стен, защищавших его родной город, Тарквиний намеревался соорудить каменную стену в тех местах, где Рим не был укреплен. Но военная угроза со стороны сабинян заставила отложить работы на неопределенное время. В первой битве у стремительных вод Аниена, впадающего в Тибр, Тарквиния постигла неудача. Не выдержав натиска недругов, войско его разбежалось, и он понял, что для победы над соседями Риму недостает конницы. Вдобавок к уже существовавшим трем турмам³⁵⁸ римских всадников он организовал более мощное конное подразделение из десяти турм.

И тут против царя опять выступил авгур Атт Навий.

— Послушай, чужеземец, — сказал он ему. — Предлагаю себя народу в цари, ты говорил, что под руководством Анка Марция усвоил наши обычаи. Известно ли тебе, что в Риме не принято чего-либо изменять или учреждать заново без соизволения вестников богов — птиц?

Лицо царя вспыхнуло от гнева, и он, насмехаясь, сказал:

— Ну-ка обратись к своим птицам и скажи, исполнится ли то, что я замыслил?

Атт, совершив птицегадание, ответил:

— Непременно сбудется.

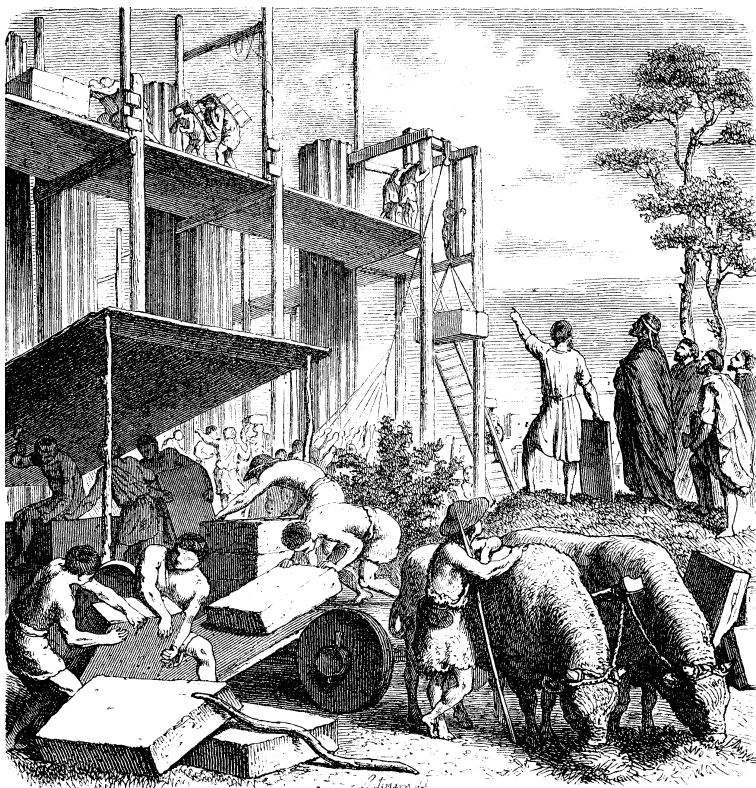
— А задумал я, — откликнулся царь, — чтобы ты рассек бритвой оселок. Вот тебе оселок, осуществи предсказание.

Тогда авгур не поведя бровью достал из-под полы плаща бритву — и то, что она оказалась у него, удивило присутствующих не меньше, чем то, что оселок был рассечен на две части, словно бы это был кусок сыра.

Изумился царь, ставший свидетелем чуда, и изменил свое отношение к авгурам, которых считал обманщиками. Он приблизил Атта Навия к себе и сделал его своим советником³⁵⁹. И с тех пор по примеру Тарквиния ни одно сколько-нибудь значительное дело в Риме не начиналось без соизволения авгуров.

Но от своего намерения укрепить конное войско Тарквиний не отказался. Не увеличивая количества центурий, он увеличил их численность. Вместо ста всадни-

Постройка храма на Авентинском холме

ков в каждой из центурий их стало по шестьсот, и фактически римская конница состояла из 18 центурий. Всадники отличались от остальных римских воинов коротким нарядным плащом-трабеей.

Новое конное войско было впервые испытано на деле в сражении с сабинянами у той же речки Аниен³⁶⁰. Доблестно сражались и римские пехотинцы, но лавры победителей достались всадникам, которые, ударив с флангов, заставили дрогнуть сабинскую пехоту и, обратив ее в бегство, загнали в реку. Тарквиний повелел собрать брошенное недругами оружие и доставить его в Рим. Сложив оружие в кучу и набросав туда сухих сучьев, он ее поджег, принеся жертву богу подземного огня Вулкану³⁶¹. Этого бога мыслили себе в образе чудовищного волка, и само имя Вулкан в италийских языках (*vulca*) означает «огромный волк».

Этруская улица

Город не позабыл о делах моих предков этрусков.
И поныне квартал один в нем Этрусским слывет.

Проперций

Каждый из этрусских полисов имел своего бога-покровителя и храм, отведенный для его обитания и почитания. Римляне поклонялись многим богам и духам, но ни один из них не был главным. И решил Тарквиний по примеру своих предков по матери, этрусков, воздвигнуть храмовый центр на господствующем над городом холме для почитания трех богов — Юпитера, Юноны и Минервы, соответствующих этрусским Тинии, Уни и Менрве. В Рим были призваны этрусские строители. Тарквиний им объяснил, что храм должен превосходить величиной и великолепием все известные в Италии святилища. Выслушав царя, старший из мастеров сказал:

— Мы сможем соорудить такой храм, о котором ты говоришь. Но для этого нам нужно место для поселения в Риме.

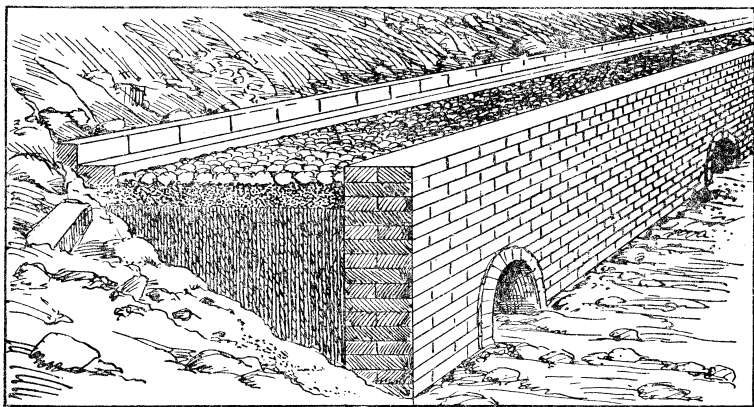
— Зачем оно вам, — удивился Тарквиний. — Разве после завершения работ вы не вернетесь на родину, как после постройки цирка?

— Для постройки храма, который ты хочешь иметь, мало одной жизни, — ответил мастер. — Работы хватит нашим сыновьям и внукам.

И тогда выделил Тарквиний для этрусков место неподалеку от Форума, где и поселились мастера. Вскоре к ним присоединились и торговые люди. Так появилась в Риме Этруская улица³⁶², где римляне этрусского происхождения жили по своим обычаям и почитали своих богов. Здесь звучала этруская речь и на пересечении с другими улицами высились каменные алтари и статуи с этрусскими надписями.

Однажды в Риме появилось этрусское посольство, поражая всех, кто находился на Форуме, своим великолепием. Этрусское двенадцатиградье заочно избрало Тарквиния своим главой и направило ему знаки высшей власти: расшитую пальмовыми листьями тогу, скипетр, на верхушке которого находилось изображение орла (того самого, который сел на голову Тархны при его подъезде к Риму), фаски (пучки розог с воткнутыми в них топорами). Танаквиль могла ликовать. Ее предсказание сбылось — супруг получил высшую власть не только над римлянами, но и над всеми этрусками. Те, которые третируют Тархну как полугрека, склонили перед ним головы!

Часть римской дороги, сохранившейся до настоящего времени

Да и сам город за время пребывания Тарквиния у власти ничем не уступал в благоустройстве другим этрусским городам, но превосходил их величиной и численностью населения. Луг между Палатином и Авентином из зловонного болота превратился в площадь, застроенную красивыми и долговечными зданиями. На улицах зазвучала не только латинская, но этруская и греческая речь³⁶³. На Капитолии строился храм, которому суждено будет стать величайшим в Италии.

Глава 5

ЛЮБИМЕЦ ФОРТУНЫ

Сервий или Матарна?
Загадка на все времена —
Потомством неблагодарным
Не будет она решена.

Этруск он иль из латинян
И как воссел на престол?
Но был он любимцем Богини
И счастьем всех превзошел.

В том мире, куда вступил преемник Тарквиния Древнего, положение человека в обществе определялось происхождением, родством. Плебей, будь он хоть семи пядей во лбу, не мог стать не только царем, но и царским советником, военачальником, сенатором, жрецом, если, разумеется, не случалось какое-либо чудо. Вот такое чудо или, вернее, цепь чудес, если верить римским историкам, привело к власти Сервия Туллия, сделав его шестым по счету царем. На образ Сервия Туллия, окруженного ореолом легенд, наложила отпечаток происходившая позднее борьба патрициев и плебеев — эта вялая более чем столетняя война с яркими вспышками, известными как сецессии плебеев. Война эта осуществлялась во всех сферах, в том числе и в религиозной: патрицианским божествам были противопоставлены плебейские. Отголосками этого противостояния были сохраненные римской анналистической традицией оценки исторического прошлого, предшествовавшего данному конфликту. Героями патрициата стали

патриции, свергнувшие этрусскую монархию и изгнавшие Тарквиниев. Героем плебейской традиции именно тогда сделался узурпатор власти этрусских царей — тиран в древнем смысле этого слова Сервий Туллий, само имя которого (произведенное от *лат. servus* — «раб») могло навести на мысль, что он, испытавший рабские унижения, должен был сочувствовать плебеям.

Итак, Сервий Туллий, добившийся власти в замкнутой патрицианской общине, — это создание легенды времен сословной борьбы, и излагать его биографию уместно лишь в такой книге, как эта, но никак не в учебнике или научном труде по истории, тем более что кроме римской биографической легенды присутствует, как это имело место применительно к Ромулу, этруская версия. Она была изложена римским императором Клавдием, написавшим историю этрусков, в середине I в. н. э., а затем кратко изложена им же в одной из его речей, текст которой сохранился в надписи и пересказе римского историка I в. н. э. Публия Корнелия Тацита. Согласно этой версии, Луция Тарквиния сменил на римском престоле не сын жившей в царском доме рабыни, а предводитель этрусского вооруженного отряда, искатель приключений Мастарна. После открытия в конце прошлого века на стене одной из этрусских гробниц фрески с изображением Мастарны, разрезающего путы на руках пленника, захваченного Кневе Тархной Румахом, т. е. Гнеем Тарквинием римлянином (или римским), стало ясно, что рассказ о Мастарне — не домысел историка-императора, а изложение этрусской легендарной версии. В основе ее могли находиться этрусские летописи или иные документы (ведь они, в отличие от римских документов, не погибли в пламени гальского пожара). Это мог быть и этрусский эпос, в котором события излагались с этрусской точки зрения. Если верить этрускам, правление преемника Луция Тарквиния не было латинским промежутком в правлении этрусских царей в Риме, а, скорее, чем-то вроде военного режима, введенного в интересах плебеев, своего рода тиранией, какие в то же время известны в Греции и в греческих колониях Италии.

Если бы труд Клавдия сохранился, история царского Рима излагалась бы по-другому. Но тому, кто задался целью изложить римские легенды, в любом случае необхо-

димо было обратиться к римским, а не этрусским источникам. Впрочем, сколь различны ни были бы римская и этруская версии о преемнике Луция Тарквиния, они имеют то общее, что в это время в жизни Рима произошел серьезный поворот, приведший в движение все общество и послуживший как бы прообразом более позднего уравнения плебеев в политических правах с патрициями.

Сын рабыни

Жизнь Луция Тарквиния текла на редкость спокойно и размеренно, несмотря на массу забот, которые легли на его царские плечи. Мудрая Танаквиль взяла на себя большую их часть, сама предпочитая оставаться в тени. Она оберегала супруга не только от опасностей, угрожавших любому правителю, но и от поступков, которые могли бы причинить ему урон в глазах подданных. Она помогала ему управлять домашним хозяйством таким образом, что царский дом выделялся из других домов не столько роскошью, сколько образцовым порядком.

Среди рабынь, прислуживавших царице, была некая Окрисия, жена знатного человека по имени Сервий Туллий из захваченного Луцием Тарквинием латинского города Корникула³⁶⁴. Танаквиль сочувствовала служанке, испытывавшей превратности судьбы. Окрисия была освобождена от унижительных и тяжелых работ. Ей было поручено приносить жертвы Гению царского дома.

Однажды во время жертвоприношения Окрисия увидела нечто необычное в пламени, вспыхнувшем от брошенной в него пищи. Пламя приняло облик змеи. На крик рабыни явилась Танаквиль. Поняв сразу, что змей — это Гений очага и домашний Лар³⁶⁵, царица кинулась к окованному медью сундуку. Выбрасывая из него одну вещь за другой, она наткнулась на одеяние невесты, которое носила когда-то сама в Тарквиниях. Подозвав потрясенную Окрисию, Танаквиль помогла ей облачиться в брачное одеяние и удалилась, заперев за собою дверь спальни.

Прошло немного времени, и стало ясно, что Окрисия ждет ребенка. Родившемуся крепышу дали имя супруга

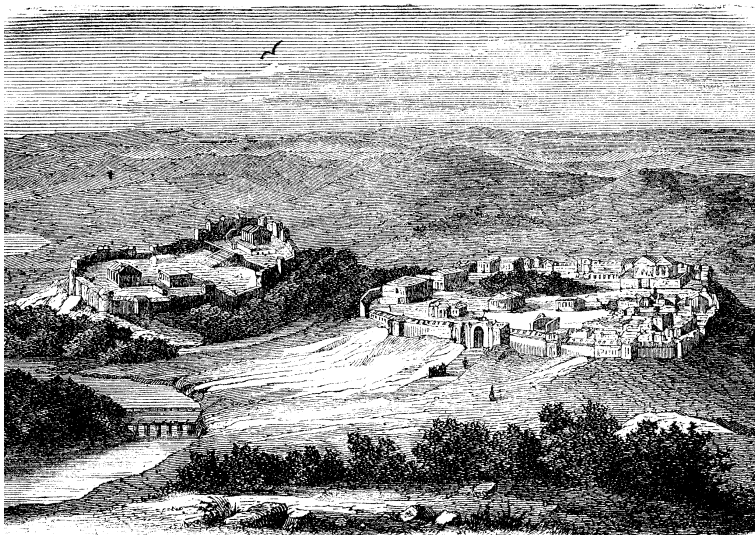
Окрисии. О случае с Гением царица пока не распространилась. Судьба дала знать об этом сама.

Как-то, когда царская чета отдыхала после обеда, из помещения для слуг, где вместе со всеми рос и сын Окрисии, послышался многоголосый крик. Взволнованная, полуодетая, ринулась Танаквиль в страхе за Сервия, на которого втайне возлагала надежды, и застыла на пороге комнаты. Голова спящего мальчика пылала ярким пламенем. Кто-то из слуг подбежал с кувшином воды, но Танаквиль остановила его властным жестом. Прекратила она и шум, который мог разбудить ребенка.

Когда в комнату вступил царь, Танаквиль проговорила с укором:

— Видишь этого мальчика, которого мы обрекли на рабскую долю? Разве боги не показывают нам этим сиянием, что он станет светочем Рима и оплотом нашей династии, а может быть, и твоим наследником, если боги не дадут нам сыновей?

Царь не возражал. Жизнь научила его полагаться во всем на супругу. И хотя сияние исчезло сразу, как только маленький Сервий проснулся, его поручили учи-

Рим при царях

телям — этруску и греку, Велу и Дионисию. Вел рассказывал мальчику о предках царицы, покинувших во время страшного голода свою родину Меонию³⁶⁶ и на кораблях перебравшихся в Италию, чтобы основать там великие города. Из рассказов Дионисия мальчик узнавал о прославленных греческих мудрецах. Один из них, по имени Солон, поэт и мудрец одновременно, провел законы, сделавшие родные ему Афины самым могущественным городом Греции. Иногда учителя вступали между собой в спор. Каждый доказывал большую древность своего народа и превосходство его в ремеслах и мореплавании. Дело доходило до взаимных оскорблений и обид. Дионисий обзывал этрусков пиратами, этрусков греков — пустомелями. Но как бы ни расходились учителя друг с другом, они были единодушны в том, что сын рабыни обладает задатками и способностями, достойными царя.

Выделялся среди своих сверстников Сервий Туллий и храбростью. В Сабинской войне, когда дрогнул римский воинский строй, он единственный нашелся — бросил знамя в гущу врагов, и поскольку воины знали, что никогда не смыть позора тем, кто утратил в бою знамя, они бросились вслед за юношей на сабинян и обратили их в бегство.

С этого времени Тарквиний стал привлекать любимца Танаквиль к государственным делам, в которых тот показал редкие для его возраста рассудительность и зрелость суждений. Так что никого не удивило, что Тарквиний просватал за Сервия Туллия собственную дочь.

С горечью поняли сыновья Анка Марция, что им уже не занять престола после смерти царя. Первой мыслью было расправиться с ненавистным выскочкой, сыном жалкой рабыни. Но потом, поразмыслив, братья решили, что это не приблизит к ним желанную власть. Ведь Тарквиний найдет другого зятя. Поэтому они решили сначала устранить самого Тарквиния, источник их несчастий. Подослали они к царю двух пастухов, надеясь, что никто не заподозрит злого умысла, увидев в их руках обычные для людей их опасной профессии топоры. Те затеяли возле самого дворца притворную ссору, а когда на шум сбежались слуги и домочадцы, чтобы узнать, в чем дело, стали, громко обвиняя друг друга, требовать, чтобы их

рассудил царь. Крикунов отвели в царские покои, и они долго, перебивая друг друга, говорили одновременно, будто доказывая царю свою правоту. Тарквинию не удавалось вставить ни слова в этот поток брани. Наконец ликторам³⁶⁷ надоело ждать конца перебранки, и один из них потребовал, чтобы каждый высказал свои претензии по очереди. Пастухи, словно повинувшись, умолкли, и один из них, выступив вперед, начал излагать историю мни-

Ликторы с колонны Марка Аврелия в Риме

мой обиды. И когда все внимание уставших от долгого шума царя и его телохранителей было отвлечено на говорившего, другой стремительно нанес Тарквинию удар топором сзади. Царь упал. Оба преступника мгновенно бросились к выходу, надеясь скрыться. Ликторы успели схватить убийц. В комнату ворвалось несколько слуг, ожидавших за дверью исхода пастушеской ссоры. Поднялся переполох. Но Танаквиль, которой сообщили о постигшей царский дом беде, приказала всем, кроме Сервия Туллия, покинуть дворец будто бы для того, чтобы дать раненому покой. Повелев зятю закрыть накрепко все двери, она обратилась к нему с призывом:

— Воспрянь духом, мой Сервий! От тебя зависит, чтобы не попало царство в руки тех, кто, как я уверена, чужими руками совершил гнусное убийство. Помни — ты породнился с пламенем, вырвавшимся из очага нашего дома. Все видели, как твою голову боги окружили сиянием, возвещающим великое будущее. Не противься же воле бессмертных и следуй своему высокому жребию!

Между тем толпа, взволнованная слухами о преступлении в царском доме, напирала с улицы. Дубовые двери трещали под натиском плечей и ударами ног. Танаквиль пришлось оставить супруга, к тому времени испутившего дух. Открыв окно, обращенное к той части Форума, которая называлась Новой улицей, она обратилась к народу.

— Успокойтесь, — увещевала Танаквиль беснующуюся толпу. — Царь оглушен ударом и уже приходит в себя. Скоро вы его увидите. Пока же оказывайте повиновение Сервию Тулию, который будет исполнять царские обязанности.

По знаку Танаквиль Сервий облачился в царский пурпур, натянул царские красные сапожки с загнутыми вверх носками и, выйдя из дому, занял на Форуме пустовавшее царское кресло. Сразу же он был окружен просителями, в массе своей несостоятельными должниками, умолявшими избавить их и семью от неминуемого рабства. В этих случаях Сервий от имени Тарквиния не скупясь раздавал серебро. Если же просьба оказывалась более серьезной, он удалялся во дворец якобы для того, чтобы посоветоваться с тестем, а затем возвращался, чтобы через глашатая объявить решение.

Римские гладиаторы

За несколько дней исполнения царских обязанностей народ привык к Сервию и успел заметить, что к плебейам зять более щедр, чем тесть. И только тогда мудрая Танаквиль объявила о внезапной кончине супруга. Форум огласился воплями. Жрецы стали готовить похороны по пышному этрусскому обряду — с боями гладиаторов и театральным представлением. Было не до выборов царя. Да и выбирать было не из кого: ведь сыновья Анка Марция, которые могли претендовать на престол, в страхе перед разоблачением в заговоре навсегда покинули Рим. Так, после похорон Тарквиния Сервий получил царские регалии, причем не от сената, а из рук народа.

Воины-избиратели

Минули годы. Весть о преобразованиях, проведенных новым царем в Риме, обошла не только Италию, но и вышла за ее пределы. Учитель юного Сервия Дионисий решил посетить Рим, чтобы встретиться со своим питомцем

и узнать, насколько соответствуют действительности рассказы о невероятных переменах в городе.

Царь радушно приветствовал старого учителя. За накрытым столом вспомнили и Танаквилл, поговорили о ее неженской мудрости и прозорливости. Впервые из уст Дионисия Сервий узнал, что царица не только выбрала учителей, но и руководила воспитанием, намечая даже темы споров между Дионисием и Велом.

— Поэтому, — закончил Дионисий, — в Элладе тебя и называют ромейским Солонем.

Сервий улыбнулся:

— О нет! Какой я Солон! Я не сочиняю элегий. Этому ты меня не обучил. Не наставляю я, подобно Солону, чужеземных царей. Но молва не ошиблась в том, что я подражаю афинскому мудрецу, о котором узнал впервые от тебя. Как раз сегодня состоится собрание, которое должно решить вопрос — быть ли войне с вольсками. Давай пройдемся, и ты своими глазами сможешь убедиться в том, что твои наставления, как зерна, упали на благодатную почву.

И вот царь и его гость на Форуме, поразившем Дионисия своей пустотой.

— Где же римляне? Где избиратели? — удивился грек. — В день выборов, насколько я помню, в этой части Форума происходило голосование.

— У тебя хорошая память, — заметил царь. — Это место мы называем комицием. Иногда здесь и теперь патриции собираются и выбирают, как в старину. Но мною создано совершенно новое собрание, в котором участвуют как патриции, так и плебеи. Вот в этом я последователь Солона, который включил в свою, как говорите вы, греки, систему и эвпатридов, и демос. И так же, как Солон, я отдал избирателям преимущества в зависимости не от происхождения, а от собственности, которой они владеют. Ведь для государства не имеет значения, как звучит твое имя и есть ли у тебя в атрии³⁶⁸ шкаф с закопченными, как копойдские угри, восковыми изображениями предков. Преимуществами должны пользоваться достойные, а достоинство, как мудро решил Солон, должно определяться размерами имущества. Если ты обладаешь богатством, независимо от того, приобретено ли оно трудом и изворотливостью или досталось по наследст-

Римский центурион

ву, если тебе улыбается удача, ты будешь обладать наибольшими правами, но при этом тебе придется нести большие обязанности по отношению к государству.

С холма, на который вышли царь и греческий гость, была хорошо видна зеленая равнина, ограниченная слева дугою Тибра, справа застроенными холмами.

— Марсово поле! — воскликнул царь. — Вот где теперь решаются судьбы Рима. Здесь, а не на Форуме!

Между тем над стеною римской крепости, как язык пламени, взвилось алое знамя, знак боевой тревоги, но на этот раз

оно призывало воинов строиться для голосования. Огромное пространство пришло в движение. Было видно, как из массы выделяются группы людей, занимая каждая свое место.

— Это центурии! — пояснил царь. — И каждая из них имеет один голос. Всего же сто девяносто три центурии. Решение принимается большинством.

— Но позволь, — сказал Дионисий. — Если я не заблуждаюсь, на языке латинян центурия это сотня.

— Сотня, — подтвердил царь.

— Но почему вон те центурии, которые ближе к нам, по несколько сот человек, а одна из них, если я не ошибаюсь, несколько тысяч. А те, что впереди, не более сотни и, кажется, даже меньше.

— В любом государстве бедных всегда больше, чем богатых, — пояснил царь. — Поэтому и центурии малоимущих или вовсе неимущих людей должны быть большими по численности. Вот эта центурия, в которой, как

ты верно заметил, несколько тысяч человек, объединяет самых неимущих, мы их называем пролетариями, ибо во время переписи они не могли предъявить никакой ценности, кроме своего потомства³⁶⁹. Все они вместе обладают одним голосом. Впереди же стоят восемнадцать центурий всадников. Они несут службу на конях, которых приобретают за свой счет. Конечно же, идя на выборы, коней они оставили в конюшнях. Знаком всаднического отличия служит золотое кольцо, с которым они никогда не расстаются, и белая тога с узкой пурпурной каймой. Твой коллега Вел, да будут к нему милостивы маны, уверял меня, если ты помнишь, что и это пурпурное одеяние, какое сейчас на мне, принесли в Рим этрусски.

— А что это за фаланга, пристроившаяся в затылок всадникам? — спросил Дионисий.

— Центурии, — поправил царь, — центурии первого класса, соответствующие в системе Солона пятисотмерникам. Это те, кого вы, греки, называете гоплитами. Ты видишь бронзовый панцирь, шлем, большой круглый щит, меч и копьё? Это то вооружение, которое выковывалось в мастерских этрусских городов Популонии и Арреция. Вместе с всадниками тяжеловооруженные — ударная сила легиона. Им сейчас и решать, быть или не быть войне с вольсками...

— Позволь, — вставил Дионисий. — Но я не вижу какого-либо возвышения или хотя бы камня, чтобы подняться оратору.

Сервий пожал плечами.

— Какие ораторы? Ведь ты не в Афинах, а в Риме. Ораторы уже выступали в сенате, спорили до самого заката. Но наступило время подземных богов, и их решение может быть негодно верхним богам. Сенат уже решил объявить вольскам войну, а центурии могут подтвердить или отвергнуть это решение. Но смотри! Голосование уже началось.

— Голосование! — удивленно протянул грек. — Но ведь они вовсе не поднимают рук, а шагают в какие-то загоны. Выходит, здесь голосуют ногами?

— Да нет. Приглядиись! Видишь, первый из воинов вступил на мостик и к нему подбежал человек со свитком? Это учетчик. И в руках его список центурии. Он отмечает мнение каждого по вопросу, поставленному на

Римский всадник

голосование. Да или нет. Потом голоса подсчитываются и выводится по большинству голосов мнение центурии. Это то, что вы, греки, называете демократией.

Дионисий как-то непонятно хмыкнул.

Между тем всадники первой центурии продолжали по одному проходить по мостку. Дионисий их считал про себя.

— Шестьдесят шесть! — сказал он, когда с мостка спустился последний воин. — Выходит, в этой центурии меньше сотни?

— Просто не захотели явиться. Мало ли у кого какие дела? Но в поход являются все. Мнение центурии всадников принимается в расчет, если явится более половины выборщиков.

— Но вот тот, кого ты назвал учетчиком, поднял над головой красный флажок. Смотри, смотри, как заволновались центурии, которые находятся ближе к нам. Что бы это могло значить?

— Первая центурия проголосовала за войну. Наверняка так же проголосуют остальные семнадцать всаднических центурий. И скорее всего, другие центурии первого класса. Беспокоятся пролетарии и центурии четвертого и пятого классов. Они против любой войны. В этих центуриях сплошь плебеи, малоимущие плебеи. Война для них разорительна. Если бы дать им возможность высказаться, они бы ораторствовали до вечера. А что болтать, если им не удалось разбогатеть, если их вклад в республику незначителен.

— Извини меня, но я забыл, что такое республика?

— На языке латинян — общее дело. Ведь все мы от царя до пролетария им объединены. И в этом общем деле у каждого гражданина, будь он патрицием или плебеєм, свое место, как в воинском строю.

— Смотри! Взметнулось множество красных флажков. Всадники оказались единодушны. Они за войну.

— И не только они. Это также голоса половины центурий первого класса. Мы можем уходить. Надо подготовиться к походу. Завтра на рассвете выступаем.

— Но ведь еще не голосовали центурии второго, третьего, четвертого и пятого классов, — вставил Дионисий. — И ты сам говорил, что многие против войны.

— Это так. Но, как ты понял, решение принимается большинством центурий, а не участников голосования. Это то, что я внес в систему Солона. Прости меня, учитель, но мне надо тебя оставить. Видишь, ко мне бегут!

Оставшись один, эллин что-то забормотал, судя по выражению его лица, он остался недоволен тем, что ему показали. Кажется, он рассчитывал увидеть нечто другое. Но Сервию Туллию было уже не до старого учителя и его мнения.

Сервий и Фортуна

Можно не сомневаться в том, что ни один из плебеев, независимо от того, в какую он был определен центурию, не слышал об афинском законодателе Солоне, а если бы ему кто-нибудь сказал, что Сервий Туллий, их любимый царь и кумир, подражал какому-то греку-лу, то он был бы глубоко возмущен. Плебеи, вспоминая

Стена Сервия Туллия

Фортуна помогла своему избраннику не только занять римский престол, но и укрепить положение Рима, окруженного враждебными племенами и городами. С севера и востока римлянам угрожали города, входившие в этрусское двенадцатиградье. С этрусками Сервий вел три войны и отметил свои победы тремя триумфами. Успех Рима в этих войнах был обусловлен тем, что царю удалось заключить прочный мир с латинянами, которые признали верховенство своей колонии. В знак вечного мира между Римом и латинскими городами на Авентин, холм плебеев, был перенесен общелатинский культ богини Дианы. Отныне все споры между союзниками решались в святилище Дианы на Авентине³⁷³.

В годы правления Сервия Рим перешагнул через свои древние священные границы. Помимо Палатина в него вошли также холмы Квиринал, Виминал и частично Эсквилин, где находилась царская резиденция. Новая городская территория была обнесена крепостной стеной, одним из самых мощных фортификационных сооружений Италии. По площади, охватываемой стеною Сервия Туллия³⁷⁴, Рим уступал лишь Сиракузам и Таренту, оставляя далеко позади все города Италии, в том числе и этрусские.

Храм Дианы

В конце своего правления Сервий Туллий воздвиг храм еще одной богине — Диане. Она почиталась в Риме до Тарквиниев, являясь древнейшей богиней латинян, соответствующей греческой Артемиде. На Авентине, римском предместье, находившемся в те времена за официальной городской границей, существовал ее алтарь или храмик. На этом месте или рядом появилось святилище Дианы, символизирующее новую политическую систему и являвшееся вызовом патрицианской религиозной традиции. Образцом стал храм в малоазийском Эфесе, центре ионийской федерации. И это позволяет понять, почему культовая статуя авентинской Дианы напоминала древним авторам статую Артемиды из Массалии, достав-

ленную беглецами фокейцами из Малой Азии, которая, в свою очередь, походила на знаменитую статую Артемиды Эфесской. Священным центром союза латинских городов была роща Дианы в Арреции. Благодаря слиянию эгейско-анатолийского культа Аритими с культом Дианы этрусский Рим закрепил свое положение главного города Латинского союза.

Тит Ливий расценивает это как достижение того, чего ранее римляне не смогли добиться силой. Дионисию Галикарнасскому также неизвестны войны Сервия Туллия с латинянами, но он подчеркивает, что Рим в годы правления этого царя господствовал над соседними латинскими народами и вынудил их построить храм Дианы с азилом для того, чтобы разрешать там на основании священных законов споры и разногласия.

Интересно сообщение того же Дионисия о существовании в Риме медной колонны, содержащей надпись греческими буквами с условиями соглашения между римлянами и латинянами и список народов, в нем участвующих. Указание на то, что надпись сделана «греческими буквами», означает, что использовался этрусский или архаический латинский алфавит, восходящие к греческому алфавиту, и что это, по всей видимости, была этрусская надпись.

С сооружением храма на Авентине связана анекдотическая на первый взгляд история о великолепной корове, приведенной в Рим неким сабинянином, получившим предсказание, что, принеся ее в жертву, он обеспечит своему сабинскому городу процветание и могущество. Жрец храма Дианы (по другой версии — раб сабинянина) сообщил об этом Сервию Туллию, корова была принесена в жертву им самим, и в знак этого над местом жертвоприношения были укреплены коровьи рога — естественно, в стремлении господствовать над всей Италией, в том числе и над сабинянами³⁷⁵.

Преступная гочь

Сервий Туллий и впрямь мог бы считать себя любимцем Фортуны, если бы он имел добрых сыновей и наследников. Но было у него две дочери — Туллия Прима и Туллия Секунда³⁷⁶, которых он выдал замуж за внуков Таркви-

ния — Луция и Арунта. Прима была кроткой и послушной дочерью, Секунда — диким, беспокойным созданием. Напротив, ее муж Арунт был добрым порядочным человеком, а Луций — вздорным и заносчивым. Распознав родственную ей душу шурина, Секунда стала исподволь подговаривать его против своего родного отца и собственной сестры.

— Сервий Туллий царствует не по закону. Власть должна принадлежать тебе. Ведь ты — настоящий мужчина, а не мямля, как мой муж. Сестра же моя тебе не ровня. Вот если бы я была на ее месте...

Взбудораженный этими речами, Луций убивает своего брата и Туллию Старшую, надеясь, что это откроет ему путь к браку с Туллией Младшей. И его расчет удастся. На похоронах Туллия с таким притворством продемонстрировала свою скорбь, что вызвала у отца беспокойство. Чтобы отвлечь ее от мнимого горя, он выдал безутешную вдову за такого же, как она, вдовца. И некому было удержат царя от этого опрометчивого шага, ибо Танаквиль давно уже соединилась в другом мире со своим Тарквинием. Теперь уже каждый день негодяйка напоминала супругу, что пора действовать.

— Очнись же! — убеждала она мужа. — Ты же царский внук и единственный законный наследник Тарквиния. Тебе не надо добывать царскую власть, как твоему отцу. Возьми ее или — если ты трус — возвращайся обратно в Тарквинию, откуда вышел твой дед.

Луций начал искать сообщников, особенно среди младших сенаторских родов, недовольных тем, что они не обладали авторитетом в государстве. Одним он напомнил о благодеяниях своего деда, которых они лишились с приходом к власти Сервия Туллия, других примабил подарками и обещаниями.

Подготовив таким образом почву для захвата власти, он однажды ворвался в царском одеянии и при полных регалиях в царский дом и занял пустовавший тогда трон. Посланные им глашатаи привели отцов-сенаторов. Выходцы из старших родов были потрясены этой неслыханной наглостью и самоуправством. Воспользовавшись замешательством, Луций произнес речь, подготовленную с помощью супруги:

— Отцы-сенаторы! Я вижу, что кое-кого здесь смутило мое появление на этом троне, где вы привыкли видеть

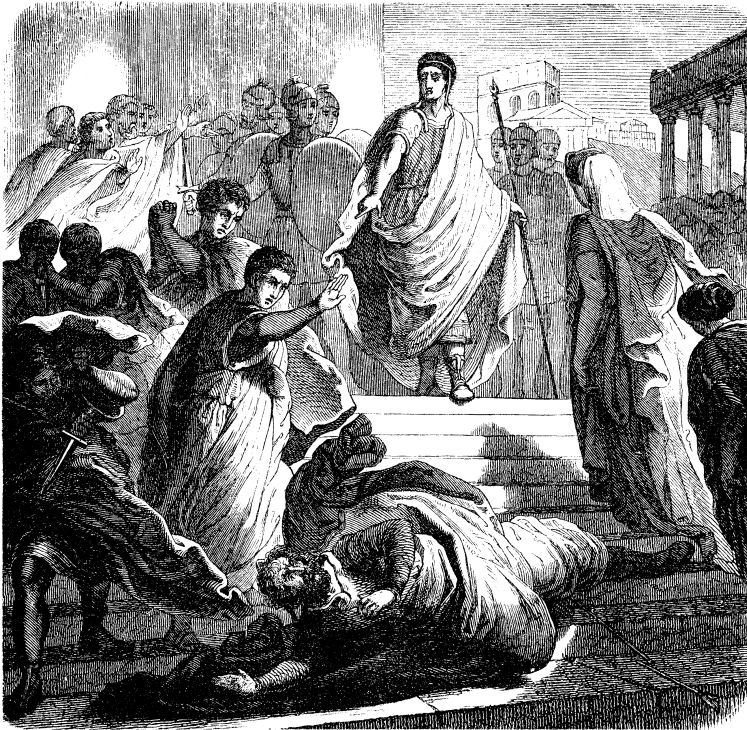
того, чье имя достойно его происхождения. Ведь он покровитель плебеев, доля которых прислуживать нам, патрициям. Рожденный рабыней, он уравнил тех из них, что побогаче, с вами. Он занял трон не по вашей воле, а по милости женщины.

В разгар этой речи в курию вступил Сервий.

— Что это значит?! — закричал он, подступая к трону. — Ты созвал без моего ведома отцов, ты восседаешь на моем месте.

— Это мое законное место, — прервал Тарквиний, — ибо я законный сын своего отца, а не царский раб, не самозванец.

На крики сбегался народ с Форума, патриции и плебеи. Недалеко было до потасовки. И в это мгновение Лу-

Луций Тарквиний, ниспровергающий своего тестя Сервия Туллия

ций Тарквиний, устремившись навстречу старцу, схватил его на руки, пронес по проходу между скамьями и сбросил с лестницы.

Царские прислужники и провожатые бросились в бегство, а сам Сервий, весь в крови, едва живой, попытался добраться домой. Но его догнали слуги Тарквиния и закололи.

Вскоре после этого на колеснице здесь проезжала дочь Туллия Секунда, возвращавшаяся с Форума, где она была, чтобы поздравить супруга с царской властью. Достигнув верха Кипрейской улицы и повернув к Эсквилину, возница увидел тело зарезанного царя и в ужасе осадил коней поводьями. Тогда Туллия, выхватив поводья, погнала по телу родителя коней. Вернулась она домой на окровавленной повозке, обрызганная отцовской кровью, и осквернила домашних богов. Таково было начало преступного царствования, которое повлекло за собой и преступный конец.

Так после сорока четырех лет царствования погиб от руки зятя справедливейший из царей, оставивший о себе в веках добрую славу, которой не помешало даже отсутствие гробницы. Ведь зять запретил хоронить тестя, оправдывая свое кощунство тем, что и Ромул исчез и не имел гробницы. Память о Сервии сохранялась в сердцах римлян, и после того, как был изгнан из Рима его убийца, в городе был установлен тот порядок, о котором мечтал и записал в своем завещании Сервий.

Глава 6

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ И ЛЕГЕНД

Согласно римской исторической традиции, преемник Сервия Туллия Тарквиний Высокомерный правил 23 года (534—510 гг. до н. э.). На эти годы падают сооружение Капитолийского храма, взятие городов Габий и Свессы Помеции и другие события, историчность которых не вызывает сомнений. Но рассказ о последнем царе этрусского происхождения насыщен легендами не в меньшей степени, чем повествования о его предшественниках,

и многими деталями напоминает греческую драму. Скорее всего, такой характер придало ему переведенное на латинский язык сочинение драматурга этрусского происхождения Волний «Этрусские трагедии». На использование этрусского источника указывает отсутствие в трагедии о преступлениях дома Тарквиниев какой-либо анти-этрусской направленности.

Образ Тарквиния Высокомерного отличают те же черты, которыми наделены в греческой историографии тираны. Возможно, Волний был одним из тех, кто воспользовался приемами греческой драматургии для обрисовки событий древней истории Рима и Италии. Но Тарквиний не списан ни с Писистрата, ни с Дионисия, а является одним из первых невыдуманных римских царей.

Предание об изгнании из Рима Тарквиния и всего его рода недостоверно во многих своих частях. Прежде всего, оно тенденциозно. Его цель — возвеличить представителей патрицианских родов, чьи имена оказались в списках первых должностных лиц республики. Претензии их потомков на причастность к такому переломному событию, как создание республики, привели к тому, что среди должностных лиц ее первого года оказалось не два высших магистра, как это было принято позднее, а четыре, что потребовало от древних историков искусственного устранения двух «лишних».

При объяснении этой республиканской путаницы историкам нового времени, в свою очередь, пришлось выдвинуть ряд реконструкций событий 509 г. до н. э., к которому в древности были отнесены изгнание царей, выбор первых консулов, освящение храма Юпитера Капитолийского и первый договор Рима с Карфагеном. Это столкновение грандиозных фактов на крошечном временном промежутке выглядит столь неестественным, что были сделаны попытки их разделения. Одна из них — гипотеза, согласно которой изгнание царей отнесено к 509 г., поскольку это единственная известная древним историкам дата — год освящения храма Юпитера Капитолийского. Само же изгнание произошло около 474 г. в результате разгрома этрусков при Кумах. Возможно, в пользу этого мнения говорит факт интенсивного храмового строительства, продолжавшегося в Риме на протяжении четверти века после 509 г.³⁷⁷.

Тиран

Силой, без волеизъявления народа Тарквиний занял трон, возвеличенный его предшественниками. И начал он с того, что отменил распоряжения Сервия, которые обеспечивали участие в управлении государством всем, кто этого достоин. Он не только приказал унести с Форума медные таблицы, на которых были начертаны законы Сервия, но распорядился их расплавить, чтобы никто никогда не вспоминал о благодетеле плебеев. «Записки» Сервия, хранившиеся в храме богини Фортуны, он тронуть не посмел, однако приказал жрецам никому их не показывать.

Вместо налогов, взимаемых с доходов, Тарквиний ввел поголовную подать, душившую ростки предпринимательства, основу благосостояния общества. Догадываясь, какое ожесточение и ненависть вызовут его действия, он запретил все народные собрания, даже торги и некоторые религиозные церемонии, во время которых народное недовольство могло найти выход.

Теперь Высокомерный не советовался с сенатом ни в малом, ни в большом: самолично объявлял и начинал войну, заключал мир, вступал в союзные отношения с другими государствами, назначал и смещал сенаторов и должностных лиц, посылал к врагам лазутчиков, самовольно распоряжался государственной казной. Подобно современному ему греческим тиранам, он окружил себя вооруженной, слепо повиновавшейся ему стражей. От его воли и любого каприза зависела судьба государства и любого подданного.

И ощутили патриции, недавно злоумышлявшие против Сервия Туллия и помогавшие Тарквинию прийти к власти, его тяжелую руку. Собираясь, они вспоминали о старых добрых временах и осуждали самовластие тирана. Но, странным образом, что бы ни говорилось за закрытыми дверями или на свежем воздухе, немедленно становилось известным во дворце. Словно бы повсюду развесил Тарквиний сотни невидимых ушей. Это были уши рабов и домочадцев, подкупленных Тарквинием, уши тех же сенаторов, ставших тайными доносчиками. Избрав главным своим помощником страх, Тарквиний единолично приговаривал к казни и к изгнанию неугод-

ных и просто подозрительных людей, поощряя всяческим образом льстецов и наушников.

Чтобы занять народ и отвратить его от недовольства и мятежей, царь затеял строительные работы, превосходившие по размаху все, что когда-либо предпринималось в Риме³⁷⁸. Цирк Величайший был достроен таким образом, что зрители могли не просто сидеть или лежать на траве, но размещаться на специально воздвигнутых деревянных помостах под раскидываемыми во время жары или зимних дождей полотнищами. Множество сооруженных еще первым Тарквинием каналов для вывода в Тибр нечистот и дождевых потоков были сведены в один крытый канал, рассчитанный на вечность.

Этими сложными и дорогостоящими работами руководили приглашенные со всей Этрурии опытные мастера. Римляне, поставленные под их начало, выполняли самую тяжелую и грязную работу, ничего за нее не получая. К тому же строительная повинность не избавляла от не менее обременительной воинской службы. И хотя Рим при Тарквинии сильно вырос и украсился, плебеи ненавидели тирана и сохраняли в своих песнях трогательную память о царе-благодетеле Сервии Туллии.

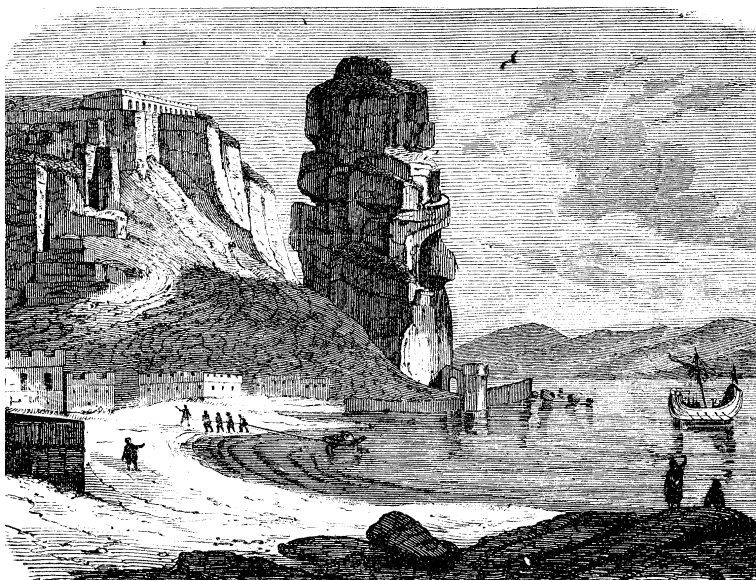
Коварство

Габии многолюдные, ныне вы пустошью стали.

Проперций

Внутренняя политика испокон веков определяла внешнюю. Дорогостоящие работы истощали римскую государственную казну, а пополнить ее можно было лишь за счет соседей. Сервию Туллию удалось заключить ряд взаимовыгодных договоров с латинянами и другими народами Средней Италии. Тарквиний Высокомерный их разорвал, требуя от римских союзников дани и территориальных уступок.

Из латинских городов только одни Габии³⁷⁹, расположенные на полпути между Римом и Пренесте, не пошли навстречу наглým требованиям тирана. Не раз посылал Тарквиний легионы к древним стенам Габий, но все по-

Анкур, город вольсков

пытки захватить небольшой город наталкивались на необыкновенное упорство и самоотверженность габийцев.

В один из дней к строго охраняемым городским воротам подошел милостивый юноша в окаймленной пурпуром, но порванной тоге. Страж, свесившись через проем стены, спросил у незнакомца, что ему надо.

— Я сын римского царя Тарквиния Секст. Мне надо встретиться с городскими властями и поговорить о важном деле.

Посоветовавшись между собой, стражи отворили ворота. И вот в сопровождении воинов юноша уже шагает по мощеной улице, ведущей к городскому Форуму.

В городской курии юноша обнажил спину, покрытую кровавыми рубцами, и обратился к потрясенным сенаторам с такими словами:

— Вы знаете римского тирана как своего злейшего врага. Но вот вам свидетельство того, как обращается Тарквиний с самыми близкими ему людьми. Я пришел к вам в надежде на убежище, которое готов оплатить верностью вашим законам и установлениям, вашей сво-

боде. Никто лучше меня, родившегося в Риме и приближенного к царю, не знает римских порядков. И я готов уже теперь поделиться этими знаниями, а когда вы сочтете это нужным, повести вас на Рим и открыть его ворота. Впрочем, если я не внушаю вам доверия или если ненависть к тирану столь велика, что вам будет тяжело дышать одним воздухом с его сыном, отпустите меня, чтобы я мог найти себе союзников где-нибудь в другом месте.

Кажется, только эти последние слова искусно подготовленной речи убедили габийцев, что сына Тарквиния не следует выпускать из города, ибо, оставаясь в его стенах, он может принести пользу, а за стенами, возможно, вред.

По мере того как габийцы ближе знакомились с беглецом из Рима, они проникались все большей уверенностью, что его направила в город сама Фортуна, чтобы покарать Тарквиния, враждебного этой богине, покровительствовавшей Сервию Туллию. Секст вел себя безупречно, а римский тиран, узнав о том, что сыну предоставлено убежище в Габиях, не раз присылал послов, требуя выдачи сына и обещая за это справедливый мир. Но габийцы не были предателями. Никто в городе не подозревал, что царский сынок выполнял роль деревянного коня, с помощью которого греки овладели Троей, что искусно задумана и сыграна гнусная комедия и близится ее трагический для города финал.

Когда Секст Тарквиний не только выдал все тайны своего отца, но и выказал храбрость в отдельных стычках со своими бывшими соотечественниками, ему было доверено командование габийским воинством. И эти обязанности он выполнял образцово, разделяя со своими подчиненными все тяготы и опасности войны, справедливо распределяя между ними добычу, так что в городе были почти уверены, что Секст Тарквиний не мог быть сыном Высокомерного, а его мать, подобно матери Ромула, родила мальчика от какого-то бога.

Секст был на пороге к своей цели. Оставалось отправить в Рим посла, чтобы получить от отца последние наставления. Такой верный человек был найден и отправлен в Рим, не вызвав у габийцев каких-либо подозрений.

Послу было поручено договориться с царем об обмене пленными. Царь принял посла Габий в Регию (царском доме) и выслушал его предложения. Однако, вместо того чтобы дать на него ответ, предложил послу спуститься в сад, словно для того, чтобы поговорить с глазу на глаз. Улучив момент, посл передал царю тайное поручение Секста. Тарквиний же, едва на него взглянув, сошел с дорожки и стал ходить между деревьев, сшибая железом цветки лилий.

Посол осмелился спросить Тарквиния:

— Каково же твое решение, царь, об обмене пленными?

Тарквиний продолжал метаться между деревьями, не проронив ни слова.

Тогда посл спросил напрямик:

— Что ты хочешь передать своему сыну, выбравшему своим посланцем именно меня?

Тарквиний словно бы не услышал этих слов, настолько он был занят обезглавливанием лилий.

И вернулся посланец Секста, уставший от этой непонятной ему игры, в Габии. Доложив сенаторам, что римский царь, видимо, не склонен к обмену пленными, он встретился с Секстом наедине и рассказал ему о странном поведении его отца.

И понял Секст, что отец, не испытывая доверия к посреднику, решил воспользоваться языком знаков, понимание которого доступно далеко не каждому. Сам же Секст без труда понял, что отец советует ему обезглавить городскую верхушку, избавиться от самых выдающихся граждан города.

Разгадав наставления отца, Секст начал действовать. Проявив ловкость и настойчивость, равные унаследованному коварству, юный Тарквиний стал обвинять сенаторов в выдуманных им самим преступлениях, чаще всего в мнимых убийствах сограждан. Вскоре в городе не осталось никого из тех, кто в тот несчастный для города день решил оставить в городских стенах римского беглеца в надежде извлечь выгоду из мнимой вражды отца и сына.

После этого не стоило никаких трудов открыть римлянам ворота Габий³⁸⁰. Город потерял свободу. Секст был назначен его пожизненным наместником.

Храм Юпитера Капитолийского

Еще Тарквиний Древний задумал соорудить в Риме грандиозный храм, подобный тому, какой в Афинах начал строить Писистрат. Но то ли у него до этого не дошли руки, то ли с присущей ему осторожностью он не решился на деяние, могущее вызвать возмущение таких ревнителей старины, как Атт Навий. Ведь Тарпейский холм, избранный под храм, с незапамятных времен был занят алтарями почитаемых окрестными жителями богов, и кто знает, как римские боги-старожилы отнесутся к появлению этрусских пришельцев.

Но то, что остановило Тарквиния Древнего, только подзадорило Тарквиния Высокомерного, и он, не долго думая, приказал очистить Тарпейский холм от дряхлых богов и их обветшавших святынь, находившихся там со времен Тита Тация³⁸¹. Впрочем, гаруспик, которому была поручена эта операция, провел среди богов гадание, которое должно было решить судьбу каждого из них. Как сообщил царю гаруспик, все боги Тарпейского холма смирились с необходимостью уступить свои места. Покинуть холм отказались лишь бог границ Термин³⁸² и богиня юности Ювента. И Тарквиний склонился перед их настойчивостью.

— Пусть остаются, строптивцы! — буркнул он. — Пусть охраняют границы Рима и вечную молодость государства.

Так Термин и Ювента остались на Тарпейском холме. Но алтари их были передвинуты к обрыву.

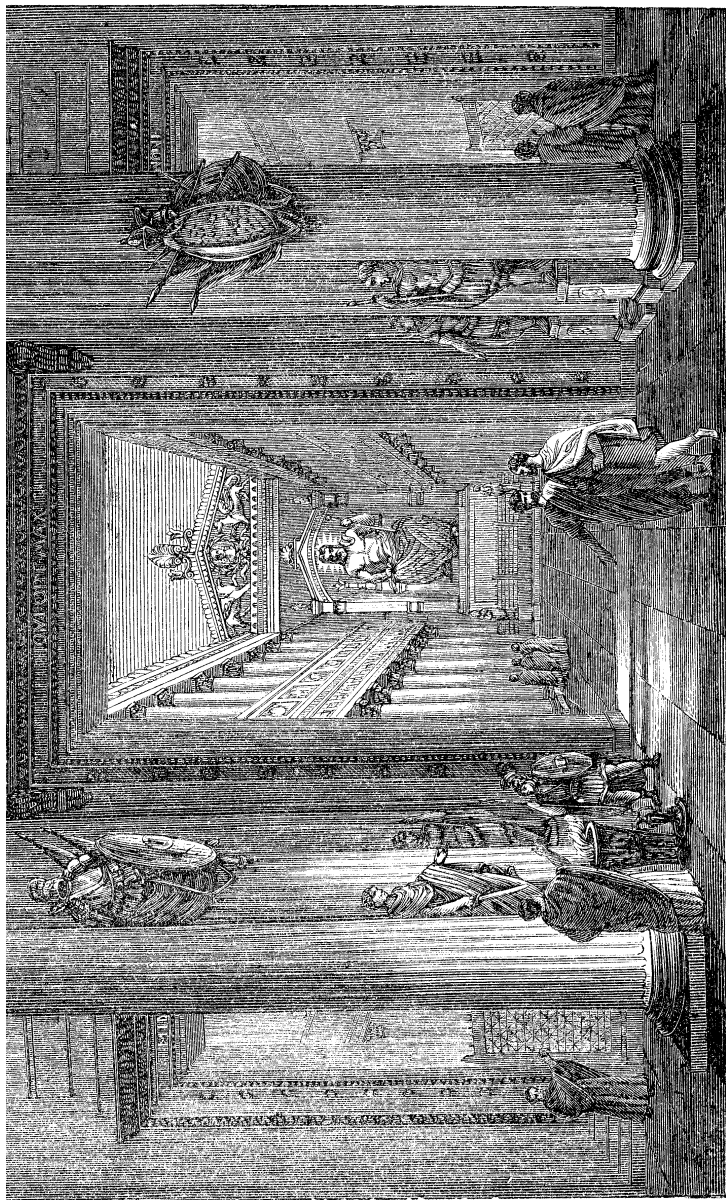
При этом Высокомерный решил, что негоже находится его храму на холме, носящем имя предательницы. Но как его назвать? Помог случай. Когда уже начали рыть котлован для фундамента, в яме наткнулись на мертвую голову, настолько хорошо сохранившуюся, словно ее отсекли совсем недавно³⁸³. Строители, побросав лопаты, с воплем «Кáпут! Кáпут!»³⁸⁴ разбежались кто куда. Но этрусский гаруспик Олен³⁸⁵, которому было поручено наблюдать за работами, не растерялся. Воздев руки к небу, он обратился к богу Тинии с благодарностью за знамение, а к окружающим с такими словами: «Бог Тиния бросил эту голову, чтобы храм на этом месте стал головою мира».

В тот же день Высокомерный распорядился: впредь именовать Тарпейский холм Капитолием. Строительство храма потребовало огромных средств. После того как опустела царская казна, была пущена в дело выручка от добычи, полученная при взятии одного богатого города. И храм был доведен до кровли. Он занимал площадку из туфовых плит, сглаживавших неровности скалы. Пол храма был выложен мраморными плитами, кровля его была позолочена. Вход в него образовывала колоннада в три ряда — по шесть колонн в каждом ряду. Внутренняя часть храма состояла из трех помещений для трех богов: центральное — для Тинии (римского Юпитера), левое — для Уни (Юноны), правое — для Менрвы (Минервы). Статуи их в древнейшую эпоху были из терракоты³⁸⁶.

Чтобы дать храму достойное завершение, Тарквиний заказал Вулке, мастеру из соседних Вей, оформление фронтона своего храма. На фронтоне должна была стоять терракотовая колесница, запряженная четверкой коней. Вулка принял заказ и обещал вскорости его выполнить. Но обещания не сдержал. Когда колесница была вылеплена и поставлена в печь для обжига, вместо того чтобы уменьшиться в размерах, она начала разбухать, словно бы ее материалом было тесто, а не глина. Призванный Вулкой гарусник истолковал чудо в том смысле, что увеличение размеров модели означает рост счастья и могущества того, кто сделал заказ. Естественно, что власти Вей, опасавшиеся усиления Рима, запретили Вулке отдавать законченную работу, из-за которой ему пришлось сломать печь, — иначе ее нельзя было вынуть.

Но, видимо, этрусские боги, обратившие свои глиняные головы в сторону Рима, не одобрили решения вейских властей. Во всяком случае, через несколько дней они это ясно показали во время состязаний колесниц в Вейях. Сначала колесницы шли ровно, но вдруг одна из них вырвалась вперед. Обойдя мету, кони свернули к выходу из цирка, промчались по улице к городским воротам и прямо по Соляной дороге двинулись к Риму. Возница делал все, чтобы их удержать. Но не тут-то было! Кони, словно направляемые кем-то свыше, развернулись таким образом, что возница вылетел из колесницы, как камень из пращи. Увидав мчащуюся колесницу, стражи,

Внутренний вид храма Юпитера

охранявшие римские ворота, спешно их открыли. Колесница ворвалась в город, пронеслась по Священной дороге, распугав квиритов, ринулась через Форум на Капитолийский холм и остановилась прямо перед только что построенным, но еще не освященным храмом.

Весть об этом вскоре возвратилась в Вейи. Напуганные власти сразу же распорядились, чтобы глиняная квадрига была возвращена заказчику. И тем же путем на специально сооруженном деревянном помосте работу Вулки доставили в Рим, где она была поднята на южный фронтон храма.

Так храм был подготовлен к тому, чтобы стать вечным жилищем Тинии-Юпитера. Его статуя, во избежание каких-либо препятствий со стороны этрусков, была заказана вольску Турриану. И пока он был занят ее изготовлением, другие мастера готовили для бога пурпурную мантию, которая должна была покрывать его терракотовые плечи, а в дни триумфа передаваться в пользование победителю.

*Свитки Сивиллы*³⁸⁷

В один из зимних дней Тарквинию, гревшемуся у очага, сообщили, что его хочет видеть бедно одетая старая женщина из Вульги.

— Дайте ей хлеба и пусть уходит! — отмахнулся царь.

Но вскоре страж вернулся.

— Старуха не берет подаяния, — проговорил он, разводя руками. — Она говорит, что принесла сокровища, которые могут пригодиться тебе и твоим наследникам.

— Приведи ее! — распорядился Тарквиний.

Через несколько мгновений перед ним стояла седая сторбленная женщина с сумою в руке. Раскрыв суму, она выложила на край стола один за другим девять пожелтевших от времени свитков.

— Это твои сокровища? — спросил Тарквиний.

— Да, — ответила старуха. — В этих свитках написаны предсказания, которые раскроют тебе твое будущее и будущее твоего государства. Многие века эти свитки хранились в пещере близ Авернского озера...³⁸⁸

— Я слышал об этом озере. Правда ли, что ни одна птица его не может перелететь из-за испускаемых ядовитых испарений?

— Мне дано повеление, — продолжала старуха, словно бы не расслышав обращенного к ней вопроса, — отнести свитки в Рим. Я готова их тебе отдать, если мы сойдемся в цене.

— И сколько ты хочешь?

— Сумку золота.

— Да ты обезумела!

Старуха взяла три свитка и молча швырнула их в огонь.

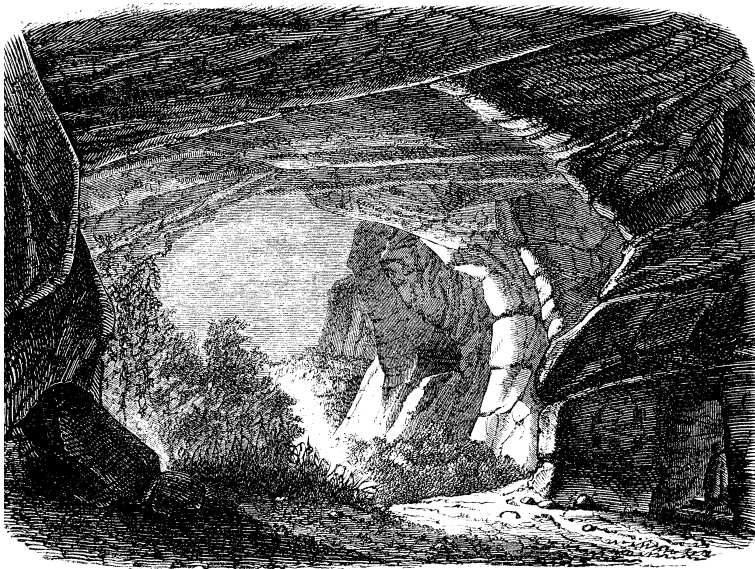
— Как я понимаю, теперь ты просишь на треть меньше, — сказал царь, едва опомнившись.

— Сумку золота, — молвила старуха.

— Но это несправедливо, — сказал Тарквиний.

Старуха взяла три других свитка и бросила их в огонь.

— И сколько ты хочешь теперь? — спросил царь.

Грот Сивиллы

— Сумку золота, — ответила она, протягивая ладонь со скрюченными пальцами к оставшимся свиткам.

— Не горячись! Подожди меня здесь. Я хочу посоветоваться со знающими людьми.

Встретившись с гаруспиком, Тарквиний узнал, что появление Сивиллы в Риме — особая милость богов, ибо Сивиллы никогда еще не покидали тех мест, где они дают предсказание. Наибольшее впечатление произвел на царя, уверенного в том, что Сивиллы недавние гости в Италии, рассказ гаруспика, что эти пророчицы обитали во Фригии, давая там предсказания как грекам и троянцам, так и лидийцам, его предкам³⁸⁹.

Тарквиний вернулся к ожидавшей его старице, и не один. С ним был воин с корзиной золота. Поставив корзину на пол, он стал горстями пересыпать ее содержимое в суму старухи.

Тарквиний с нетерпением ожидал момента, когда сумка наполнится. Ему было интересно, как дряхлая, должно быть, столетняя женщина сумеет поднять и унести такую тяжесть. Но как только сума нищенки наполнилась доверху, она вместе с нею стала растворяться в воздухе. Тарквиний поднял голову. Старуха уже исчезла. Воин стоял белый от ужаса, с выпученными глазами и широко открытым ртом. Но свитки на столе остались.

Тарквиний подошел к столу и ощупал каждый из свитков дрожащими пальцами. Прижав их к груди, он мучительно думал, где бы отыскать надежное убежище для приобретенных им сокровищ. Исчезновение старухи убедило его в том, что это была одна из тех Сивилл, о которых рассказывают столько невероятных историй. После долгих колебаний Тарквиний сам отнес драгоценные свитки в храм Юпитера Капитолийского.

Змея из колонны

В Риме было замечено, что Фортуна, сначала неизменно благоволившая к Тарквинию Высокомерному, стала улыбаться ему все реже и реже, а затем и вовсе обернулась к нему спиной.

Однажды царственная чета птиц, орел и орлица, покружившись над Римом, опустилась на высокую пальму

близ царского дома и стала вить на ней гнездо. Авгурь, в обязанности которых входило наблюдение за птицами, расценили этот случай как благое для царя знамение. Однако место, избранное птицами, как вскоре выяснилось, было несчастливым. Едва из яиц вылупились крикливые неоперенные птенцы, как на гнездо налетела огромная стая коршунов. Орел и орлица были прогнаны, птенцы заклеваны, гнездо разнесено по веточке, по соломинке.

Чтобы отнять у Тарквиния последнюю надежду, боги послали еще одно знамение. Из деревянной колонны, украшавшей вход во дворец, выползла змея. Дворец наполнился криками. Беспокойство вселилось и в сердце царя, и он решил отправить к оракулу Аполлона в Дельфы посольство, чтобы узнать истинный смысл знамения. Ошибка была в самом выборе послов. Тарквиний рассудил как будто правильно, что поручать такое можно только близким людям, заинтересованным в сохранении царского дома, а не придворным, могущим воспользоваться оракулом для захвата власти.

К своим сыновьям Титу и Аррунту, юношам, в отличие от брата, Секста, еще не оперившимся, был прибавлен и вовсе безобидный племянник, сын давно скончавшейся сестры Тарквиния, Юний Брут³⁹⁰, явный дурачок, не умевший связать пары слов, с вечной глупой улыбкой³⁹¹. «Уж, конечно, не от него исходит опасность», — подумал Тарквиний, призывая к себе Брута и приказывая ему отправиться в Дельфы. И пошел Брут к кораблю, неся в дар Аполлону золотой жезл, скрытый внутри полого рогового³⁹², а сыновья Тарквиния понесли от себя богатые дары, надеясь ослепить бога роскошью.

Исполнив поручение отца, Тит и Аррунт задали оракулу, объяснившему знамение как неизбежность перемен, вопрос: кто же будет царем в Риме? Из глубины расселины прозвучали слова: «Высшей властью в Риме, о юноши, будет обладать тот из вас, кто первым поцелует мать».

Тит и Аррунт были очень довольны тем, что стали обладателями этой тайны, и, конечно же, не собирались посвящать в нее своего брата Секста. Брута же они вовсе не принимали в расчет, поскольку его мать была уже

мертва. Между тем Брут, поразмыслив над изречением и зная, что повеления богов нельзя толковать буквально, решил опередить царских сыновей. Когда они, возвращаясь, сошли с корабля, Брут сделал вид, что поскользнулся, и, упав, приложился губами к земле, матери всех смертных, и она содрогнулась, дав ему понять, что поцелуй принят.

Клятва Брута

И поднимая булат, благородной окрашенный кровью,
С ясной грозой на челе молвит бесстрашную речь:
Духом клянусь я твоим, высшей святынею мне,
Кара царя-лиходея с отверженным родом настигнет.

Овигий (пер. Ф. Зелинского)

Вступив в Рим, царские сыновья увидели отряды воинов. Взметая желтую пыль, они брели по направлению к Марсову полю. Из храмов доносились выкрики молящихся и аромат благовоний. Оказалось, что отец назначил поход на город рутулов Ардею³⁹³, уже не раз отражавшую атаки римского войска. Наперебой расцеловав мать, немало удивленную неожиданной нежностью сыновей, Тит и Аррунт спешно закрепили доспехи поверх дорожных гиматиев, сменили петасы на шлемы. В пути их догнал Секст, которому отец приказал оставить Габии, чтобы принять участие в наказании мятежного города.

Через несколько дней все пространство под скалой, которую занимала Ардея, покрылось бесчисленным количеством шатров и землянок. Римляне устраивались надолго. Из окрестных покорившихся городов и селений на повозках, запряженных мулами и быками, везли провизию и дрова на зиму. Дребезжали колеса, визжали пилы, слышались удары заступов и топоров.

Укрывшись от всей этой суматохи за кожаными стенами своего шатра, самого высокого и просторного в лагере, царские сыновья пили вино и играли в кости. С ними вместе был молодой Коллатин — сын наместника Коллации³⁹⁴, дальний их родственник.

О чем обычно говорят молодые мужья, когда хмель ударит им в голову? Конечно же, об оставленных дома

женах! Когда братья, смакуя вино, перечислили все мыслимые и немыслимые достоинства своих супругов, Коллатин внезапно отодвинул свой кубок, так что вино пролилось на ковер.

— Нет! Я не буду восхвалять свою Лукрецию, ибо последнее дело делиться со всеми тайной двоих. Но я готов с вами поспорить, что моя Лукреция лучше всех женщин. До Рима недалеко. Я готов навестить ваших жен, Тит и Аррунт, а потом отправиться в Габии, чтобы посетить твой дом, Секст. Затем мы отправимся ко мне в Коллацию.

Сказано — сделано. По каменистой, освещенной луною дороге застучали копыта. К третьей страже спорщики уже скакали по опустевшим и темным римским улицам. Только из пристройки к царскому дворцу, которую Тарквиний выделил младшим своим сыновьям, лился свет, слышались звуки флейт и тимпанов.

— Не будем им мешать, — сказал Секст. — И не надо скакать в Габии. Давай отправимся прямо в Коллацию. Я уверен, что и Лукреция не теряет времени даром.

Закипела кровь в жилах Коллатина. Он с трудом удержался, чтобы не вытащить меч.

— Хорошо, я согласен! — проговорил он глухо. — Ведь Секст признал, что в Габиях нам нечего делать.

И вот они в маленьком городке в десяти милях от Рима. Город словно вымер. Но в одном доме горит свет.

— Клянусь Геркулесом! — воскликнул Секст. — Это ведь твой дом, Коллатин.

Всадники спрыгнули с коней и переступили порог дома. Они увидели Лукрецию в кругу рабынь. Тихо шелестели прялки.

Услышав скрип двери, Лукреция обернулась. Краска покрыла ее щеки. Еще мгновение, и она в объятиях у Коллатина.

С завистью и изумлением наблюдал за этой сценой Секст. Он уже забыл о проигранном споре и о своем позоре, свидетелем которого стал Коллатин. Секста поразили красота молодой женщины, ее необыкновенная чистота и скромность. В голове юноши, испорченного властью и привыкшего удовлетворять любые свои желания, возник преступный замысел.

На следующую ночь он покинул лагерь, сославшись на неотложные дела в Риме. Вот и дом Коллатина. Услышав стук копыт, Лукреция бросилась к двери. Она думала, что вновь приехал муж. Но это был Секст Тарквиний, объяснивший, что он загнал коня и вынужден заночевать в Коллации. Скрыв разочарование, Лукреция радушно встретила гостя. Рабыни принесли воду для омовения рук и еду и отвели Секста в предназначенную ему комнату. Но Секст и не думал ложиться. С обнаженным мечом он ждал, пока в доме все стихнет.

Юний Брут

Затем, ворвавшись в спальню, он бросился на колени перед супружеским ложем, стал клясться Лукреции в любви. Когда же она не уступила его домогательствам, он перешел к угрозам. Показывая Лукреции меч, он говорил, что сейчас схватит одного из домашних рабов, заколет его в этой спальне, а затем поскачет в лагерь, чтобы сообщить Коллатину, что застал раба вместе с нею и убил его, защищая честь семьи. Видя, что Секст готов привести угрозу в исполнение, Лукреция не нашла сил противостоять негодяю.

Когда Секст, добившись своего, выбежал наружу и стук копыт возвестил о его удалении, Лукреция вышла в атрий и приказала одному из рабов отправляться за отцом в Рим, а другому — за мужем под Ардею. «Пусть явятся немедленно, — сказала она. — И каждого пусть сопровождает самый близкий из друзей».

Первым прибыл Коллатин с Брутом. Несколько мгновений спустя явился отец Лукреции Спурий Лукреций с Публием Валерием.

Рабыня открыла дверь в спальню. Лукреция была вся в черном, оттенявшем белизну ее щек и лба. Она начала говорить, но лицо ее вдруг покрылось краской, а из глаз хлынул поток слез. Наконец, собравшись с силами, она назвала имя Секста Тарквиния и призвала отомстить за неслыханное оскорбление, которое он ей нанес. Муж и отец принялись ее утешать, но она внезапно выхватила спрятанный в одежде кинжал и вонзила его себе в грудь.

Все оцепенели от ужаса. Первым опомнился Брут. Он вынул кинжал из раны уже мертвой Лукреции и поднял его над головой.

— Клянусь кровью благородной Лукреции, лучшей из римлянок, отомстить роду Тарквиниев. Преступление Секста сделало царскую семью врагами римского народа. Рим должен освободиться от власти царей.

Кинжал переходил из рук в руки, и все повторили клятву Брута.

Затем мужчины положили тело Лукреции на носилки и понесли на Форум Коллации. Здесь Брут призвал молодежь к оружию. Вскоре Брут, Коллатин, Спурий Лукреций и Валерий в сопровождении толпы вооруженных юношей двинулись в Рим.

Римляне были поначалу напуганы появлением возбужденных, что-то выкрикивавших людей и разбежались по домам. Но Брут, обладавший властью предводителя всадников, разослал по городу глашатаев, объявивших о чрезвычайном собрании на Форуме.

Сбежавшиеся отовсюду квириты увидели погребальные носилки и вокруг них людей в трауре. Потрясенные горем муж и отец Лукреции попросили Брута рассказать народу о случившемся.

Брут поднялся на возвышение для ораторов и впервые в своей жизни произнес публичную речь. Она вызвала не только глубокое потрясение слушателей, но и не меньшее их удивление. Общее мнение выразил один из квиритов: «Неужели это тот самый Брут, одно имя которого вызывало усмешки?» И впрямь это был совсем другой человек! Куда-то исчезла то ли застенчивая, то ли глупая улыбка с его лица. Он, постоянно хранивший молчание, произносил речь с легкостью, какой мог бы позавидовать любой из сенаторов. Так и осталось неясным, переродило ли Брута переживание в доме Коллатина или он попросту сбросил маску глупца, которая ранее спасала ему жизнь.

В своей речи Брут поведал не только о чудовищном поругании Лукреции и ее гибели. Он говорил о гнусном убийстве Сервия Туллия, о своеволии и жестокости тирана, превратившего квиритов из воителей и победителей соседних народов в чернорабочих и землекопов.

Чувствовалось, что он собирал факты долгие годы и копил ненависть в своей душе в надежде когда-нибудь все это выплеснуть и предстать перед народом великим оратором и вождем.

— Оставьте, сограждане, слезы! — закончил свою речь Брут. — Давайте вооружимся, нет, не против царя — против деспотии, позора рода человеческого.

И слова эти нашли немедленный отклик. Народ принял решение об изгнании Луция Тарквиния с супругой и детьми. Был объявлен набор из числа граждан младших возрастов в войско, командование которым поручено Бруту. Назначив Лукреция префектом города³⁹⁵, Брут отправился под Ардею поднимать стоящих там воинов.

Не дожидаясь прибытия мужа, в тот же день из города бежала Туллия, проклиная, где бы она ни появлялась, мужчинами и женщинами, призывавшими на ее голову отцовских богинь-мстительниц.

О событиях в Коллации и Риме стало известно всем, кто стоял лагерем под Ардеей. Войнство отказалось повиноваться тирану и признало власть Брута, остававшегося в должности начальника конницы. Тарквиний отправился в Рим, надеясь, что там вспомнят о его победах, о величественных сооружениях, которыми он украсил город. Но его не впустили в Рим. Царь метался от одних ворот к другим, но слышал лишь насмешки и проклятия. Кто-то ему сверху сказал:

— Тарквиний! Ты был нашим царем. Ищи себе другую державу.

Тогда же Секст Тарквиний удалился в Габии, как в собственное царство, и был там вскоре убит своими давними врагами, которых нажил в свое время казнями и грабежом.

Триари

Брут, не застав Тарквиния в Ардее, возвратился в Рим и направился в храм Фортуны, где, как ему было известно, хранились записки Сервия Туллия. С волнением он читал завещание человека, сумевшего сочетать царскую власть со справедливостью. Наконец, он натолкнулся на место, которое искал. Описывая наилучшее государственное устройство, Сервий писал: «Справедливее будет, если общее дело будет передано не одному, а двум царям, а власть их будет ограничена одним городом и возможностью накладывать одному царю запрет на действия другого. И, поскольку слово «царь» может стать ненавистным народу, лучше называть правителей как-нибудь иначе».

Тотчас же Брут познакомил с мудрыми мыслями Сервия Туллия префекта города Лукреция и убедил его последовать мудрому совету справедливого царя. Лукреций созвал на Марсовом поле народное собрание по центуриям. Народ избрал высшими должностными лицами Луция Юния Брута и Луция Тарквиния Коллатина, назвав их консулами³⁹⁶. Государство же было названо «общим делом» (республикой)³⁹⁷.

VII. КНИГА БОРОДАТЫХ КОНСУЛОВ

Предисловие

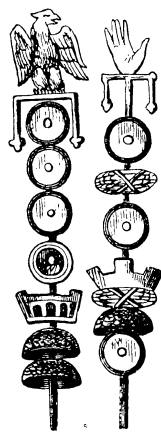
Эта книга вобрала в себя легенды Рима от установления Республики (около 509 г. до н. э.) до битвы при Регилле (около 493 г. до н. э.). В эти пятнадцать лет Рим еще не претендовал на господство не только над всей Италией, но даже над ее центральной частью Лацием. В суровой борьбе с ближайшими соседями римскому народу чаще всего приходилось отвоевывать то, чем он обладал во времена Тарквиниев. Ведь в результате войн с коалицией этрусских государств Рим потерял треть и так незначительной территории. Все правобережье Тибра вплоть до соляных варниц на Тирренском море попало под власть ближайшего римского соседа — этрусского города Вей.

К тому же с изгнанием Тарквиниев рухнуло господство над Лацием, которого силой и хитростью добились этрусские правители Рима. Латинские города, порвав союз с Римом, стали союзниками греческой колонии Кампании Кум, во главе которой в те годы находился тиран Аристодем. Это было угрозой и для этрусков, поскольку путь в колонизованную ими Кампанию проходил через Рим и Лаций. Только это спасло Рим от полного уничтожения, заставив этрусков примириться с существованием города, изгнавшего этрусского царя.

И чем плачевнее было военно-политическое положение Рима, тем громче в трудах поздних римских историков звучали дифирамбы в честь римских воинов и полководцев, тем гуще мрак легенд, в котором теряются проблески истины. Римляне в этом отношении ничем не отличались от других народов, терпевших неудачи. Вспомним, что героизм израильтян, если судить о нем по Библии, ярче всего проявлялся в годы поражения в битвах с филистимлянами. В своих песнях сербы всегда побеждают турок, что не мешает им находиться под турецким игом. Да и наше «Слово о полку Игореве» обязано своим появлением не победе, а поражению.

Легендами окружена и внутренняя история Рима следующего за изгнанием Тарквиниев столетия. Содержание ее — борьба плебеев с патрициями, обусловленная в значительной степени тем же упадком, который пережил Город после изгнания царей. Разумеется, противоречия между патрициями и плебеями существовали и при царях, но их острота гасилась за счет того, что плебейская верхушка пользовалась плодами римской экспансии. Цари этрусского происхождения, особенно Сервий Туллий, рассматривали плебеев как свою опору и оказывали им покровительство, проводя в их интересах те или иные законы. Утвердившаяся в Риме Республика была патрицианским государством, в котором плебеи не пользовались какими-либо законными правами и не могли найти управы на своих обидчиков. Борьба

между плебеями и патрициями достигает невиданного ранее накала. И она, так же как военные столкновения с соседями, обретя своих героев и мучеников, становится достоянием легенд и преданий.

Глава 1 *ВПЕРВЫЕ БЕЗ ЦАРЯ*

Охватываемые этой главой события приходятся всего лишь на один год римской истории, в переводе на современное летосчисление, 510—509 гг. до н. э. На этот год падают смещение консула Тарквиния Коллатина и замена его Валерием Попликолой, заговор сыновей Брута в пользу изгнанного царя, первое сражение за Республику на поле боя и гибель Брута, избрание вместо Брута консула Лукреция, замена Лукреция консулом Горацием, первый триумф, освящение Капитолийского храма.

Не слишком ли много имен и событий за один год? Этот вопрос не раз уже задавали себе исследователи раннего Рима и, отвечая на него, пришли к выводу, что нагромождение событий и имен — следствие того, что римские историки соединили множество легенд, образовавшихся вокруг такого значительного события, как падение царской власти.

Серьезное сомнение вызывает то, что царя в Риме сменили два консула. Консулат не мог возникнуть сразу. Это результат длительного политического развития. Скорее всего, в Риме, как и в других италийских городах, на смену царям пришли единоличные правители, опирающиеся на поддержку вооруженных отрядов. Имена этих правителей — Юний Брут, Валерий, Лукреций, Тарквиний Коллатин, Гораций — донесли легенды. Не зная, кого из них сделать «консулами», поздние римские историки отнесли их всех к одному году, одного отстранив от власти, другого погубив на поле боя, третьего заставив умереть естественной смертью. Таким образом, к концу года из пяти «консулов» осталось только двое — Валерий и Гораций.

Первый из них, судя по недавно обнаруженному документу из латинского города Сатрика, — историческое лицо. Он вместе с отрядом, опираясь на который мог прийти к власти, принес жертвы богине матери.

Дата изгнания царя и установления Республики не заслуживает доверия. В распоряжении римских историков могла иметься лишь дата освящения храма Юпитера Капитолийского, сохранившаяся в храмовых архивах. Она была взята за новую эру римской истории, и к ней были привязаны все знакомые из легенд имена и события внутренней и внешней истории Рима.

Таким образом, вместе с рассказами о первых римских консулах мы вступаем в мир легенд и политических конструкций, имеющих целью доказать, что республиканские порядки возникли сразу после изгнания царей, а римляне в их защите проявили необыкновенную стойкость и мужество.

Возвращение войска

Дорога пылит.
Вдали осталась Ардея.
Сердца веселит
Весть об изгнание злодея.

И солнце встает
В предутреннем белом тумане.
Фортуна зовет
На новые испытания.

Сквозь желтую дорожную пыль, покрывшую лица воинов, весело поблескивали глаза. Калиги дружно били по каменистой земле. Нет, не очередную победу уносили легионеры в потрепанных заплечных мешках. Мешки эти были пусты. На этот раз город не был взят. Подтянуты кожаные пояса. Но в строю то и дело вспыхивал и прокатывался смех. И обросшие волосами, и юношеские гладкие лица освещались улыбками. С Ардеей заключен мир, с той самой Ардеей, которая так упорно сопротивлялась и выдержала осаду. Те же, что пришли под ее стены подневольными царскими воинами, возвращались на родину свободными гражданами Республики.

Да! Да! В Риме впервые за двести с лишним лет не было царя. Государством управляли два Луция — Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин. Они избраны собранием по центуриям, введенным лучшим из царей Сервием Туллием. Они называют себя консулами. Воины шли, чтобы с ними встретиться и выслушать их речи.

Всегда среди множества людей найдется маловер, не разделяющий общих надежд и радостей. Вот и сейчас послышался голос, который, как все поняли, принадлежал вечно чем-то недовольному Бабурию.

— А чего радоваться-то?! Избрали мы себе на голову вместо одного двух царей. Ведь у Тарквиния Коллатина то же родовое имя, что и у Тарквиния Гордого. Да и Брут из того же царского рода. Ведь именно Брута царь отправил в Дельфы, чтобы узнать, кто его сменит на троне!

Все смолкли, и только калиги били по земле сильнее и как бы сосредоточеннее. «Бабурий прав! — мрачно думали воины. — Конечно, Коллатин пострадал. И без его Лукреции от царя бы вовек не избавиться! Но Коллатин и на самом деле Тарквиний! И Брут из царского рода,

Римские легионеры на походе

а его сыновья воспитывались вместе с царскими сыновьями. Кто знает, что у всех этих Тарквиниев на уме. Подождут, пока у народа утихнет гнев, а потом вернут трон и корону своему родичу».

С такими вот мыслями воины прошли через городские ворота и вступили на Форум. Народ уже собрался. Консулы стояли на деревянном помосте. Вглядываясь в их встревоженные лица, воины поняли, что первые люди Рима тоже чем-то недовольны. Брут взял слово первым.

— Квириты! — начал он. — Я свободный человек и вижу перед собой свободных людей. Над вами нет царя. Мы принесли клятву, что никогда больше царь не будет править римлянами. Вот чего мы добились. Вот ради чего каждый из нас должен поступиться своими собственными планами и интересами. Что я имею в виду? Мне известно, чем обеспокоены граждане. Мой коллега Луций Тарквиний Коллатин! Речь идет не о тебе, а о твоём имени. Оно и волнует народ! В твоём доме был поднят меч, и ты, Коллатин, пострадал более других. Поверь, ты и твои заслуги, и твои беды в Риме никогда не будут забыты. Но избавь нас от своего ненавистного имени! Удались добровольно ради твоего отечества, и ты сохранишь о себе добрую память в потомстве.

Коллатин, судя по его виду, до того, как Брут начал свою речь, не догадывался, о чем тот собирался говорить. По мере того как Брут обращался к нему, голова Коллатина опускалась все ниже и ниже, а лицо его то белело, то краснело. Когда Брут смолк, Коллатин поднял голову и обратил лицо к своему тестю Спурию Лукрецию, к тому самому, с кем он над телом супруги своей давал клятву отомстить насильнику и всему царскому роду. По каменной неподвижности лица Лукреция Коллатин понял, что у него он не найдет поддержки, и на заплетающихся ногах покинул помост.

Тут же на его место был избран Публий Валерий. Этот сенатор из старинного сабинского рода во времена Тарквиния не успел себя проявить и поэтому в глазах народа менее всех был причастен к его преступлениям. Сразу же Публий Валерий отправился на Марсово поле к алтарю Дита и Персефоны и, заколов черного быка и черную корову, принес клятву за свободу римлян.

Чудесное избавление

В Риме не удивились тому, что консул избрал для клятвы богов подземного мира. Всем было известно, что он происходил от одного из сыновей сабинянина Валезия, спасенного богами смерти.

Было это тогда, когда на селения сабинян и латинян обрушилась страшная болезнь, имени которой лучше не знать и не повторять. Она косила людей без разбора. И перед ней было бессильно любое врачебное искусство. Явные ее признаки появились на личиках двух сыновей и дочери Валезия, и он пал на колени перед очагом с мольбой к ларам отвести болезнь от детей, а лучше навлечь ее на его седую голову и на голову жены.

И вняли лары мольбе. Из очага, заглушая треск поленьев, послышался голос — не мужской и не женский, божественный голос:

— Отвези детей по Тибру в Тарент и напои их там водой.

«Лары откликнулись!» — с ликованием подумал Валезий и бросился укутывать детские тельца, разметавшиеся на постели и пылавшие недобрым жаром. Смущала лишь дальность путешествия. Валезий знал, что Тарент находится на краю Италии, заселенном греками, и на челне знакомого ему рыбака туда не доплыть. И все же надежда одолела сомнения. Рыбак, выслушав сбивчивый рассказ соседа, почесал затылок всей пятерней, но в помощи не отказал.

Течение понесло лодку, и приходилось лишь править веслами. Обнимая детей, Валезий ощутил, что жар в их тельцах сменился холодом. Они дрожали. Там, где река круто сворачивала к освещенным луной холмам, на левом берегу что-то дымило.

— Что это за место? — спросил Валезий.

— Одни называют его Тирентом, другие — Тарентом, — отозвался рыбак.

И понял Валезий, что ему не придется на утлом челне выходить в открытое море и плыть к далекому греческому городу. Он попросил рыбака причалить к низкому берегу и, зачерпнув воду бронзовым ведром, помчался в направлении дыма. Его тонкая струя выходила прямо

из земли. Огня же, без которого, как говорят, дыма не бывает, не было. Но и это не смутило Валезия. Он подобрал на земле прутья и, положив их в места выхода дыма, начал дуть и вызвал огонь — если не своим дыханием, то верой в чудо. Вода быстро согрелась. Дети ее выпили и сразу погрузились в глубокий сон.

Пробудившись, они наперебой стали рассказывать свой сон. Каждому из них явилась богиня. Она отерла их тела губкой и повелела заколоть на алтаре жертвенных животных и устроить игры.

Никакого алтаря в месте выхода дыма не было. Догадавшись, что алтарь может быть под землей, Валезий поспешил к видневшемуся вдали холму, по склону которого поднимались хижины пастухов. Они были добрыми людьми и, вооружившись лопатами, последовали за Валезием. Алтарь оказался на большой глубине. Эти же люди продали Валезию двух черных барашков и черную овечку. Их Валезий заколол за двух сыновей и дочь — по одному животному в ночь. И все это время местные жители, разведя костры, состязались в беге, прыжках, метании камней и плясках³⁹⁸.

Сыновья и отцы

Покажется если кому-то,
Что спор наш отеческий нов,
Так вот вам история Брута —
Первая римская смута,
Конфликт сыновей и отцов.

После бегства из Рима Тарквиний Высокомерный не оставлял надежды возвратиться в Город царем. Поначалу он действовал хитростью. Через своих сторонников в Риме он узнал о разногласиях между Брутом и Коллатином, об освобождении последнего от должности и избрании Валерия. Верные люди сообщили ему, что имеется немало недовольных переменами в государстве среди молодых патрициев. Это были ровесники и сотоварищи юных Тарквиниев, привыкшие жить по-царски и не видевшие для себя в государстве достойного их честолюбия места³⁹⁹. И отправил Тарквиний в Рим своих

посланцев под предлогом решения имущественных споров, а на самом деле с тайным поручением вступить в переговоры с юнцами и с их помощью восстановить свою власть.

Так в Риме возник заговор, к которому примкнули среди прочих влиятельных людей сыновья Брута и племянники лишенного власти консула Коллатина.

Решение вопроса о передаче Тарквинию лично ему принадлежавшего имущества затянулось, и посланцы Тарквиния воспользовались этим обстоятельством для встреч с заговорщиками. Они побуждали их дать подтверждение своей верности царю. Во время одной из встреч в сарае юноши принесли в жертву раба и, прикоснувшись к его внутренностям, при посланцах поклялись добиться возвращения в Рим Тарквиния⁴⁰⁰. Но посланцам этого показалось мало, и они потребовали письменного подтверждения клятвы. Свидетелем всего этого оказался раб, спавший в сарае. Проснувшись от шума голосов, он спрятался, опасаясь, что его накажут за ленность, и слышал стон закалываемого, слова клятвы и угрозы дать Тарквинию письмо.

Дождавшись, когда заговорщики удалятся, он покинул свое убежище и помчался не к собственному господину Бруту, а к консулу Валерию, сыновья которого клятву верности Тарквинию не давали.

Валерий молча выслушал раба, после чего приказал его связать и не спускать с него глаз, сам же со своими людьми бросился к покидавшим Рим посланцам Тарквиния, схватил их и отобрал у них письмо. Потом были схвачены и юноши, готовые к заговору.

Весть об этом заставила сенат изменить принятое решение о возвращении Тарквинию его добра. Оно было отдано на разграбление плебейм с тайной мыслью, что они, завладев частью царского имущества, никогда не примирятся с возможностью возврата царской власти. После того как в царском доме уже нечего было брать, его вместе с двором сровняли с землей. Тарквинию принадлежала также большая и лучшая часть Марсова поля. Ее предали проклятию, а это означало, что все на ней находящееся нельзя было употреблять в пищу. Еще до того поле скосили, и лежали снопы, готовые к молотье. Их

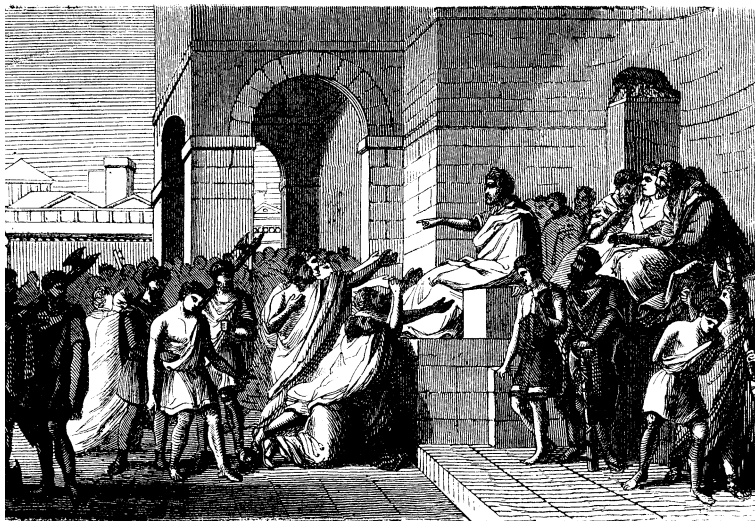

побросали в Тибр. За снопами последовали срубленные деревья. В это время года река обмелела, и брошенное в воду застряло неподалеку на мели, было занесено и скреплено илом. Так на Тибре образовался остров, впоследствии названный Священным. На нем появились храмы богов и портики, укрывавшие от солнца.

Между тем состоялся суд над юношами-заговорщиками. Их привели в оковах на Форум и предъявили им обвинение, а затем прочли письма, уличавшие в заговоре. Юноши смущенно и уныло молчали. Кто-то, желая угодить Бруту, заикнулся об изгнании. Валерий молчал. Коллатин залился слезами. Но лицо Брута не дрогнуло. Он обратился к каждому из сыновей по отдельности с предложением ответить на обвинение. Они молчали. Еще дважды Брут повторил: «Ну, Тит! Ну, Тиберий! Отвечай-те!» Когда же ответа не последовало, Брут обернулся к ликторам и молвил:

— Дело теперь за вами!

Ликторы подбежали к юношам, сорвали с них одежды, завели руки за спины и начали сечь розгами. Это зрелище заставило многих отвернуться. Но Брут не от-

Брут произносит приговор своим сыновьям

вел взгляда даже тогда, когда его сыновьям рубили головы. Та же участь постигла и других заговорщиков.

После этого рабу, раскрывшему заговор, были дарованы свобода и римское гражданство.

Крик

И померк закат кровотокащий,
И, как диво, выплыл Тива лик.
И пронесся над Арсийской чащей
Этот леденящий жилы крик.

Сам Сильван, благой владыка леса,
Гневно схватку братьев порицал.
Ненавистник брани и железа
Слал свое проклятие бойцам.

Узнав о провале заговора, решил Тарквиний обратиться к своим соотечественникам этрускам с просьбой помочь ему вернуть законную власть в Риме. На его призыв отозвались Тарквинии, родина рода Тарквиниев, и соседние с Римом Вейи, всегда готовые поддержать любого недруга римлян. Во главе двух ополчений стали сам Тарквиний и его сын Аррунт. Римлян же повели консулы Валерий и Брут. Местом сражения был избран священный Анзуйский луг, расположенный рядом с Арсийским лесом⁴⁰¹, считавшимся обиталищем бога Сильвана⁴⁰².

Еще издали узнав одного из консулов по окружающим его ликторам, а затем убедившись, что это Брут, а не Валерий, Аррунт возгорелся гневом и с криком: «Вот кто нас изгнал из отечества!» — направил к Бруту своего коня. Поединок был столь стремительным и яростным, что воины обеих сторон едва опомнились, как увидели Брута и Аррунта лежащими без признаков жизни на земле.

Такой результат поединка предвещал и ничейный результат самого сражения. Так и случилось. На одном крыле победили римляне, на другом — этруски. Сражающихся развела ночь. Оставшиеся в живых разбрелись по своим городам. Но будто бы, проходя мимо Арсийского леса, римляне услышали громовой голос:

— У этрусков пало на одного больше. Римляне победили.

Римляне решили вернуться, чтобы проверить, так это или нет, и при свете луны стали считать погибших: трупов римлян оказалось одиннадцать тысяч триста, этрусков — одиннадцать тысяч триста один.

Так римляне вернулись в Город победителями. Это был день мартовских календ, день бога войны Марса. И был он отмечен первым триумфом первого консула⁴⁰³. Через Марсово поле Валерий въехал в Город на четверке коней, окруженный толпой родственников и клиентов. Над головой победителя раб держал золотую корону, украшенную дубовыми листьями и желудями, время от времени напоминая: «Ты человек. Ты человек». Но если бы победитель, оглушенный славой, и не расслышал шепота раба, мимо его слуха не мог пройти рев следовавших за колесницей воинов. Воины насмеялись над его внешностью, над его привычками, и это преследовало ту же цель, что и шепот раба: напомнить триумфатору, что он не бог, а человек, спасти его от гнева ревнивого Юпитера.

Через несколько дней после своего триумфа Валерий прославился не только как победитель этрусков, но и как оратор, произнеся над телом павшего Брута речь. Вообще-то, согласно установившимся обычаям, такую речь должен был произнести один из сыновей покойного. Но, казнив Тита и Тиберия, Брут сам лишил себя этого почета. Поэтому Валерий взялся за произнесение погребальной речи. В ней он отметил все заслуги Брута в изгнании из Рима царей, его непоколебимую стойкость в защите интересов римского народа, тщательно избегая всего того, что могло бы бросить на покойного тень. Кажется, именно тогда римляне стали повторять вслед за греками: «О мертвом хорошо или ничего».

Дом на Велии

После выполнения долга перед коллегой, павшим на поле боя, Валерий занялся постройкой дома на самой высокой точке Палатина, которую римляне называли Велией. Само расположение этого дома, нависавшего

над Форумом, как неприступная крепость, а также то, с какой важностью Валерий сходил вниз по лестнице в окружении ликторов, вызвало в городе кривотолки, будто Валерий стремится занять место Тарквиния, стать царем.

Когда Валерию стало известно о недовольстве народа, он, не долго думая, собрал толпу ремесленников, которые за ночь снесли уже почти завершенный дом до основания, а сам со своими близкими поселился у друзей⁴⁰⁴.

Наутро, когда граждане, по обыкновению, начали заполнять Форум и подняли глаза, чтобы взглянуть, как будет спускаться вниз этот «гордец» (так многие стали называть Валерия), они наткнулись на пустоту. И снова пошли толки. Одни восхищались силой духа Валерия, сумевшего пожертвовать своими средствами и удобствами, чтобы угодить народу. Другие же оплакивали дом, который был украшением Рима.

И тут появился Валерий в окружении ликторов. Однако на фасках не было, как обычно, топоров, и к тому же, когда ликторы приблизились, они склонили фаски перед народом в знак признания высшей его власти.

Толпа затихла в удивлении перед этим новшеством, и тут консул произнес вторую свою речь, которая поначалу могла показаться продолжением той, погребальной:

— О Брут! — начал Валерий. — Боги дали тебе счастливую судьбу. Ты пал на поле боя в расцвете славы, сражаясь за общее дело, а я остался жить, чтобы узреть неблагодарность, чтобы испытать оскорбление и клевету. Неужели репутация человека и гражданина зависит не от его поведения, а от места, где расположен его дом? Чтобы навсегда рассеять подозрения в том, что должностные лица действуют в собственных интересах и добиваются единоличной власти, я предлагаю вам ряд законов. Пусть никто не будет единоличным консулом. Пусть будет осужден к смерти каждый, кто примет власть без волеизъявления народа. Пусть никто из граждан не будет казнен или наказан розгами без согласия народа.

Эти законы в тот же день были приняты. И именно они дали Валерию прозвище Публикола⁴⁰⁵. Вскоре состоялись выборы второго консула. Им оказался Спурий

Лукреций, отец Лукреции. Ему, как старшему по возрасту, Валерий передал своих ликторов со знаками высшей власти.

На следующий день Валерий появился на Форуме без почетной свиты, чем вызвал всеобщее удивление.

— Почему бы тебе не иметь собственных ликторов? — спросили друзья.

— Знаков высшей власти в Риме, освободившемся от царей, не должно быть больше, чем при царях! — ответил Валерий.

С тех пор в Риме у двух консулов было 12 ликторов, переходивших через месяц от одного консула к другому. Когда же в чрезвычайных случаях назначался диктатор, его сопровождало 24 ликтора.

Через несколько дней Лукреций скоропостижно скончался, и ликторы возвратились к Валерию. Новым консулом вместо Лукреция был избран Марк Гораций Пульвилл, тот самый, кого Тарквиний поставил во главе войска, осаждавшего Ардею.

Освящение храма Юпитера

Тарквиний, сын Демарата, принес обет построить храм Юпитера. Его внук этот храм построил и даже успел украсить его фронтоном терракотовыми фигурами, а вот освятить храм ему не пришлось. Консулы Валерий и Гораций бросили между собой жребий, кому освящать храм. Жребий выпал Горацию, и пришлось Валерию отправляться на войну, хотя освящение храма было его давней мечтой.

В назначенный для освящения храма день сентябрьских ид⁴⁰⁶ Гораций в сопровождении сенаторов взошел на Капитолий. Были принесены Юпитеру жертвы, после чего Гораций поднялся по ступеням к дубовым дверям храма и уже коснулся их притолки, чтобы произнести соответствующую формулу, как вдруг послышался голос Марка Валерия, брата Публиколы:

— Консул! Твой сын внезапно умер в лагере.

Среди сенаторов прошло движение. Все знали, что у Горация был единственный сын-наследник, которого

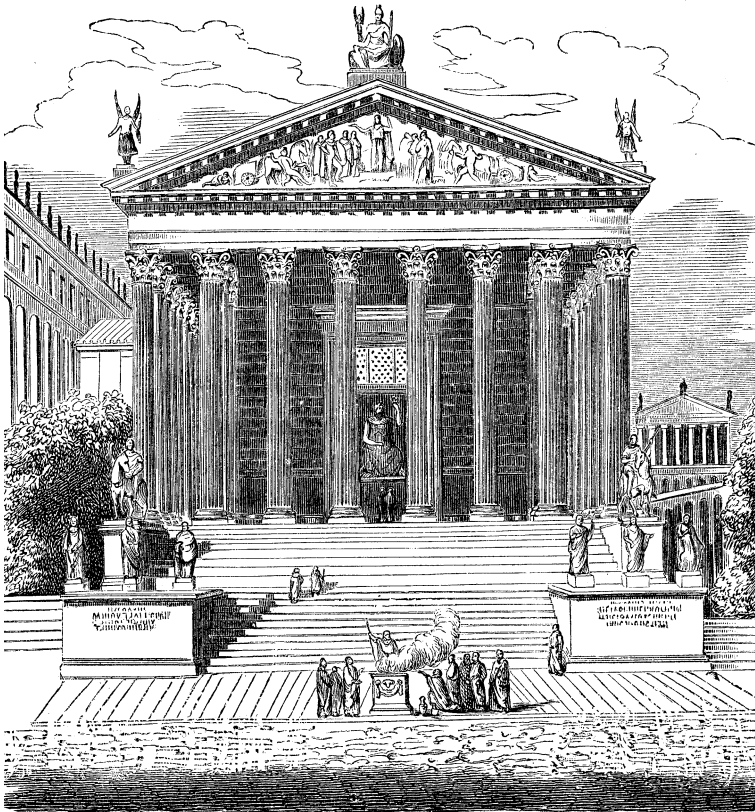

он очень любил. Но консул, не изменившись в лице, продолжал свою церемонию и, когда завершил ее, сказал:

— Бросьте тело куда угодно, но в это мгновение ко мне нет доступа печали.

Так не удалось Марку Валерию помешать Горацию совершить священную церемонию.

Храм, освященный Горацием, простоял более 450 лет, сгорел от удара молнии в 83 г. до н. э. и был восстановлен на старом фундаменте через четыре года. Но стену нового храма украшала надпись, что он был освящен Горацием⁴⁰⁷.

Храм Юпитера, вид спереди

Глава 2

ПОРСЕНА И РИМ

Изгнание Тарквиниев было событием первостепенного значения не только для судеб Рима, но и для всей Италии, в которой в конце VI в. до н. э. действовали три главные политические силы: союз этрусских городов с центром в Вольсиниях, Карфаген, могущественное морское государство Западного Средиземноморья, и греческие колонии юга Италии и Сицилии, известные как Великая Греция. С выключением Рима из системы этрусского двенадцатиградья возникла угроза этрусским колониям в Кампании, испытывавшим в то время давление со стороны греческих колоний в той же Кампании, прежде всего древнейшей из них — Кум, где тогда утвердился тиран Аристокдем, ведший исключительно активную внешнюю политику. Конечно, некоторая помощь этрусским поселениям Кампании могла быть оказана морем, на котором этруски в конце VI в. до н. э. пока еще господствовали. Но на маленьких кораблях нельзя было перевезти войско. Отделение Рима закрывало сухопутную дорогу в Кампанию. Именно поэтому у этрусков не было иного выхода, как вернуть себе Рим в систему двенадцатиградья или в крайнем случае его нейтрализовать.

Этруски владели не только Кампанией. Их корабли курсировали в Мессинском проливе, отделяющем Италию от Сицилии, в важнейшей стратегической и торговой артерии древности. На господство в Мессинском проливе претендовали враждебные этрускам греческие полисы Италии и Сицилии, но Сиракузы, и прежде всего Сибарис, город, прославившийся изнеженностью своих граждан (сибаритов), был союзником этрусков и служил базой для этрусских кораблей. Как только этруски оказались втянутыми в конфликт с Римом и Аристокдемом Куманским, враждебные им греческие города обрушились на Сибарис, разбили его войско, а дома и храмы сровняли с землей (510 г. до н. э.).

Извлекая выгоду из изменившейся ситуации и Карфаген. Ранее карфагеняне, владевшие в Тирренском море Сардинией, заключали договоры с этрусскими полисами.

Теперь они заключили договор с отделившимся от этрусского двенадцатиградья Римом. Текст этого договора (509 г. до н. э.) был списан греческим историком Полибием и дошел до нас. Из него видно, что карфагеняне имели возможность торговать с прибрежными городами Ладция, римские же корабли в порт Карфагена не допускались.

Такова расстановка сил в Италии после изгнания из Рима Тарквиниев, воссоздаваемая на основании имеющихся в распоряжении науки документов. Но кроме документов имеются и легенды, характеризующие восприятие событий римлянами и их стремление представить историю таким образом, чтобы она выглядела в наилучшем свете. Для легенды, как мы еще не раз убедимся, нет ничего невозможного. Она может дать обитателям несуществовавшего городка Альбы Лонги предков, прославленных самим Гомером. Ей ничего не стоит превратить позорное поражение в торжество римской стойкости и мужества.

Тарквиний в Клузии

В подлунном мире каждый — гость,
Любой судьбой влеком.
Царей она, как в стену гвоздь,
Вбивает молотком.

И многие века спустя
Мы видим их во сне.
Они, как звездочки, блестят
На храмовой стене.

Раздоры в Риме подняли дух Тарквиния, возбудив угасшие надежды на возвращение короны. Изгнанник отправился в Клузий, резиденцию недавно избранного главы этрусского двенадцатиградья Порсены. Порсена принял Тарквиния с той пышностью, которая соответствовала высокому, хотя и утраченному положению гостя. Одетый в темную тогу, стоял Тарквиний перед золотым тронем, созерцая регалии, которые недавно были на нем самом.

— Поздравляю тебя с успехом, Порсена, — сказал он. — Покровительница царей Норция⁴⁰⁸ к тебе оказа-

лась более благосклонной, чем ко мне. Ты видишь меня не в славе и богатстве, которыми я обладал в Руме, а в нищете и унынии. Но Норция изменчива. Никто не знает, кого коснется ее не дающий промаха молоток. Поэтому я рассчитываю на твою помощь. Помогая мне, ты будешь сражаться и за себя, за свой золотой трон, за свой прекрасный город.

Речь изгнанника понравилась Порсене. Конечно, ему было известно, что римляне называли Тарквиния Высокомерным. «Наверное, он и был с ними заносчивым, — подумал Порсена. — Но, отдавая мне поклон, он признает мое превосходство. К тому же и румеев давно пора остановить, пока они не стали в Италии господами. Возвращение законного царя — прекрасный повод для похода на Руму».

— Я с тобой согласен, — ответил Порсена Тарквинию, — и готов помочь тебе вернуть власть твоих отцов и дедов. Но решение о войне может принять лишь совет глав государств в Велчне⁴⁰⁹. Оставайся моим гостем до принятия решения. Я надеюсь, что совет будет благосклонен к твоей просьбе и мы будем союзниками.

Тарквиний еще раз поклонился Порсене.

Двенадцать желудей

Великий царь,
владыка всех людей!
Прими наш гар —
двенадцать желудей.
Их в римлян брось,
как камни из пращи,
Пробей насквозь
тяжелый вражий щит,
Втопчи их в грязь
на времена времен,
Верни нам власть,
великий лукумон!

Под плоской скалой в форме дубового листа, занятой древними Вольсиниями, раскинулась роща главного бога расенов Вертумна⁴¹⁰. Сюда дважды в год собирались лукумоны двенадцатиградья для решения дел, затрагивающих интересы всего священного содружества. Местом

сбора была травянистая площадка под дубом, наверное, самым древним в Этрурии и поэтому имевшим титул «Дуб дубов». В его стволе невероятной толщины было множество дупел, в которых роились пчелы, дававшие сладчайший священный мед. Его вкушали на каждом собрании лукумонов. Желуди дуба были самыми крупными. Клей же, вывариваемый из его коры, был так крепок, что с его помощью можно было ловить не только малых пичуг, но и крупных птиц.

Лукумоны были уже в сборе, но, прежде чем открыть заседание, главе союза предстояло поднести Дубу дубов дары и обратиться к нему с благочестивым пожеланием, слова которого были записаны в свитке священнодействий.

Порсена стоял, расставив для крепости ноги. Изрезанное глубокими морщинами лицо, широко расставленные глаза, массивный подбородок придавали ему самому сходство с кряжистым дубом.

— Твое лукумонье величество! — начал Порсена. — Да будет могуч твой ствол! Да не засохнет никогда твоя крона! Да даст она столько желудей, чтобы твои отростки покрыли всю землю почитающих тебя расенов! Прими же в дар кабана и кабаниху, казненных за то, что они подрывали твои корни.

Как только Порсена сделал шаг назад, босоногие жрецы подтащили к дубу две огромные окровавленные туши, а Порсена дал рукой знак, что можно садиться. Он сел прямо на траву, на скрещенные ноги. Такие же позы заняли другие лукумоны. Их вместе с Порсеной было двенадцать, и они взялись за руки, образовав вокруг лукумоньего величества живую цепь. Их было столько же, сколько месяцев в году, сколько участков на бортике гадательной печени. Дюжина была любимым числом Вертумна, бога кругооборота природы, воплощенного в Дубе дубов.

Отпустив руки соседей, Порсена обратился к лукумонам:

— Братья! Ко мне явился наш брат Тархна! Его изгнали мятежные румеи, и он взывает к нам о помощи. Вернуть Тархне трон можно лишь силой оружия. Согласны ли вы дать воинов для похода на Руму, который я возглавляю от вашего имени?

Порсена поставил на землю золотую чашу с отверстием в крышке в виде рта Горгоны. Чаша тотчас пошла по кругу. Послышались удары падающих на дно желудей, подобранных тут же под дубом. Потом чаша совершила круг справа налево, в том же направлении, в котором писали расены (оно считалось счастливым). Порсена поднял ее, открыл крышку и высыпал содержимое на свою широкую ладонь. На ладони было двенадцать желудей.

Порсена ликующе вскинул руку вверх. Желуди с дробным стуком упали к корням могучего дуба.

Гораций Коклес

Разносится зов,
рокочут тирренские трубы,
И доблесть врагов
идет постепенно на убыль.
Исходит из губ
пронзительней звук и задорней,
И Тинии дуб
пускает могучие корни.
Из горных долин
мы катимся силою рока.
О, бог Тиберин!
Пробей для нас к Руме дорогу!

После решения совета царей Порсена отправил в Рим послов с требованием вернуть Тарквинию трон. Римляне дерзко ответили отказом. Тогда Порсена направил к ним такое послание: «Иду на вас войной. Буду через месяц у Яникула с войском».

И загудели по всей Расении трубы, разнося весть о войне с непокорной Румой. К Клаузию повели правители одиннадцати городов закованные в железо отряды тяжелооруженных, конницу, а также стрелков из лука и пращников.

Весть о том, что Порсена объявил войну и даже назначил точное время своего появления у Города, быстро распространилась по Риму и его окрестностям. Граждане, находившиеся на полях, бросив все свое добро и не собрав урожая, стекались в Рим. И это вызывало новые трудности. Надо было сделать запасы для того, чтобы

Горацій Коклес

прокормить возросшее население. Для борьбы с дороговизной и стремлением торговцев поднять цены были изданы специальные распоряжения.

Войско Порсены появилось на правом берегу точно в тот день, в который его ожидали. Укрепления на Яникуле были взяты штурмом почти мгновенно. И сразу же на плечах беглецов этрусские воины двинулись к Свайному мосту. Еще немного, и враги оказались бы в Риме. Но Рим был спасен храбростью оказавшегося у моста Горация Коклеса⁴¹¹ и двух его друзей. Он, став на мосту, преградил дорогу нападающим, в то время как его друзья начали разбирать мост.

Размахивая мечом, храбрец кричал этрускам:

— На что вы способны, царские рабы? Не зная, что такое свобода, можете ли вы сражаться со свободным человеком? Я вызываю любого из вас на поединок!

Ответом послужила туча этрусских стрел. Но ни одна из них не поразила Горация Коклеса. Стрелы застряли в его щите.

Внезапно за спиной смельчака послышался треск, двум его друзьям удалось разобрать мост и швырнуть бревна и доски в реку.

Видя это, Гораций Коклес протянул руки к реке.

— Отец Тиберин! — крикнул храбрец. — Я обращаюсь к тебе! Прими воина и его оружие, будь к нему милостив!

С этими словами он в полном вооружении бросился в реку и, преодолевая сильное в этом месте течение, поплыл. В него полетел новый вихрь стрел. Одна стрела попала смельчаку в ногу. Но он выбрался на высокий берег, где был встречен ликующими римлянами.

В благодарность за этот подвиг каждый из римлян во время наступившего голода поделился с Горацием своими запасами, а впоследствии ему было отрезано столько земли, сколько он мог вспахать за один день⁴¹².

От полученной раны Коклес охромел, и после смерти его статуя с укороченной ногой украсила храм Вулкана, — ведь Вулкан тоже был хром⁴¹³.

Муций Сцевола

Так провалился план Порсены взять Рим с ходу, и он приступил к его осаде, в одних местах запрудив Тибр, а в других — поставив стражу. Впервые за свою историю Рим оказался в положении тех городов, которые пали его жертвой. Нависла угроза голода. Вот тогда в сенат явился знатный юноша Гай Муций и обратился к сенаторам с такими словами:

— Решился я, отцы-сенаторы, переплыть Тибр и, если удастся, проникнуть во вражеский лагерь. Не грабить, не мстить за разбой — нечто большее решил совершить я, если помогут боги.

Сенаторы поняли, что храбрец намерен убить Порсену, и дали ему разрешение покинуть Рим.

Гай Муций быстро шагал к холму, окруженному высокостолом и валом. Этрусское одеяние на нем успело высохнуть за ночь, и вряд ли этрусским стражам придет в голову, что он переплыл Тибр. Но ведь они могут с ним просто заговорить, и тогда он погибнет, не выполнив того, на что намекал сенаторам. А ведь он в детстве болтал по-этрусски так же легко, как на родном языке. В памяти всплыли тонкое лицо, обрамленное седеющими волосами, нос с горбинкой, любящие глаза. Няня Велия, она была родом из Тарквиний, заменяла ему мать. Да, да, он так и называл ее — «ати», а няня, переиначивая его имя на свой лад, Кай, но иногда «клан» — сын.

Так Гай произнес вслух два этрусских слова — «спура», «тив», а они потащили за собой другие. Нет, эти слова вряд ли пригодятся. Гай внезапно вспомнил, что няня, разозлившись на кого-нибудь из слуг, а они ее недолюбливали как чужестранку, произносила с шипением: «Тухулка!» Гай в точности не знал, что это значит, но именно это слово, он думал, ему может пригодиться.

Но словно сам Ромул, видя с небес, в какой опасности находится основанный им город, пришел Гаю на помощь. На опушке леса его окликнул какой-то воин, подстреливший вепря. Он сам не смог бы его дотащить. Помощь Гаю оказалась кстати. Ничего не расспрашивая, он всю дорогу до ворот не закрывал рта, конечно, хвастался своей удачливостью. Живая речь помогла Гаю вспомнить еще несколько этрусских слов: тур — «давай», «румах» — римлянин. И его подмывало сказать «ми румах» (я — римлянин) и свалить хвастуна ударом кулака, но он удержался, ибо обещал убить не простого воина, а самого царя Порсену.

Так случай помог Муцию беспрепятственно вступить в лагерь. Стражи, видя, что тащат кабана, не только не поинтересовались входящими, но даже пытались им помочь. Да так неловко, что забрызгали Муция кабаньей кровью. Вот тут-то и употребил смельчак одно из этрусских слов.

— Тухулка! — воскликнул он, расставаясь со своим спутником, он поспешил туда, куда шли этруски. А шли они к шатру в центре лагеря, который выделялся своей величиной.

Войдя в шатер, Муций втесался в толпу этрусков, окруживших помост, на котором восседало двое богато одетых людей. Походив вокруг, он выхватил меч и поразил того, из рук которого этрусские воины получали вознаграждение.

Муция сразу схватили. Труп убитого вынесли, и все, кроме царя и телохранителей, вышли.

— Ты хотел убить, видимо, меня, а убил моего казначея, — обратился к Муцию Порсена. — Сейчас ты мне скажешь, кто ты и чего добивался, или я призову палачей.

Огляделся Муций и увидел жаровню с углями, приготовленную для жертвоприношения. Не оборачиваясь, он положил в огонь руку и устремил на царя бестрепетный взгляд. Это длилось до тех пор, пока Порсена, опомнившись от изумления, не крикнул телохранителям:

— Оттащите же его!

Когда это было сделано, обратился храбрец к Порсене с такими словами:

— Меня зовут Муцием. Я римлянин и хотел тебя убить, ибо ты наш враг. Мне это не удалось. Но знай, что триста таких же юношей, как я, готовы совершить такой же подвиг.

— Отдайте ему меч, — приказал телохранителям потрясенный Порсена.

Когда Муций взял меч левой рукой, Порсена ему сказал:

— Можешь возвращаться к себе в город. Передай тем, кто тебя послал, что Порсена ценит доблесть.

И возвратился Муций в Рим, где его уже никто не ожидал встретить. И все дивились мужеству этого человека и огорчались, что не удалось выполнить задуманное. С тех пор Муция стали звать Сцеволой (Левшой). Это прозвище перешло и к его потомкам⁴¹⁴.

Клелия

Сразу же после ухода римского смельчака Порсена приказал военачальникам построить своих воинов, чтобы проверить, нет ли в лагере посторонних. Проверка показала, что рассказ римлянина — обман, имевший це-

лью внушить страх осаждающим и склонить их к миру, но Порсена и так уже подумывал о мире, поскольку близилась зима с ее дождями и холодами и перспектива провести ее вне дома царя не устраивала⁴¹⁵.

А тут был дан еще один наглядный урок римской доblesти. В то время в Риме еще не было публичных бань, а для того чтобы нагреть хотя бы немного воды из источника и колодцев и мыться дома, нужны были дрова и хворост. В Тибре вода была теплее, и дюжина римских девушек спустилась к Тибру искупаться. В том месте, где берег изгибался полумесяцем, течение было ровным и тихим. Девушки, радуясь купанию, начали смеяться и плескаться. Этрусские воины, охранявшие берег, удивлялись беззаботности римлян, их бесстрашию.

Вернувшись в город, девушки рассказали консулу Валерию, что этруски не помешали их купанию, хотя могли поразить их стрелами.

Валерий подумал, что подвиг Муция склонил Порсену к перемирию, и, желая проверить, так это или нет, посоветовал девушкам продолжать купание.

На следующий день девушки снова пошли на реку и настолько осмелели, что ее переплыли. Воины схватили их и привели к царю. Взглянув на них, Порсена спросил:

— Кто у вас зачинщица?

— Клелия⁴¹⁶, — ответили девушки хором.

Одна из девушек молчала, и Порсена понял, что это и есть Клелия. Он приказал воину привести из конюшни богато украшенного коня и подарил его девушке.

И вернулись девушки в Рим вплавь. Клелия же переплыла реку на коне и проскакала на нем по городу вплоть до того места, где Священная улица начинает подниматься на Палатин. Здесь ее встретил консул Валерий Попликола и помог спешиться. Здесь же впоследствии появилась бронзовая статуя девушки на коне⁴¹⁷. Большинство считало ее статуей Клелии, некоторые же — статуей Валерии, дочери консула, уверяя, будто бы это она попала к этрускам в плен и бежала от них на коне.

Как бы то ни было, после этого случая Порсена не только прекратил военные действия, но и покинул свой лагерь, оставив его добровольно римлянам вместе с кле-

бом, в котором так нуждались осажденные, и со всеми своими богатствами, что было воспринято как признание торжества доблести римлян. И они не остались в долгу и поставили благородному царю рядом с статуем бронзовую статую. Много лет спустя она еще стояла на этом месте, и все дивились грубой и старинной работе, пытаясь найти на статуе имя Порсены. Но на ней не было надписи ни на латинском, ни на этрусском языке.

Битва у Регилльского озера

Холодные воды Регилла,
Где сшиблись латины и Рим,
Вас время давно осушило
Дыханием жарким своим.

Но смертная память людская
Предание вечно хранит.
Не сохнет, не иссыкает
И крепче она, чем гранит.

Снятие осады и мир с Порсеной принесли Риму облегчение, но ненадолго. Латиняне еще и раньше немало терпели от римлян и надеялись, что Порсена сокрушит этот город, порожденный волчицей. Но римляне еще раз показали, что умеют выйти сухими из воды. И латиняне решили, что пришла пора отомстить римлянам за все их преступления. В Ферентинской роще состоялось совещание членов Латинского союза городов. Были приглашены представители всех городов, кроме Рима. Один за другим ораторы брали слово. Один обвинял римлян в предательстве, другой в заносчивости, третий в коварстве. Было решено собраться еще раз для голосования о войне.

Весть эта достигла Рима и вызвала переполох. Сенат назначил диктатора и его помощника — начальника конницы. Народ с ужасом смотрел, как диктатор шагает по городу, а впереди него 24 ликтора с топорами, воткнутыми в пучки розог.

Тем временем латиняне собрались еще раз. Предложение об объявлении Риму войны не было поставлено на голосование, но в Рим были отправлены послы, что-

бы заявить о нарушении им союзнического договора. Эти претензии были римлянами отклонены. Выиграв время, римляне переманили на свою сторону один из латинских городов. Только тогда латиняне приняли решение о войне.

И пошли народы-братья на кровавую сечу. И сошлись они в Тускуланской земле близ Регилла⁴¹⁸. Узнав, что в латинском войске находится изгнанник Тарквиний, диктатор Авл Постумий первым дал знак к битве. И была она яростнее всех, в какие до той поры вступал римский народ, являясь как бы предвестником грядущих гражданских войн. Вожди не только направляли и наставляли воинов, но и сами бились врукопашную, и никто, кроме диктатора, не вышел из битвы непораненным.

На Постумия направил коня Тарквиний. Но годы и лишения съели его былую силу, и изгнанник не смог одолеть того, кто занял в Риме принадлежавшее ему место. Копье диктатора не дало промаха. Пораженный в не защищенный панцирем бок, свалился Тарквиний с коня, но был подобран телохранителями и доставлен в безопасное место.

На другом фланге начальник конницы Тит Эбуций сошелся с предводителем латинян Октавием Мамилием и был ранен в руку. Мамилий же, пораженный в грудь, отступил во второй ряд латинян, где его увидел Тарквиний вместе с другими римскими изгнанниками. Их ярость позволила на время взять латинянам верх.

Замешательство перешло в отступление. Но вот Марк, брат Валерия Публиколы, первым заметил в рядах изгнанников одного из сыновей Тарквиния и направил к нему коня, стремясь истребить царский род. Ворвавшись во вражеские ряды, он был пронзен брошенным кем-то копьем. Бегство римлян сделалось всеобщим.

Видя это, диктатор дал приказ отборной когорте, стоящей на его охране, поражать каждого римлянина, оставившего строй. Римляне повернули на врага. Первыми испытали их силы ослабевшие к тому времени римские изгнанники.

Видя когорту изгнанников почти окруженной, Октавий Мамилий поспешил им на помощь с несколькими вспомогательными отрядами. Бой разгорелся с новой силой. Но добиться успеха латинянам не удалось. Римляне,

воодушевленные успехом и подбадриваемые диктатором, обещавшим награду тем, кто первым ворвется во вражеский лагерь, взяли верх.

Много лет спустя рассказывали, что еще до того, как сражение было закончено, в Риме появилось двое юношей на белых конях, возвестивших о победе над латинянами. Всадников окружили квириты и стали их расспрашивать о близких, интересуясь их судьбой, но ответа не услышали: кони и всадники растворились в воздухе. Затем, когда в Рим вернулся диктатор, он рассказал, что видел этих же всадников на поле боя, и их появление переломило ход сражения. Постумий дал обет в ознаменование победы воздвигнуть храм Кастору. Обещание это было выполнено. Храм Кастору был построен на том ме-

Сражение римлян с латинянами

сте, где видели Диоскуров⁴¹⁹. За одержанную победу диктатору было присвоено прозвище Регилльский⁴²⁰.

Битва при Регилльском озере отняла у Тарквиния последнюю надежду на возвращение в Рим, а человек не может жить без надежды. Тарквиний бежал в Кумы к Аристодему, где умер последним в своем роду. Тогда же с латинянами был заключен мир на вечные времена с обязательством оказывать друг другу помощь и поровну делить добычу⁴²¹.

VIII. КНИГА РАЗДОРА

Предисловие

Эта книга объединяет легенды, связанные с борьбой двух римских сословий — патрициев и плебеев, которая была стержнем внутренней истории Римской республики на протяжении, по крайней мере, двух ее столетий. Рассказы о перипетиях этой борьбы извлечены из произведений историков, живших и писавших несколько столетий спустя после утверждения в Риме республики. В их распоряжении почти не было письменных источников. Им приходилось, пользуясь противоречивыми легендами, домысливать историю, чтобы она приобрела видимость связного и последовательного изложения. Домысливая, они опирались на события своего времени, вольно или невольно привнося в далекое прошлое чуждые ему окраску и детали. В частности, плебеи раннего Рима в произведениях историков конца эпохи гражданских войн приобретают черты плебса их времени, находившегося на издвигении у новой римской знати — нобилитета. Клиенты, о которых они ведут речь, существовали и в раннюю эпоху, но, превращая всех или почти всех плебеев в клиентов и прихлебателей патрициев, римские историки искажают картину: большая часть плебеев в раннее время была независимой от патрициев общественной силой. Они почитали своих плебейских богов, выбирали своих должностных лиц — народных трибунов.

Главное отличие плебеев от патрициев было в том, что они не входили в патрицианские роды и курии и,

следовательно, не могли участвовать в управлении государством, выросшим из родоплеменной организации и сохранившим ее структуру. Передавая римские родовые предания, римские историки часто не понимали их специфики, и поэтому до них не доходил смысл борьбы патрициев и плебеев. Взрывая патрицианскую общину, плебеи выступали носителями государственной идеи. Их борьба имела своей целью и результатом создание патрицианско-плебейского государства.

Переход власти от царей к аристократии был крайне невыгоден для плебеев. Цари, ограничиваемые в своих притязаниях на полноту власти патрицианской знатью, старались лавировать между двумя сословиями, и, как известно, плебеи добились при Сервии Туллии определенных уступок и выгод. Да и непосредственно после свержения царей страх перед восстановлением царской власти заставлял патрициев держаться в определенных рамках, и лишь весть о кончине Тарквиния, внушившая патрициям уверенность в своей полной победе, поставила патрициев и плебеев друг против друга как два враждебных лагеря.

Причиной вражды патрициев и плебеев было безземелье последних, осложняемое жестоким долговым правом, ставившим должников в положение кабальных рабов. Подобная ситуация характерна не только для Рима, но и для других ранних античных обществ. Но нигде накал борьбы не достигал такой остроты, как в Риме и вообще в Италии, где аристократия обладала большими земельными владениями, чем в гористой Греции, и была менее всего заинтересована в каких-либо общественных переменах. Нигде так поздно, как в Риме, угнетенному большинству населения не удалось добиться формального уравнивания в правах с аристократическим меньшинством, которое при этом сохранило свое экономическое могущество.

Ситуация осложнялась также тем, что ни плебеи, ни патриции не выступали как две компактные силы. Чаяния плебейской верхушки, стремившейся к завоеванию политической власти, не всегда совпадали с интересами плебейских низов, страдавших от безземелья и долговой кабалы. Среди патрициев были те, кто сочувствовал пле-

беям или готов был воспользоваться их поддержкой для завоевания единоличной власти, и те, кто придерживался непримиримых позиций. Все это порождало трагических героев, в описании которых древние историки не жалели воображения и красок.

Глава 1 *НА СВЯЩЕННУЮ ГОРУ*

Обиженно уходят на холмы,
Как Римом недовольные плебеи,
Старухи овцы — черные халдеи,
Исчадь ночи в капюшонах тьмы...
Им нужен царь и черный Авентин,
Овечий Рим с его семью холмами,
Собачий лай, костер под небесами
И горький дым жилища и овин.

Осип Мангельштам

В V в. до н. э. в истории борьбы патрициев и плебеев выделяются два этапа. Первый из них, падающий на вторую четверть V в. до н. э., характеризуется попыткой недовольных плебеев покинуть Рим и обосноваться отдельной общиной в другом месте. Вынужденные пойти на уступки, патриции соглашались на создание особой плебейской магистратуры, ставшей в руках плебеев могучим оружием. Государству грозит полный раскол, с целью предотвращения которого создается специальная комиссия для составления законов, могущих сблизить враждующие сословия. Время деятельности этой комиссии — второй этап борьбы патрициев и плебеев, которых объединили не несовершенные законы, а ненависть к их составителям.

Великое утро

Квириты, в то утро лениво прогуливающиеся по Форуму, при виде человека, бегущего к курии, многозначительно переглянулись. Незнакомец был бос, седые волосы его растрепались, по раскрасневшимся от быстрого движения щекам скатывались капли пота.

— Что там стряслось, Тит? — спросил кто-то, узнав в бегущем пастуха, пасшего овец у Аниена.

— Враги перешли Аниен! — прокричал пастух, не останавливаясь. — Их больше легиона.

Аниен, северный приток Тибра, был пограничной рекой между владениями римлян и сабинян, и не было года, чтобы недруги не совершали набеги на римские земли, уводя скот. Римские пастухи не оставались в долгу и пригоняли из-за Аниена сабинскую скотину. Продолжалось это много лет, так что в Риме часто продавалось сабинское добро, в сабинских же поселениях шло на продажу добро римское. Но появление целого вражеского войска без объявления войны — случай невиданный. Консулы немедленно подняли боевую тревогу. Над высотами Капитолия и другими холмами взметнулись красные полотнища, закрылись городские ворота.

Прошло немного времени, и квириатам, взобравшимся на стены, стал виден столб пыли, явный признак того, что двигалась масса людей. Когда пыль рассеялась, вместе ожидаемых доспехов и оружия показались зеленые ветви в руках у идущей впереди группки мужей и скарб на плечах у шагавших сзади. А пришедших было видимо-невидимо.

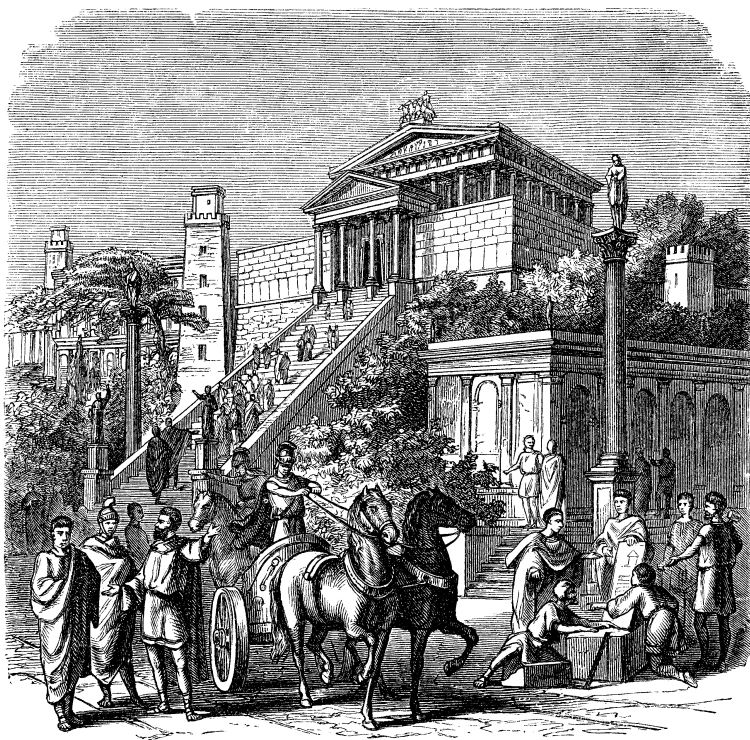
— Так это же мирные люди! — воскликнул один из консулов. — Мой Геркулес! Да это же посланцы сабинян, принесшие нам на этих ветвях мир.

— Не слишком ли много этих миротворцев? — отозвался другой консул. — Подумай, Тит! Зачем послам такая свита? Почему они гонят скот?

Тит шлепнул себя ладонью по лбу.

— Это ведь Атт Клавс⁴²²! Я его узнал! Этот сабинянин запомнился мне с тех пор, когда я был юношей в составе посольства, отправленного за Аниен в город Регилл. Не человек, а камень! Упрямый и вздорный муж! Не иначе, как он решил переселиться к нам со всеми своими домочадцами и клиентами⁴²³. Из них и впрямь можно составить целый легион.

— Великое утро! — торжественно произнес второй консул. — А ведь авгуры, гадавшие по своим квочкам, вчера не сулили чего-либо примечательного. К тому же и день этот в фастах несчастливый. Но придется отметить его белым камешком, и пусть понтифики запишут

Вход на Капитолий

на белых досках, что в наше с тобою консульство в Город переселился в полном составе могущественный род Атта Клавса. Ну, плебеи, держитесь!

Еще до полудня на экстренном заседании курии отцы-сенаторы единодушно приняли Атта Клавса в число патрициев и ввели в сенат. Новоиспеченный senator держался с такой важностью, словно не его приняли в сенат, а он усыновил римских сенаторов и ввел их в свой род. Но радость отцов, укрепивших свои сильно поредевшие ряды, была столь велика, что они на поведение Клавса не обратили внимания. Клавдию⁴²⁴, так переименовали в Риме его имя, выделили полосу земли на берегу Аниена. Он обязался охранять ее собственными силами от набегов недавних своих соотечественников.

Исход

Через несколько лет после переселения Атта Клавса граждане, проводившие время на Форуме в беседах и пересудах, узрели незнакомого им человека. Был он невзрачно тощ. Сквозь дыры в лохмотьях его одежды виднелись рубцы от бичей. Но он не прятался, как это присуще беглым рабам, а открытым взглядом и всем своим видом показывал, что ищет встречи.

Когда вокруг него собралась толпа, он обратился к ней:

— Послушайте меня, несчастного. Во время войны враги разграбили мой дом и сожгли его, уничтожили все, что успело вырасти, на корню. Едва я вернулся, как ко мне пожаловали писцы и потребовали уплаты налогов. Не знал я, как расплатиться, ибо у меня не было ни меди, ни скота. И мне посоветовали обратиться к ростовщику.

— Постой, — перебил кто-то говорящего, — не ты ли командовал нашей центурией в сражении у Арсийского леса?

— Это он! — подхватили голоса из толпы. — Наш доблестный центурион Авл.

— Да, это я, — продолжал бывший воин, протягивая руки. — Видите этот след от оков, а на моей шее следы рогатки. Долг, возросший от процентов, рос, как квашня в теплом месте. Меня увели в рабство. Я, сражавшийся за Рим, оказался рабом патриция, который в дни смертельной опасности для нашего государства отсиживался у себя в поместье...

Каждое вырвавшееся из уст Авла слово было подобно факелу, брошенному в сухое сено. Сначала занялся Форум, а затем и весь Рим. Плебеи, вооружившись чем попало, врывались в дома патрициев, ломали двери долговых тюрем, освобождая невольников. Дело дошло бы до расправы над патрициями, если бы на Форуме не появились оба консула того года — Публий Сервилий и Аппий Клавдий в окружении ликторов.

Они отвлекли народный гнев, выплеснувшийся в виде жалоб на притеснения. Отталкивая ликторов, освобожденные должники показывали высшим магистратам кто раны, кто увечья, кто следы недавних побоев. Консулы

выиграли время. Сенаторам, находившимся в курии, удалось бежать. Плебеям, ворвавшимся в курию, удалось вытащить наружу только одного сенатора, который во время заседания заснул и проспал переполах.

Вид сонного старца, удивленно вращавшего глазами, сначала вызвал в толпе тот неудержимый хохот, который греки называют гомерическим, а римляне — сардоническим. Хохот внезапно оборвался вспышкой гнева.

— Да они издеваются над нами! — послышался гневный возглас. — Патриции поручили решать нашу судьбу слюнвятому старому дурню. Они увиливают от решения и глумятся над нашим горем.

Богиня Беда терпеть не может одиночества. Как саслолюбивая вдова, едва похоронив супруга, она сразу подыскивает себе нового и не успокоится, пока его не найдет. Так и на этот раз возмущение плебеев совпало с другой не менее опасной угрозой. В Рим прискакали всадники из пограничной охраны с вестью, что на город движется готовое к бою племя вольсков.

Была эта новость встречена в Риме по-разному. Ужас охватил патрициев-сенаторов, не знавших, к какому решению склониться: подавить ли сначала мятеж черни в Риме или не мешкая двинуться навстречу неприятелю? Плебеи, напротив, ликовали, радуясь растерянности патрициев. Наполнились дымом сжигаемых на алтарях жертв храмы плебейских богов. Ибо кто, как не они, возмутили вольсков, сделав их своим орудием для наказания патрициев!

И поняли тогда даже самые неуступчивые патриции, что медлить больше нельзя. Сенат поручил консулу Сервилию, умевшему как-то находить с плебеями общий язык, пойти им навстречу. И издал Сервилий указ, заставлявший под угрозой крупного штрафа держать у себя плебеев в оковах и задерживать до уплаты долга их детей и внуков. Сразу после этого указа распахнулись ворота городских домов патрициев и их пригородных усадеб. Вырвались оттуда многие сотни истощенных, обросших волосами, как медведи, должников и немедленно записались в войско. С ними консулу Сервилию удалось опрокинуть вольсков и заставить их покинуть римские владения.

Но Беда, оставшись одна, стала себе искать новую пару. На этот раз Риму объявили войну аврунки. Были разбиты и они. Теперь плебеи надеялись, что будет выполнено данное перед началом похода консулом обещание: вовсе отменить долговую кабалу. Сервилий от своих слов не отказался. Но во время обсуждения закона в сенате другой консул — Аппий Клавдий наложил на закон запрет и обвинил своего коллегу в заискивании перед плебеями. Более того, Аппий Клавдий отказался вершить на Форуме суд по делу о долгах и стал призывать к расправе над плебеями.

Тем временем к власти в Риме пришли новые консулы. Не зная, можно ли от них ожидать выполнения обещания Сервилия, плебеи стали тайком собираться по ночам в местах своего обитания — кто на Авентине, кто на Эсквилине. Терпению плебеев пришел конец. Каждый из них понял, что посулы патрициев не стоят и яичной скорлупы и что даются они лишь для того, чтобы выиграть время, ради пустого обмана. И созрело общее решение: оставить Рим навсегда, обосноваться где-нибудь в другом месте и зажечь самим, без патрициев.

Заранее договорившись между собой о времени ухода и месте поселения, собрав свой нехитрый скарб, утром покинули плебеи лачуги и потянулись пестрой толпой к городским воротам. Патриции, высунувшись из своих домов, с удивлением и ужасом наблюдали за молчаливым и неуклонным движением тех, кого они недолюбливали и презирали, но все же считали частью Рима.

Еще не успела осесть пыль, поднятая тысячами ног, собачьих лап и козьих копытец, как сенат собрался на экстренное заседание. На этот раз те, кто ранее рьяно поддерживал консула Аппия Клавдия, предлагавшего дать плебеем жестокий урок, молчали, а разглагольствовали те, кто призывал к мягкости, любимцы плебеев Валерий Публикола и Менений Агриппа. И хотя они были в меньшинстве, сенат единогласно принял решение послать к плебеем обоих консулов, чтобы уговорить их вернуться назад, пока враги не узнали о случившемся и не осадили обезлюдевший город.

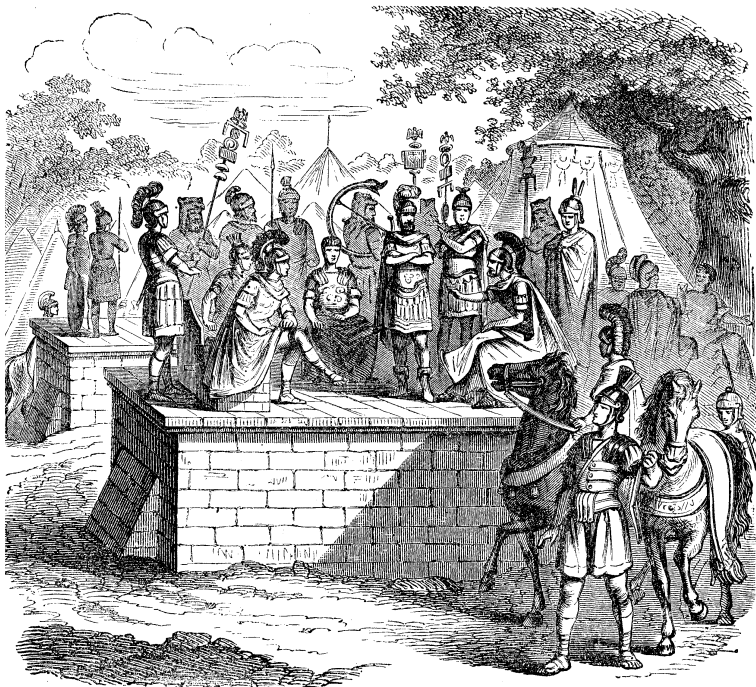
Не мешкая консулы отправились в путь, причем без сопровождения ликторов, чтобы розги и воткнутые в

них топоры не вызывали у плебеев недобрых воспоминаний. Идти пришлось недолго. Плебеи обосновались близ речки Аниена на горе, называвшейся испокон времен Священной.

Плебеи согласились выслушать консулов и дали им изложить все, что они хотели, но вернуться назад в Рим отказались. Во время посольства сенат продолжал заседание. Патриции хотели дождаться его исхода, чтобы сразу же принять какое-нибудь другое решение.

Но вот в курию вошли консулы, и сразу же по их виду можно было понять, что переговоры не принесли удачи. Тогда-то и предложил Менений Агриппа свои услуги в переговорах с плебеями, и сенаторы дали ему соответствующие полномочия и поклялись незамедлительно выполнить то, что он сочтет нужным обещать плебеем.

Военный совет римлян

Плебеи, только что проводившие консулов в угрюмом молчании, встретили своего доброжелателя радостными возгласами. Его окружили, приглашали наперебой в свои шатры, но сразу же предупредили:

— Только не уговаривай нас вернуться. Мы приняли решение и не намерены от него отказываться.

Хитрец пожал плечами.

— Зачем мне вас уговаривать? Разве нельзя поговорить о чем-нибудь более приятном? Вот послушайте любопытную историю из давних времен.

— Рассказывай, Менений! Мы тебя слушаем! — раздался голоса.

— Это было, — начал Менений, — да, это было в то далекое время, когда на земле жил только один человек и ему не с кем было перекинуться словом, но зато части его могучего тела обладали даром речи. Однажды между ними возник спор, едва не окончившийся гибелью человека, а также и нас с вами, ибо мы его потомки. Возненавидели части тела желудок, считая его лентяем, лежебокой и захребетником. Первыми застучали зубы: «Нам надоело пережевывать пищу, чтобы ты ею наслаждался. Пережевывай сам!» «Да! Да! — загудело горло. — А я не буду пищу пропускать». Руки тоже что-то хотели сказать, но просто сжались в кулаки. Отказав желудку в пропитании, члены тела хотели жить не напрягаясь, в свое удовольствие. Они радовались тому, что желудок, на которого они работали всю жизнь, страдает. Но вскоре начали они сами страдать от голода и слабеть. Тогда они поняли, что у каждой части тела, в том числе и у желудка, своя задача. А поняв, немедленно стали заниматься делом, и все у них пошло на лад. Так, мои друзья, обстоят дела в каждой общине, части которой связаны и выполняют общую работу.

Толпа, окружавшая Менения, задумалась. Кажется, в ней не было ни одного, кто бы не понял смысла сказанного.

— Так вот, — продолжал Менений. — Надо забыть о том, что произошло. Сенат поручил мне сказать, что все плебеи, задержанные за долги, будут немедленно выпущены, взятые ими долговые обязательства отменены. Но не только это. Отныне вы сможете ежегодно выби-

рать из своей среды двух должностных лиц, которые защищали бы ваши права⁴²⁵.

Тут же на Священной горе плебеи избрали трибунов⁴²⁶ и приняли закон об их неприкосновенности. После этого трибуны повели плебеев в опустевший город. И вернулись они туда как победители через несколько дней после своего ухода.

*Кориолан*⁴²⁷

Уступки плебеям с целью их возвращения в Рим были одобрены далеко не всеми патрициями. Непримири-мых возглавил Гней Марций. Еще в юности он проявил себя в битве при Регильском озере и за спасение раненого соратника был награжден венком из ветвей священного дуба с листьями и желудями. Позднее, в сражении у стен города Кориолы, Марций проявил беспримерную доблесть: с кучкой таких же, как он, храбрецов проник в город и подавил его сопротивление. За это Марций получил в дар от консула двухгодовалого коня в боевом снаряжении, а от сената — почетное прозвище Кориолан.

Но прошли времена успешных сражений с вольсками, и на Рим стал надвигаться другой не менее опасный враг — голод. Вследствие ухода плебеев на Священную гору поля остались большей частью невозделанными и незасеянными. Нехватка хлеба вызвала дороговизну. Враждебные Риму соседи не торопились продать римлянам хлебные излишки. В городе началась жестокая нужда. К счастью, удалось привезти много зерна морем из Сицилии, и в сенате стали судить и рядить, по какой цене его уступить плебеям. Тут-то и попросил слово Кориолан. Обрушившись на тех, кто предлагал продавать хлеб по низкой цене, он сказал:

— Почему мы должны благодетельствовать неблагодарную чернь? Если плебеи хотят дешевого хлеба, пусть откажутся от вырванных у нас уступок. Пусть откажутся от народных трибунов и получат дешевый хлеб.

Речь Кориолана была восторженно встречена такими же, как он, молодыми сенаторами, видевшими в нем своего предводителя. Однако пожилые сенаторы убеди-

ли остальных не принимать предложенного Кориоланом решения, считая его опрометчивым и опасным для государства.

Смысл произнесенной Кориоланом речи стал известен за стенами курии. Трибуны собрали сходку. Голодные плебеи, рассвирепев, призывали напасть на Кориолана, как только тот появится на Форуме. Однако народные трибуны решили воспользоваться предоставленными им правами. Они, вступив в курию, предъявили Кориолану обвинение и вызвали его на суд.

Самонадеянный молодой сенатор поначалу не оценил угрожавшей ему опасности.

— Я не низкий плебей, чтобы выслушивать вашу болтовню, — заявил он народным трибунам. — Вы ведь трибуны для плебеев, а не для патрициев.

Трибуны попытались увести Кориолана силой. Но молодые патриции не дали своего кумира в обиду. Они отстранили трибунов и избili их помощников.

И все-таки суд над Кориоланом состоялся. К этому времени вновь против Рима восстали вольски. Внешняя угроза заставила некоторых сенаторов отшатнуться от Кориолана и наиболее яростных его приверженцев, чтобы не дать плебеем нового повода отказаться от воинской службы.

Трибуны на народном собрании не поставили Кориолану в вину его выступление в сенате. Кориолан был формально обвинен в самовольстве, проявленном им при разделе военной добычи. Свою долю, как было неопровержимо доказано, получили не воины, участвовавшие в боях, а те, кто поддерживал Кориолана в его честолюбивых замыслах.

Оценив серьезность обвинений и обстановку, Кориолан решил не дожидаться окончания суда. Вернувшись домой, он обнял мать, поцеловал молодую супругу Вергилию и малолетних детей. Под рыдания близких он покинул семью и домашних ларов. У городских ворот, несмотря на позднее время, Кориолана ожидали преданные друзья. Взглянув на их освещаемые факелами суровые лица, Кориолан не стал ни о чем просить. Он покинул город вместе с тремя своими клиентами.

Уединившись на вилле одного из друзей, Кориолан метался там несколько дней, размышляя, как побольнее

отомстить тем, кто пренебрег его заслугами перед государством и обрек на бегство из отечества. Оскорбленное честолюбие подсказало ему план: обратиться к злейшим врагам Рима — вольскам. Ведь злоба и жажда отмщения за недавнее поражение делали их его естественными союзниками.

Кориолану было известно, что главным ненавистником римлян и подстрекателем вольсков был Тулл Аттилий, живший в городе Анции. Кориолан не раз сталкивался с Туллом на поле боя, обмениваясь насмешками и угрозами. К нему-то и направил Кориолан свои стопы. Вступив в дом, он опустился на глиняный пол возле очага, накрыл голову и замер в ожидании. Домочадцы немедленно сообщили господину о странном пришельце. Тот поспешил к нему и, узнав в умоляющем о гостеприимстве Кориолана, оторопел.

— Что тебя, римлянин, привело в мой дом? — спросил он после долгого молчания.

— Надежда, — ответил пришелец. — За все известные тебе лучше, чем другим, труды мои и раны не получил я от отечества ничего, кроме прозвища Кориолан. Но и оно не смогло избавить меня от позора и поругания. Я припадаю к твоему очагу в надежде, что ты, недруг моей неблагодарной родины, отнесешься ко мне с большим вниманием, чем мои сограждане. Я же обещаю тебе сражаться за вашу свободу и за вас с не меньшим рвением и успехом, чем ранее воевал за ваше поражение.

Не в силах скрыть радости, Тулл протянул Кориолану правую руку и обещал, что отныне будет ему другом и союзником.

В Риме тем временем к смятению, вызванному удалением Кориолана, добавилась еще одна неприятность: выяснилось, что были с грубым нарушением проведены священные игры в честь Юпитера. Было решено игры повторить. Поползли слухи, что само это нарушение каким-то образом связано с несправедливостью по отношению к Кориолану. Пока готовились к повторению игр, стало известно, что вольски объявили Риму войну и выбрали своим полководцем с неограниченными полномочиями Кориолана.

Под командованием римского изгнанника собралось такое многочисленное войско, какого еще никогда и никто не выставлял против Рима. В него вступили все, кто ранее колебался в страхе перед римским оружием и опытом римских военачальников. Кориолану показалось трудным управление такой массой людей, и он взял лишь ее часть, а другую оставил для охраны вольских городов. Римская колония Цирцеи, оказавшаяся первой на пути Кориолана, сдалась без боя, и обитателей города Кориолан распорядился пощадить. Затем он начал опустошать землю латинян в надежде, что римляне вступятся за своих союзников. Но римляне, пораженные ужасом, не сдвинулись с места. После этого Кориолан стал захватывать и уничтожать города. Город Бовиллы, расположенный менее чем в десяти милях от Рима, был разрушен, почти все его мужчины от мала до велика перебиты, а остальное население продано в рабство. Теперь римляне видели, что их ждет. Имя Кориолана прогремело по всей Италии. И все удивлялись силе одного человека, который сумел переломить ход событий.

Тем временем Кориолан подошел к Лавинию. В Риме началось смятение. Плебеи осадили сенат, требуя отменить приговор суда, принятый в отсутствие Кориолана, и вернуть изгнанника. И кажется, именно то, что ходатаями за Кориолана стали ненавистные ему плебеи, заставило сенат оставить решение суда в силе. Ведь, вернувшись в Рим с помощью плебеев, Кориолан мог бы стать царем.

Узнав обо всем, происходящем в Риме, Кориолан повел свое воинство к городу и разбил лагерь в четырех милях от Рима, близ Клелиевых ровов.

Появление Кориолана имело чудодейственный результат. Прекратились раздоры между патрициями и плебеями. Народ объединился в стремлении во что бы то ни стало примириться с Кориоланом. В те дни, когда римские матроны металась по городу, когда старцы в храмах со слезами зывали к богам, моля о защите, Валерия, сестра к тому времени уже ушедшего из жизни Публиколы, призвала женщин идти к дому Волумнии, матери Кориолана. Когда они вступили в полутемный ат-

рий, то увидели Волумнию с невесткой, держащей на коленях детей Кориолана.

— Мы пришли к вам, — начала Валерия, — не по решению сената. Мы явились как женщины к женщинам. Пойдемте вместе к Кориолану просить за отечество, которое, несмотря на свои беды, вас не притесняло. Может быть, наша общая мольба вернет Риму достойного гражданина, а вам сына, мужа и отца.

И двинулись женщины во главе с Волумнией и Валерией к лагерю вольсков. Стражи лагеря, видя, что женщины одни, пропустили их. Так Кориолан с возвышения, на котором он разбирал тяжбы воинов, внезапно увидел идущую впереди всех мать. Будучи верен своему решению отомстить Риму, он не сдвинулся с места, но вдруг им овладел порыв нежности и жалости. Он сбежал с помоста, первым обнял мать и долго не разжимал объятий, а потом, уже не сдерживая слез, ринулся к жене и детям.

Тем временем подошли вольски-советники и решительно стали рядом с полководцем. Волумния же сказала:

— В эти дни, когда женщины и старцы твоей родины, сын мой, молили богов о победе, мы были не с ними. Ведь невозможно одновременно молить о победе над врагом и о твоём спасении. Да и теперь твоей жене и детям предстоит потерять либо отечество, либо тебя. Да не доживу я до того дня, когда мой сын будет справлять свою победу над согражданами или сограждане над ним.

С этими словами Волумния упала к ногам сына.

Бросился Кориолан к матери и, подняв ее с земли, воскликнул:

— О мать! Ты одержала победу, счастливую для отечества и гибельную для меня. Я ухожу, потерпев поражение от тебя одной.

На следующее утро Кориолан дал приказ сниматься с лагеря. И вольски ему подчинились, скорее, из уважения к доблести военачальника, чем из страха перед его властью.

При виде уходящих врагов римляне распахнули настежь двери всех храмов и, увенчав себя венками, словно в честь победы, стали приносить жертвы богам. Сенат же с невиданным единодушием принял решение соорудить храм Женской Фортуны на том месте, где Кориолан встретился с матерью. Средства для постройки хра-

ма собрали сами женщины. И появился этот храм не во времена подвигов Клелии и других римлянок, соперничавших доблестью с Горацием Коклесом и Муцием Сцеволой, а в дни избавления от бедствий не силой оружия, не храбростью, а силой всепобеждающей материнской и сыновней любви⁴²⁸!

Кориолан в словах, обращенных к матери, предугадал свою судьбу. По возвращении в Анций он был обвинен Туллом и другими вольсками, завидовавшими его успехам, в предательстве и убит⁴²⁹.

Римляне же в знак уважения к Волумнии разрешили ей и другим родственникам Кориолана носить траур по изменнику десять месяцев, самый продолжительный срок траура, установленный законом Нумы Помпилия.

Римлянки, умоляющие Кориолана

Спурий Кассий

В ходе завоеваний римляне отнимали у побежденных ими племен и городов часть их земли, увеличивая римскую общинную землю, или общественное поле, принадлежавшее всей патрицианской общине⁴³⁰.

Общинная земля распределялась между патрицианскими родами, главы которых выделяли участки своим клиентам, обязанным за это различными повинностями по отношению к патронам. Плебеи же на общинную землю прав не имели, поскольку стояли вне патрицианской общины. Количество безземельных плебеев увеличивалось, и вместе с этим ослаблялась и римская армия, ибо безземельные пролетарии не использовались в боевом строю.

Зная это, наиболее предусмотрительные патриции старались наделить плебеев землей. К числу этих государственных мужей относился Спурий Кассий, трижды занимавший должность консула и трижды отмеченный за свои победы триумфом. Будучи человеком действия, он от рассуждений о необходимости дать плебеям землю приступил к делу. В 486 г. до н. э., когда он стал консулом вместе с Прокулом Вергинием, ему удалось победить племя герников и навязать им жестокие условия мира. У герников отнималось две трети земли. Половину этой земли Кассий был намерен отдать союзникам латинянам, другую половину — плебеям. К этому дару он прибавил часть общественной земли, которой незаконно завладели частные лица⁴³¹.

Этот план вызвал среди сенаторов опасение, что Кассий может покуситься и на их имущество. Согласно римским законам, второй консул мог наложить запрет на решение своего коллеги. Поэтому, когда Кассий внес свое предложение в народное собрание, Вергилий Прокул, сам ли или по наущению сенаторов, выступил против него. Расчет Кассия на поддержку плебеев не оправдался. Плебеи были недовольны тем, что Кассий предлагал отдать часть земли латинянам: нищие не хотели делиться своей нищенской сумой с такими же, как они сами, бедняками.

По окончании срока должности квесторы Фабий Цезон и Луций Валерий привлекли Кассия к суду патрици-

ев по обвинению в попытке восстановить в Риме царскую власть⁴³². Судьи приговорили обвиняемого к смерти. Народ за него не заступился, и Спурий Кассий был сброшен с Тарпейской скалы. Дом его разрушили, а место, где он стоял, предали проклятию.

Гибель Фабиев

Что с вами, доблестный род? Врагам не верьте коварным!
Честная знать, берегись и вероломству не верь!
Доблесть осилил обман, отовсюду в открытое поле
Бросились толпы врагов и окружили бойцов.
Так же, как дикий кабан, в Лаврентских загнанный чащах,
Молниеносным клыком прочь разгоняет собак,
Хоть погибает и сам, — так гибнут, насытившись мстью,
Воины все, за удар сами удар нанося.

Овигий (пер. Ф. Петровского)

Плебеи составляли большинство населения Рима, и в римских легионах их было много больше, чем патрициев. На плебейх держалось римское войско, которым командовали патрицианские военачальники. После того как плебеи приобрели в лице народных трибунов своих заступников, они все чаще стали высказывать недовольство тем, что им приходилось ежегодно участвовать в военных походах. Нередко дело доходило до прямого бунта. Так, во время схватки с эквами римские воины-плебеи, побросав знамена, покинув на поле боя полководца, самовольно вернулись в лагерь. Отныне консулы боялись своих воинов более, чем неприятеля. И это сказывалось и на внешней политике, которой во времена республики руководил сенат. Ранее стоило соседям совершить на римские владения набег, как им немедленно объявлялась война и римское войско двигалось навстречу врагам, мстило им за нападение, разоряло их земли. Теперь же, учитывая настроение плебеев, смотрели на нападения врагов сквозь пальцы, старались решить спор с соседями с помощью переговоров.

Все это вызывало крайнее недовольство старинных патрицианских родов, видевших в военных походах смысл существования и источник обогащения. Вынужденное миролюбие сената, чем бы оно ни объяснялось,

некоторые патрицианские роды считали предательством. Они решили действовать.

Было начало весны. В Риме стало известно, что воины соседнего этрусского города Вейи совершили набег на земли римских поселенцев и увели несколько десятков животных. Обсуждение этого эпизода проходило вяло. Никто и не думал объявлять Вейям войну.

На следующий день в сенат явились все члены рода Фабиев в количестве трехсот шести человек. От лица всего рода консул, он тоже был Фабием, обратился к сенаторам с такой речью:

— Отцы-сенаторы! Мне известно, что у вас много забот и вы считаете отражение вейян делом не первостепенным. Поэтому мы вас просим, отдайте эту войну нашему роду. Мы будем вести ее собственными силами и за свой счет. Вам не потребуется ни воинов, ни денег.

В курии наступила тишина. Сенаторы поняли, что решение Фабиев вести войну с Вейями собственными силами принято в пику плебеям, которых в Риме большинство. Фабии хотят доказать, что они сами, без помощи плебеев будут воевать против могущественного государства, а если погибнут в неравной борьбе, то виной их гибели станут эти ленивые плебеи, для которых защита отечества — обуза.

Первым поднялся с места сенатор Эмилий.

— Ты просишь слова? — спросил консул.

Эмилий отрицательно помотал головой.

Потом в другом конце курии встал сенатор Клавдий. За ним поднялись Валерии, Горации, Марции. Весь сенат в полном составе стоя приветствовал героическое решение рода Фабиев взять на свои плечи войну с Вейями.

Выйдя из курии, консул увидел весь свой род построенным для похода. Он тотчас занял свое место в строю и отдал приказ выступать. Никогда еще на памяти римлян ни одно войско не состояло из одних родичей, и никогда еще один род не объявлял войны целому городу и народу. Обойдя храмы Форума, словно для того, чтобы проститься с богами, Фабии вышли к Карментальским воротам и, пройдя их, направились по дороге к реке Кремере, за которой начинались владения Вей.

Выбрав холм, они соорудили на нем лагерь, как это всегда делали римляне. Только это был совсем неболь-

шой, «игрушечный лагерь», как его назвали в насмешку вейяне. Но вскоре они убедились, что Фабии воюют не на шутку. Они не ограничивались внезапными вылазками и разорением полей, но несколько раз сражались под знаменами в открытом бою и даже обращали более многочисленное войско Вей в бегство.

И решили тогда вейяне одолеть Фабиев хитростью. Когда Фабии выходили на добычу, им как бы случайно выпускали скот, а селяне разбежались, оставляя свои поля. Вооруженные же отряды, высланные для отпора, разбежались в притворном страхе. Все это способствовало тому, что, уверившись в своей непобедимости, Фабии потеряли бдительность.

Гибель Фабиев

Однажды Фабии увидели далеко в поле большое стадо. Хотя одновременно то там, то здесь можно было узреть и вражеских вооруженных воинов, это не остановило римлян, ибо они были уверены в том, что воины разбегутся. Проскочив мимо расставленных вдоль дороги постов, Фабии стали ловить рассыпавшихся по полю животных, как вдруг перед ними словно из-под земли выросли враги.

Построившись клином, Фабии пробили себе путь через первую линию окружения, но за нею были вторая и третья линии. Поднявшись на пологий холм, римляне перевели дух и несколько приободрились. Но враги наступали. Силы защитников слабели. И вскоре они все полегли, кроме единственного юноши, от которого впоследствии восстановился род Фабиев⁴³³.

День гибели Фабиев 18 июля (477 г. до н. э.) был объявлен «черным днем» римского календаря. Улица, по которой Фабии шли по Риму к Карментальским воротам, получила название «Несчастливой».

Победа над Фабиями подняла дух вейянам и другим соседям римлян, страдавшим от их набегов. Гордые своей победой этруски вскоре разбили римское консульское войско. Вейяне захватили Яникульский холм у самых стен Рима. Так что своим героическим решением сражаться с целым городом Фабии не дали урока римским плебейам и не принесли никакой пользы Риму.

Отец и сын

Трагедия Цинцинната.
Извечная доля отца.
Покинуть родные пенаты
Ради злодея-юнца.

И что отцу остается,
Если он честен и смел?
Искупить благородством
Зло его планов и дел.

Демонстративное самопожертвование патрицианского рода обострило и так никогда не угасавшую ненависть патрициев к плебейам. Вскоре после гибели Фабиев в Риме появились бесчинствующие кучки молодых патрици-

ев. Они устроили настоящую охоту на плебеев, настигли их, срывали с них одежду, избивали их, препятствуя деятельности народных трибунов и голосованиям на собраниях плебеев.

Душой этой молодежи был Квинкций Цезон, статный, красноречивый юноша, кичившийся знатностью происхождения. Юные патриции смотрели ему в рот, подражая в щегольстве и во всем дурном.

Защитником плебеев стал народный трибун Авл Вергиний, человек умный и решительный. Он выступил с публичным обвинением против Цезона и вызвал его на суд, заранее понимая, что это заставит негодя окончательно распоясаться. Так и случилось. Разъяренный Цезон закусил удила и повел себя таким образом, словно бы специально стремился дать обвинителю как можно больше фактов своего преступного поведения.

Суд над Цезоном стал неизбежен. Плебеи возлагали на процесс все свои надежды, и в день, назначенный для судебного разбирательства, перед трибуналом собрался едва ли не весь плебейский Рим.

Разумеется, и патриции не остались безучастными к этому событию. Многие бывшие консулы, дружившие с Квинкциями домами или знавшие Цезона по воинской службе, выступили защитниками. Отвечая на вопросы судьбы, они разглагольствовали о заслугах обвиняемого перед отечеством, приводили примеры его храбрости и благородства, объясняя некоторые его странные поступки молодечеством и горячностью характера. Среди защищавших Цезона был и его отец Луций Квинкций по прозвищу Цинциннат⁴³⁴, отец четырех сыновей, человек безупречной репутации. Он также просил простить сыну ошибки его молодости и принять во внимание то, что сам он, глава рода, ни перед кем не провинился. Однако даже просьба такого почтенного человека не могла заставить потерпевших забыть об издевательствах над ними Цезона, особенно когда выступил бывший народный трибун Марк Вольсций Фиктор. Он рассказал о том, что вскоре после вспыхнувшей в Риме моровой язвы он сопровождал своего брата, только что оправившегося от болезни. Навстречу ему выскочила группа юнцов во главе с Цезоном. Цезон нанес брату такой сильный удар кулаком, что тот упал, а вскоре после этого умер.

Это была ложь, но кто в возбужденной толпе проверяет правдивость слов оратора! Услышав этот рассказ, народ потребовал немедленного суда над Цезоном, и он тут же был взят под стражу до вынесения приговора Авлом Вергинием. Однако сенаторы вступились за арестованного, и впервые в истории Рима было принято решение отпустить подсудимого на поруки под залог. Внесли его десять поручителей — каждый передал в казну три тысячи медных ассов. Отпущенный на свободу, Цезон в ближайшую ночь бежал из Рима. И пришлось его отцу возвращать поручителям их деньги. Распродав все свое имущество, Цинциннат рассчитался с долгом и удалился вместе с женой Рацилией за Тибр, на луга, где у него был клочок земли в четыре югера и лачуга⁴³⁵.

Между тем Цезон, пылавший ненавистью к плебейам, нашел себе убежище у сабинян. Подстрекательскими речами и обещаниями он привлек к себе многих из них, прежде всего знатного сабинянина Аппия Гердония. Вскоре Цезон наладил связь и со своими сторонниками в Риме, договорившись с ними перебить народных трибунов и вернуть государство к тому порядку, который существовал до удаления плебеев на Священную гору.

Ближайшей ночью римские изгнанники и их рабы во главе с Цезоном и Аппием Гердонием проникли в Рим на лодках по Тибру, поднялись на Капитолий. Те, кто находился в крепости, пытались оказать им сопротивление, но были перебиты. Остальные с воплем «К оружию! Враг в городе!» ринулись на Форум. Возник страшный переполох. Трудно было понять, откуда пришла беда: вторглись ли соседи, восстали ли рабы. И только утром стало ясно, что крепость захвачена Аппием Гердонием, что он призвал рабов к свободе и намеревается вернуть в Рим всех изгнанных.

Для патрициев страшнее всего было обращение Аппия Гердония к рабам. Ведь в доме каждого из них было много рабов, о которых уже тогда говорили: «Сколько рабов — столько врагов». Народные же трибуны не без основания считали, что изгнанниками, захватившими вместе с сабинянами Капитолий, тайно руководит сам сенат, стремящийся вернуть себе всю полноту власти. Не помышляя о вооруженном сопротивлении заговорщикам, плебеи окружили народных трибунов, чтобы прого-

Схватка на Форуме

лосовать за избрание пяти уполномоченных, которые должны были разработать закон, ограничивавший производство патрицианских консулов.

И вот тогда через бурлящий Форум прямо к ораторскому месту на возвышении⁴³⁶ прошел консул Публий Валерий и обратился к народным трибунам с гневной речью, обвиняя их в бездействии, граничащем с пособничеством Аппию Гердонию. Кончил же свою речь консул призывом к плебеям стать под его знамена, обещая после освобождения Капитолия обсудить предлагаемый трибунами закон.

Настроение плебеев не менее, чем эта речь, изменило вступление в Рим союзного ему тускуланского легиона. Так в Риме появилось два вооруженных отряда, готовых штурмовать Капитолий. Один из них, состоявший из плебеев, возглавил консул Валерий.

Действуя с двух сторон, римляне и их друзья без особого труда овладели Капитолием. Заговорщики пытались найти убежище в храме, но нападавшие ворвались и туда. Казнены были все, кого не убили на месте: рабы сброшены с Тарпейской скалы, мятежным же римским гражданам и их союзникам отрубили головы. Среди казненных был и Аппий Гердоний. Тела Цезона странным образом не нашли, но в том, что погиб и он, никто не сомневался. Однако и среди защитников порядка не обошлось без потерь — погиб от брошенного кем-то дротика консул Валерий.

С благодарностью проводили из города тускуланцев, с помощью специальных обрядов очистили и освятили оскверненный кровью капитолийский храм. Тело консула Валерия в последний путь провожал весь Рим. Никто в Городе не помнил более пышных похорон. Каждый из плебеев положил к его порогу по четверти асса. Ведь плебеи хоронили не только Валерия, но и свою надежду на закон о консульской власти: вряд ли теперь кто-нибудь выполнит обещание не препятствовать обсуждению этого закона, данное Валерием.

Но не принесла эта победа Риму спокойствия. Вскоре подняли против Рима оружие сабиняне, жаждавшие мести за смерть Аппия Гердония. К ним присоединились эквы. Наибольшую же опасность представляли вольски. Они перешли римские рубежи и стали лагерем на реке

Альгиде. Сенат отправил под Альгид послов, но вражеский предводитель Клелий даже не захотел с ними встретиться, заявив, что поручает выслушать римлян растущему перед мостом дубу.

Только после этого вольскам была объявлена война, и против них было отправлено войско во главе с консулом Минуцием. В сражении у Альгида римские легионы были разгромлены. Но и это страшное поражение не убедило плебеев помочь отечеству, ибо главными своими врагами они считали патрициев.

В этих условиях в сенате созрело решение назначить диктатора. Лучшей кандидатурой сенаторы сочли Луция Квинкция Цинцинната, которого один из ораторов назвал «последней надеждой римского государства». К нему была отряжена депутация.

Послы еще издали заметили обнаженного старца, шагающего за плугом. Пахарь также увидел послов и остановил быков.

Когда послы приблизились, Цинциннат поклонился им и спросил, какие дела заставили их покинуть курию.

— Есть одно дело, — ответил глава посольства. — Только непозволительно сообщать его тебе, пока ты в таком виде.

Цинциннат обернулся в сторону своей лачуги и, приложив к губам ладони, крикнул:

— Рацилия! Тогу!

Пока жена выполняла его просьбу, Цинциннат отер тыльной стороной ладони пот со лба, запустил пальцы в седые волосы и придал им некое подобие порядка, стряхнул с груди песчинки. Наконец жена принесла тогу, и Цинциннат завернул в нее свое тощее голое тело.

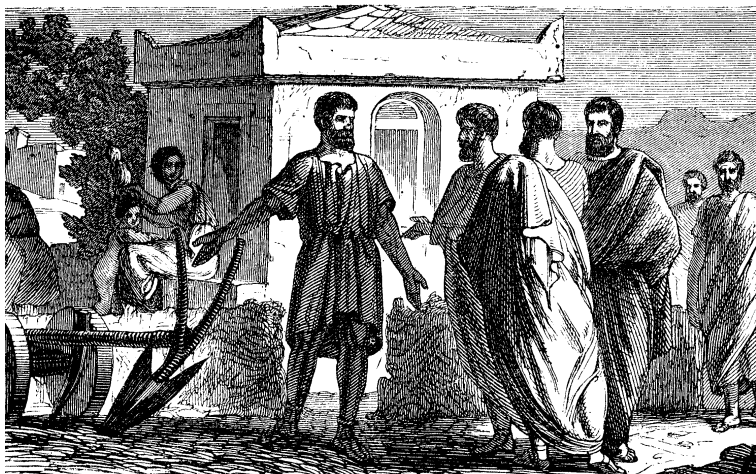
Он выпрямился и, если бы не босые, испачканные в земле ноги, ничем внешне не отличался от тех, кто к нему пришел.

— Дело, которое нас привело к тебе, Луций Квинций Цинциннат, таково! — торжественно произнес посланец. — На легионы консула Минуция напали эквы и осадили его. К эквам присоединились сабиняне. Поэтому сенат объявил чрезвычайное положение. Я и все, кто со мной, приветствуем тебя как диктатора. Твои двадцать четыре ликтора ожидают тебя у Карментальских ворот.

К полудню, переправившись через Тибр, Цинциннат вступил в Рим. Его встретили трое сыновей, друзья и родственники. Шествующий в окружении этих людей вслед за ликторами старец привлек внимание плебеев, столпившихся по обе стороны мостовой. Лица плебеев были озабочены. Что можно ожидать от человека, наделенного такой невероятной властью, да еще отца ненавистного Цезона? В ближайшую ночь никто из плебеев не смог от волнения уснуть.

Диктатор явился на следующее утро на Форум и первым делом назначил своим помощником обедневшего патриция Луция Тарквicia. Он получил титул начальника конницы, хотя из-за нехватки средств, необходимых для покупки коня, всю жизнь прослужил пехотинцем. На Форуме в это время квесторы начали разбирательство какого-то дела. Не заинтересовавшись, кого судят и за что, Цинциннат остановил судопроизводство. Луция Тарквicia он отправил к лавкам, чтобы их закрыть, и вообще распорядился о прекращении в городе всякой частной деятельности, отвлекавшей граждан от подготовки к военным действиям. После этого диктатор приказал военнообязанным собраться на Марсовом поле, взяв с собой провизии на пять дней.

Прибытие посольства к Цинциннату

Зная, что за невыполнение приказа диктатор имеет право казнить без суда, плебеи явились из страха, патриции же пришли с величайшей готовностью. С заходом солнца войско покинуло Рим и к рассвету оказалось у вражеского лагеря.

— Сложить багаж! — скомандовал Цинциннат. — И подготовиться к штурму городской крепости!

Подбадривая себя криками, римляне к утру выполнили этот приказ диктатора. Но вскоре за их спинами слышались приветственные возгласы. Это явился им на помощь консул Минуций с войском. Видя это, осажденные попросили пощады.

Цинциннат приказал им сложить оружие, когда же это было сделано, послал ликторов заковать в цепи вражеского предводителя и его ближайших помощников. Затем другие ликторы воткнули в землю копыя таким образом, что образовали узкие отверстия, через которые едва можно было проползти.

— Вот, — сказал диктатор побежденным. — Крови я вашей не жажду, но со всем, что на вас, придется расстаться. Раздевайтесь и убирайтесь вон!

Под хохот римлян обнаженные пленники стали проползать между копыями. Особенно тяжело пришлось тем, кто был в теле: им пришлось протискиваться.

После этого диктатор роздал одежду и украшения своим воинам, а воинам консула Минуция сказал:

— Вы не заслужили добычи, отнятой у врага, ибо едва сами не стали добычей. Тебя же, Минуций, я лишаю консульской власти. Ты останешься при своих легионах как легат.

Гонец возвестил народу о победе, и другой консул, Квинт, открыл заседание сената, принявшего решение войти войску в город с триумфом и в том же порядке, в каком он его покинул. Перед колесницей Цинцинната провели вражеских предводителей, пронесли знамена эквов. Далее шли воины. Их ждало пиршество: перед каждым домом было выставлено богатое угощение.

Плебеям диктатор мстить не стал, покарав лишь Марка Вольския, лжесвидетельствовавшего против Цезона: он был изгнан из Рима. Через шестнадцать дней после вступления в должность Цинциннат сложил с себя полномочия и возвратился к своему участку и к своим волам.

Глава 2

ДЕЦЕМВИРЫ

Жила в крошечном мраке Рома,
Вершила судьбы кулаком,
Покуда, как небесным громом,
Не осенил ее Закон.

На форум вышли децемвиры.
Звучала древняя латынь,
Еще не ведомая миру,
Чтоб стать святыней из святынь.

В мире городских общин-полисов писанный закон играл роль, сходную с их фортификацией. Стены и рвы оберегали вновь возникшие города, защищая их материальное и духовное достояние от волн враждебного племенного мира. Закон на том же ограниченном и освященном религиозной пространством оберегал мирное состояние гражданского коллектива, разделенного на враждующие группы (сословия), охранял основу основ нарождающегося гражданского общества от преступных элементов, гарантируя обществу столь важную для его существования стабильность. Суровы были законы железного века, но без них непредставим поражающий нас через тысячелетия высокий уровень средиземноморской культуры.

Возникновение закона как важнейшая историческая веха повсеместно становилось предметом преданий, героями которых были законодатели. У древних евреев — это царь Соломон, вершащий суровый, но справедливый суд. У греков Южной Италии — это Залевк, не то пастух, не то философ, с помощью законов добившийся неизменности государственных порядков. Рассказывали, что один из его законов предусматривал необходимость для каждого, желающего внести какое-либо предложение о переменах в общественной жизни, явиться на собрание с петлей на шее, чтобы в случае непринятия законопроекта быть повешенным. В этой легенде заложен страх перед анархией, хуже которой может быть лишь анархия. О древнейшем афинском законодателе Драконте говорили, что он произвел запись законов кровью (не уточняется чьей) и мало-мальские нарушения порядка и прав собственности карал смертью.

Рим вступил на историческую арену позднее Иерусалима, Афин, полисов Великой Греции. В Риме писанные законы появились лишь в середине V в. до н. э. Героями римского мифа о рождении законов стали децемвиры — десять выбранных лиц, наделенных чрезвычайными полномочиями. Десять имен. Коллектив теней, о которых как о законодателях практически ничего не известно. Только одна фигура силой воображения одного из поздних римских историков приобрела некое подобие биографии — Аппий Клавдий, выходец из прославленного сабинского рода. Не исключено, что на создание его образа повлияла политическая действительность эпохи гражданских войн.

И все же в легенде о децемвирах могла найти отражение и реальная ситуация времени составления законов двенадцати таблиц. Эти законы не могли не быть компромиссом между интересами патрициев и плебеев, как в свое время в Афинах законы Солона, которые учитывали интересы эвпатридов и демоса. В конце концов этим компромиссом были разочарованы и эвпатриды и демос. Солону пришлось уйти в изгнание. В Риме то же недовольство нашло выражение в негативной оценке Аппия Клавдия. Он в отличие от царя Сервия Туллия не стал героем плебеев, заинтересованных в кодификации. Что касается патрициев, то они к нему не могли питать ничего, кроме ненависти, ибо писанные законы выбивали почву у них из-под ног.

Двенадцать таблиц

В 302 году от основания Рима (451 г. до н. э.) после полувековой ожесточенной борьбы между патрициями и плебеями в Городе на семи холмах внезапно изменился образ правления: от бородатых консулов власть перешла к бородатым же децемвирам. Это была комиссия из десяти мужей, избранная всенародно на год для составления и записи законов и наделенная на время этой деятельности консульскими полномочиями.

Из лиц, участвовавших в этой работе, выделялся консул 471 г. до н. э. Аппий Клавдий. Если двадцать лет назад

во время своего консульства он зарекомендовал себя злейшим врагом плебеев и ненавистником народных трибунов, то, будучи децемвиром, он выступает в качестве «угодника черни, ищущего ее благосклонности». Эта оценка принадлежит историку времени Августа Титу Ливию. Но напрасно мы бы стали искать в его обстоятельном изложении деятельности децемвиров объяснения того, в силу каких причин и обстоятельств ненавистник плебеев перешел на их сторону. Остается гадать, изменились ли политические убеждения Аппия Клавдия или он был на самом деле противником плебеев, притворившимся для получения власти их приверженцем. В своем рассказе о децемвирах Тит Ливий объединил эти две взаимоисключающие версии.

Получив высшую власть в государстве, децемвиры не сразу приступили к сочинению законов. Поскольку до этого Рим не знал писаных законов, децемвиры решили отправить в Грецию трех посланцев для ознакомления с греческим опытом и, прежде всего, с прославленными законами афинянина Солона. Путешествие это можно было осуществить лишь в летнее время года, да и сама запись греческих законов также потребовала времени, и народные трибуны в Риме не раз на народных собраниях сетовали на то, что составление законов затягивается.

Когда законы были составлены, децемвиры собрали народ, стар и млад, на сходку и, прочитав законы, предложили их обсудить, чтобы устранить имеющиеся в них изъяны. Когда граждане высказали свое мнение, законы в окончательном виде были утверждены сенатом и приняты голосованием на народных собраниях по центуриям. Оставалось записать их и выставить на Форуме для всеобщего обозрения и руководства. Таблиц оказалось десять.

Таким образом, римский народ получил те законы, которые были ему угодны, а не навязанные кем-либо, и в Риме воцарилось спокойствие. Но вскоре выяснилось, что имеются правонарушения, не подходящие ни под одну статью законов десяти таблиц. И было решено избрать новых децемвиров для составления недостающих законов.

Новые децемвиры, хотя объем их обязанностей был неизмеримо меньшим, чем у первых, не торопились за-

вершать работу над римским законодательством. Их привлекала сама дарованная им народом власть, и они старались сохранить ее как можно дольше за собой. Сразу после избрания децемвиры вышли на Форум в сопровождении ликторов. Ранее на всех децемвиров было двенадцать ликторов, услугами которых они пользовались попеременно. Теперь впереди каждого децемвира вышагивало двенадцать ликторов, словно бы в Риме оказалось десять царей.

Поначалу страх перед децемвирами испытывали оба сословия, но затем выяснилось, что новые децемвиры настроены, скорее, против плебеев, патрициев же склонны щадить.

Только к окончанию годовичного срока децемвиры представили две таблицы законов. Один из вновь предложенных законов, запрещавший брак патрициев и плебеев, вызвал ярость последних, но открытого возмущения не последовало, ибо в руках децемвиров была и военная власть⁴³⁷.

Римское войско в походе

После окончания года децемвиры должны были сложить свои полномочия, передав их консулам, но они этого не сделали под предлогом, что римские пределы перешли вооруженные сабиняне и занялись грабежом. На самом деле нападение сабинян было обусловлено раздорами в Риме, позволявшими надеяться на безнаказанность.

До нападения сабинян, за весь год своего правления, вторые децемвиры ни разу не созывали сенат. После проведения выгодных патрициям законов они решились на это, будучи уверены, что патриции на их стороне. Слово взял Аппий Клавдий, попросив собравшихся высказаться о войне с сабинянами.

После него выступил сенатор Луций Валерий Потит.

— Я требую, — произнес он решительно, — обсудить положение, в которое поставлено наше государство.

— Мы запрещаем тебе поднимать этот не относящийся к делу вопрос, — объявил Аппий Клавдий от имени децемвиров.

— Тогда я обращусь к народу, — воскликнул Валерий, вызвав в зале одобрительный шум.

Смелость Валерия воодушевила часть сенаторов, которые ранее смирились с владычеством децемвиров.

С места поднялся⁴³⁸ сенатор Марк Гораций Барбат.

— Не удивляйся, Валерий, — начал он свою речь обращением к коллеге, — что эти десять Тарквиниев затыкают тебе рот. Они прекрасно понимают, что им грозит. Ведь уже однажды Валерий прогнал тиранов, и тогда же ему помогли Горации. Два этих имени украшают наши анналы. У римского народа употребление слова «царь» всегда вызывало страх. Ведь не даром мы обращаемся к верховному богу Юпитеру «отец богов и людей», хотя и знаем, что он царь небесный. Мы изгнали царей, вы же, децемвиры, присвоили власть, ничем не отличающуюся от царской. Я не знаю, к какому отнести вас сословию. Вы заявили себя друзьями народа. А что вы для него сделали? Можно ли назвать вас патрициями, если целый год вы не созывали сената! Знайте же, что народ вас больше не боится, ибо он столько претерпел, что понимает: хуже, чем сейчас, быть не может.

Напуганные этой речью, децемвиры стали шепотом совещаться между собою, и тогда выступил дядя главы децемвиров Гай Клавдий.

— Памятью моего покойного брата, твоего отца, заклинаю тебя, Аппий, разорви противоестественный союз! Останься верен сословию, в котором рожден! Ведь ты не хочешь, чтобы имя твое связалось навеки со вторым переселением на Священную гору.

Никто не решился прервать почтенного мужа, хотя тон его речи все более делал ее похожей на молитву. Выступил и брат децемвира Марк Корнелий. Взяв его под защиту, уверял, что благодаря децемвирату Рим на протяжении года не ведал сословной борьбы.

И вновь взял слово Валерий, которому было разрешено говорить о положении государства. Он призывал объявить децемвиров частными людьми.

Аппий Клавдий, понимая, чем грозит это предложение, побледнел как полотно и приказал вышвырнуть Валерия за дверь. Но тот сам подбежал к порогу и крикнул: «Квириты, на помощь!» Вся курия поднялась на ноги. Но на этот раз страх перед плебеями спас децемвиров. Было решено оставить децемвирам власть до окончания года, заключить с сабинянами перемирие и собрать два легиона для защиты границ от враждебных народов.

Сикций Дентат

События в Городе нашли отголосок на рубежах государства. Воины, охранявшие Рим от набегов неприятеля, постоянно вспоминали о том, что происходило дома. Более других выражал тревогу пожилой воин Луций Сикций, которому дали еще в детстве прозвище Дентат, так как он родился с одним зубом.

Луций командовал центурией, охраняя рубежи Рима, как сам бог Марс. Он участвовал в ста двадцати битвах за отечество, спас жизнь четырнадцати согражданам. Сорок пять шрамов от ран отметили его грудь, ни одного шрама не было на спине. У его костра никогда не бывало пусто. Воины приходили, чтобы порасспросить Дентата

о битвах, в которых он отличился, об удивительных приключениях, которые испытал.

И на этот раз, подкладывая в огонь сосновое полено, Сикций обвел взглядом собравшихся и начал неторопливо:

— Нет, я не хочу поведать вам о том, что случилось на моем веку. Меня волнует происходящее сейчас. Мы с вами отражаем набеги недругов, защищаем от них поля и стада, а в нашем Городе утвердилась у власти кучка наших ненавистников. Вместе со знатнейшими сенаторами децемвиры делают все, чтобы загнать нас, плебеев, как скот в стойло. Сегодня пришла весть, что децемвиры препятствуют избранию народных трибунов. Так почему бы нам не избрать их у себя в лагере и отправить в Рим, чтобы защищать наши права? Вот и все, что на этот раз я хочу вам сегодня сказать.

Наступила тишина, нарушаемая лишь треском поленьев. Воины с удивлением смотрели на освещаемое языками огня, изрезанное морщинами лицо центуриона. Его предложение было настолько дерзким, что никто из слушателей не откликнулся на него радостным возгласом.

— Хорошо, друзья мои! — воскликнул Дентат. — Поразмыслите над сказанным. У нас еще есть время.

Как вскоре выяснилось, у самого Дентата время было на исходе. О его речи вскоре стало известно не только военачальникам в лагере, но и Аппию Клавдию в Риме, и он распорядился избавиться от мятежного центуриона.

Как раз тогда стало известно о будто бы готовящемся набеге сабинян. Вызвали Дентата в преторий, и военный трибун обратился к нему с такими словами:

— Ты заслуженный центурион! На тебя вся надежда. Мы тебе подобрали отборный отряд. Отправляйся к Красным скалам в засаду.

Отборный отряд оказался из отборных негодяев. Каждому из предателей за участие в убийстве Дентата была назначена награда, и они на нее польстились.

У Красных скал, как и было условлено, они напали на ничего не подозревавшего Дентата и убили его. Разумеется, не обошлось без потерь и со стороны нападающих. Двоих он схватил голыми руками и так ударил лбами,

что они испустили дух, третьего убил наповал ногой. Остальные явились в преторий с притворно горестным видом и с сообщением, что потеряли в схватке предводителя Дентата и троих воинов.

Эта весть распространилась по всему лагерю. Нескольким легионеров из тех, что были завсегдатями бесед Дентата у костра, заподозрили неладное. Они отправились на поиски и вскоре у Красных скал натолкнулись на четыре трупа. Тело Дентата имело следы десятка ран, большая часть из них была на спине. Его доспехи и знаки отличия не были сняты. Это говорило о том, что Дентата убили свои.

Весть о поддом убийстве Дентата подняла на ноги весь стан, а затем распространилась и по другим пограничным лагерям. Легионы едва не двинулись, развернув знамена, на Рим. Но воинов удалось от этого отговорить, обещав, что погибшему будут оказаны высшие воинские почести.

У Дентата не было семьи. Но вскоре в Риме появилось много мальчиков с этим именем. Это были сыновья воинов. Все они родились, как положено младенцам, без зубов. Имя же Дентат им дали отцы, потому что у них был зуб против децемвиров.

Вергиния

О, как бледна ее ладонь.
От пялец складка на мизинце.
Сейчас божественный огонь
Возьмет к себе самоубийцу.

Следы всех мыслей и забот
Исчезнут из людского взора,
И только подвиг не умрет,
Что избавляет от позора.

Вслед за этим преступлением было совершено другое, не менее гнусное, на этот раз в самом городе. И оно положило конец владычеству децемвиров. Жертвой, принесенной богу свободы, оказалась Вергиния. Она была дочерью Луция Вергиния, несшего службу у Альгида, образцового воина и гражданина. В духе верности отечест-

ву были воспитаны его жена и дети. Дочь свою он просватал за бывшего трибуна Ицилия, прославившегося не только храбростью в бою, но и отважной защитой интересов плебеев.

Девушка как-то шла по Форуму к школе, в которой она обучалась грамоте, и обратила на себя внимание Аппия Клавдия необыкновенной красотой. Подозвав ликтора, он узнал о девушке и ее родителях и той же ночью послал к Вергинии своего человека с обещанием подарков за одну лишь встречу. Но Вергиния не поддалась на уговоры. Это еще более раззадорило децемвира. «Как же я могу считать себя самым могущественным человеком Рима, если мне смеет противиться какая-то жалкая плебейка!» — думал он.

Еще раз уточнив, что отец и жених Вергинии находятся вне Рима, Аппий Клавдий подозвал к себе своего клиента Марка Клавдия и распорядился:

— Завтра, как проснешься, отправляйся на Форум и, когда увидишь Вергинию, идущую в школу, кричи, что ты узнал дочь твоей рабыни, похищенную у тебя. Прикажи ей следовать за собой, если же не пойдет, поведи силой.

Клиент в точности выполнил приказание патрона. Девушка, услышав, что она дочь рабыни и должна идти за незнакомым мужчиной, остолбенела. Сопровождавшая Вергинию няня подняла крик. Сбежались люди. Многие знали Вергиния и Ицилия. На этот раз им удалось отстоять девушку.

Через несколько дней, явившись к трибуналу Аппия Клавдия, клиент изложил ту же выдумку, которую он слышал от патрона, добавив лишь, что дочь рабыни была подброшена Вергинию и что он готов представить доказательства своей правоты.

У трибунала находились и защитники девушки. Они сказали, что несправедливо в отсутствие отца решать вопрос о его дочери, поэтому следует отложить объявление приговора до возвращения Вергиния.

Аппий Клавдий согласился с тем, что за Вергинием следует послать, но распорядился до его появления передать девушку истцу.

Тут толпа расступилась, чтобы пропустить подросшего жениха Вергинии Ицилия. Судья не разрешил ему

говорить, заявив, что приговор уже объявлен. И все же Ицилию удастся выкрикнуть несколько слов. Они настолько возбудили толпу, что Аппий Клавдий счел для себя полезным отменить свое решение до утра.

С рассвета граждане в нетерпении заполнили Форум, ожидая развития событий. Наконец явился Вергиний в трауре, ведя за собою дочь, обряженную в лохмотья. За ним следовали в трауре почтенные матроны и супруга Вергиния. Все они обходили толпу, умоляя о защите от произвола, и привели граждан в волнение.

Появление Аппия Клавдия, окруженного ликторами и вооруженными воинами, вызвало еще большее возбуждение собравшихся. Но это не испугало децемвира, который решил добиться своего во что бы то ни стало. Решением Аппия Клавдия Вергиния была объявлена рабыней и собственностью истца.

В отчаянии Вергиний отвел дочь к лавкам, расположенным близ храма Венеры, выхватил там у мясника нож и пронзил грудь девушки со словами: «Да падет проклятие за эту кровь на твою голову, Аппий Клавдий!»

На Форуме на мгновение наступило молчание. Толпа онемела от ужаса. Первым вышел из оцепенения Аппий Клавдий.

— Схватить убийцу! — послышалось его приказание.

Но выполнить его никому не удалось. Ицилий поднял бездыханное тело невесты над головой и в окружении толпы вместе с Вергинием, не выпуская из руки ножа, двинулся к городским воротам⁴³⁹.

Так это шествие достигло первого из римских лагерей на Вицилиевой горе. Граждане смешались с воинами, объясняя им, что произошло, и призывая идти на Рим, чтобы свергнуть децемвиров. Вскоре людей в тогах можно было увидеть и в других римских лагерях. Воины, защищавшие римские границы, вместе с толпами плебеев двинулись в Город. Напуганные децемвиры и их сторонники разбежались, не оказав сопротивления. Тут же состоялось народное собрание, избравшее консулами Луция Валерия и Марка Горация.

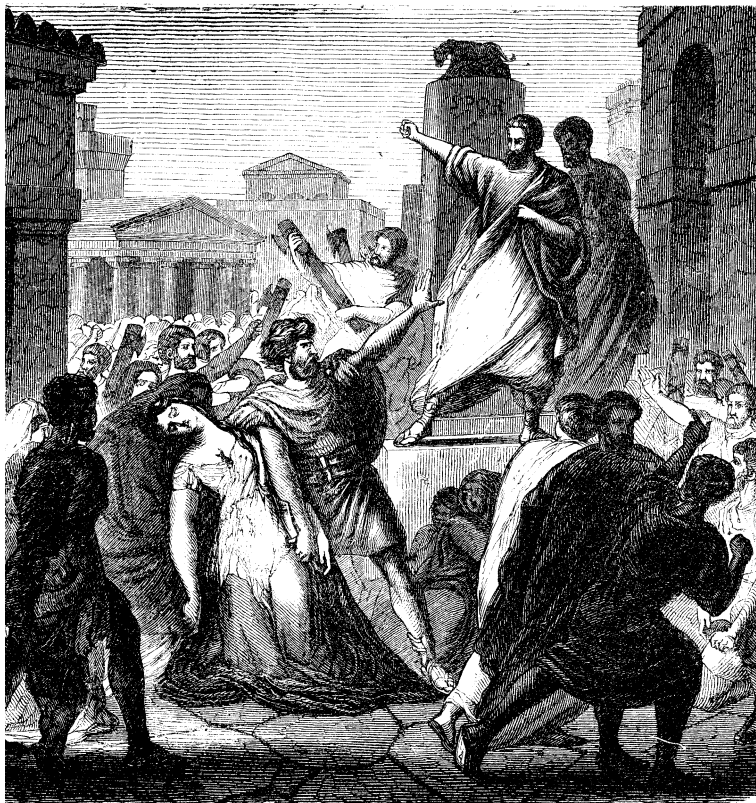
Валерий и Гораций предложили народу законы, которые в веках получили их имена. По одному из законов возобновлялось право гражданина в случае смертного приговора обращаться за защитой к народу. Отныне ни

одно должностное лицо, даже диктатор, не могло лишить гражданина жизни без согласия народа. Другой закон укрепил положение народных трибунов, объявив посягательства на их неприкосновенность святотатством.

Законы Валерия и Горация установили мир между условиями. И тотчас в город прибыли посланцы латинян и герников, чтобы поздравить римский народ с победой над смутой и пожелать ему успехов. По этому случаю в храм Юпитера на Капитолии был доставлен в дар венок из листьев, отлитых из чистого золота.

Так был восстановлен порядок, существовавший в Риме до децемвиров, и встал вопрос о наказании тех, кто

Смерть Вергинии

его нарушил. Вергиний призвал Аппия Клавдия на суд, и тот явился на Форум в окружении толпы юных патрициев. Обратившись к народу, Вергиний сказал:

— В сомнительных случаях, граждане, судьба обвиненного зависит от красноречия сторон. Ныне же решение ясно, как взошедшее над Форумом солнце. Между словами «обвиненный» и «осужденный» не стало различия. Много за тобой преступлений, Аппий Клавдий, за которые тебе придется ответить народу. Мне же ты ответь сейчас: как ты решился, заседаю на трибунале, объявить рабыней дочь свободных родителей?!

Воцарилась тишина. Показалось, что Аппий Клавдий зашевелил губами, пытаясь что-то сказать, но никто не услышал его голоса.

И вновь повторил Вергиний:

— Призываю тебя ответить на вопрос. Почему ты нарушил закон, который тебе было поручено охранять?

И тут все услышали сдавленный страхом старческий голос:

— Я прошу народ о защите.

Прошел шум. Граждане были потрясены. Гордый патриций взывал к народу, пользуясь законом, который предложили Валерий и Гораций

И снова взял слово Вергиний.

— И ты осмеливаешься взывать к народу с места, где совсем недавно вершил неправый суд и принудил меня поднять руку на единственную дочь, ибо для ее спасения не было иного пути. И когда принесли ее тело, ты приказал бросить меня в темницу как преступника...

После того как Вергиний закончил свою речь, суд принял решение отвести Аппия Клавдия в тюрьму, чтобы завершить на другом заседании рассмотрение дела. И в то же мгновение, когда ликторы окружили Аппия, чтобы исполнить приговор суда, дядя его Гай покинул Форум, а затем и Рим. Он отправился в Регилл, бывший владением рода Клавдиев. Туда отовсюду потянулись и другие Клавдии, чтобы решить, как избавить себя от позора. И вскоре перед трибуналом предстал Гай Клавдий. Обливаясь слезами, старец сказал:

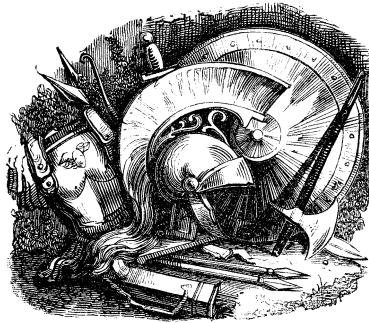
— Отрешитесь от гнева, о судьбы. Будьте не только справедливы, но и благородны. Все Клавдии просят за

одного. Верните его нам. Увенчайте возвращение свободы мягкостью.

Но в это мгновение появился Вергиний. Достаточно было судьям бросить на него взгляд, чтобы все доводы Гая Клавдия рухнули.

Судьи решили вернуться к рассмотрению дела на следующий день. Но утром стало известно, что обвиняемый наложил на себя руки, осуществив приговор, который заслужил. Были привлечены к ответственности и осуждены другие участники заговора децемвиров против народа, и лишь после того Вергиний удалился из Рима в Тибур, где вскоре умер. Он добился справедливого наказания виновников гибели дочери. Ее маны могли быть спокойны.

СОТВОРЕНИЕ МИФА И ПУТИ К ЕГО ПОНИМАНИЮ

О вы, археологи мифа!
Пусть вечно ваш факел горит!
Вы мысль провели через рифы
Немыслимых Сцилл и Харибд.

Трудны были ваши победы,
Извилисты ваши пути.
Позвольте по вашему следу
И мне мой челнок повести.

Среди городов древности, поражающих своей стариной и экзотичностью, своей отдаленностью от современной цивилизации, Рим занимал особое место. Ему удалось создать огромную и самую прочную из империй, выработать основы культуры и государственности, которые словно бы по эстафете были переданы нам. С той же непреклонностью, с какой римляне завоевывали окружающий мир, они создавали и миф о самих себе.

Частью его были рассказы об отдаленном прошлом Италии и Средиземноморья, своего рода поиски древних именитых предков, и повествование о тех, кто создал Город и империю. Более чем какой-либо другой миф, связанный с возникновением городов и государств, римский миф — миф политический, призванный не столько увлечь и заинтересовать читателей, сколько убедить другие народы и самих себя в правомерности избранного пути, в оправдании его богами и судьбой.

Материалом для этого мифа послужила история, прежде всего политическая, т. е. общинная и государст-

венная, а сам он за скудостью или отсутствием достоверных источников превращался в своего рода исследование старины, вовлекавшее в свой круг предания других народов, названия местностей, правовые, религиозные, бытовые пережитки. Создатели римского мифа были учениками эллинов в полном смысле этого слова, но они превзошли своих учителей если не искусством выдумки, то умением сделать назидательным мифом каждую мелочь (вспомним дом Валерия Попликолы на Веллии).

Для общества, освободившегося от пут имперского мышления (или к этому стремящегося), «римский миф» холоден и чужд. Но он в высшей степени поучителен, поскольку раскрывает удивительное зрелище политизации сознания, его поглощения государственной идеей. В то же время знакомство с «римским мифом» дает для понимания римского феномена больше, чем изучение так называемых реальных фактов. Ибо мы приобщаемся к быту, верованиям, образу мысли народа, без которого немислимо представить современную цивилизацию.

Сотворение «римского мифа» — дело рук и таланта многих поколений политических деятелей и интеллектуалов. Он начинает создаваться в III в. до н. э. одновременно с началом формирования Римской империи и приобретает окончательный вид в III в. н. э., в эпоху кризиса Римской империи. На протяжении шести столетий совершалась интенсивная переработка одних и тех же легендарных сведений, принимавшая форму то грандиозного исторического труда (Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, Помпей Трог, Аппиан, Дион Кассий), то эпической поэмы (Энний, Невий, Вергилий), то небольших поэтических новелл (Проперций, Овидий), то основанных на огромном материале биографий древних царей и бородатых консулов (Плутарх), то исследований по римской религии, фольклору и праву (Катон Старший, Теренций Варрон, Цицерон). В изложении разных авторов под разным углом зрения «римский миф» сверкал разными гранями их талантов, в то же время отражая потребности римского общества на каждом этапе его истории в оправдании той или иной политической реальности.

С падением в V в. Западной Римской империи прекращается не только творческая разработка «римского мифа», но во многом утрачивается и его понимание. С исчезновением интереса к нему исчезает и значительная часть произведений с изложением римских легенд, при этом самых ранних и интересных для науки, что создает для современных исследователей огромные, подчас непреодолимые трудности.

Остатки греко-римской исторической традиции были обнаружены европейцами XIV—XV вв. в средневековых монастырях и поразили их воображение. Открыватели древних манускриптов были буквально ими ослеплены, словно бы попав из мрака в пещеру сокровищ. Как уж тут разобраться, где подлинный бриллиант, а где подделка. Вытащив найденное на белый свет, гуманисты отнеслись к рассказам о римской старине без тени какой-либо критики, с жадностью пересказывая их как подлинную историю и даже не ощущая огромной временной лакуны, отделявшей их от Ромула или Камилла. Только один гуманист, Лоренцо Валла, засомневался в правильности свидетельства Ливия о том, что младший Тарквиний был сыном Тарквиния Старшего. И это показалось таким кощунством, что в папскую канцелярию поступил донос, призывавший папу применить силу против вольнодумца, осмелившегося оспаривать самого Ливия.

В эпоху Реформации борьба с авторитетом римской церкви в известной степени нашла отражение и в разностной критике легенд о начале Рима. Голландец Яков Гроновий в своем сочинении о происхождении Ромула полностью отверг римское предание, заменив его собственной фантастической версией: Ромул — сириец, явившийся в страну Сатурна и основавший там сирийскую колонию Рим. Другой ученый того же времени, Скалигер, напротив, исходил из предания о Ромуле как исторического факта и пытался установить хронологию событий астрономическим путем, опираясь на сообщение об исчезновении Ромула во время солнечного затмения. Яков Перизоний в своих появившихся в 1685 г. «Исторических размышлениях» соединил некритическое отношение к легендам с наивным рационализмом. В борьбе против распространенного в его время скеп-

тицизма по отношению к истории вообще и к римской истории в частности он выставляет тезис, что возможным источником исторической традиции были песни. По его мнению, римляне, подобно евреям, грекам, испанцам, галлам, германцам, арабам, прославляли своих предков в песнях. Эти песни сохранили память о некоторых событиях, хотя и приукрасили их в деталях. Перизоний не придавал своей «песенной теории» решающего значения, и центр тяжести в полемике со скептиками у него лежал в анализе самих данных о ранних временах Рима, которые он считал заслуживающими внимания и доверия.

Подлинно серьезным критиком римских легенд по заслугам считается гениальный итальянец Джанбатиста Вико, первый, кто не только отмечал мифический характер ранней римской истории, но и попытался объяснить происхождение самих легенд (1725). По его мнению, древние римские герои Эней, Эвандр, Ромул, Нума Помпилий — это поэтическое выражение определенных политических или моральных идей, в основе которых лежит какой-либо истинный и значительный официальный мотив. В Ромуле, например, он усмотрел воплощение присущей всем народам древности идеи основания города, а в Нуме Помпилии — идеи религии как цементирующей силы. При этом части римских преданий Вико приписал греческое происхождение (легенды об Эвандре, Геркулесе, пифагореизме Нумы), полагая, что римляне их переработали в соответствии с собственными представлениями о прошлом и что ранняя римская история — это «историческая мифология», представляющая собой развитие греческих мифов.

К концу XVIII — началу XIX столетия на волне проснувшегося в связи с Великой французской революцией интереса к народному творчеству новую жизнь обретает песенная теория. Трудно сказать, был ли знаком к моменту выхода первого тома своей «Римской истории» (1812—1813) основоположник критического метода в антиковедении полунемец-полудатчанин Бартольд Георг Нибур (1776—1836) с трудами Перизония (он на него ссылается лишь в поздних своих работах), но идеи, намеченные Перизонием, превращаются в труде Нибура в разработанную и законченную теорию. Настаивая

на существовании у римлян исторических песен, Нибур исходил не только из сравнений с другими народами, но и пытался опереться на античную традицию. Он обратил внимание на выписку, сделанную Цицероном из «Начал» Катона Старшего (того самого, который каждое свое выступление в сенате завершал призывом к разрушению Карфагена). По словам Катона, древнейшие римляне, возлежа за пиршественным столом, пели исчезнувшие в его времена песни. Нибур интерпретировал это место таким образом, будто Катон еще слышал эти песни. Идя по тому же пути дальше, он подвергает сомнению утверждение Цицерона, что в катонские времена (II в. до н. э.) эти песни исчезли. Свидетелем против Цицерона он избирает Дионисия Галикарнасского, переселившегося в Рим тринадцать лет спустя после гибели великого оратора. Дионисий утверждал, что близнецы Ромул и Рем воспевались в религиозных гимнах и что еще в его время восхваляли Кориолана. Из этого Нибур делает вывод о существовании песен о Ромуле и Кориолане. Далее он указывает на свидетельство современника Цицерона Варрона, который также говорил, что в его время мальчики во время пиров пели песни. Наконец, он считает, что погребальные плачи, которыми провожали покойников в последний путь, были такими же похвальными песнями, и даже находит их образец в известной надписи на саркофаге из гробницы Сципионов.

Так, на основании разрозненных данных о существовании у римлян героических песен Нибур приходит к выводу о наличии древнейшего римского исторического эпоса, подобного «Илиаде» и «Одиссее» или эпосу народов нового времени — германцев, славян. Кроме того, Нибур высказывает предположение, что песни представляли плебейскую традицию, тогда как жреческие анналы были выражением взглядов патрициата.

Приняв за непреложную истину существование у римлян исторического эпоса, Нибур стал искать его следы в дошедшей до нас в трудах Ливия, Дионисия Галикарнасского и Плутарха ранней исторической традиции второй половины III — первой половины II в. до н. э. И эта работа была, собственно говоря, едва ли не главной его задачей. На основании рассказов Ливия он выделил «бы-

лины» о Ромуле, Тулле Гостилии, отыскал в античной традиции особый цикл песен, посвященных Тарквиниям (от воцарения Тарквиния Древнего до битвы при Регильском озере). Вслед за этой так называемой царской эпохой, по мнению ученого, следует менее значительный республиканский период с текстами, повествующими о Горациях, Куриациях, Кориолане и даже Пирре.

Признание того, что древнейшая римская история, дошедшая до нас в изложении историков эпохи Августа и еще более позднего времени, основывалась на памятниках устного народного творчества, позволяло Нибуру рассматривать Тарквиниев, Брута, Кориолана, Горациев и Куриациев в качестве реальных лиц, хотя и приукрашенных легендой.

Такова была самая знаменитая и в то же время наиболее уязвимая гипотеза Б. Г. Нибура, известная под названием «песенная теория». Этот подход разительно отличался от скептицизма XVIII — начала XIX в., и именно против нее был направлен весь огонь критики, современной выходу книги Нибура.

С 60-х годов прошлого века исследование древнеримской религии подпало под сильное влияние сравнительной мифологии, в свою очередь связанной с успехами сравнительного языкознания. В этом же направлении работал Л. Преллер, автор капитального труда «Римская мифология» (1860). Спецификой римской мифологии он считал ее примитивизм, не допускающий появления «национального эпоса», подобного «Илиаде», «Эдде», «Махабхарате». Тем самым он присоединился к противникам «песенной теории» Б. Г. Нибура, хотя наличия у итальянцев народных песен не отрицал. Используя литературный и этнографический материал, в том числе «Ригведу», «Авесту», мифы германцев и южных славян, Преллер выделил в итальянской мифологии группы примитивных богов-множеств, связанных с культом природы (гениев, ларов, семонов и др.). Им были также отмечены и некоторые общие черты мифологий различных народов, например, между римским похитителем быков Каком и индийским богом ветра, укравшим коров у Индры, и таким же вором этих же четвероногих был Гермес в греческих мифах.

Римские религиозные предания были проанализированы (наряду с греческими) в труде И. Бахофена «Материнское право», в котором он трактовал матриархат не только как совокупность определенных черт в праве и общественной жизни, но охарактеризовал также особенности религиозной идеологии, свойственной, по его мнению, матриархату. Он считал характерным для матриархата господство женских божеств, связанных с землей и подземным миром, в противоположность небесным богам патриархата. Мать-земля как великая богиня предшествовала, согласно этой концепции вопреки логике, небесному богу-отцу. Столкновение матриархальных и патриархальных начал в религии Бахофен прослеживал на образе этрусской царицы Танаквиль, утверждая, что она воплотила в себе главные черты древнего матриархального мира, но под влиянием победившей патриархальной идеологии превратилась из древнего матриархального божества в добродетельную римскую матрону.

С давних пор европейские ученые мысленно ставили друг против друга римлян, греков, персов, египтян, индийцев, сравнивая их образ жизни, политическое устройство, верования. В XVIII в. такое сравнение классических народов с успехом осуществил Иоганн Гердер (1744—1803) в своих «Идеях к философии истории человечества». Из древних народов римляне были самым молодым и неразвитым. Недаром ведь греки долго называли их «варварами». Поэтому изначально было ясно, что многое для понимания римских легенд, верований и культа может дать сравнение с отсталыми народами Африки, Америки, Австралии, Азии, Северной Европы. Колониальная экспансия XIX в. дала в этом отношении богатейший материал, собранный и обобщенный в плане мифологии и религии прежде всего учеными великой колониальной державы Великобритании. Э. Тэйлор разработал учение об анимизме (от *лат.* *animus* — «душа»), согласно которому представление о душе, о сне, о смерти, восходящее к далекой первобытности, составляло основу любой мифологической системы. В этом направлении самим Тэйлором и другими учеными были изучены римские представления о манах, ларах, пена-

тах. Однако ничто не говорило о том, что они древнее других римских богов-множеств: фавнов, камен, парок, помон и др. Можно думать, что и те и другие далеко не самые древние.

Анимистическая теория привлекла внимание к другим примитивным элементам религий. Дж. Фрейзер в грандиозной работе «Золотая ветвь» (1911—1918) раскрыл элементы магии, которую он считал древнее религии в целом и анимизма в частности. В ней ученый видел ту стадию развития мышления, когда дикарь считал себя способным оказывать влияние на сверхъестественный мир, подчинить его с помощью особых приемов своей воле. В этом плане Фрейзер рассмотрел пережитки первобытной магии в представлениях римлян и итальянцев о своих царях, включив их в широкий контекст сходных представлений классических народов и первобытных племен. Он изучил также магические представления римлян в других сферах, широко используя вышедшую ранее работу немецкого ученого В. Манхардта «Лесные и полевые культы» (1877).

Материал, уже изложенный Л. Преллером, лег в основу и работы Г. Виссоны «Религия и культ римлян» (1912). Заголовок отражает концепцию автора, согласно которой римская религия была очень примитивной и в то же время формализованной, лишенной мифологии. Главной целью автора, знаменитого также созданием грандиозной энциклопедии классической древности, является отделение пришлых богов и культовых явлений от соответствующих им исконно римских. Не говоря уже об игнорируемых полностью этнографических данных, даже сведения неклассических народов Италии (этрусков, венетов и др.), по мнению Виссоны, не могут дать ничего исследователю римской религии.

Специфика мифологии раскрывается прежде всего в образах небожителей. Итальянские боги в массе своей не просто отличались от других богов (греческих, финикийских и иных) именами, но и, как мы могли заметить по рассказам о римских царях, вовлеченностью в жизнь людей. Наряду с далекими, во всяком случае для Рима, небесными богами, их в повседневной жизни окружало множество божественных существ (нумина), находив-

шихся с ними в самых интимных отношениях — от зачатия и первого крика младенца до последнего вздоха на смертном одре и пребывания в могиле. Такие же нумина, но под другими именами существовали у других индоевропейских и неиндоевропейских народов с малоразвитыми мифологическими представлениями, что, однако, не означало отсутствия представлений о высших небесных силах. Но где же она у римлян? Где рассказы о рождении богов, об их соперничестве и схватках друг с другом, об их отношениях с людьми, составляющих основу развитых мифологий? Где их индивидуальность?

Вопросы поставил в середине XX века А. Гренье, сопоставивший римскую и этрусскую религию и мифологию. Пытаясь ответить на эти вопросы, Ж. Дюмезиль обратился к индоевропейским корням римских представлений о богах и увидел в изложенных нами рассказах о римских царях перенос на героический уровень общих индоевропейских представлений о трех универсальных функциях: религиозно-жреческой, военной и хозяйственной. Так, за Ромулом стояла жреческая функция, а за его соправителем Титом Тацием — хозяйственная.

Вот эта схема и была выдана Дюмезилем и его последователями за римскую мифологию. Индоевропеизм римской религии стал основанием для ее эмансипации от этрусской религии как якобы чуждой всему индоевропейскому. Но эта чуждость сама оказалась мифом, развеянным исследованиями последних десятилетий XX века. В дошедшем до нас повествовании о римских царях и бородатых консулах отчетливо выделяются четыре потока (индоевропейские корни — это крошечная, едва заметная струйка). Первый и самый мощный из этих потоков — этрусский, к которому в римской традиции принадлежат не только сведения о двух царях этрусского происхождения, но и данные об этрусских обрядах основания города и его устройстве по этрусскому образцу. Этрусский миф о римских царях в чистом виде представлен изображениями на стенах гробницы Франсуа, где этруски отождествлены с греками, а римляне — с троянцами, а также трудом императора Клавдия, для которого шестой из римских царей, Сервий Туллий, не латинянин, а этруск Мастарна, сотоварищ этрусского ис-

кателя приключений Целия Вибенны. Элементами сабинского мифа являются рассказы о похищении сабинянок, сопровителе Тите Тации, захвате Тарпейского холма и правлении Нумы Помпилия. Греческий поток представлен «Римскими древностями» Дионисия Галикарнасского, для которого Рим — греческий город, приемник Сатурнии, крепости аркадянина Эвандра. Тит Ливий, за работой которого пристально наблюдал Август, использовал этрусскую, сабинскую и греческую версии, однако дистанцировался от них в главном: Рим для него — отросток Альбы Лонги, верный ее богам и дедовским обычаям. Отмечая роль этрусков в укреплении могущества Рима, Ливий отсекает все, что касается их влияния в области религии. Создается впечатление, что Тарквиний Высокомерный был продолжателем религиозных реформ Нумы Помпилия, а не создателем государственного культа по этрусскому образцу. Лишь позднее, в рассказе о войне с этрусскими Вейями, Ливий сообщает о перенесении в Рим культа этрусской богини Юноны-царицы.

Версия римского мифа Ливия создавалась одновременно с «Энеидой» Вергилия, работавшего «по заказу» того же Августа. Нам неизвестно, соприкасались ли Ливий и Вергилий в личной жизни, но их труды как бы сомкнулись, поскольку в их основе лежит одна и та же концепция — предназначение Рима к господству над миром самой судьбой. Вергилий относится к этой идее всерьез, Ливий — несколько иронически, но от нее не отклоняется.

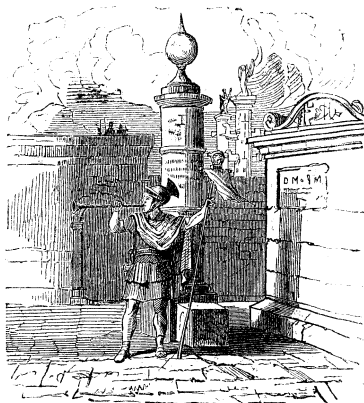
Влияние греческой культуры, в том числе и религии, на римскую было отнюдь не меньшим, чем этрусское, но оно, будучи чаще всего опосредованным, не затрагивало ее основы и воспринималось самими римлянами как внешнее, достойное восхищения и подражания. Этрусски же, так же как сабиняне, умбры, оски, стали частью римского народа. Зная в самых общих чертах о своем доиталийском прошлом, они плоть от плоти были италийцами и римлянами, но им должно было импонировать то, что прародитель римлян был чужаком. И эта мифология лила воду на мельницу имперской идеи, делая молодой, с точки зрения греков, варварский город сопричаст-

ным к древнейшим судьбам средиземноморского мира, предназначенным к власти над ним не только военной мощью, но и силой традиции.

Археология вырвала для нас, очевидцев ее великого подвига, примитивный Рим из той гордой изоляции, в которую его погрузила имперская идея. Археология сделала Рим составной частью италийской цивилизации, ведущей творческой силой которой были этруски, открывшие ранее скрытые богатства недр Италии, превратившие тихую Альбулу в магистраль международной торговли, в «этрuscoский поток» Тибр и тем самым выведшие Рим из захолустья в лидеры средиземноморской, а затем и мировой истории.

Этрuscoская волчица, вскормившая Рим (Рому) своими сосцами, растворилась в своем приемном детище и сама стала мифом. Но это предмет другого нашего исследования.

КОММЕНТАРИИ

¹ В беседе с друзьями Вергилий как-то обмолвился, что рождает свои стихи, облизывая строчки, как медведица детенышей, придавая им окончательную форму. В другой раз он сказал, что намечает первыми стихами легкие подпорки, чтобы впоследствии заменить их монументальными колоннами.

² Последние восемнадцать часов жизни Вергилия стали сюжетом романа-откровения Германа Броха «Смерть Вергилия», отрадившего трагедию человечества периода Второй мировой войны.

³ Зоил — единственный из древних филологов, отрицавший существование Гомера и прозванный за это современниками «бичом Гомера».

⁴ «Говорят, Гомер создал Вергилия. Если это так, то это, без сомнения, самое лучшее из его произведений».

⁵ Написано Ильинской Людмилой Станиславовной (1934—2002).

⁶ Пер. В. В. Вересаева.

⁷ Анхиз — отец главного героя повествования, сын Каписа и Фемиды, внук троянского царя Ила, отец Энея. Богиня Афродита (в римском пантеоне — Венера), согласно мифу, полюбила Анхиза, увидев его на горе Иде во главе войска, и, соединившись с ним, родила от него сына Энея. Анхиз за то, что похвалялся связью с Венерой, был наказан Юпитером, по одной версии ослепившим его, по другой — наславшим на него паралич. Именно поэтому Энею приходится выносить отца на плечах, хотя он еще не был стариком.

⁸ Согласно господствующей версии мифа, Асканий был сыном Энея и Креусы, внучки троянского царя Приама. Вергилий называет его ниже также Юлом, делая родоначальником рода Юлиев, к которому принадлежали Юлий Цезарь и Август.

⁹ Гора, господствовавшая над Троей. По одному из вариантов мифа, название Ида напоминает о прибытии Тевкра, на родине

которого — острове Крите — была гора с тем же названием, связанная с почитанием Зевса.

¹⁰ При переселении на новые места греки всегда увозили культовые статуи богов-хранителей. Вергилий отождествляет их с римскими пенатами (penetralia) — духами-хранителями внутренней части римского дома. Имена богов-хранителей не разглашались из опасения кодовских действий врагов. Существовало мнение, что пенатами Трои были Аполлон и Посейдон (Нептун), считавшиеся ее строителями.

¹¹ Согласно мифу, беглецы-троянцы отправились в странствие на двадцати кораблях. Один из них носил имя Кибелы, три — имена морских чудовищ, названия остальных не приводятся. Кибела почиталась во Фригии как великая богиня, которую часто называли матерью богов и Великой матерью. Ее резиденцией считались фригийские горы, ее почитание распространилась по всему греческому миру, а с 204 г. до н. э. культ Кибелы был введен в Риме.

¹² Попытка беглецов обосноваться во Фракии естественна. Фракия была близка к Трое территориально и населена народом, родственным троянцам, род же Энея имел к Фракии особую близость. С Фракией в мифах соотносится не только Дардан, но и все другие персонажи «Энеева рода»: Трос — прапрадед Энея, Капис — дед Энея. Но первая неудачная высадка позволила беглецам понять, что их ожидает долгий путь. Эней к нему внутренне готов, ожидая новых, более благоприятных знамений.

¹³ *Ликург* — царь фракийского племени эдонов. Согласно Гомеру, он изгнал из своих земель младенца Диониса и был за это ослеплен Зевсом.

¹⁴ Один из героев «Илиады», сын Приама от Лаофои, удаленный отцом с битвы из-за молодости и все же убитый Ахиллом, которого привлекли серебряные доспехи юноши. В последующей мифологической традиции Полидор считался сыном Приама и Гекабы, посланным к царю Фракии Полиместру вместе с сокровищами и убитым им. Труп юноши, брошенный в море, прибило к берегу Трояды, и он был обнаружен его матерью, которая отомстила убийце. Вергилий разрабатывает собственную поэтическую версию кончины Полидора, которая позволяет ему обрисовать благочестие Энея.

¹⁵ *Маны*, согласно верованиям римлян, — души мертвых. Само это древнее латинское слово означает «благосклонные». Манам приносили в жертву вино, молоко, муку и цветы. В римском календаре было два праздника, посвященных манам, — *розарии* и *паренталии* («родительские»). В розарии на могилы приносили розы и фиалки.

Паренталии, отмечавшиеся римлянами между 18 и 21 февраля, приписывались Энею. Считалось, что они были учреждены в честь Анхиза.

¹⁶ *Аний* — герой, неизвестный Гомеру, упоминаемый продолжателями Гомера (кикликками), а позднее поэтами и мифографами эллинистической и римской эпох. Его матерью считалась Ройо, дочь Стафила. Стафил, сын Ариадны и Диониса, узнав, что дочь беременна, заточил ее в ящик и бросил в море. Ящик с Ройо и ее новорожденным сыном прибило к Эвбее. Но Аполлон вернул возлюбленную и сына на Делос.

¹⁷ Имена дочерей Ания (Элайда, Спермо и Оено) указывают на их связь с маслом, зерном и вином, что объяснялось передачей им Аполлоном власти над этими культурами. Отец, обладавший даром пророчества и знавший, что война с Троей продлится десять лет, предложил отправлявшимся в поход грекам взять их с собой. Первоначально отказавшись, впоследствии они послали за девушками на Делос, прося помощи в снабжении продовольствием. Девушки прибыли под Троию и обеспечили войско всем необходимым. Греки не позволили им вернуться на родину, и они были вынуждены бежать. Погоня настигла бы их, если бы их мольбам не внял Аполлон, превративший их в голубок (именно этим греки объясняли распространенный на Делосе запрет убивать голубей).

¹⁸ Вергилий повсеместно заменяет имена греческих богов на римские, хотя соответствие между ними не было полным. Нептун — первоначально в Италии бог пресных вод — рек и источников. Его женой считалась Салация.

¹⁹ *Гесперия* — греч., дословно: «вечерняя», «западная». У римлян слово «вечер» передавалось латинским «веспер», обозначающим также вечернюю звезду.

²⁰ *Кассандра* (или Александра) — в греческой мифологии дочь Приама и Гекубы, троянская царевна, получившая от Аполлона дар пророчества. После того как она отказалась стать его наложницей, Аполлон сделал так, чтобы предсказаниям Кассандры никто не верил.

²¹ *Гарпии* — в греческой мифологии духи ветров в облике хищных птиц. По именам греки знали пятерых гарпий — Аэлла («Вихрь»), Аэллопа («Вихревидная»), Подагра («Быстроногая»), Окипета («Быстрая»), Келайно́ («Мрачная»). В своем описании гарпий Вергилий следует за греческим поэтом Аполлонием Родосским, мыслившим гарпий птицами с женскими лицами.

²² *Финей* — царь города Саламидеса во Фракии, плохо общавшийся с пасынками и за это добровольно согласившийся заменить смерть, на которую был осужден Зевсом, слепотой. Гелиос, этим оскорбленный, наслал на Финей гарпий, которые похищали и оскверняли его пищу.

²³ *Бореады* — сыновья северного ветра Борея, участники экспедиции аргонавтов Калаид и Зет.

²⁴ Энеида, III, 254—257. Пер. В. Я. Брюсова.

²⁵ Пророчество гарпии Келайно́ (Келенó), повторенное троянским провидцем Геленом. Согласно знатоку римских древно-

стей Теренцию Варрону, прорицание о столах было получено от знаменитого оракула Додоны. Согласно другим древним авторам, оно было дано эритрейской пророчицей Сивиллой.

²⁶ *Гелен* — сын Приама и Гекубы, младший брат Кассандры, обладавший, как и она, пророческим даром. В конце войны он удалился на гору Иду и не участвовал в сражениях. Это он сообщил ахейцам, что Троя может быть взята лишь с помощью Филоктета и Неоптолема.

²⁷ *Задача Вергилия* — не создать картину увлекательного, полного приключений плавания, а заставить читателя задуматься над судьбами героев, которые имеют отношение к судьбам Рима. Каждая встреча на пути Энея к новой Трое несет определенную смысловую нагрузку. Рассказ о встрече с другими троянскими беглецами возвращает к событиям Троянской войны и вносит в повествование трагическую струю. Помимо того, действие разворачивается в тех водах, где произошла знаменитая битва при Акции, сделавшая покровителя Вергилия Августа властелином мира. Это придает рассказу современное звучание.

²⁸ *Андромаха* — супруга главного защитника Трои Гектора, невестка царя Приама. После гибели мужа и падения Трои она досталась сыну Ахилла Неоптолему, который увез ее в Эпир. Здесь, согласно кикликам, она родила от Неоптолема троих сыновей — Молосса, Пиела, Пергама. Встреча Энея и Андромахи, видимо, дополнение Вергилия.

²⁹ *Лаокоон* — троянский жрец, чья гибель предвещала падение Трои.

³⁰ Появление во сне уже мертвого Гектора насторожило Энея своим предзнаменованием, ведь, согласно античной теории сновидений, явление во сне какого-либо лица в крови, в обезображенном виде, особенно покойного, предвещало несчастье.

³¹ Таким образом, не кто иной, как главный герой Трои Гектор, предрекает Энею основание Рима. У Гомера Гектор не обладал даром пророчества. Но во многих местах Малой Азии и Греции существовали оракулы Гектора, где будто бы были погребены его кости. Возможно, именно это стало для поэта поводом к рассказу о пророческом сне Энея.

³² *Ксанф* — река Ликии, которую Гомер назвал «глубокопучинной».

³³ *Скейские ворота* — главные ворота Трои.

³⁴ Встреча на острове Сицилия (Вергилий употребляет древнее поэтическое название Тринакрия — «трехмысная») занимает в повествовании особое место. Пересекаются пути двух непримиримых противников — Энея и Одиссея. Два маршрута и две мифологические линии в одном пространстве. Оба они странники по морю и скитальцы. Но Одиссей — «герой возвращения». Вернуться ему на родину препятствуют боги. Энея можно назвать подлинным «колониционным ге-

роем». Он стремится воссоздать на новом месте утраченное свое отечество.

Эпизод встречи Энея со спутником Одиссея показывает благородство троянского героя, человека иной эпохи, иных человеческих отношений. Ахеец испытывает перед троянцами не меньший страх, чем перед циклопами, поскольку ясно себе представляет, как в этой ситуации повел бы себя Одиссей. Особенности характера Энея и в дальнейшем выявляются не в описаниях, а в его поведении при встречах с другими людьми — с карфагеняжкой Дидоной, с аркадянами Эвандром и Палантом и т. д.

³⁵ *Харибда* — морское чудовище, дочь Геи и Посейдона, размещавшееся напротив Сицилии в проливе, отделяющем Сицилию от Италии. Говорили, что она втягивает в свою пасть проходящие мимо корабли.

³⁶ *Энкелаг* — гигант, на которого навалили гору Этну (по другому варианту, Этна была навалена на титана Тифона). В другой части поэмы Вергилий называет братьев — Энкелада и Кея и их сестру Фаму (Молву).

³⁷ В описании циклопов Вергилий всецело следует за Гомером.

³⁸ В «Энеиде» «малорадостный берег» помещен восточнее города Лилибея, близ пристани Дрепана, на западном побережье Сицилии, у подножия горы Эрикс, в землях дарданца Акеста. К месту кончины отца Эней возвращается на пути из Карфагена в Италию. Согласно другим версиям, отвергнутым Вергилием, Анхиз был похоронен в Трояде (на горе Иде), в Македонии, Аркадии, Эпире и Лации, куда прибыл вместе с сыном.

³⁹ Поэма Вергилия начинается кратким обращением к читателям, объясняющим поставленную цель — воспеть «брань и героя», которому после долгих превратностей и тяжелых трудов удалось перенести в Лацию богов Трои. Гомер в «Илиаде» обращается к музе с просьбой воспеть «гнев Ахилла», Вергилий обращается к музе с другим призывом:

Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж, благочестием славный,
Столько по воле ее претерпел превратностей горьких,
Столько трудов...

Вместо гнева героя — гнев богини. В этом весь Вергилий, для которого главное — постигнуть замыслы богов, ибо только от них зависит будущее городов, царств и всех смертных.

⁴⁰ «Карфаген» (*лат.* Carthago) по-финикийски звучит как «Картхадшт».

⁴¹ В годы написания «Энеиды» римляне отождествляли своих богов с богами греков, карфагенян и других народов, насчитывая нескольких Юпитеров, Меркуриев, Венер. Греческой Юноной считалась Гера, карфагенской — богиня Тиннит. И конечно же последняя не имела никакого отношения к Олимпу.

⁴² *Самос* — остров и одноименный город, считавшийся по одной из версий мифа местом рождения Геры и ее брака с Зевсом.

⁴³ *Парки* — римские богини судьбы, соответствующие греческим мойра.

⁴⁴ *Эол* — сын Посейдона, бог ветров, оказавший гостеприимство скитальцу Одиссею. В повествовании Вергилия Эол не бог, а мифологический персонаж, подчиненный богам, хозяин скалы, в которой заточены ветры.

⁴⁵ *Зефир* — благодатный влажный западный ветер, *Африк* — знойный южный ветер, *Борей* — северный ветер, несущий холод.

⁴⁶ Картина бури у Вергилия текстуально близка к описанию бури Лукрецием. Высказано мнение, что за этой внешней близостью скрывается негативное отношение зрелого Вергилия к попыткам объяснения природного явления с научных позиций.

⁴⁷ В тексте рокот волн передан аллитерацией: *margo misceri murmure*.

⁴⁸ У Вергилия во фразе — *Quos ego!* Опушен глагол со значением «накажу», и это придает угрозе шуточный оттенок.

⁴⁹ *Тритон* — морской демон, в греческих мифах сын Посейдона и Амфитриты. *Кимфойя* — одна из nereид.

⁵⁰ Вергилием дается условное описание берега Ливии, не соответствующее реальным окрестностям Карфагена. Условно фауна в дальнейшем описании: согласно Плинию Старшему, олени в Ливии не водились.

⁵¹ *Гант*, *Оронт*, *Амик* и *Капис* — спутники Энея, троянцы и ликийцы.

⁵² Со сходной речью к команде выброшенного на берег корабля обращается Одиссей, и так же они утешаются мясом «несказанно огромного и тучного оленя», убитого самим Одиссеем. Этому кораблю и этому оленю соответствуют у Вергилия семь кораблей и семь оленей.

⁵³ Антенора сопоставляет с Энеем также и Тит Ливий в кратком рассказе о времени, предшествующем основанию Рима. Однако, согласно Ливию, Антенор приводит в Италию не троянцев, а малоазийское племя венетов. Вергилий опускает и версию об Антеноре как предателе, погубившем Троя, ибо в этом случае в глазах Венеры бросалась тень на Юпитера, не покаравшего предателя и безразличного к судьбе Энея.

⁵⁴ По мнению древнего комментатора «Энеиды» Макробия, обращение Венеры к Юпитеру целиком списано Вергилием из первой книги «Пунической войны» Гнея Невия.

⁵⁵ *Юл* — от троянского Ил. Изменение формы имени связано со стремлением связать с троянской стариной род Юлиев, к которому по усыновлению Цезарем принадлежал и Август.

⁵⁶ Рассказ о коровьей шкуре, разрезанной на ремни для охвата возможно большего пространства, имеет фольклорное происхождение. В. Ф. Миллер отыскал его, помимо использованного Вергилием греческого предания о Дидоне, в трех индийских

преданиях, в одном индокитайском, в византийском XV в., в турецком, приуроченном к постройке крепости на берегу Босфора, в сербском, в исландской саге, в датской истории Самсона Грамматика XII в., в предании об основании Рима, в псковском предании о постройке стен Печорского монастыря, в черниговской украинской сказке о Петре Великом, в зырянском сказании об основании Москвы, в рассказах североамериканских племен об обманном захвате их земель европейцами.

⁵⁷ Храм Афродиты в Пафосе (о. Крит) — общегреческое святилище, считавшееся излюбленным местом отдыха богини, с которым связан один из ее эпитетов — Пафосская.

⁵⁸ Вергилий употребляет слово *magalia*. Саллюстий в «Югуртинской войне» называет сельские жилища нумидийцев мапаллиями.

⁵⁹ Введение в поэму картины с эпизодами Троянской войны — особый художественный прием, неведомый ни Гомеру, ни кикликам, возможно, изобретенный кем-то из эллинистических поэтов. Разумеется, наличие подобных картин в Карфагене даже позднего времени — условность чистой воды. Но иконография Троянской войны, греческая и этруская, с которой мог быть знаком поэт, огромна. И в ней выделены эпизоды, которые вызвали как удивление Энея по поводу того, что трагедия Трои известна далеко за ее пределами, так и необыкновенное волнение при виде всего им пережитого, воспроизведенного искусством. Этот же прием используется и в другом месте «Энеиды», где опять-таки в храме герой узнает о посещении Гесперии Дедалом не из чьего-либо рассказа, а из картины на стене. И это также черта современной Вергилию действительности. Во времена Августа храмы, судя по их описанию Плинием Старшим и другими авторами, превратились в настоящие художественные галереи, составленные из картин, реквизированных на родине искусства римскими завоевателями.

⁶⁰ *Рес* — согласно «Илиаде», фракийский царь, союзник Приама, убитый вместе со своими спутниками во время нападения Одиссея и Диомеда.

⁶¹ Встреча Энея с изображением самого себя в покинутом им Карфагене и ее вероятный источник, «Илиада», где трагические события Троянской войны воспроизведены на узоре вытканного Еленой ковра, рассматриваются Х. Борхесом как скрытая магия и как прием соприкосновения вымышленного с реальным, используемый классиками современной литературы.

⁶² *Купидон* (от *лат.* *cupido* — «вожделение») — римское название греческого Эроса (Эрота), считавшегося сыном Афродиты.

⁶³ С повествования Энея о событиях, происшедших в Трое до его отплытия, начинается то, что принято называть «любовным романом». Любовь Дидоны возникает как сочувствие, сопереживание. Энея в глазах царицы возвышают не внешность, не происхождение, не громкие подвиги, а страдания. Семя пада-

ет на благодатную почву. Дидона сама скиталица, кому как не ей понять троянского героя и соединить с ним свою судьбу? Но в обществе, пережившем гражданские войны, как никогда остро вставал вопрос о смысле страданий. Ведь не напрасно же, как выразился друг Вергилия Гораций, «перетирается снова в гражданской войне поколение»? Самим людям никогда этого смысла не понять. Но его знают боги — им доступна конечная воля судьбы. Эней готов соединиться с Дидоной навсегда, но тогда не будет Рима, и его место владыки мира займет Карфаген. Влюбленной женщине этого не понять! Смирять свои чувства, еще не видя цели своих странствий, Эней повинует судьбе.

⁶⁴ *Улисс* — латинский вариант имени Одиссея, пришедший через этрусков, в чьем языке не было буквы «о».

⁶⁵ Сопоставление вопля Лаокоона в тексте Вергилия с тесно сжатými губами фигуры Лаокоона из античной скульптурной группы Ватиканского музея легло в основу концепции Г. Лессинга о различии в законах поэзии и ваияния. Опираясь на сообщение Плиния о работе знаменитых родосцев Гегесандра, Аполлодора и Афинодора, находящейся во дворце императора Тита, Лессинг отождествил анализируемую им скульптурную группу с греческим оригиналом. Но это была римская копия. Оригинал же «Лаокоона с сыновьями», скорее всего, был уничтожен во время обвала пещеры в Перлонге, где в ходе раскопок 1955 г. были найдены его обломки. Не исключено, что оригинал этот был знаком вхожому в императорские покои Вергилию. Таким образом, сравнение Лессинга неправомерно, поскольку полное соответствие копии оригиналу в античности не было обязательным.

⁶⁶ Название Тритонида носят многие озера Африки, но самое известное из них было на северо-западе континента, близости от океана, мифического царства Антея и садов Гесперид. Именно в этих местах во времена Пунических войн (264—241 гг. до н. э. и 218—201 гг. до н. э.) карфагеняне отлавливали слонов и обучали их, превращая в боевое оружие. Связь одной из древнейших богинь, Афины, со змеями видна не только из мифов и культовых ее изображений, но также из ее эпитета Тритогея. Он дает основание думать, что драконы, задушившие Лаокоона и его сыновей, мыслились в облике тритонов.

⁶⁷ *Паламед* — сын Навплия, матерью которого называли то Климену, то Гесиону, то Филиру, относимый античными авторами к числу культурных героев, принесших человечеству блага цивилизации.

⁶⁸ На побережье лежит безымянное тело гиганта —
Срублена с плеч голова...

Прочитав эту последнюю фразу по-латыни на занятиях незабвенного Виктора Сергеевича Соколова в 1939 г., я задохнулся от радости, поняв, что впервые прочел античного автора как своего современника. Это была метафора иного типа, чем те,

к которым обычно прибегал Вергилий, следуя Гомеру. Так мною было утрачено чувство отдаленности Вергилия от наших дней и современной поэзии. Современное для разных поколений звучание музыки Вергилия выразилось во множестве попыток продолжить «Энеиду» (начиная со средневековья), подражать ей, пародировать ее.

⁶⁹ *Массилы* — нумидийское племя, с которым римляне столкнулись в ходе войн с Карфагеном.

⁷⁰ Наиболее богатая реками и лесом южная часть Малой Азии, известная главным образом по описаниям Страбона и Плиния Старшего. Ликийцы считались выходцами с Крита и союзниками Трои в мифологической Троянской войне. В историческую эпоху 23 ликийских города образовывали Ликийский союз во главе с должностными лицами, избираемыми представителями городов. Колонизованная греками еще в микенскую эпоху, Ликия была в VI в. до н. э. завоевана персами, после них — македонянами. В 168 г. до н. э. Ликия получила из рук римлян независимость, которую сохранила до 43 г. до н. э., когда вместе с Памфилией составила римскую провинцию, находящуюся под непосредственным контролем императоров. Лесистая Ликия, как показывают археологические находки в Фасилиде и других ликийских городах, была древнейшим местом почитания Аполлона и Артемиды. Таким образом, имеются основания считать «родиной» Аполлона не Делос, а Ликию.

⁷¹ *Аммон* (Амон) — бог африканского племени оадов, храмоуракул которого находился в оазисе пустыни к западу от Египта и почитался не только ливийцами и египтянами, но и греками. Отождествлению Амона с Зевсом способствовало то, что Александр Македонский посетил оракул в пустыне, признав себя его сыном. Отождествляя Амона с Юпитером, Вергилий в то же время называет племена, среди которых пребывает Эней, враждебными.

⁷² Умощенные миррой волосы и головной убор в виде митры (фригийского колпака) — признаки азиатской изнеженности, чуждой ливийскому царьку.

⁷³ *Килленийские вершины* — горы на северо-востоке Аркадии, считавшиеся самыми высокими на Пелопоннесе. Согласно мифу, Гермес родился в одной из пещер этих гор и там же избрал лиру.

⁷⁴ *Геката* — дочь титана Персея и Астерии, древнее малоазиатское божество, еще неизвестное Гомеру. Перенесена в Италию из Малой Азии этрусками под именем Ванф. В этрусской трактовке она богиня духов смерти, часто изображаемая на стенах этрусских гробниц с молотом и другими орудиями смерти в руках. Греки, почитавшие Гекату с VIII в. до н. э., считали ее богиней призраков и колдовства, предстающей в трех образах. Она предстала трехликой, держащей факелы в руках, в окружении собак и волчиц, а порой и в их облике.

⁷⁵ *Диры* — богини возмездия, то же, что фурии.

⁷⁶ *Ирида* — богиня-радуга, у Гомера вестница богов. В «Энеиде» боги прибегают к услугам Ириды не столь часто.

⁷⁷ *Акест* — употребленный Вергилием вариант имени Эгест (Aigestes), герой легенд, связанных с возникновением города Эгесты (Сегесты). По версии, изложенной поэтом Ликофроном, Эгест был сыном троянки Эгесты, назначенной в жертву морскому чудовищу вместо Гесионы, дочери троянского царя Лаомедонта. Спасенная Афродитой, Эгеста вместе с двумя сестрами оказалась в Сицилии, где ее мужем стал речной бог Кримис (Кринис), принявший облик пса. О троянской девушке, предназначенной на прокорм морскому чудовищу, но спасшейся в Сицилии, упоминает и Сервий. У Дионисия Галикарнасского Эгест — трянец, бунтовавший против царя Лаомедонта, за что был вместе со своей юной дочерью приговорен к смерти, но спасся бегством в Сицилию. Там его дочь вышла замуж и родила сына Эгеста, принявшего язык и нравы страны, что не помешало ему отправиться на родину деда, спасти осажденную Трою. По возвращении в Сицилию он основал город своего имени. Вергилий опускает эти детали. Его Акест, сын сицилийского речного бога Криниса и троянки, чье имя он не сообщает, отличается от других героев возрастом и шкурой ливийской медведицы на плечах.

⁷⁸ *Элим* — сицилийский герой, получивший имя от небольшого народа элимов, обитателей Западной Сицилии, считавших себя (как теперь стало ясно, необоснованно) выходцами из Трои. Согласно греческому историку V в. до н. э. Гелланику, еще до ухода Энея из Трои, за три поколения до Троянской войны, оттуда бегут Элим и Эгест. Также и младший современник Гелланика Фукидид считал элимов выходцами из Трои, но относил их переселение ко времени после Троянской войны. Вергилий, напротив, выбирает для древнейшего населения Сицилии «общее» название «сиканы», элимы же как народ у него исчезают, оставив свое имя спутнику Акеста Элиму.

⁷⁹ Древний комментатор Вергилия Сервий истолковывал эту фразу в том смысле, что прах умершего покоится в могиле, душа отправляется на небо, а тень — в подземное царство.

⁸⁰ У римлян считалось, что облик змеи имеет гений, божество прародителя рода (от лат. *gens* — «род»). Жертвы гению прародителя осуществлялись в пещерах и на могилах. Эти представления свойственны многим народам, в том числе древним славянам.

⁸¹ Именно это сочетание животных (*suovetaurilia*) предписывалось при принесении главных жертв во время триумфа или очищения войска и священных роц.

⁸² Состязание на водах (*регата*) не вошло в число римских игр, ибо римляне были типично сухопутным народом. Но, возможно, такие состязания существовали у тирренов-этрусков, предков Вергилия, народа, обладавшего морским могуществом.

На стенах этрусских гробниц встречаются изображения кораблей и морские сцены, фигуры морских чудовищ. Примечательно, что, согласно представлениям этрусков, души отправлялись в загробный мир на челнах.

⁸³ Имя этого героя «Энеиды» образовано от названия мыса Мизен, которым оканчивается горная гряда, уходящая в Тирренское море (Кампания). При Августе залив, начинавшийся этим мысом, был превращен в гавань и стоянку римского военного флота. Существовало две версии происхождения героя Мизена: по одной, он спутник Одиссея, скитавшегося в западных морях, по другой, которой отдал предпочтение Вергилий, — Энея.

⁸⁴ Гигант впервые упомянут в сцене бури и в последний раз — в схватке с Турном.

⁸⁵ Троянское происхождение римских родов, являвшееся фикцией, стало в конце республики модой, над которой потешался Цицерон. Трудно сказать, почему Вергилий сделал участниками состязания кораблей предков Клуенциев и Меммиев, родов, имевших плебейское происхождение и не связанных с древнейшей римской историей. Самый известный из представителей римского рода Клуенциев был выходцем из Ларина, небольшого италийского городка, и стал героем нашумевшего, с политической подкладкой, процесса 60-х гг. I в. до н. э. К роду Меммиев принадлежал видный политический деятель времени Цезаря и поэт, с которым, видимо, был связан юный Вергилий.

⁸⁶ Род Сергиев имел патрицианское происхождение. Возможно, позорное поражение фиктивного предка этого рода Сергеста в изложении Вергилия навеяно поражением и гибелью руководителя заговора в 63 г. до н. э. Луция Сергия Катилины. Наказание его в загробном мире стало сюжетом одного из изображений на щите Энея.

⁸⁷ *Портун* — древнейшее римское божество, первоначально считался одним из божеств судьбы, мужской парой фортуны. Под влиянием морского народа этрусков Портун стали считать богом порта, и во времена Вергилия его храмы располагались на Бычьем рынке, неподалеку от места выгрузки приходивших из Остии кораблей. Он был отождествлен с греческим морским божеством Палемоном-Меликертом. Портун у Вергилия фигурирует как божество морских состязаний, вмешивающееся, подобно другим богам, в дела людей.

⁸⁸ Изображение похищения Ганимеда на одеянии, ставшем призом на играх в честь Анхиза, связано с тем, что мальчик был родичем покойного, сыном троянского царя Троса и нимфы Калирои.

⁸⁹ Согласно античной традиции, до переселения на остров сикулов, давших ему свое имя — Сицилия, он был заселен сиканами. Часть авторов считала их выходцами из Иберии (Испании). Другие помещали в Италии, в том числе в районе будущего Рима, смешивая с сикулами. Вергилий ни разу не упоминает

в «Энеиде» сикулов, поскольку их переселение в Тринакрию (Сиканию) считал более поздним, чем скитания Энея. Примечательно, что местом игр названа площадка, где сиканы осуществляли жертвоприношения. Этим Вергилий подчеркивает древность игр и святость места.

⁹⁰ Посещение Геркулесом Сикании связывалось с необходимостью поймать одну из коров его стада, которая переплыла Мессинский пролив. Схватка Геркулеса с дюжиной сиканских героев локализована в Западной Сицилии.

⁹¹ *Нис* и *Эвриал* — герои битв в Италии. Их имена взяты Вергилием из греческих мифов. Нис — воспитатель Диониса, Эвриал, сын Мекистея, — участник похода аргонавтов.

⁹² Имя Салия, спутника Энея, самофракийца или мантинейца, связывалось со жрецами салиями, участниками военной магической пляски в Риме и Лации. Для римлян имя Салий подходило бегуну: *lat. salire* — прыгать.

⁹³ *Тегей* — один из древнейших городов Аркадии, области Пелопоннеса, упомянутый в каталоге кораблей «Илиады». Он часто встречается у Вергилия и других римских поэтов его времени. Для них прилагательное «тегейский» равнозначно слову «аркадский».

⁹⁴ Кулачный бой в Риме не был особой игрой. Он был частью ежегодно отмечавшихся Римских, или Великих, игр, учрежденных, согласно традиции, царями этрусского происхождения Тарквиниями. Сообщается, что для проведения этих игр Тарквинии соорудили цирк с местами для зрителей и пригласили из Этрурии наездников и кулачных бойцов. Изображение кулачного боя часто встречается на стенах этрусских гробниц, что само по себе раскрывает их религиозный характер. Победенный в бою рассматривался как жертва умершим. В «Энеиде» это явствует не только из того, что кулачный бой был частью игр, посвященных Анхизу, но и из слов победителя Энтелла, обращенных к душе покойного брата. Некоторые подробности кулачного боя заимствованы Вергилием у Гомера, Аполлония Родосского и Феокрита.

⁹⁵ Вергилий (или его источник) дал кулачному бойцу имя фригийца Дарета, друга Гектора. Этим же именем воспользовался в конце Римской республики неизвестный автор, написавший на латинском языке «Историю осажденной Трои», отличающуюся от традиционного изложения троянской легенды.

⁹⁶ Оказавшийся рядом бык был обычной с крито-микенской эпохи жертвой Посейдону и Зевсу — богам, которые сами мыслились в образе быков. Пережитком жертвоприношения быков является сохранившаяся до наших дней в Испании коррида.

⁹⁷ *Пандар* — ликийский стрелок, сражавшийся на стороне Трои. Афина, старавшаяся сорвать перемирие между троянцами и ахейцами, внушила ему мысль поразить стрелой Менелая. Залогом успеха богиня считала принесение жертвы ликийскому богу Аполлону. Вергилий делает участником состязания не са-

мого Пандара, а его вымышленного брата, поскольку, согласно Гомеру, ликиец возвратился в свой родной город Зелию.

⁹⁸ Описанное Вергилием напоследок зрелище не было формально связано с тризной на могиле Анхиза. Это восходящий к эпохе родоплеменного строя обряд инициации, испытания молодежи, предшествующий ее вступлению в возрастную группу мужей. Относя Троянские игры к мифическим временам и в этом не ошибаясь, Вергилий дает описание и согласно тому виду, какой они приняли во времена Августа, став элементом идеологии созданного им политического режима. Именно поэтому Вергилий включил Троянские игры в свое повествование и связал их возникновение с мифическими предками рода Юлиев.

⁹⁹ Согласно описаниям Троянских игр другими римскими авторами, во времена Августа и его преемников в параде участвовало не три, а два отряда юных всадников. Видимо, Вергилий пытался в этом единственном случае восстановить первоначальную форму Троянских игр, исходя из существования трех римских триб.

Между тем Троянские игры, как и многие другие римские религиозные игры, имели этрусское происхождение. Это явствует из рисунка на этрусской ойнохое VII или VI в. до н. э. из Тальятеллы (к югу от Пизы на тирренском побережье Тосканы). Изображены всадники в одинаковом вооружении. Их строй словно выходит из схематического изображения лабиринта с этрусской надписью на нем *Truia* (т. е. Троя). Скорее всего, эта надпись поясняет, что речь идет о Троянских играх. Однако высказывалась также гипотеза, что это напоминание о Трои и длительных схватках вокруг ее стен.

¹⁰⁰ Во времена Августа «предводителями молодежи» были члены императорской семьи, юные внуки Августа Гай и Луций, его пасынок Тиберий, будущий император. Этот обычай представлять на Троянских играх кандидатов в принцепсы сохранялся и при преемниках Августа.

¹⁰¹ Разумеется, появление Атия в качестве предводителя молодежи еще во времена Энея не было в поэме случайностью. Из рода Атиев была мать Августа.

¹⁰² Вергилий опускает детали прекрасно известного римскому читателю мифа о критском лабиринте Дедала, о Минотавре и его жертвах, спасенных Тесеем и Ариадной, чтобы не усложнять понимание Троянских игр. Конный танец троянских юношей идентичен танцу журавлей, исполнявшемуся афинскими юношами на острове Делос. Это типичный пример пронизывающих «Энеиду» ассоциаций, почувствовать которые может лишь глубокий знаток мифологии, каких и в древности было немного.

¹⁰³ *Карнаф* — остров в Эгейском море близ побережья Малой Азии.

¹⁰⁴ Сожжение кораблей, инспирированное Юноной, еще одна попытка помешать миссии Энея. Если бы этот замысел удал-

ся, новая Троя появилась бы в Сицилии и была бы Акестой (Эгестой, Сегестой). Отправив полных физических и духовных сил спутников Энея в Италию и оставляя в Сицилии слабых и лишенных честолюбия, Вергилий тем самым считал элимов, мысливших себя так же, как и римляне, потомками Энея, бедными родственниками могущественных римлян. Лингвистическим обоснованием этой трактовки было то, что название Рима (Рома) производилось от *греч.* *rome* — «сила», а Акеста (Эгеста) — от слова со значением «бедная», «нищая».

¹⁰⁵ *Девкалион* — греческий герой, сын Прометея и Климены. Во время уничтожения Зевсом с помощью потопа людей, погрязших в пороках, он по совету отца строит плот и спасается на нем вместе с женой Пиррой, дочерью брата Прометея Эпиметея и Пандоры. Супруги возрождают человеческий род, бросая за спину камни. Из камней, брошенных Прометеем, возникают мужчины, из камней Пирры — женщины. Девкалионов потоп мыслился греками как реальное событие и относился к середине II тысячелетия до н. э.

¹⁰⁶ Вергилий кратко излагает этрусский обряд основания города — тот же самый, который, согласно римской легенде, исполнял Ромул при основании Рима.

¹⁰⁷ Обычно в античной традиции Илион — другое название Трои. Но в «Илиаде» присутствуют следы того, что Илион и Троя мыслились как разные города. В пользу этого исследователями приводится то, что в одном из хеттских текстов упоминаются оба города: в их хеттском звучании — Труя и Вилуса.

¹⁰⁸ Храм Венеры на горе Эрикс в землях элимов принадлежал к числу самых известных святилищ Афродиты-Венеры в Западном Средиземноморье. Римляне познакомились с ним в годы 2-й Пунической войны и перенесли почитание богини в Рим. Святилище Венеры Эрицинской было сооружено в Риме на Капитолии, согласно храмовой легенде, по предписанию книг Сивиллы диктатором Квинтом Фабием Максимом. Еще один ее храм появился в Риме во время войны с лигурами в 181 г. до н. э. в апреле, считавшемся месяцем Венеры. Намеченный Вергилием маршрут Энея — от горы Эрикс к пещере Сивиллы в Кампании — связан с легендой об особой роли Сивиллы в установлении в Риме культа Венеры.

¹⁰⁹ Каждый из небольших емких рассказов, составляющих в сумме текст «Энеиды», обладает своей структурой и художественными особенностями. Рассказ о Палинуре, предшествующий нисхождению Энея в потусторонний мир, призван подготовить слушателей к восприятию волнующей загадки смерти. И не случайно здесь появляется ее двойник — сон, мыслимый при этом в человеческом облике. Впервые в поэму входит мистика. Вместо действия — бред, приводящий в тихую безветренную ночь к гибели кормчего. Для передачи наваждения используются все художественные средства и прежде всего непередаваемая музы-

ка латинской речи, обладающая не только гремящим триумфальным шагом, но и мягкой поступью полутонов.

¹¹⁰ *Палинур* — название мыса на побережье Тирренского моря между Велией и Буксентом. Близ него римский флот дважды понес большие потери. От названия мыса, видимо самим Вергилием, произведено имя кормчего корабля Энея.

¹¹¹ Вергилий говорит о принятии Сном облика Форбанта, нигде более не упоминаемого. Можно думать, что это троянец, участник экспедиции, человек, знакомый Палинуру.

¹¹² *Эвбейские Кумы* — древнейшая греческая колония на Западе, на тирренском побережье Италии (Мизенский мыс). Была основана выходцами с о. Эвбеи, согласно мифологической версии, в 1050 г. до н. э., вскоре после Троянской войны, на самом деле — лишь около 750 г. до н. э.

¹¹³ Еще одно изложение мифа по изображениям на стенах храма. Возможно, этот прием до Вергилия был введен в латинскую поэзию Гнеем Невием в недошедшей его поэме о 1-й Пунической войне.

¹¹⁴ *Минотавр* — согласно греческим мифам, получеловек-полубык, порождение противоестественной связи жены критского царя Миноса Пасифаи с быком.

¹¹⁵ Сервий, комментируя строки о бегстве Дедала на Запад, сообщает, что у Салюстия в «Историях» беглец посетил сначала Сардинию, а затем Кумы. У Вергилия Кумы — первое убежище Дедала. По мнению Эд. Нордена, легенда о посещении Дедалом Запада была разработана Тимеем, к которому восходят сведения как Варрона, так Диодора и Павсания. Они используются и Вергилием в рассказе о Дедале в Сицилии, но он мог опираться также на труд Аполлодора.

¹¹⁶ *Андрогей* — один из сыновей Миноса и Пасифаи. Победив всех участников Панафинейских игр в Афинах, он, вызвав гнев царя Афин Эгея, был послан на охоту и был убит быком в Марафоне.

¹¹⁷ В тексте «Энеиды» Сивилла названа жрицей Гекаты и Аполлона (Феба), дочью морского божества Главка. В ряде греческих легенд первая из Сивилл, по которой получили название все остальные, — дочь родоначальника дарданов Дардана и дочери Тевкра Несо, что дало Вергилию основание связать с Сивиллой Энея.

¹¹⁸ Молитва Энея строится по привычной римлянам схеме. Молящийся излагает свою просьбу и обещает каждому из богов, от которого зависит исполнение желаний, по принципу «даю с тем, чтобы ты дал» (*do ut des*). Поскольку сам Эней храм Аполлону воздвигнуть не успел, мыслится, что обещание прародителя выполнил его дальний потомок Август.

¹¹⁹ Гекате были подвластны тени умерших. Ее почитали на перекрестках улиц и пересечении дорог.

¹²⁰ При Августе действовала древняя жреческая коллегия, в обязанности которой входило сохранение священных книг

Сивиллы, приобретенных, по преданию, при римском царе Тарквинии Высокомерном.

¹²¹ *Прозерпина* — римская богиня подземного мира. Она была отождествлена с греческой Персефой, которая, согласно мифу, отпускаясь на весенние и летние месяцы на землю.

¹²² Это истолкование золотой ветви — поэтическая вольность Вергилия. Как явствует из описания Гомером действий проводника душ Гермеса, золотая ветвь — магическое средство, открывавшее вход в подземный мир. Исследование растительной магии на этнографическом материале стало предметом знаменитой «Золотой ветви» Дж. Фрезера.

¹²³ *Мизен* (Misenum) — северная оконечность полуострова, образующего Неаполитанский залив с римским городом Путеолами, гавань которого была главной стоянкой римского военного флота в Тирренском море. После ее переоборудования Августом она стала называться Мизенским портом. Во времена Вергилия по соседству с портом находились виллы римских политических деятелей и богачей.

¹²⁴ *Велия* (или Велийская гавань) — бухта на берегу Тирренского моря во владениях племени луканов, южнее Пестума. В историческую эпоху здесь была греческая колония Элея.

¹²⁵ Имеется в виду обряд религиозного очищения местности, практиковавшийся в римскую эпоху с целью избавления от эпидемии, считавшейся карой богов за непогребение трупа.

¹²⁶ *Харон* — персонаж греческих мифов о мире мертвых (в римском восприятии — гений подземного мира), перевозивший за мелкую монету на своем челне души умерших через протекавшую в аиде реку Стикс, или Ахеронт, к вратам аида (греки, провожая покойника, клали ему за щеку обол). Его представляли в виде уродливого старика с всклокоченной седой бородой. Вергилий, вопреки своему обычному стремлению внести в повествование этрусскую струю, следует образу Харона, характерному для греков, а не этрусков, которые под именем Харун изображали его на своих фресках как грозного крылатого демона смерти с вплетенными в волосы змеями и молотом в руке, который не перевозит души на челне, а добывает своим молотом умирающего и тащит его в подземный мир.

Данте, следуя за Вергилием в описании входа в царство мертвых, изображает, однако, Харона не безобидным старцем, а бесом:

Недвижен стал шерстистый лик ужасный
У лодочника сумрачной реки,
И вокруг очей змеился пламень красный.

(Пер. М. Лозинского)

Скорее всего, это связано с посещением поэтом этрусских гробниц, фрески которых более соответствовали картине христианского ада, чем описанию Вергилия.

¹²⁷ В этой реплике Харона контаминированы нисхождения в аид Орфея, Геракла и Пирифоя. Слова «от царских дверей», видимо, означают, что в представлении Вергилия Цербер охранял вход не в аид, а во дворец Аида и Персефоны — владык подземного царства.

Вне связи с текстом Вергилия, но по ассоциации с именем его комментатора, память вернула меня к событиям трагического июня 1941 г. Тогда судьба подарила мне, только подступающему к науке о древности, краткую встречу с Эдуардом Норденом, великим филологом, чье имя стоит рядом с именами Т. Моммзена и У. Вилламовица-Мёллендорфа. Спасаясь от преследований на своей родине, престарелый ученый находился в Москве и перед самым началом войны был выдан советским правительством германской стороне на гибель.

¹²⁸ Цербер считался порождением Ехидны и Тифона. Согласно Гесиоду, у него было 50 голов, по Пиндару — их 100. У Вергилия Сивилла обезвредила чудовище «усыпляющим медом».

¹²⁹ *Минос* — судья мертвых уже у Гомера. Платон превратил его в судью последней инстанции, выносящего окончательный приговор после Эака и Радаманта.

¹³⁰ *Мирт* — вечнозеленый теплолюбивый кустарник, распространенный по всему Средиземноморью. Миртовыми венками украшали себя участники религиозных процессий, а в Афинах — также члены государственного совета и ораторы во время выступлений. В сфере культа мирт с его одуряющим запахом связывался в Греции то с Афродитой и Дионисом, то с проводником душ Гермесом.

¹³¹ Федра, Пасифая и Прокрида изображены на картине Полигнота на сюжет спуска Одиссея в аид. Таким образом, афинский художник и Вергилий пользовались каким-то общим источником, но не Гомером, ибо в соответствующем месте «Одиссеи» Прокрида отсутствует. Этот источник (или его пересказ) каким-то образом касался Крита, поскольку все три героини с ним связаны. В греческой мифологии Федра — дочь критского царя Миноса и Пасифаи. Прокрида, хотя и не критянка, находилась некоторое время на Крите, где излечила Миноса от тяжелой болезни.

¹³² Комментируя реакцию Дидоны, англо-американский поэт Томас Элиот пишет: «Поведение Дидоны кажется почти проекцией совести самого Энея: мы чувствуем, что только такой реакции ждет от нее совесть Энея... Главное, по-моему, в том, что Эней не может себя простить».

¹³³ *Деифоб* — сын Приама и Гекубы, один из храбрейших троянских героев, ставший после гибели Париса мужем Елены; его дом был сожжен первым; сам же он изуродован Менелаем. О сооружении Энеем его кенотафа, кроме Вергилия, сообщает лишь мифограф Гигин.

¹³⁴ *Кенотаф* — ложная могила, возводимая людям, тела которых не найдены. Заменяя погребение, она обеспечивала скитавшейся тени место в аиде.

¹³⁵ *Ретейский мыс* — часть побережья Троады.

¹³⁶ *Тартар* — нижняя часть аида, куда, согласно греческим мифологическим представлениям, были заточены титаны и различные чудовища (Тифон, Ехидна и др.), темница из меди и железа. Как и все области царства мертвых, тартар локализовался на далеком Западе. Вергилий придает тартару облик города, обнесенного тремя стенами с железной башней. Изменение облика тартара и его расположения в подземном мире Вергилием обусловлено лучшим знакомством с восточной литературой, египетской, вавилонской, где мифологема подземного мира более разработана. Само слово «тартар» имеет восточное происхождение, но оно было известно Гомеру.

¹³⁷ *Элизий* (или Елисейские поля) — место, где ведут блаженную жизнь герои. В более позднем описании элизия, которому следует Вергилий, с ним, как и с тартаром, связывается идея загробного воздаяния за праведную (или неправедную) жизнь.

¹³⁸ Луг уже со времен Гомера — главный элемент загробного пейзажа, также и на Древнем Востоке, в египетских и хеттских мифах.

¹³⁹ *Рагамант* — один из трех сыновей Зевса и Европы, считавшийся самым мудрым и справедливым из них. Согласно другой традиции, он сын Гефеста, бога подземного огня (видимо, поэтому Вергилий отдал ему тартар).

¹⁴⁰ *Тисифона* — одна из эриний, богинь возмездия, преследующих преступников и лишаящих их разума. Впервые имя Тисифоны наряду с именами двух ее сестер Алекто и Мегеры появилось в трагедии Еврипида «Орест». Превращение Тисифоны в богиню-исполнительницу наказаний — результат поздней трансформации греческого мифа в Италии, по-видимому, не без влияния этрусков: ведь и мирный старец Харон на этрусских фресках имеет устрашающий вид.

¹⁴¹ *Салмоней* — греческий герой, эпоним города Салмоны в Иллирии. Подвергся каре за подражание Зевсу.

¹⁴² *Тутий* — гигант, сын Зевса, чье наказание впервые описано Гомером в «Одиссее».

¹⁴³ *Пирифой* — царь лапифов, друг Тесея, наказываемый в аиде за попытку похищения Персефоны.

¹⁴⁴ Впервые вводится в число проступков, караемых богами, чисто римская деталь — обида клиента (согласно римским законам Двенадцати таблиц отношения патрона и клиента приравнивались к родственным).

¹⁴⁵ Имеются в виду рабы, поднимавшие оружие против Рима или переходившие во время гражданской войны из одного лагеря в другой.

¹⁴⁶ *Дум* (Dis pater) — у римлян бог подземного мира, отождествляемый ими с Плутоном греков. Ему посвящались столетние (секулярные) игры.

¹⁴⁷ Вергилий не случайно открывает образом Орфея показ обитателей элизия. Это свидетельство его знакомства с теологией

и литературой орфиков, для которых Орфей был основателем общины единоверцев, указывающим путь к загробному блаженству. Изобретателем семиструнной лиры считался Терпандр, но доказано, что она существовала уже в микенскую эпоху.

¹⁴⁸ *Мусей* — в греческих мифах современник Орфея (его друг, сын, ученик), а на самом деле двойник. Его считали великим музыкантом, сыном богини Луны Селены. Уже Платон ассоциирует Мусея как представителя орфической поэзии с Орфеем. Сервий видит в Мусее теолога, занимающего следующее за Орфеем почетное место, и считает его учеником Орфея.

¹⁴⁹ Вложенная в уста Анхиса концепция жизни и смерти — одна из наиболее интересных и вызывавших наибольшие споры частей VI книги. Поэт отходит от представлений Гомера и Гесиода о мире мертвых, становясь на позиции мистического учения о перевоплощении душ, восходящего к Пифагору и Платону, к учению орфиков, а также стоицизму Посидония, к последнему через посредников, в числе которых мог быть Цицерон. Эти строки «Энеиды» вписались в средневековые представления о загробном мире и оказали влияние на Данте, избравшего Вергилия своим проводником по аду и чистилищу. Оборот колеса, охватывающий тысячелетие, соответствует этрусскому секулярному учению и представлению о десяти веках, отведенных этрусскому народу.

¹⁵⁰ Вергилий называет восемь городов Альбанского союза. Всего в союз входило 30 городов, но не все они, как уверяет Вергилий устами своего героя, были основаны альбанцами. Так же как Вергилий, Дионисий Галикарнасский считает Нумент и Габии городами, основанными альбанцами. Городок Collatia одни авторы считали сабинским, другие — латинским. Кора и Пометий (т. е. Suessa Pometia) были городами вольсков, а не латинян. Лагерь Инуя, отождествленный Сервием с Castrum Novum, был крепостью рутулов. *Ину́й* (Inuus) — имя лесного божества, подобного греческому Пану и латинскому Фавну.

¹⁵¹ *Ассарак* — царь дарданов, сын Троса и Каллирои, дочери Скамандра, брат Ила и Ганимеда, отец Каписа, дед Анхиза. Вергилий вслед за Эннием считал Ромула сыном Илии, дочери Энея, и это не противоречило тому, что она принадлежала роду Сильвиев: по-гречески *yle* — лес, в латинском чтении — *hyle* (лат. *silva*), таким образом, *Hulia* — Лесная (*Silvia*).

¹⁵² *Гараманты* и *инды* — два народа крайнего Запада и Востока. Однако римским орлам никогда не удавалось долететь до Индии. *Меотийские болота* (Меотида) — ныне Азовское море. *Либер* (Освободитель) — римское соответствие Дионису, согласно мифу, совершившему поход в Индию.

¹⁵³ Речь идет о Нуме Помпилии и его воинственном преемнике Тулле Гостилии. Триумф в Риме появился позднее, при Тарквиниях.

¹⁵⁴ Вводя образ Брута, одного из основателей республики, Вергилий подчеркивает в нем не только непреклонность, какой

должен обладать идеальными принципами, но и страдания, связанные с находящейся в его руках властью. Видимо, это обусловлено теми трудностями, с которыми столкнулся Август в своей династической политике.

¹⁵⁵ *Тит Манлий Торкват* — герой галльских войн, получивший почетное имя Торкват по шейной цепи (*torques*), которую совлек с убитого им в поединке галльского военачальника. Неоднократно избирался консулом, в том числе во время Латинской войны, в ходе которой в 240 г. до н. э. одержал блестящую победу над латинами и кампанцами. Известен своей суровостью. В конце республики воспринимался как образец добрых старых нравов, среди которых наряду с доблестью непреходящей ценностью считалась дисциплина — во имя неукоснительного ее соблюдения Манлий Торкват собственного сына, вступившего вопреки приказу в сражение, приказал казнить, несмотря на одержанную юношей победу.

¹⁵⁶ *Марк Фурий Камилл* — полководец, прославившийся в войнах с эквами и вольсками и получивший командование в войне с этрусскими Вейями, которую успешно завершил, однако, не без участия Манлия Торквата, был обвинен в незаконном присвоении части добычи и оказался в изгнании. В связи с галльским нашествием был вновь призван на помощь и, как утверждали позднее римские историки, наголову разбил захвативших Рим галлов. После победы по его инициативе сожженный галлами Рим был восстановлен вопреки предложению народных трибунов переселить его население в незадолго до того покоренные Вейи. Именно за это Камилл был провозглашен вторым основателем Рима.

¹⁵⁷ Имеется в виду столкновение завоевателя Галлии Цезаря с Гнеем Помпеем Великим. До трагической смерти дочери Цезаря Юлии, бывшей женой Помпея, оба полководца входили в первый триумvirат и совместно вершили судьбы Рима. Перейдя в 49 г. до н. э. Альпы в районе Монека (современное Монако), Цезарь подошел к пограничной реке Цизальпийской Галлии Рубикону, перейдя которую совершил марш на Рим.

¹⁵⁸ *Луций Муммий Ахейский* — пропретор 153 г. до н. э. в Испании, консул 146 г. до н. э., разрушитель Коринфа. Трудно понять и оправдать Вергилия, восхваляющего устами Анхиза этого самого отвратительного из римских полководцев, для которого у его современников не нашлось доброго слова.

¹⁵⁹ *Луций Эмилий Павел Македонский* — консул 168 г. до н. э., разгромивший в битве при Пидне царя македонян Персея, возводившего свою родословную к Ахиллу. Анхизу, устами которого вещает Вергилий, Аргос и Микены должны были быть ненавистны и поэтому он мог приписать их разгром римскому полководцу, тогда как эти города давно уже лежали в руинах. Трудно сказать, почему Вергилий, нарушая хронологический порядок, говорит о Муммии раньше, чем об Эмилии Павле. Не потому ли,

что он получил прозвище Ахейский за победу над ахейцами — в прошлом разрушителями Трои?

¹⁶⁰ *Марк Порций Катон Старший* — великий оратор и знаток римской старины, блюститель староримских нравов, известный своим суровым цензорством, законами против роскоши, сопротивлением проникновению греческого влияния.

¹⁶¹ *Публий Корнелий Ципион Африканский* — победитель Ганнибала и *Публий Корнелий Ципион Эмилиан* — разрушитель Карфагена.

¹⁶² *Гай Фабриций Лусцин* — консул 278 г. до н. э., прославившийся своей твердостью и неподкупностью.

¹⁶³ *Квинт Фабий Максим*, прозванный Кунктатором (Медлителем), — полководец эпохи 2-й Пунической войны, избиравшийся консулом пять раз. Герой Ганнибаловой войны, поднявший упавший в поражениях дух римлян, жестокий завоеватель Сиракуз. Избегая сражений и выматывая силы Ганнибала мелкими стычками, он практически обеспечил будущую победу Рима во 2-й Пунической войне. Попал в подготовленную карфагенянами ловушку и погиб в 208 г. до н. э.

¹⁶⁴ *Гай Клавдий Марцелл* — безвременно ушедший из жизни племянник Августа.

¹⁶⁵ Заданный Энеем вопрос вводит диалог, затрагивающий не только судьбу династии Августа, императорского Рима, но и трагедию любого общества и любой человеческой семьи. Преждевременная смерть юноши Гая Клавдия Марцелла, наследника Августа и надежды всей империи, явилась причиной несчастий последующих римских поколений, попавших под власть императоров-выродков — Тиберия, Калигулы и Нерона. Читатели «Энеиды» уже через тридцать лет после смерти ее автора могли бы оценить на своих судьбах пророческую силу вергилиевой музыки. Как известно из биографии Вергилия, при чтении в доме Августа этого отрывка из еще не обнародованной поэмы мать погибшего юноши лишилась чувств. Одновременно Вергилий подготавливает читателя к эпизодам войны в Италии, развязанной прибытием троянцев, главными жертвами которой стали юноши, едва вступившие на жизненный путь (Нис, Эвриал, Палант и др.). Римское общество, только что перенесшее гражданские войны, воспринимало эту общечеловеческую трагедию с особой остротой.

¹⁶⁶ Ворота для сновидений из рога и слоновой кости впервые введены Гомером. Толкование их Вергилием восходит к темной пифагорейской символике. Возможно, пропуская Энея через ворота лжи, Вергилий хотел сказать, что посещение подземного мира — фантазия, подобная лживому сну.

¹⁶⁷ *Цирцея* (греч. Кирка) — дочь Гелиоса и Персеиды, превращавшая попадавших к ней моряков в животных. Земли Цирцеи легенда помещала на берегах Лация. У автора эпохи Римской империи сын Цирцеи фигурирует основателем Рима. И поныне

горы Лация, видимые с моря, называются Цирцеевыми. Для Энея берега Цирцеи — страна сказки, которую он мог услышать хотя бы от своей няни Кайетты.

¹⁶⁸ У римлян Гений был хранителем не только отдельного человека, но и места. Ему полагалась бескровная жертва. В римском искусстве Гений обычно изображался в виде змея или бородатого мужчины, увенчанного зеленью и цветами, с рогом изобилия в правой руке и со скипетром в левой. В народных верованиях его связывали со змеями.

¹⁶⁹ Называя Землю первой из богинь, Вергилий следует генеалогии Гесиода, согласно которой Земля (Гея) первой возникла из первоначального Хаоса, породив Урана, Горы, Понт, а затем от Урана родила титанов, циклопов, сторуких, а от связи с Понтом — морских старцев.

¹⁷⁰ В традиционном обращении к музе Эрато, покровительнице лирической поэзии, Вергилий определяет свою кардинальную задачу. То, как он это делает, позволяет понять, что поэт исходил в общей оценке войны из современной ему параллели гражданской войны конца римской республики. Именно она могла рассматриваться как гибельное столкновение страстей. Разумеется, мифическая война, в которой участвовал Эней, такой войной быть не могла. Обращает на себя внимание выделение как особой задачи описание действий тирренского отряда. Имеется в виду тирренский отряд кораблей. И это опять-таки характеризует Вергилия как продолжателя этрусской историко-мифологической традиции, каким после него был император Клавдий.

¹⁷¹ В латинско-римской религиозной традиции *Латин* — царь древнейшего в Италии народа (аборигенов), которому он передал свое имя — латины. Называя Латина сыном Фавна, Вергилий следует местной традиции (матерью Латина считалась нимфа Марика, покровительница города Минтурн). Имелись другие версии происхождения Латина, делавшие его сыном волшебницы Цирцеи и Улисса (Одиссея), сыном Цирцеи и Телемаха, сыном Геркулеса и гиперборейки Паланты, давшей имя Палатину.

¹⁷² *Сатурн* — древний этрусско-италийский бог, отождествленный с греческим Кроном. Рассказывали, что лишенный своим сыном Юпитером (Зевсом) власти, Сатурн прибыл в Италию на корабле и, сделав резиденцией Капитолий, основал поселение, которому дал свое имя — Сатурния. Царствование Сатурна считалось золотым веком, и воспоминанием о нем мыслился праздник Сатурналии с его перевернутыми общественными порядками — рабы как бы становились господами, господа им прислуживали.

¹⁷³ Своим именем дочь Латина обязана городу Лавинию, древнему религиозному центру латинских племен. Вергилий вслед за Гомером разворачивает военные события как продолжение соперничества женихов за обладание невестой, но в

отличие от прекрасной Елены его Лавиния не демоническая красавица, а истинная латинянка — скромная, послушная воле родителей. Вергилий отвергает версию киклических поэм, согласно которым Лавиния — дочь жреца-царя острова Делоса Ания, сопровождавшая Энея в его странствиях на Запад. Мать же ее Амата — единственный отрицательный женский персонаж «Энеиды», напоминающий властностью участницу гражданской войны в Риме Фульвию, жену триумвира Антония, эту «бой-бабу», втянувшую в войну против Октавиана Августа этрусский город Перузию и ставшую виновницей его гибели.

¹⁷⁴ Согласно римской мифологической традиции, Турн — сын царя Давна, внук загадочного италийского бога Пилумна, который вместе с не менее загадочными богинями Интерседонией и Деверрой считался хранителем дома, защищавшим его от проделок и злодеяний злого духа леса Сильвана, сына нимфы Венилии. Согласно версии, видимо восходящей к Катону Старшему, Турн — союзник и впоследствии зять Энея. Вергилий превращает его в потомственного врага Трои, делая отпрыском Акрисия и Данай, деда и дочери Персея, основателя Микен, города Агамемнона.

¹⁷⁵ Еще одно предсказание величия Римской империи, которой будут править потомки Энея и Лавинии.

¹⁷⁶ *Беллона* — римская богиня войны, соответствующая греческой Энио, спутнице Ареса. Ее считали женой (матерью или кормилицей) бога войны Марса.

¹⁷⁷ *Алектó* — греч. «неутомимая».

¹⁷⁸ *Фурии* — лат. «неистовствующие», в римской мифологии богини возмездия, отождествленные с греческими эриниями. Вергилий помещает фурий в тартаре и описывает их в облике чудовищных змееволосых женщин.

¹⁷⁹ Эта оценка характеризует Аллектó как аллегория гражданской войны. Для Вергилия, как это видно по предшествующему изложению, война могла быть справедливой, если она преследует цель расширения державы, и несправедливой, если друг против друга сражаются граждане. Собственно говоря, это концепция Августа и его пресловутого «римского мира».

¹⁸⁰ Подступом к охватившей древний Лаций войне оказался раздор в самом царском доме. Амата, вместо того чтобы в соответствии с исконными латинскими обычаями повиноваться воле супруга, какой бы она ни была, проявила преступное своеволие. Она покинула дом и увела с собою дочь Лавинию, разрушив этим самым планы Латина и надежды Энея на примирение. Такое поведение было в принципе возможно лишь при измене домашним богам-пенатам и почитании иноземного бога вина и виноделия Диониса (Либера), который один лишь мог освободить женщину от исполнения долга перед мужем и домом. Посредниками в распространении культа Диониса по всей Италии

были этруски, предки Вергилия. Приводя слух о латинских женщинах, последовавших примеру Аматы, Вергилий, кажется, имеет в виду занесенные из Этрурии в 186 г. до н. э. вакханалии, запрещенные под страхом смертной казни специальным решением римского сената.

Вакханалии в повествовании Вергилия — прообраз несправедливой, неистой войны, в которую втянул благочестивого Энея его соперник, жених Лавинии Турн, обманутый и ослепленный Аллекто. Недаром ведь в образе этой подстрекательницы подчеркивается, что ей любо сводить в поединке братьев и вносить раздор в жилища. В соответствии с античным толкованием войн виновниками их чаще всего являются женщины. Не будь Елены, не было бы Троянской войны. Будь в семье Латина сын, а не дочь, не было бы Латинской войны. Не было бы ее, если бы ко времени высадки Энея Латин овдовел. За Аматою же стоит Аллекто, за Аллекто — Юнона. Да и в гражданской войне между триумвирами винили не их, а египетскую царицу Клеопатру. В этом женоненавистничестве античные люди не одиноки. Вспомним библейскую Еву.

¹⁸¹ Замечено, что в повествовании автора «Илиады» ночь — пустое время суток. Гомер не знает, чем ее занять, и торопится начать новый день: «Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос». Вергилий, напротив, в полной мере использует темное время дня для схваток, для рассказов о них, для встречи героев в сновидениях с богами и тенями мертвых. Сны с их загадочным языком символов в соответствии с поворотом римского общества эпохи гражданских войн к мистике играют в системе «Энеиды» ключевую роль. Среди множества снов выделяются значением два: первый, о котором рассказывает Эней Дидоне во второй книге, и сон Турна в седьмой книге. Примечательно, что в этих снах спящий вступает в разговор с тем, кто ему предстает во сне. Во сне Эней принимает решение покинуть гибнущую Троию и начать поиски места для сооружения второго Илиона. Также и Турну решение начать войну приходит во сне. Оно принято не в ходе здравого размышления, а навязано внешними враждебными силами.

¹⁸² Согласно мифу, Данаю и младенца Персея, заточенных в бочку, волны вынесли к острову Серифу. Вергилий использует малораспространенную версию, по которой бочку с узниками выбросило на берег Лация.

¹⁸³ В античных сонниках это предвещало тому, в кого брошен пылающий факел, верную гибель. Но Турн в ярости забывает об этом предсказании и в дальнейших действиях не считается со своей обреченностью.

¹⁸⁴ *Turr* — персонаж, впервые появляющийся в «Энеиде». Дионисий Галикарнасский называет его Тирреном.

¹⁸⁵ На самом деле, по единодушному мнению античных авторов, ворота Януса появились в Риме впервые при царе Нуме

Помпилии, через триста лет после предполагаемого прибытия в Италию троянцев. Этот анахронизм, видимо, связан с желанием поэта связать дважды закрытые Августом ворота Януса с эпохой Энея и Латина.

¹⁸⁶ Продолжая древнейшую эпическую традицию, создатель «современного» эпоса предлагает своим читателям каталог героев, своего рода их экспозицию, предшествующую героическому эпосу. В этом каталоге встает Италия с ее племенами, большая часть которых ко времени Августа уже растворилась в римском этносе. На первые роли выдвинуты Турн, Мезенций и Камилла. *Турн* — благородный герой, противник, достойный Энея, но в отличие от него он борется с судьбой и поэтому обречен на поражение. *Мезенций* — антипод Энея, поскольку он «ненавидит богов». *Камилла* — амазонка племени вольсков, привлекает дикарской открытостью, чувством долга и наивностью. Остальные герои не наделены индивидуальными чертами и по большей части не имеют за собой каких-либо местных преданий, а сконструированы из названия племени или названия местности и наделены теми особенностями, которые присущи этим этнонимам или топонимам.

¹⁸⁷ *Мезенций* — правитель города Агиллы (Церы), один из главных противников Энея. Эта вымышленная фигура присутствует уже в посвященных легендарному прошлому Рима «Началах» Марка Порция Катона как предводитель враждебных Энею этрусков. Вергилий — римлянин этрусского происхождения — вносит в легенду о Мезенции изменение. У него этруски — союзники Энея, а Мезенций — враг этрусков и Энея.

¹⁸⁸ *Авентин* — персонаж, порожденный названием римского холма, считавшегося в историческое время святыней плебеев.

¹⁸⁹ *Тибург* (или Тибурн) — герой-эпоним Тибура, города Лация. Его считали одним из сыновей фиванца Амфиараея.

¹⁹⁰ *Цекул* — легендарный основатель латинского города Пренесте, родственного римскому Каку. Он считался сыном Вулкана.

¹⁹¹ *Мессап* — мифический родоначальник племени мессапов, обитавшего на юго-востоке Италии, по соседству с греческим городом Тарентом. Мессапы были племенем иллирийского происхождения и появились в местах своего обитания позднее предполагаемого прибытия в Италию троянцев. Мессапы занимались коневодством и обладали сильной конницей. Именно потому Вергилий (впервые: в VII книге «Энеиды», строки 691—692) называет Мессапа «укротителем коней, потомком Нептуна, которого не берет ни огонь, ни железо». Нептуну (Посейдону) были посвящены кони. По одной из версий мифа, Мессап был беотийцем (выходцем из города Анфедона, где находилась гора Мессапион), переселившимся в Италию и давшим ее части свое имя (Мессапия).

¹⁹² *Фесценция* — городок племени фалисков, прославленный простонародными фесценцийскими стихами, импровизациями ти-

па наших частушек. Они исполнялись во время свадеб и гуляний, часто выставляя людей в смешном виде.

¹⁹³ *Соракт* — высокая гора в Южной Этрурии, известная архаическим культом. *Капена* — находившийся по соседству с ней город, основанный, по преданию, жителями этрусского города Вей, возглавляемого царем Пропорцием.

¹⁹⁴ Введение Клавса, родоначальника рода Клавдиев, в число героев «Энеиды» и его восхваление, возможно, обусловлены родственными отношениями Юлиев и Клавдиев в эпоху создания поэмы.

¹⁹⁵ *Галес* (Halesus, Alesus) — герой-родоначальник родственного латинянам по языку племени фалисков, чьим главным городом были Фалерии. Он считался другом или побочным сыном Агамемнона и поэтому врагом троянцев. Согласно комментатору Вергилия Сервию, Галес — сын Нептуна, связанный с царской династией этрусского города Вей.

¹⁹⁶ После доскопального описания племен Южной Этрурии и Лация, якобы принимавших участие в войне на стороне Турна, Вергилий переходит к обитателям Кампании, хорошо ему знакомым по личному опыту. Это была богатейшая в природном отношении часть Италии («счастливая Кампания»), колонизованная в VIII—V вв. до н. э. этрусками и греками и два века спустя завоеванная римлянами. Поскольку в поэме идет речь о войне, близкой по времени к Троянской, Вергилий поставил цель описать доэтрусскую и догреческую Кампанию, рассказать о ее мифических или реально существовавших, но давно исчезнувших племенах и забытых царях, типа Ойбала. Все они не имели никакого отношения к описанному в поэме появлению в Италии выходцев из Трои. Поэт-патриот хочет уберечь отдаленное прошлое Италии от забвения. Его не волнует то, что поэма перегружена фиктивными героями, которые, как правило, не вводятся в действие. Отсутствие исторических данных порой компенсируется перечислением рек и ручьев, которые поят древние племена или являются матерями героев. Каждый из этих героев требует комментариев, и они могут быть созданы на основании трудов других древних знатоков италийской старины, которых принято называть антикварами. В Вергилии сочетался гениальный поэт и антиквар. Нельзя сказать, что это сочетание всегда было органичным. Во всяком случае, перечисление названий и имен часто ничего не дает сердцу.

¹⁹⁷ *Ойбал* — сын Телона и нимфы Себефиды, дочери реки Себер близ Неаполя, легендарный царь о. Капры.

¹⁹⁸ Согласно греческим мифам, Ипполит — сын амазонки Меланиппы и афинского царя Тезея. Как девственник, он был мил Артемиде, которая в Италии была отождествлена с Дианой. Почитавшийся вместе с Дианой италийский Вирбий после знакомства италийцев с греческими мифами был отождествлен с Ипполитом. *Вирбий* — демонический персонаж, связанный

с культом богини Дианы в священной роще этой богини в Аридии. Поскольку в рощу был запрещен доступ коням, возник миф о тождестве Вирбия с пелопоннесским героем Ишполитом, погубленным своими конями. Возможно также, что этому тождеству способствовало и само имя Вирбий, означающее по-латыни «муж дважды».

¹⁹⁹ Изображение на сюжет греческого мифа об Ио на щите Турна, видимо, связано с тем, что преследовательницей Ио считалась Гера (Юнона). Турн этим объявлял себя воином, следуя указаниям своей божественной покровительницы.

²⁰⁰ Ни один из античных авторов до Вергилия не сообщает о воинственной деве Камилле, играющей в повествовании «Энеиды» значительную роль. Возможно, этот образ создан Вергилием по образцу воинственной фракийской девы Гарпалики, упомянутой им в первой книге. Однако не исключено, что Камилла была известна легендам, изложенным Эннием и Катонном Старшим. Слово *Camilla* (*casmilla*) римлянами употреблялось как обозначение юной служительницы жрецов-фламингов. В то же самое время этрусски называли Камиллом бога Меркурия, бывшего посланцем Юпитера. Соединяя римские и этрусские религиозно-мифологические представления о женском и мужском персонажах с именем Камилла, Камилл, Вергилий создает биографию юной воительницы, дочери царя вольсков.

²⁰¹ В поэтической фантазии древних обитателей Италии реки и ручьи занимают такое же значительное место, как у греков, хотя «мифология вод» разработана в римской литературе не столь красочно и детально. Сильное влияние греческой религии на римлян и италиков привело к тому, что латинские «русалки» *касмены* (от *лат.* *carmen* — «песня») приняли облик греческих нимф. Это касается и речных богов — «водяных», которых стали представлять в облике быков. Бог Тиберин в описании Вергилия, видимо, впитал и влияние этрусской мифологии. Само название этой реки — этрусское, и в «Энеиде» синонимом ему служат слова «этрусский поток».

²⁰² Имеется в виду город Альба Лонга. Его название объяснено рассказом о свинье, воплощающей плодородие. Альба Лонга — по-латыни «белая длинная». Альба Лонга в римских легендах — главный город латинского союза городов и метрополия Рима. Тридцать поросят — это, скорее всего, тридцать городов-колоний. Вергилий, однако, придает числу 30 временной смысл, определяя число лет до основания Альбы Лонги.

²⁰³ Сюжет, связанный с Эвандром и его сыном Паллантом, вводит в повествование независимую от легенды о троянском переселении в Италию серию мифов о древнем царе Пеласге и его семействе, разработавшуюся Гомером, Гесиодом, Гекатеем, Геродотом, Дионисием Галикарнасским и многими другими древними авторами. За этими мифами стоит реальность колонизации Италии Микенами, археологические следы которой

обнаружены не только в Южной Италии, но и в Лации, в том числе на территории будущего Рима, наличие в языках народов Италии, прежде всего в этруском, мощного индоевропейского пеласгийского слоя. Предложенная Вергилием концепция доромулова Рима, несмотря на неисторичность введенных им персонажей и нереальность союза между двумя группами колонистов, содержит достоверные элементы.

²⁰⁴ Согласно римской мифологической традиции, аркадянин Эвандр перебрался в Италию за 60 лет до Троянской войны и поселился на притибрском холме, которому дал имя своей родины — Палантий (или Палатин). Эвандру приписывается цивилизация местного населения — введение письма и музыки, распространение культов Цереры (Деметры), Нептуна (Посейдона) и Пана, в честь которого в Риме был введен праздник Луперкалии. Герой Палатин (Палант), сын Геркулеса и одной из дочерей Эвандра, стал считаться сыном Эвандра, поскольку его родиной был Палантий.

²⁰⁵ *Сатурн* — этрусско-италийский бог, отождествленный с греческим Кроном, изгнанным с Олимпа своим сыном Зевсом. Местом почитания Сатурна в излучине Тибра был Капитолий, римский Олимп, который, согласно традиции, назывался Сатурнией.

²⁰⁶ *Геркулес* (Hercules) — латинизированное имя греческого героя-бога Геракла, результат раннего этрусского влияния на религию Рима. У этрусков Геракл почитался под именем Херкле (Heracle). Римская мифологическая традиция связала появление этого бога-героя в Риме, возможно почитавшегося этрусками до их переселения в Италию, с посещением Италией греческим Гераклом во время его возвращения на родину с коровами Герiona.

Впервые о посещении Гераклом Рима и оказании ему там гостеприимства Фавном, сыном Гермеса, сообщил греческий мифограф Деркил. В разработке мифа римскими авторами Геракл получает почитание на Бычьем рынке, где ему был воздвигнут «величайший алтарь» — *aga maxima*.

²⁰⁷ *Как* — местный герой-бог, считавшийся сыном бога огня. Место почитания Кака — пещера на Авентине. Согласно другой версии, Как был членом посольства в Италию, возглавляемого фригийским царем Марсием, для переговоров с этрусским царем Тархоном, захватившим Марсия и его посла в плен. Не добившись результатов мирным путем, Марсий и Как силой захватили Кампанию до реки Вольтурна, а также область будущего Рима, на которую претендовали аркадяне во главе с Эвандром. Геркулес, поддержав Тархона, изгнал Марсия и Кака. Наконец, Диодору был известен гостеприимец Геркулеса Какий, обладавший равной ему силой. Имя Кака (или Какия) сохранилось в римскую эпоху в названии «лестницы Кака» на Палатине и в соседнем здании — «атрий Кака».

²⁰⁸ Рассказчиков мифа не смущает, что имя аркадянки латинское (Carmenta — «поющая»).

²⁰⁹ Следуя за Гомером, Вергилий вводит в поэму эпизод о создании в подземной мастерской под Липарскими островами и Этной оружия, с помощью которого Эней сможет одолеть своих врагов. В то время как на щите Ахилла изображены сцены мирной и военной жизни, щит Энея — еще одно пророчество, обращенное из легендарного прошлого ко времени Августа.

²¹⁰ Вергилий, отождествляя римского бога Вулкана с Гефестом, делает его супругом Афродиты (Венеры).

²¹¹ В греческой мифологии Мемнон — сын Эос, отождествленный римлянами с Авророй, и Тифона, одного из сыновей брата Приама, троянского царя Лаомедонта. Вергилий упоминает «мемноновы рати», явившиеся на помощь Трое, в первой книге «Энеиды». Согласно одной из версий мифа, Мемнон погиб в схватке с Ахиллом, и Эос, горько оплакивая сына, умолила Зевса дать ему бессмертие.

²¹² В «Энеиде», как правило, отсутствуют позорящие богов сцены соблазнения, столь частые у Гомера. Этот отрывок, в котором Венера использует свои чары, — исключение.

²¹³ В соответствии с победой железного века (Гомер жил в самом его начале) циклопы, выступающие в «Одиссее» как пастиухи, превращены Вергилием в мастеровых.

²¹⁴ *Бронт, Стероп, Пиракнон* — греч. «Гремящий», «Сверкающий», «Огненный».

²¹⁵ *Тегея* — один из древнейших городов Аркадии, названный в гомеровском каталоге кораблей, родина Эвандра.

²¹⁶ *Агилла* — древнее пеласгийское название города, который после его завоевания этрусками получил название Церы. Следы доэтрусского города обнаружены в ходе раскопок. Эвандр направляет Энея в бывший пеласгийский город, поскольку он сам выходец из пеласгийской Аркадии.

²¹⁷ *Эрил* — легендарный герой города Пренесте, не известный ни одному из древних авторов, кроме Вергилия.

²¹⁸ *Ферония* — богиня источников и рощ, культ которой был распространен по всей Центральной Италии, особенно на горе Соракте, в Пизавре, в Фурфо и в других местах. В Таррацине был храм Феронии, где отпускали на волю рабов.

²¹⁹ Созданный по образцу гомеровского щита Ахилла, щит Энея — краткая официальная история Рима, призванная возвеличить нестигаемую римскую волю, преодолевшую все препятствия на пути к мировому владычеству. Чередой проходят потомки Энея, начиная с основателя Рима и кончая победителем в гражданской расправе императором Августом. Эней обращен к будущему, за которым скрывается современная поэту политическая действительность, рассматриваемая им как высшее достижение истории. Щит Ахилла, напротив, является моделью

космоса с вкраплениями сцен военной и мирной жизни, современной поэту.

Щиты двух героев еще в XVIII в. сопоставил Готхольд Лессинг, пришедший к выводу, что римский поэт был неумелым подражателем греческого гения.

Среди последних попыток реабилитации Вергилия наиболее интересна позиция английского историка Ф. Харди. В отличие от своих предшественников, сопоставлявших эпическую технику греческих и римских поэтов, он обратил внимание на то, что изображение на щите Энея является такой же моделью космоса, как у Гомера, но космоса римского, каким является империя времени Августа.

²²⁰ *Марк Антоний* — участник триумvirата, которому при разделе власти над римской державой достался Восток (но не Бактра, которая никогда не входила в римские владения).

²²¹ Дается описание битвы при Акции (31 г. до н. э.), сделавшей Октавиана единоличным правителем римской державы.

²²² *Кориф* (Korythos) — имеется в виду сын Зевса и Электры, царь этрусков, легендарный основатель Кортоны, считавшейся древнейшим городом Италии. Из Кортоны, согласно италийской легенде, двое его сыновей переселились в Эгеиду, один на о. Самофраку, другой в Трояду.

²²³ *Нис* и *Эвриал* — юноши, связанные чистой дружбой, впервые появляются в сцене состязания. Развивая тему дружбы, Вергилий делает их участниками дерзкой операции, цель которой известить Энея о критической ситуации, в которой находится войско. Подобный эпизод с участием двух воинов-лазутчиков — Одиссея и Диомеда — описан Гомером, но Вергилий добивается огромного трагического звучания, которого нет у Гомера. Чувство дружбы заставляет забыть о цели предприятия. Нис не может оставить в беде друга и гибнет вместе с ним.

²²⁴ Введение образа матери Эвриала, единственной женщины, покинувшей вместе с Энеем и его спутниками Тринакрию, дополняет трагический смысл эпизода. В отличие от спартанских женщин, ждавших сыновей с поля боя со щитом или на щите, мать Эвриала не утешает себя мыслью о посмертной славе сына. Для нее потеря сына не компенсируется патриотическим чувством. Горе матери не может ничто искупить. Война бесчеловечна по своей сути.

²²⁵ *Илионей* — спутник Энея, до того упоминавшийся в «Энеиде» как человек в возрасте, возглавлявший один из кораблей. Имя Илионей носили также сын Ниобы и троянец, сын Форбаса.

²²⁶ В «Энеиде», как и в других эпических поэмах, начиная с гомеровских, герои произносят речи к стати и некстати. Речи, составленные Вергилием для своих персонажей, отличаются большим тематическим разнообразием и мастерством, которое свидетельствует о том, что уроки в риторической школе для него не прошли даром. Речь Нумана интересна не только своим построе-

нием, но тем, что поэт вкладывает в уста италийскому варвару расхожие представления об изнеженных восточных людях, чтобы их опровергнуть меткой стрелой, вылетевшей из лука фригийца Аскания. На самом деле ни древние фригийцы, ни выходцы с Востока этруски не были такими, какими их видели римляне в I в. до н. э., считавшие, что фригийцы самые скверные рабы, способные на что-либо лишь после порки. Для Вергилия было важно показать, что троянцы-фригийцы были достойными противниками италийцев и что слияние этих народов дало наилучший результат — появление «народа-принцепса».

²²⁷ Желая подчеркнуть значимость последующего рассказа, Вергилий вводит обращение к музам. С точки зрения развития сюжета повествование об этрусских кораблях не вносит ничего нового. Оно, скорее, затягивает действие. Но поэта это не смущает. Он горит желанием рассказать об этрусках, для этого ему пришлось превратить их в союзников Энея, хотя у такого авторитетного автора, как Катон Старший, этруски — союзники Турна.

Забывая о том (или не ведая), что в годы предполагаемого появления в Италии троянцев (сразу после Троянской войны) там не было никаких этрусков, он наносит на карту мифической Этрурии города, возникшие три и более столетий спустя, и делает предводителями этрусских отрядов персонажей, связанных с основанием этих городов, или героев греческих мифов. Среди них даже те города, которые были этрусскими колониями на севере Италии и могли появиться лишь в VI в. до н. э. Он делает участниками похода мантуанцев и их соседей лигуров и венетов, представленных персонажами местных мифов.

Удивительным образом, комментируя строки, относящиеся к этому эпизоду, Сервий оставил без разъяснения почти все, относящееся к этрусским городам, поясняя лишь грамматические формы и словоупотребление.

²²⁸ *Массик* — имя героя произведено от названия горы Массик (ныне Мондрагора) в этрусских землях, славившейся своими виноградниками и винами.

²²⁹ *Клузийцы* — жители Клузия (совр. Кьюзи), одного из североэтрусских городов, чья история была тесно связана с судьбами Рима эпохи царей.

²³⁰ *Коза* (Коса) — этрусский город, с 275 г. до н. э. процветающая колония римских граждан.

²³¹ *Популония* (этр. Поплуна) — этрусский город на тирренском побережье Италии, центр обработки металлов. В годы гражданской войны между Марием и Суллой подвергся разрушениям. Абант как герой Популонии другим авторам неизвестен. Он тезка трех греческих героев с этим именем, в том числе известного Гомеру героя Эвбеи.

²³² *Ильва* (ныне Эльба) — остров, расположенный напротив Популонии. Согласно греческим мифам, к нему причаливал уже «Арго».

²³³ *Пиза* — этрусский город на Тирренском море, основанный, по преданию, выходцами из одноименного города на Пелопоннесе.

²³⁴ *Пирги* и *Грависки* — порты города Церы, выявлены в ходе археологических раскопок в XX в.

²³⁵ Так же как могучая река Пад питалась ручьями и речками, текущими с Альпийских гор, этрусская мифология пополнялась преданиями включенных в сферу этрусского политического и культурного влияния ближайших северных соседей и более отдаленных обитателей Европы. Свидетельством этого является Купавон, не отделимый от почитаемого славянами Купалы ни по имени, ни по характеру мифологических представлений. Лебединые перья на голове Купавона, истолкованные поэтом с помощью греческого мифа о падении солнечного божества Фаэтона, отражают ритуал, в котором жара летнего солнцестояния как бы соединилась путем погружения в купель с водной стихией — символом ее был лебедь. Преступная любовь, о которой вспоминает Вергилий, — это и противоестественное сочетание огня и воды, и отражение купальских преданий о браке братьев и сестер.

²³⁶ Еще одна ночь и еще одно знамение, на этот раз подготовившее Энея к первой его битве у стен осажденного итальянцами троянского лагеря. Превращения — одна из излюбленных тем римской поэзии времени Августа. Ее в монографическом плане разработает уже после смерти Вергилия другой великий римский поэт — Овидий Назон в «Метаморфозах», отобразив из греческих мифов все, что относится к магическим превращениям. Но превращение кораблей в морских дев — не создание греческой фантазии, а великолепная находка Вергилия, открывшего тему метаморфоз в римской литературе.

²³⁷ Рисуя сумятицу встречного боя под стенами троянского лагеря, Вергилий вводит в действие множество новых персонажей, которые тут же и гибнут. Большинство из них не упомянуто ни одним из древних авторов, занимавшихся итальянской стариной до Вергилия. Но их произведения дошли в отрывках, и не исключено, что Анхемол, Меон, Алканор, Нумитор и другие фигурировали в произведениях Энния или Катона Старшего. Нумитор — тезка мифического царя Альбы Лонги из династии потомков Энея, отца Ромула. Имя Меон образовано от древнейших обитателей Малой Азии меонов.

²³⁸ Редкий случай упоминания имени художника. Вергилия не смутило то, что произведение Эвритида было создано в другую эпоху.

²³⁹ Ожесточение, проявленное Энеем после гибели близкого ему юноши Палланта, не уступает «воинской ярости» Турна. В душе Энея совершается перелом, подобный тому, который пережил у Гомера Ахилл после гибели Патрокла. В смертоубийстве он не останавливается ни перед чем, убивая, несмотря на свое хваленое

благочестие, даже жреца бога Аполлона. Вопреки своему обыкновению сохранять жизнь молящим о пощаде, он расправляется с поверженными героями. Здесь Эней уже не воплощение качеств принцепса Августа, а, скорее, жестокости участника гражданских войн Октавиана, еще не ставшего Августом. О жестокости Октавиана, затмившей преступления его соперника Марка Антония, во времена написания поэмы помнили, хотя публично и не говорили. Оправдывая Энея тем, что его жестокость была обусловлена самыми благородными качествами его души и была вынужденной, Вергилий оправдывает и Октавиана Августа.

²⁴⁰ Вспоминая о человеческих жертвоприношениях эпохи Троянской войны, когда они были обычным явлением, Вергилий, возможно, имеет в виду принесение Октавианом Августом в жертву этрусских юношей во время Перузинской войны в ответ на такой же акт восставших перузинцев.

²⁴¹ В этой реплике проявилось то, что выше характеризуется поэтом как презрение к богам. В описании Вергилия образ этрусского царя, современника Энея, приобретает черты эпикурейца, бросающего вызов богам. Сам Вергилий с высочайшим уважением относился к творчеству римского поэта Лукреция, изложившего учение Эпикура. Но отсутствие страха перед богами во времена Августа считалось одной из причин братоубийственных гражданских войн, и Август сделал все, чтобы укрепить традиционную римскую религию. Благочестивый Эней в поэме противостоит «безбожнику» Мезенцию, как Август — эпикуреизму. Но при этом поэт не скрывает своего восхищения мужеством и непреклонностью «ненавистника богов».

²⁴² Бесчеловечный тиран, ненавистник богов, Мезенций наделяется привлекательным качеством — отцовской любовью и внушает к себе симпатию. В этом соединении Вергилий — последователь Гомера, идущий в понимании человеческой психологии далее греческого поэта.

²⁴³ Обращение эпического героя к коню имеет источником «Илиаду». Но у Вергилия конь Реб в отличие от коней Ахилла не наделяется способностью вступать в диалог с людьми.

²⁴⁴ Согласно толкованию Сервия, оскверненные похоронами не могли, не очистившись, приносить жертвы богам. Воздвижение трофея рассматривалось как воздаяние богам за дарованную ими победу.

²⁴⁵ Сцена царского совета интересна с художественной точки зрения. Поэт создает речи своих персонажей по законам ораторского искусства, одновременно вырисовывая их характеры. Благодаря этому эпизоду последующее действие приобретает драматический характер. Вергилий показывает себя последователем не только Гомера, но также Софокла и Еврипида.

²⁴⁶ *Диомед* — сын этолийского царя Тидея, в «Илиаде» возглавлял ополчение из Аргоса, Тиринфа, Эпидавра и других городов Аргolidы. В поздних греческих мифах, использованных

Вергилием, он такой же скиталец, как и Эней, обосновавшийся в Италии. Царь племени давнов Давн отдал ему в жены свою дочь, и Диомед поселился под горой Гарганом на побережье Адриатического моря.

²⁴⁷ *Argyrinna* — согласно преданию, древнее название города Апулии Апи. Начальную часть названия «арги» связывали с Аргосом, откуда явился Диомед, которому приписывали основание многих городов Апулии — Венузии (от имени Венеры, которую он ранил под Троей), Канузия, Беневента и Венафра.

²⁴⁸ Калидон считался родиной Диомеда. Ему пришлось его покинуть, поскольку, согласно мифу, во время знаменитой Калидонской охоты он в споре за добычу убил своего родственника. Вернуться в Калидон и обнять свою супругу Эгалию Диомеду помешала Афродита (Венера), не забывшая о нанесенной ей под стенами Трои ране. Богиня любви с помощью некоего Каллираба, сына Сфенела, заставила Эгалию нарушить супружескую верность, и Диомеду пришлось, минув родину, отправиться вместе со своими спутниками на чужбину, в Италию.

²⁴⁹ Вергилий, как это отметили древние комментаторы «Энеиды», видоизменил греческий миф, согласно которому спутники Диомеда, убитого иллирийцами, превратились в птиц и, обитая на островах у побережья Апулии, с тех пор приветствуют каждого грека радостным хлопаньем крыльев. По Вергилию, спутники Диомеда превратились в птиц при жизни Диомеда и тревожат его самого. При этом Вергилий местом обитания птиц-душ считает не острова, а прибрежные скалы и берега рек Апулии. Раскопки в местах обитания давнов выявили надмогильные плиты с изображением огромных птиц, так что речь может идти не о произвольном изменении греческой легенды, а о попытке ее согласовать с верованиями местного населения.

²⁵⁰ Это место (316-я строка XI книги) в древности вызывало споры толкователей «Энеиды». Источник Вергилия Катон Старший в «Началах» сообщает, что Латин выделил троянцам участок между Лаврентом и троянским лагерем. Вергилий же говорит о «пригожем участке у этрусской реки», под этой рекой понимались и Тибр, и река Уфент в Кампании.

²⁵¹ В «Энеиде» Метаб — царь племени вольсков. Сервий приводит это имя от названия греческого города Метапонта в Южной Италии.

²⁵² *Приверн* — город Лация на склонах Вольских гор (ныне Пиперно Веккьо).

²⁵³ *Амасен* — речка Лация в Помптинских болотах, впадавшая в Тирренское море у Таррацина.

²⁵⁴ Вергилий, видимо, воспользовался именем предводителя войска Аркадии, аркадского героя, участвовавшего в Троянской войне.

²⁵⁵ Называя лигуров хитрецами, Вергилий следует римской патриотической традиции, враждебной этому свободолюбивому

народу, употреблявшему в борьбе с захватчиками все доступные ему средства, в том числе нападение из засады.

²⁵⁶ Вергилий вкладывает в уста прародителя этрусков Тархона расхожие объяснения причин упадка народа, некогда владевшего большей частью Италии, — роскошь, излишнее пристрастие к религии, утрату воинской доблести, — забывая о том, что речь идет об этрусках героической старины.

²⁵⁷ *Аррунт* (Арунт) — распространенное, часто встречающееся в этрусских надписях мужское имя.

²⁵⁸ *Соракта* — высокая, покрытая снегом гора в области фалисков, италийского народа, входившего в союз двенадцати этрусских городов. На горе ежегодно осуществлялось торжественное жертвоприношение местному божеству Сорану, которого Вергилий отождествляет с Аполлоном. Согласно мнению древнего комментатора Вергилия, под богом горы Соракты скрывается Дис Патер, владыка царства мертвых, соответствующий греческому Аиду. О том, что отождествление было известно поэту, говорит обращение «священный отец». Сама религиозная церемония на горе состояла в хождении жрецов босыми ногами по раскаленным углям. Жрецы назывались *hipri solani* — «соланскими волками», поскольку владыка подземного мира мыслился в облике чудовищного волка.

²⁵⁹ *Акка* — словечко этрусского происхождения в значении «мама», «няня». В римских легендах его носит мать-кормилица ларов («Акка Ларенция»), отождествленная с кормилицей Ромула и Рема.

²⁶⁰ Иберийской бездной именовали водное пространство за Иберией (Испанией), т. е. океан.

²⁶¹ *Ютурна* (первоначально *Diuturna*, вместо *Juturna*) — название ручья близ Лавиния. Культ нимфы Ютурны был перенесен в Рим, на Форум. Римские авторы эпохи империи считали ее дочерью Давна и сестрой противника Энея Турна.

²⁶² Мир, подписанный Энеем и Латинном с соблюдением всех обрядов и формальностей, оказался непрочным, ибо Турн не смирился. Война возобновляется с новой силой.

²⁶³ *Камерт* — сын Вульсента, легендарный правитель рано исчезнувшего города Амиклы, локализуемого между Анксуром (совр. Террацина) и Гаетой. По преданию, город Камерта пал в результате нашествия змей.

²⁶⁴ *Толумний* — типично этрусское имя. Авгур рутулов Ларс Толумний, царь Вей, приказав убить римских послов, был виновником войны между Римом и Вейями. Этим именем, бывшим на слуху у римлян, воспользовался Вергилий для персонажа, также являвшегося виновником нарушения священного договора.

²⁶⁵ В этрусских городах в период их независимости от Рима, как показывают эпитафии на этрусском языке, жило много греков, вступивших в брак с местными женщинами. Вводя в число

героев девять юношей, происшедших от смешанного брака, Вергилий мог также воспользоваться биографией первого римского царя этрусского происхождения, родившегося от такого брака и, в свою очередь, женившегося на Танаквиль.

²⁶⁶ *Япиг* — эпоним народности Южной Италии япигов. Некоторые авторы называли его критянином, сыном Дедала и критянки, прибывшим на Сицилию и оттуда переселившимся в Италию. Вергилий использует вариант этой традиции, согласно которой Япиг — внук Аполлона и нимфы Ликии.

²⁶⁷ *Пеан*, согласно Гомеру, — врач олимпийских богов.

²⁶⁸ Эпизод с копьём Энея, застрявшим в корнях дерева, — пример образной символики, которая на протяжении двух тысячелетий привлекала к Вергилию умы и души многих человеческих поколений. Сам выбор оливы, а не другой древесной породы, разумеется, не случаен. Олива принадлежала к числу тех благодатных деревьев, которые почитали выходцы с Востока этруски, предки Вергилия. Христианские истолкователи Вергилия, открывшие у поэта-язычника родственную душу, могли вспомнить, что Иисус считался помазанным оливковым маслом. Но у современников Вергилия, скорее всего, могла возникнуть ассоциация со священным деревом на Палатине, которое спасло своими уходящими в воду обнаженными корнями основателей Рима. Одинокая олива близ Лаврента — символ родины Турна, которая одна протягивает ему погруженную в землю руку помощи. За нею стоит сама мать-земля, вскормившая юношу, и Фавн, бог Лаврента, родоначальник латинских царей. Именно этих богов призывает держать вошедший в землю железный наконечник отчаявшийся Турн.

Железо — также понятный читателям Вергилия символ, связанный с железным веком, сменившим в Италии, как и во всем круте земель, золотой век Сатурна. Железо — это оружие бога войны Марса, враждебного миру, сторонником которого провозгласил себя Август. Олива — символ мира. Она хочет сохранить жизнь не одному Турну, но препятствует разгулу страстей, бушевавших в Риме на протяжении столетия гражданских войн.

Этой логике мифа противоречит то, что дерево срублено троянцами, возглавляемыми Энеем — главным героем поэмы и предком миротворца Августа. С этой трудностью Вергилий справляется, указывая с самого начала, что пришельцы срубили оливу по неведению. Но все же уничтожение дерева бросает на Энея тень, и поэту приходится в следующем эпизоде, переносящем действие на небеса, вернуться к дереву, на этот раз к генеалогическому древу Италии, к выросшей на его стволе, питаемом кровью пришельцев-троянцев, могучей римской ветви. Образ этого генеалогического древа не только устраняет неясности в судьбе одинокой оливы, но и примиряет потомков некогда враждебных друг другу италийцев и римлян. Победа Энея — Рима — Августа была необходима, но и поражение Тур-

на — Италии (в том числе и предков самого Вергилия) фактически также было победой, поскольку Рим соединил в себе доблесть Италии с мудростью пришельцев и с их благочестием.

²⁶⁹ В облаках над полем боя разрешается олимпийский конфликт. Побеждает мудрость Юпитера. Юнона отказывается от вражды к троянцам, поскольку, слившись с аборигенами, он утрачивает свое ненавистное ей имя. И снова Вергилий выступает как патриот итальянского единства.

²⁷⁰ В гибели Лавса, как до него Паланта, в смерти прекрасной амазонки Камиллы повинно безумие войны, поражающее мужчин и женщин, юношей и старцев, виновных и невиновных.

Поведение Турна показало, что до тех пор, пока он жив, будет война, и Вергилий уже подготовил читателей к тому, что устранение противника не только должно принести удовлетворение Энею и отдать ему причину спора — Лавинию, но и явиться благодеянием как для троянцев, так и для италиков, чьи интересы героически отстаивал рутул. В мифическую древность переносится ситуация заключительного этапа гражданских войн, когда на пути к миру стоял триумвир Марк Антоний. Занимая позицию Антония, обладая его качествами, пылкостью и непримиримостью, Турн остается итальянским героем. Его Лавиния, доставшаяся Энею, ничем не напоминает союзницу Антония Клеопатру. И сам он не бросается на свой меч, как это сделал побежденный Октавианом Августом Антоний, а гибнет в поединке.

²⁷¹ Город этот (ныне местечко Пратика ди Маре) находился в болотистой местности или в лесу к югу от устья Тибра. Иногда его называли Лавролавинием. Согласно одной из версий, Лаврент был местом первоначальной высадки Энея. Здесь при раскопках были обнаружены тринадцать алтарей — свидетельство древности культа Энея в Лации.

²⁷² *Нумик* — река морского побережья Лация, занимавшая особое место в архаическом культе Весты и считавшаяся священной. Ее водой пользовались весталки при принесении жертв.

²⁷³ У Вергилия нет и намека на то, что у Энея и Лавинии было потомство. О сыне этой супружеской пары сообщают другие авторы.

²⁷⁴ *Имя Тирр* (Тиррен) — еще один намек на участие тирренов (этрусков) если не в основании Рима, то, во всяком случае, в создании одной из версий легенды об его основании.

²⁷⁵ Здесь имеется в виду не Ганнибал, как может подумать читатель, знающий только этого карфагенского полководца, а карфагенский военачальник Гасдрубал, бросившийся в 146 г. до н. э. в ноги завоевателю и разрушителю Карфагена Сципиона Эмилиана.

²⁷⁶ *Калиги* — сапоги, грубая обувь римских императоров.

²⁷⁷ Не только глубочайшая древность, но и само существование города Альбы Лонги ныне ставится под сомнение. Археоло-

гами выявлены многие латинские центры, а от праматери Рима Альбы Лонги не осталось никаких видимых следов. Очевидно, слово «лонга» (*lat. longa* — «длинная») первоначально относилось не к городу, а к группе сельских поселений, вытянувшихся вдоль берега Альбанского озера, не уступающих по своей древности поселениям в излучине Тибра. Из самой легенды об Альбе Лонге как метрополии Рима можно заключить, что Рим возник при поддержке и участии этрусков, как и в других случаях влиявших на синойкизм сельских общин. Фиктивность Альбы Лонги не дает оснований для сомнений в существовании латинской политической системы в виде союза, центром которого являлась священная Альбанская гора. Рим в исторической реальности балансировал между Латинским союзом тридцати общин и этрусским двенадцатиградьем, используя существовавшие между ними противоречия и порой их разжигая.

²⁷⁸ *Прок* (*Procus*) означает «дельный» (сравнить с русским словом «прок»).

²⁷⁹ Рея Сильвия сохранила родовое имя фиктивной династии, заполняющей многовековую лакуну между Энеем и Ромулом. По другой версии легенды, мать близнецов звали Илией, именем, произведенным от названия города Илион, и считали ее дочерью Энея и Лавинии. Это связывало ее с троянской легендой и «троянским» родом Юлиев.

²⁸⁰ *Весталки* — жрицы богини очага Весты, почитаемой во всех латинских городах. В весталки посвящали девочек шести—десяти лет, не имевших каких-либо телесных пороков, и только при живых родителях. Главной обязанностью весталок было поддерживать священный огонь в храме Весты. Исторгнутая из семьи, весталка попадала под власть великого понтифика. Служению богине весталка отдавала 30 лет: первое десятилетие проходила обучение, второе — исполняла положенные обряды, третье — обучала этому искусству вновь посвященных. На протяжении всего этого срока весталка должна была сохранять девственность. Нарушительницу замуровывали заживо. Зато весталки пользовались исключительными имущественными и правовыми привилегиями.

²⁸¹ *Марс* — бог латинян и других италийских племен, связываемый по функциям как с оплодотворением, так и со смертью. Его священные животные — волк и дятел. Посвященный ему первый месяц древнего италийского календаря март был месяцем начала полевых работ и войн. Сельскохозяйственная и оплодотворяющая функции Марса в ходе развития римского государства отступили на задний план, и он стал отождествляться с беспощадным и кровожадным Аресом, богом греков. Впервые Марс упоминается в архаическом гимне жрецов салиев.

²⁸² *Фаустул* — в переводе с латинского означает «счастливчик». Согласно легенде, у него был брат, также участвовавший в воспитании близнецов.

²⁸³ Акка — по-сабински «мать», Ларенция — искаженное имя сабинского божества *Larenta* или Ларунды. Согласно другой версии мифа, Акка Ларенция не жена Фаустула и кормилица близнецов, а девушка, которую выиграл в игре в кости у храмового служителя прибывший в Италию Геркулес. Став возлюбленной знаменитого героя, она после его возвращения на родину была отдана в жены богатому этруску Тарутию. Впоследствии несметное достояние Акки Ларенции стало собственностью римского народа, установившего в честь благодетельницы праздник Ларенталии. Изложенная легенда, делавшая отцом-основателем Рима не Марса, а героя Геркулеса (этрусского «Херкле»), имеет, как и ряд других римских легенд, этрусское происхождение.

²⁸⁴ Легенда о соперничестве Ромула и Рема, видимо, уже в давние времена возникла для объяснения раздоров между патрициями, центром обитания которых был Палатин, и плебеями, обосновавшимися на Авентине. Детали гадания о выборе места для города взяты из практики гаданий, существовавшей в Средиземноморье с незапамятных времен. Описание церемонии основания Рима заимствовано из священных книг этрусских жрецов гаруспиков, хотя и не дошедших до нас, но достаточно полно использованных в сохранившихся произведениях античных авторов.

²⁸⁵ Согласно другим вариантам легенды, Ромул не убил Рема, а они оба правили городом, разделив между собой власть, как будущие консулы.

²⁸⁶ Местом погребения Рема считался Авентин, получивший впоследствии имя Ремория. С судьбой Рема связывали также праздник Ремурии, или Лемурии, отмечавшийся девять раз в году для умилостивления душ мертвых — лемуров.

²⁸⁷ «Город» Ромула представлял собой крепость, занимавшую часть холма Палатин, очевидно, ту, которая была обращена к мосту через Тибр и могла контролировать переправу. Укреплениями первоначального «Ромулова города», скорее всего, являлись земляные насыпи, обложенные камнями и огороженные частоколами. Жилищами «горожан» служили хижины, основания которых вырублены в туфовой скале, а стены были сплетены из прутьев, облепленных смесью глины с соломой. Крылья хижин поддерживались врытым в земляной пол столбом. Центральное место в хижине занимал очаг. Чтобы жилище не заливалось дождевой водой, вокруг него прорывалась канавка. Хижины этой конструкции обнаружены при раскопках Палатина. Дают о них представление и глиняные модели, использовавшиеся древнейшими обитателями пригибских холмов как погребальные урны.

²⁸⁸ Против проживания сабинян в районе формирования города трудно было возразить, но нашлись критики хронологии контактов двух этносов. По мнению Ж. Пусе, рассказ о синой-

кизме — создание поздней «лжеистории», использовавшей его в качестве удобной формулы объяснения возникновения города из ничего. На самом же деле о сабинянах как о реальности можно говорить применительно к концу VI — началу V в. до н. э., когда происходило опасное для Рима передвижение сабельских племен. Концепция Ж. Пузе как крайнее выражение «сабинофобии» не соответствует картине Рима, создаваемой на основе археологических данных. Начальный Рим не был ни латинским, ни сабинским, ни этрусским городом. Он был городом, в создании которого участвовали все этносы.

²⁸⁹ *Нундины* (от архаических латинских слов *novem* — «девять» и *diem* — «день») — римская неделя, состоящая из девяти дней, последний из которых считался праздничным. Древность части месяца из девяти дней засвидетельствована литературными источниками и этнографическими параллелями.

²⁹⁰ В легенды из жизни первого поколения римлян вплетен рассказ о похищении сабинянок. Его источник — засвидетельствованная у многих первобытных народов форма брака — похищение невест (у славян — «умыкание»). Сабиняне в этой легенде представлены непосредственными соседями римлян, заселяющими соседний с Палатином холм Квиринал. Видимо, между латинянами и сабинянами поначалу не заключались браки, и соглашение о браке — результат длительного процесса общения, а не мгновенного нападения. В подтверждение наличия среди обитателей притибрских холмов двух различных по языку и обычаям групп населения специалисты приводят обнаруженные две формы погребального обряда — труположение и трупосожжение, а также различия в названиях местностей.

²⁹¹ *Проперций Секст* — римский поэт времени Августа, современник Вергилия и, так же как он, член кружка Мецената. В своих элегиях под влиянием Мецената он обратился к темам «начал» и изложил легенду о Тарпее нетрадиционно, увидев в сабинянке не предательницу, а влюбленную девушку. Вслед за Проперцием эту точку зрения поддержали некоторые римские историки.

²⁹² Легенда о Тарпее, открывшей ворота Капитолия, вошла во все повествования древних авторов о раннем Риме. Повсеместно Тарпея изображается как предательница, но мотивы ее предательства варьируются: алчность, любовь, хитрость с целью обезоружить врагов, жажда мести. Часть авторов называют Тарпею жрицей Весты, весталкой.

Для понимания происхождения легенды о Тарпее важнее всего то, что Тарпейская скала, которой дева дала свое имя, использовалась как место казни. С нее сбрасывали преступников и беглых рабов. Это наложило отпечаток и на мифическую Тарпею — позорная смерть должна была соответствовать позорному поведению той, которая дала имя скале. Так же как Рома дала имя Ромулу, Тарпейская скала дала имя и облик Тарпее.

Надо думать, что первоначально Тарпея, как и многие другие персонажи римских легенд, не имела никакого отношения к историческим событиям. Это явствует, помимо самого характера рассказа, из сообщений о погребении Тарпеи на Капитолии и принесении ей жертв весталками. Видимо, Тарпея — одно из божеств древнейшего, доэтрусского Рима типа Весты, вытесненное государственным культом Тинии-Юпитера. Когда культ древних богов был забыт, имя Тарпеи произвольно связали с попыткой овладения Капитолием.

²⁹³ *Матроналии* — праздник замужних женщин, матрон, отмечавшийся в «мартовские календы», 1 марта. Связь между подвигом сабинянок и этим праздником неясна и сомнительна.

²⁹⁴ Источником легенды о Курции является провал на форуме, возможно связанный с культом подземных богов. Неизвестно, о каком из Курциев идет речь в названии болота. Помимо сабинского полководца Меттия Курция с этим местом связывали также консула 454 г. до н. э. Марка Курция, который кинулся в этот провал, пожертвовав жизнью; юного всадника Мания Курция со столь же короткой (родовое имя может быть переведено как «короткий», «укороченный») и героической жизнью. Скорее всего, вообще название «Курциево болото» не связано с каким-либо именем, но людям свойственно объяснять неизвестное название какими-либо подвигами.

Курциево болото просуществовало до конца правления Цезаря и было уничтожено во времена Августа. Во время реконструкции Форума его закопали, и на его месте появились алтари, где в дни праздников приносились жертвы богине Весте (9 июня).

²⁹⁵ *Козье болото* — место в излучине Тибра, впоследствии получившее название «Марсово поле».

²⁹⁶ Родовое имя Юлий считалось латинским, хотя его и связывали с троянским именем Ил. Прозвище Прокул давалось лицам, рожденным от чужестранцев. По одной из версий предания, Юлий Прокул выдвигался латинами в качестве преемника Ромула.

²⁹⁷ *Трабея* — тога, видимо, этрусского происхождения. Она была из пурпура или имела горизонтальные нашивные полосы из пурпура.

²⁹⁸ В позднереспубликанскую эпоху квириты — обращение ко всем гражданам. В древнейшие времена, видимо, квиритами были члены религиозных родовых объединений — курий, покровителем которых считался бог Квирин.

²⁹⁹ Слово «Неми» на латинском, а также на греческом и кельтском языках означает священную реку, примыкающую к лесу и водному потоку. Возможно, от той же основы «нем» — название реки Немунус у литовцев, древнерусское Немон, украинское Немон, современное русское Неман.

³⁰⁰ *Помпилий* — родовое имя, образованное от слова «ротра» в значении «священная процессия».

³⁰¹ «Нума» — слово, означающее на языке сабинян «имя», соответствует латинскому «numen» — божество. Таким образом, подобно тому как первый римский царь получил имя от названия поселения, второй стал называться по имени бога, покровителя этого поселения.

³⁰² Одна из широко распространенных легенд делает Нуму учеником греческого мудреца Пифагора, переселившегося на юг Италии с населенного тирренами (этрусками) острова Самоса. Видимо, распространителями этой легенды были итальянские тиррены (этруски), старавшиеся обосновать свои права на господство в Риме. Ученичество Нумы у Пифагора было отвергнуто уже в древности по хронологическим соображениям: Пифагор жил в Италии в конце VI в. до н. э., когда власть царей в Риме близилась к концу, а не начиналась.

В противовес этрусской легенде о тиррене Пифагоре как наставнике Нумы были выдвинуты две другие легенды. Согласно одной из них, деяниями Нумы руководила нимфа Эгерия, ручей которой протекал в живописной местности к югу от Рима, в Эрицийских горах. По другой легенде, Нумой руководил не знаменитый философ Пифагор, а его тезка Пифагор, победитель в беге на XVI Олимпийских играх. При этом остается неясным, чему этот Пифагор-атлет мог научить второго римского царя, не проявлявшего интереса к атлетике.

³⁰³ *Камены* — у древних латинян и сабинян божества вод. В Риме источник камен находился на лугу за Капенскими воротами. Здесь каменам и нимфе Эгерии совершались жертвенные возлияния водой и молоком. Из источника камен ежедневно выстали черпали воду для храма Весты. Происхождение слова *самена* неясно. Античные этимологизаторы ошибочно объясняли его от латинского *самен* («песня») по аналогии с греческими музами. Однако первоначальная форма теонима — *самена*, что дает возможность предположить этрусское происхождение культа камен.

³⁰⁴ *Авгур* (*лат.* *augur*, обладавшее общим корнем со словом *avis* — «птица», в написании самих римлян — *auis*) — гадатель по птицам, предвещатель, пророк. Однако термин ассоциировался (хотя и ошибочно с точки зрения этимологии) с глаголом *augere* — «приумножать, увеличивать, расширять, возвращать», и, таким образом, у поэта Овидия слова *augur* и *augurium* (место гадания авгура) попадали в один ряд с *Augustus*. Именно поэтому для древних повествователей о римской старине встреча Нумы Помпилия с авгуром означала нечто большее, чем встреча с каким-либо другим жрецом, например, с гарусником.

³⁰⁵ Эту палку или, точнее, жезл римляне называли *lituus*. Она имела этрусское происхождение, как многие другие атрибуты жреческой и царской власти в Риме.

³⁰⁶ «Улыбка авгура» вошла в римскую поговорку, впервые приведенную римским оратором Марком Туллием Цицероном.

³⁰⁷ *Авгуры* — коллегия римских жрецов, предсказателей по природным явлениям, рассматривавшимся как посылаемые богами знамения. Одним из главных способов гаданий было наблюдение за полетом, криками и кормлением птиц (ауспиции), предшествовавшее принятию решений большого государственного значения.

³⁰⁸ Запрет на использование железа существовал не только у римлян, но и у других народов. Это отношение к железу как к металлу, приносящему зло, отразилось и в поэме греческого поэта Гесиода (конец VIII—VII в. до н. э.), давшего описание железного века как времени крушения всех моральных основ жизни и веры в богов.

³⁰⁹ Часть древних авторов считала, что понтификом величайшим был сам Нума Помпилий, а вслед за ним и другие цари. Это маловероятно. В коллегия понтификов входил также *rex sacrorum* («царь священнодействий»), однако общее число понтификов для периода ранней и республиканской эпохи неизвестно.

³¹⁰ *Lat. terminus* соответствует греческому *terma* в том же значении «столб», «конец», «предел», ирландскому *terman*. Одно из латинских значений термина — «фаллос», также бывший объектом почитания. Культ Термина укреплял право собственности на землю страхом оскорбить священные межевые камни, разделяющие владения собственников земельных участков. Но само утверждение права собственности было результатом длительного процесса разложения общинного землепользования, поэтому вряд ли почитание Термина могло быть введено при первых римских царях. Скорее всего, это законодательное мероприятие времен правивших в Риме этрусков. Их священные книги, авторство которых приписывалось нимфе Вегойе (возможно, прототипу римской Эгерии), сообщали: «Юпитер повелел измерить и обозначить земельные наделы. Зная человеческую жадность, он пожелал, чтобы все было известно по межевым знакам. Но если кому случится передвинуть их, чтобы расширить свои владения и уменьшить чужие, он будет проклят богами».

Слово «термин», потеряв свое древнее значение «священной межи», сохранилось в европейских языках для обозначения строго определенного понятия в той или иной области знаний — науках. Совокупность общепринятых терминов и учение об их разграничении называется терминологией.

³¹¹ В римском религиозном календаре 23 февраля — «праздник Термина», он знаменует рубеж года. Видимо, введение почитания Термина приписывалось Нуме, поскольку его же считали реформатором римского календаря. Но февраль воспринимался как месяц почитания мертвых. К тому же, существовала версия о введении культа Термина Титом Тацием.

³¹² Культ Термина впоследствии осуществлялся в храме Юпитера Капитолийского. При этом в кровле храма над участ-

ком Термина пробивалось отверстие, видимо, чтобы не лишить бога общения с природой.

³¹³ В Риме наряду с силами, воплощающими природные явления, почитались такие абстрактные моральные понятия, как Доблесть (Virtus), Согласие (Concordia), Благочестие (Pietas), Честь (Honos). Им воздвигались храмы.

³¹⁴ *Богиня Верность* (Fides) была в Риме одним из обожествленных абстрактных понятий. Под нею понимали точное исполнение общинных, впоследствии государственных установлений и обычаев. Однако ее храм, где хранились договоры и другие документы общественного характера, был сооружен лишь в 250 г. до н. э. Но поскольку поздние римские историки не могли себе представить, как могло существовать римское государство без храма Верности, основание этого храма было приписано Нуме Помпилию. Впрочем, Верность могла почитаться ранее 250 г. до н. э. вне храма.

³¹⁵ Таким образом, правая рука, считавшаяся воплощением Верности, оберегалась от соприкосновения со всем нечистым и прежде всего с ложью.

³¹⁶ *Фавн* (лат. Faunus) — древнее италийское божество полей и лесов, введенное в Лацию, по преданию, аркадянином Эвандром. Главным местом его культа был Палатин и территория, к нему примыкающая.

Функции покровителя стад и пастухов, унаследованные от более раннего культа близких к греческим сатирам фавнов, обитавших в лесах и любивших сопровождать охотников, облегчили впоследствии его отождествление с греческим аркадским божеством Паном. С этим отождествлением связано то место, которое занял в рассказах об установлении культа Фавна Эвандр. Скорее всего, тогда же, по мере разработки легенды об Энее, Фавн стал рассматриваться как один из древних царей Лация, правивших еще до появления в Италии троянских беглецов, унаследовав власть от другого древнейшего царя латинян — Пика. Считалось, что от него она и перешла к Латину, которого одни авторы называют его сыном, другие — сыном Геракла и с которыми связывают появление в Лации Энея.

³¹⁷ *Пик* (лат. Picus — «дятел») — считался священной птицей Марса и проводником выселяемых из города юношей по обряду «священной весны» (veg sacrum). Согласно Плутарху, Пик вместе с волчицей участвовал в кормлении сыновей Марса, подкидышей Ромула и Рема. По Августину, использовавшему несохранившийся труд Варрона, Ромул сделал Пика богом на Палатине.

³¹⁸ Рассказ о пленении Нумой Фавна и Пика и беседе с Юпитером уникален для римских преданий, поскольку в них боги обычно не являются действующими персонажами. Очевидно, весь этот сюжет принадлежит позднему античному автору, решившемуся оживить римскую историю на греческий манер.

³¹⁹ Эти щиты назывались *ancilia* и имели форму восьмерки. Щиты той же формы существовали во II тысячелетии до н. э. у критян и микенцев. Само слово в латинском языке является заимствованием, возможно, из этрусского языка.

³²⁰ Римские авторы производили название коллегии жрецов «салии» от латинского слова *salire* («прыгать»), что соответствовало их прыжкам во время священного обхода города. Однако слово это имеет этрусское происхождение (от *sal* — «жертва») и обозначает «жертвователи».

³²¹ 43 года по Титу Ливию, у Цицерона — 39 лет правления. Согласно Плутарху, Нума прожил более 80 лет: долгая жизнь дополняет образ мудреца и ученика Пифагора. Ему приписано отцовство четырех сыновей, младший из которых, Мамерк, считался основателем рода Эмилиев.

³²² *Саркофаг* — греческое слово со значением «пожиратель мяса».

³²³ Эпизод с находкой погребения Нумы относили в древности к 573 г. от основания Рима — 181 г. до н. э. В принципе рукописи могли сохраняться в герметически замкнутом каменном ящике много столетий. Но принадлежность найденных свитков второму римскому царю вызывает сомнения (особенно то, что вместе с греческими находились латинские тексты). Ни одна из кратких латинских надписей, обнаруженных в последние годы в ходе раскопок, не восходит ко времени Нумы. Да и латинский язык царской эпохи вряд ли мог бы быть понят человеком II в. до н. э., не обладавшим навыком чтения древних текстов. Однако сожжение греческих книг, о котором сообщает предание, согласуется со временем их находки. В начале II в. до н. э. в римском обществе проявилась резкая реакция римских «патриотов» против всего чуждого римским дедовским обычаям, и прежде всего против греческой образованности.

³²⁴ *Грекулы* («гречишки») — презрительная кличка эллинов у римлян.

³²⁵ *Комиций* — площадь в Риме, место народных собраний (комиций). Комиций находился у склона Капитолия, к северо-западу от Форума и имел форму квадрата, ориентированного по странам света. Близ находившейся к северу от комиция Гостилиевой курии, на месте, пораженном молнией, а потому считавшемся священным, росла Руминальская смоковница, пересаженная сюда из Капитолия.

³²⁶ Именно этот существовавший в пяти милях от Рима с незапамятных времен «Клуилиев ров» (в значении «очистной ров») породил никогда не существовавшего альбанского царя Клуилия. Он был необходим создателям легенды для придания ей видимости реального события.

³²⁷ У латинян должности диктатора соответствовало высшее должностное лицо «меддикс». Видимо, отсюда в рассказах римских историков появился персонаж с именем Метт (Меттий).

³²⁸ Использование схватки отдельных героев для решения судьбы войны и воюющих сторон засвидетельствовано у многих народов на ранних ступенях их развития — евреев, греков, германцев, кельтов. В ирландской легенде о Кухулуне, так же как в римской о Горациях и Куриациях, описывается схватка трех близнецов с одной стороны с тремя близнецами с другой стороны.

³²⁹ Допустимо предположение В. Коптева о том, что понятие «братья» и «близнецы» первоначально не означало кровной близости, а лишь принадлежность к одной возрастной группе участников инициации. Что же касается представлений о триничности как принципе престолонаследия в царском Риме, то это неприемлемая гипотеза, равно как и соображения о первых римских царях как реальных личностях.

³³⁰ Брус, под которым должен был пройти Гораций, чтобы очиститься от пролитой им крови сестры, назывался «сестринным брусом». Он сохранился до времени Августа, и его чинили на общественный счет. Скорее всего, в древности на этом месте происходили испытания молодежи — инициации, известные многим народам, сохранившим родоплеменную организацию. Когда эти испытания у римлян ушли в прошлое и стали непонятными, воспоминание о них было переработано древними историками таким образом, что состязавшиеся юноши были превращены в противников.

³³¹ *Страх и Смятение* — боги, почитание которых известно еще Гомеру. Им приносили благодарственные жертвы в случае панического страха воинов.

³³² В Риме существовали две коллегии жрецов-салиев. Основание Палатинской коллегии, ведавшей культом Марса, приписывалось Нуме Помпилию; Коллинской, осуществлявшей культ Квирина, — Туллу Гостилию.

³³³ Связанные с Туллом Гостилием предания характеризуют его как эпического героя, целиком отдавшего себя войне, в отличие от своего предшественника царя-жреца и законодателя Нумы Помпилия. Легенды не дают объяснения, чем прогневал Тулл богов, обрушивших в последние годы его царствования свой гнев на римлян.

³³⁴ У древних историков нет единого мнения о времени включения холма Целий в городскую черту Рима. Некоторые из них приписывают освоение этого холма уже Ромулу, другие — Алку Марцию, третьи — Тарквинию Древнему. Тот факт, что царский дом находился на Целии, позволяет видеть в этом холме такое же ядро Рима, как Палатин.

³³⁵ Курия (место собраний сената) Гостилия считалась сооружением царя Тулла Гостилия по совпадению названия и имени. Хотя она неоднократно перестраивалась, ничто не говорит о том, что она могла быть воздвигнута в VII в. до н. э.

³³⁶ Видимо, приписываемая Туллу Гостилию жестокость диктовала именно такое завершение его жизни.

³³⁷ Царь с сабинским личным именем Анк и латинским родовым именем Марций (от *Marcus*) — такая же легендарная фигура, как его мнимый предшественник. Род Марциев с прозвищем «Рех» (царь) впервые удостоверяется в конце III в. до н. э. В раннюю эпоху был известен также легендарный персонаж Гней Марций (Кориолан), которого считали выходцем из того же царского рода. Скорее всего, прозвище «Рекс» и породило легенду о том, что один из Марциев в старину был царем. Чтобы изобразить его законным царем, ему приписали родство с Нумой Помпилием, а это, в свою очередь, определило индивидуализацию его портрета по образцу «деда».

Приписанные Анку Марцию войны с соседями в принципе могли происходить во времена, к которым относят его жизнь. Археология доказала существование большей части городов, победы над которыми были отнесены ко времени Анка Марция. Но все детали этих войн не более чем фантазия.

³³⁸ По другой версии, коллегия фециалов (*fetiales*) была создана уже Нумой Помпилием. Древность процедуры заключения мира явствует из ее характера. Само описание церемонии заключения мира заимствовано древними историками из священных книг жрецов-понтификов.

³³⁹ Политорий, согласно легенде, которая излагалась во II в. до н. э., был основан троянцем Политом, сыном царя Приама и Гекубы. Плиний Старший отнес Политорий (у него — город полетауринцев) к числу рано исчезнувших городов. В ходе раскопок территории города, ведущихся с 1974 г., было обнаружено курганный захоронение, видимо служившее царской гробницей, и погребения воинов, захораниваемых в полном вооружении. В головах клали меч в ножнах, сбоку — копьё с железным наконечником. В могилу помещали также щиты и конские украшения. И в мужских и в женских погребениях — множество бронзовых сосудов различного происхождения (греческих и этрусских), золотые и серебряные изделия, резная слоновая кость. Эти богатства, сопровождавшие покойников на тот свет, дают для понимания времени Анка Марция и его предшественников больше, чем попытки поздних историков воссоздать раннюю историю Рима. Согласно Ливию, Политорий был разрушен не после взятия его, но в ходе другой операции — когда опустевший город был заселен древними латинами.

³⁴⁰ *Теллена* — город близ Ардеи. В его названии звучит имя богини земли *Теллус*.

³⁴¹ *Фикана* находилась в 6 км от побережья, близ девятого милевого столба, на дороге Рим — Остия, занимая холм и долину Монте Куньо. Город был выявлен раскопками, начавшимися в 1975 г. С трех сторон он выходил на обрыв, а с четвертой за-

щицался стеною и рвом, возведенными, судя по археологическим данным, в конце VIII в. до н. э. Но население в этом месте существовало и до этого, по крайней мере с X в. до н. э.

³⁴² *Медуллия* — рано исчезнувший город древнего Лация. Точное его местоположение неизвестно. В древности в Альпах жил небольшой народ медуллии. Можно думать, что это совпадение не случайно. Городами могли считаться укрепления отдельных племен.

³⁴³ В этой низине при этрусских царях возник Великий цирк (*Circus Maximus*).

³⁴⁴ Мост этот сохранялся в Риме вплоть до V в. н. э. Видимо, его постройка была приписана Марциу, поскольку он считался основателем Остии в низовьях Тибра.

³⁴⁵ Тюрьма, остатки которой сохранились до наших дней, находилась между храмом Конкордии (Согласия) и склоном Капитолия и называлась также Туллианум, что позволяет в ней видеть сооружение времени преемника Анка Марция Сервия Туллия.

³⁴⁶ В легендах об этрусских царях в Риме женщине по имени Танаквиль принадлежит особая роль. Она фактически посадила на римский трон двух царей — Луция Тарквиния и Сервия Туллия. В образе Танаквиль отразились расхожие представления греков и римлян о том, что женщина в этруском обществе занимала неизмеримо более высокое положение, чем где-либо в античном мире. Связь Танаквиль с гаданиями, ее дар предвидения не исключают возможности того, что супруге первого римского царя передались черты этрусских пророчиц, о которых римлянам было известно по переведенным во II—I вв. до н. э. на латинский язык этрусским пророчествам.

³⁴⁷ *Пилей* — остроконечный головной убор в форме современной тюбетейки. Изображение его встречается на этрусских фресках. В Риме пилей стал атрибутом жрецов понтификов и фламингов.

³⁴⁸ *Рума* — так этрусски называли Рим. В этруском алфавите не было буквы «о».

³⁴⁹ *Херкле* — один из наиболее почитаемых героев Этрурии, отождествляемый с греческим Гераклом. В первоначальной ипостаси Херкле — воитель, прообраз царя, защищающего свой город от враждебных ему сил. По-видимому, он был также покровителем торговли. В образе и культе этрусского Херкле и его восприемника римского Геркулеса можно выделить элементы, характерные для греческого Геракла. Это священная реликвия — дубина, с помощью которой будто бы отпугивали собак, а также обычай принесения жертвы с обнаженной головой. Древнейшее свидетельство почитания Херкле — сосуды из Цер, на которых изображены его подвиги. Позднее появляются этрусские бронзовые статуэтки Херкле с дубиной в руке

и львиной шкурой на плечах. На этрусских металлических зеркалах он участник сцен, известных из греческой мифологической традиции о Геракле: Херкле и Ахелой, Херкле и амазонка, Херкле и кентавр, Херкле и Кикнос, но он изображен также и с героем местной мифологии Каком.

³⁵⁰ *Тиния* — этрусский бог-громовержец, соответствующий греческому Зевсу и римскому Юпитеру. Он считался распорядителем трех молний и правителем трех из шестнадцати небесных регионов. Молнии Тинии различались по силе и воздействию: одна из них просверливала, другая рассеивала, третья испепеляла. В то же время у этрусов главным богом неба и господином всех начал считался не Тиния, а Киленс, соответствующий Янусу. Отождествление Тинии с Зевсом и Юпитером отражено в изображениях на этрусских зеркалах, где он выступает супругом Геры.

³⁵¹ *Сефланс* — этрусский бог — покровитель кузнечного ремесла, изображавшийся на этрусских монетах со своими орудиями: молотом и клещами.

³⁵² Согласно греческому историку Полибию, первоначальное имя пятого этрусского царя — Левкий, сын Демарата.

³⁵³ *Атрий* (лат. atrium) — центральное помещение первоначально этрусского, а затем и римского дома. Оно освещалось через квадратное отверстие в кровле дома (компливий), обладавшее не только функциональным, но и сакральным значением — через него символически проходила ось, соединявшая дом с верхним и нижним мирами. Небесная влага собиралась в продолговатом углублении под комплювием (импливией). Рядом помещался шкаф с восковыми масками предков и очаг. Римляне производили слово atrium от лат. ater — «темный». На самом деле это этрусское слово, основу которого мы находим в названии Адриатического моря.

³⁵⁴ Латинское слово *circus* соответствует русскому «круг». Оно получило название по кругу (или овалу), засыпанному песком (лат. arena — «песок»), вокруг которого тем же кругом располагались зрители. Римляне вплоть до IV в. н. э. читали это слово не «цирк», как мы, а «кирк». Сходство этого названия с именем волшебницы Кирки — не случайность. Ведь цирк был первоначально не просто местом зрелищ, но и площадкой для совершения магических (коловских) обрядов плодородия. В позднейшем римском цирке сохранились как пережиток этих обрядов изображения дельфинов и семи яиц, символизирующих плодородие. Совершение торжественного кругового обхода (помпы) и объезда на конях цирка также было магической церемонией, обеспечивающей городу плодородие. Круг соответствовал кругообороту солнца и в широком смысле — жизни. Ее стимулировали, согласно религиозным представлениям, кровавые человеческие жертвоприношения в форме состязаний приговоренных к смерти людей.

Этрусское происхождение римского цирка и совершавшихся на нем празднеств доказывается свидетельством как литературных источников, так и археологических памятников. Однако археологические данные о цирке времен этрусских царей в Риме отсутствуют.

³⁵⁵ О том, что пространство будущего Форума представляло собой обширное кладбище, можно судить по тому, что одна его часть, где погребения в сосудах чаще всего выходили наружу, называлась «кувшинчики». В таких кувшинчиках захоранивали пепел покойников. Кладбища римского Форума раскапывались археологами с начала XX в. Господствующий способ захоронения — трупосожжение. Над большей частью кладбищ впоследствии появились хижины. Их устройство восстановлено археологами.

³⁵⁶ *Клоака Величайшая* (cloaca maxima), приписываемая обитателям Тарквиниям, скорее всего, была результатом длительных работ, начавшихся во время этрусского владычества в Риме и продолженных в республиканскую эпоху. Начинаясь она на Аргилете, в местности, покрытой белым, серебристым песком, и собирала воды с Эсквилина, Виминала и Квиринала. Проходя под Форумом, где высота ее имела 4 м, а ширина — 3 м, она сворачивала в сторону Велабра, затем пересекала Бычий рынок и вливалась воды и нечистоты в Тибр, где ее выход можно видеть и поныне. Древнее сооружение сохранилось до наших дней, являясь частью канализационной системы современного Рима.

³⁵⁷ Замостка Форума обнаружена в ходе шведских археологических раскопок Э. Гьёрстада. Трактуюя свое открытие как «урбанистический взрыв», он датировал его 625—620 гг. до н. э., что совпадает по времени с традиционной хронологией начала царствования Тарквиния Древнего. Позднее правильность предложенной Гьёрстадом датировки была подтверждена, но сама концепция начала города почти единодушно отвергнута исследователями, увидевшими в ней возрождение гиперкритицизма.

Дж. Колонна пересмотрел археологический материал, на котором Гьёрстад построил свою концепцию догородского и городского Рима, и показал, что следует говорить о постепенном накоплении изменений в характере и облике Рима как города, сформировавшегося из нескольких сельских поселений к 575—550 гг. до н. э.

³⁵⁸ *Турма* — отряд конницы в первоначальном римском легионе из тридцати всадников. Во времена республики в каждом легионе было 10 турм.

³⁵⁹ Сообщается, что Атту Навию на комиции (той части Форума, где осуществлялось голосование) было воздвигнуто изваяние с непокрытой головой, обессмертившее искусство авгуров. Детальное описание позы статуи дает Дионисий Галикарнасский. Однако Плиний Старший утверждает, что статуя была разрушена землетрясением 52 г. до н. э. Либо ко времени прибытия

в Рим Дионисия Галикарнасского она была восстановлена, либо Дионисий давал описание ее по более ранним источникам.

³⁶⁰ Детальное описание этого сражения у деревянного моста через речку Аниен приводится Титом Ливием. Обращает на себя внимание тактический прием — использование брошенных в реку бревен, затем подожженных.

³⁶¹ *Вулкан* — итальянский бог подземного огня, в позднее время отождествленный с греческим Гефестом. Его праздник (*volcanalia*) отмечался в Риме ежегодно 23 августа на участке, отведенном богу. По сообщению Феста, жертвоприношение осуществлялось «за человеческие души», что позволяет видеть в Вулкане божество подземного мира. Первоначально этрусско-римский бог Волкан (от этрусского *vulca* — «волк») был связан с богинями Майей и Вестой. В пользу этого говорит и теоним (*лат.* *Vulcanus, Volcanus*). Огромный волк с разверстой пастью изображался на погребальных стелах итальянского племени давнов. Начало почитания Волкана в Риме предания относят ко времени Ромула или его соправителя Тита Тация. Волкана считали отцом чудовища Кака и царя Сервия Туллия, родившегося в пламени домашнего очага. Из деталей битвы при Аниене (поджог бревен) может быть заключено, что сама битва реконструирована на основании обряда жертвоприношения Вулкану, уже отождествленному с Гефестом как богом огня.

³⁶² Этрусская улица начиналась на Форуме, на участке между будущими храмом Кастора и Юлиевой базиликой, и, спускаясь по склону Палатина, вела к Цирку Величайшему. Достопримечательностью ее была статуя бога Вертумна, которого римские знатоки древности считали главным божеством Этрурии. Этот же бог почитался в храме на Авентине. Вряд ли установление статуи Вертумна относится ко времени Тарквиниев. Скорее всего, римляне «переманили» этого бога к себе во время осады центра этрусского двенадцатиградья Вольсинии в 264 г. до н. э.

³⁶³ Имеется свидетельство античных авторов о древнем дубе, дереве Тинии (Юпитера) с этрусской надписью. В ходе археологических раскопок в последние десятилетия в Риме обнаружено несколько этрусских надписей. Из сообщений древних авторов также известно, что юные римляне в ранние времена изучали этрусский язык, как позднее — греческий.

³⁶⁴ Тит Ливий, в распоряжении которого находилась как патрицианская, так и плебейская историческая традиция, смягчил оценки. Ему, возможно, знавшему по сочинениям Посидония о восстаниях сицилийских рабов и слышавшему отзывы старших современников о спартаковском восстании, несомненно, учитываявавшему политику Августа по наведению порядка в Италии, претила мысль о происхождении шестого римского царя от рабыни, и он подчеркивает, что Сервий родился в семье принцепса города Корникула (во времена Ливия так можно было сказать о муниципале). Дионисий Галикарнасский, более дале-

кий, чем Ливий, от времен политических споров и не подверженный контролю со стороны Августа, ничтоже сумняшеся контаминирует в «Римских древностях» две противоположные версии о происхождении и политике Сервия Туллия: он у него равно и поддерживает патрицианский сенат, богатых людей, и сочувствует беднякам и плебеям. Более того, у галикарнасца обнаруживается след еще одной версии, которую впоследствии развил в своей речи в сенате и, надо думать, в не дошедшей до нас «Истории этрусков» ученик Тита Ливия император Клавдий. Сервий Туллий попутно охарактеризован им как *ksenon de kai arolin* («чужестранец без гражданства»). Есть версии, называющие отцом Сервия бога Волкана (Вулкана), и это позволяет его связать с этрусским родом Волка, или богом *Velchans*, имеющем участок на этрусской гадательной печени из Пьяченцы.

³⁶⁵ *Гений* — буквально: «рождающий» — носитель присущей мужчине индивидуальной «силы», которая определяет не только его способность воспроизводить самого себя, но и характеризует его личность. Гений исчезает вместе с человеком, воплощением силы которого он является. День рождения человека — праздник Гения. Гению мужчины соответствует Юнона, покровительница женщин.

На монетах и в искусстве Гений изображался в раннее время чаще всего с бородой, с обнаженной верхней частью тела, рогом или жертвенной чашей в руках, иногда имея портретный облик.

Первоначально Гений мыслился покровителем семьи и ее родоначальника, которому приносили жертвы и чьим именем клялись. В этом значении Гений идентичен Лару. Впоследствии стали говорить о гениях мест, воинских подразделений, городов, провинций и даже театров и торжищ. Представление о Гении, существующем вне человека, является, видимо, более поздним, так же как и то, что Гений имел облик змея.

³⁶⁶ *Меония* — древнее название Лидии, считавшейся как самими этрусками, так и преобладающим большинством античных историков родиной этрусков.

³⁶⁷ *Ликторы* — почетная стража, сопровождавшая консула в общественных местах. Перед консулом шло 12 ликторов, в обязанности которых входило охранять консула и других должностных лиц, выполнять его распоряжения и приговоры. Ликторы несли *фаски* — пучки розог, в которые за пределами города втыкался топор. Впервые ликторы с фасками появились при этрусских правителях. От царей они перешли к консулам как носителям высшей власти.

³⁶⁸ Под длительным воздействием пламени и копоти очага маски, хранившиеся в атриии, покрывались копотью, и изображения предков можно было принять за эфипов.

³⁶⁹ Античные авторы приписывают Сервию Туллию ряд реформ, важнейшую из которых принято называть центуриатной.

Сервий Туллий, согласно традиции, разделил свободных граждан, способных носить оружие, на пять классов по имущественному принципу и выделил граждан, стоящих вне классов из-за бедности, — пролетариев (не имевших ничего, кроме своего потомства — *proles*). Латинское слово *classis* происходит от глагола *calare* в первоначальном значении «созывать», «призывать» — таким образом, «класс» употребляется в смысле «набор», «призыв». Первый класс включал лиц, чье имущество оценивалось в 100 тысяч ассов, второй — 75 000 ассов, третий — 50 тысяч ассов, четвертый — 11 или 12,5 тысяч ассов. В соответствии с имущественным положением каждый из классов выставлял определенное количество центурий («сотен») — подразделений римской пехоты и одновременно единиц для голосования во вновь созданных собраниях по центуриям — центуриатных комициях.

В эту систему были включены и всадники. Согласно традиции, при Сервии Туллии их число составило 18 центурий: 6 старых плюс 12 новых. Но трудно себе представить, что в первой половине VI в. до н. э. Рим мог выставить такое количество конных центурий. Можно думать, что Сервий Туллий удвоил число центурий, введя наряду со старыми центуриями Тициев, Рамнов и Луцеров три новые центурии всадников под теми же именами. Шести центуриям всадников по римским обычаям должно было соответствовать тридцать центурий пехотинцев (пять к одному — таково соотношение пехоты и конницы в легионе). Среди центурий, созданных Сервием Туллием, были *centuries iuniores*, т. е. молодые по возрасту «строевые» центурии, и *centuries seniores*, т. е. «старшие», «нестроевые». Общее количество воинов пеших и конных составляло 3600 человек.

Имущественное положение определяло и политические права. Новое народное собрание было собранием воинов и в соответствии с этим функционировало за городской стеной, на Марсовом поле. Каждое воинское подразделение обладало одним голосом. Всего насчитывалось 193 центурии, среди которых 18 центурий всадников и 80 центурий первого класса составляли абсолютное большинство.

Кем же был Сервий Туллий в этой системе, сохранявшей привилегии аристократии и одновременно исключавшей тиранию большинства? Не назывался ли он *magister*, как можно предположить на основании слова «мастарна», считая его испорченным титулом должностного лица, т. е. не был ли он *magister populi*, как впоследствии римляне стали называть диктатора? Возможно, *magister populi* соответствовал этрусскому *mechthuta*, как именовали этрусски глав своих государств.

³⁷⁰ *Фортуна* — богиня судьбы и счастья, одно из наиболее почитаемых римлянами и италиками божеств. Считалось, что от нее зависели не только люди, но и боги. Первый в Риме храм Фортуны был приписан Сервию Туллию. Впоследствии, когда

появился храм женской Фортуны, его стали называть храмом Фортуны мужской. Фортуну изображали с рогом изобилия и с веслом, как «кормчего» человеческой жизни, иногда на шаре или колесе с повязкой на глазах.

³⁷¹ Храм Фортуны, находившийся на одном фундаменте с храмом Матер Матуты, другой италийской богини, был обнаружен археологами в ходе раскопок 1937—1977 гг. на том самом месте, где его поместила античная традиция. И он действительно относится ко времени Сервия Туллия, к середине VI в. до н. э. В третьей четверти VI в. до н. э. этот храм был разрушен, его площадка выровнена и на ней воздвигнут новый храм. Так археология подтвердила легенду о враждебности приемника Сервия Туллия Тарквиния Высокомерного к начинаниям своего предшественника.

³⁷² Этот идол избежал уничтожения и, видимо, был перенесен в храм, который был воздвигнут Тарквинием Высокомерным и, в свою очередь, уничтожен пожаром в 213 г. до н. э. Сохранилось сообщение, что статую Сервия (или Фортуны) держал у себя дома знаменитый Элий Сейян, римлянин этрусского происхождения, организатор заговора против императора Тиберия.

³⁷³ В знак заключения мира на Авентине была водружена бронзовая колонна с надписью, возвещавшей условия заключенного между Римом и латинянами союза. Колонна пережила галльский пожар и сохранилась до времени Августа.

³⁷⁴ Городские стены так же, как и писанные законы, часто с ними в древности сравнивавшиеся, — существенный элемент полиса. Стены, сооруженные Ромулом и, согласно легенде, ставшие причиной братоубийства, защищали кастель на Палатине — небольшое крепостное сооружение, а не город. Строительство каменной стены (*murus lapideus*) начал Тарквиний Древний, но полностью окружил Рим стеной и валом Сервий Туллий. Впервые Рим был отделен от своей сельской округи.

Старые исследователи видели в этом событии легенду. Стена, если условно соединить воедино четырнадцать ее сохранившихся участков, охватывает значительное пространство. Но характер кладки, как долгое время считалось, принадлежал IV в. до н. э., т. е. времени после галльского пожара, или, как предполагал итальянский ученый начала ушедшего столетия Газано де Санктис, не древнее 2-й Пунической войны. Однако позднее исследование кладки установило, что часть этих участков относится к VI в. до н. э., а часть к IV в. Остатки стены царского периода состоят из небольших туфовых блоков. Туф, из которого они выбиты, мягкий, рассыпчатый; итальянцы называют его *sarPELLASSIO*, он же засвидетельствован в подии храма Юпитера Капитолийского. Стены IV в. до н. э. сложены из блоков туфа, больших по размеру и более крепких, доставлявшихся из каменоломен на берегу Аниена и копей Фиден. Частью фортифика-

ционной системы был земляной вал — *murus tereus* и ров глубиной до шести метров. Вся стена охватывала Палатин, Капитолий, Целий и Авентин, а позднее еще — Квиринал и Виминал.

³⁷⁵ Этот этиологический миф призван объяснить, почему храм Дианы был украшен коровьими рогами. Древние авторы, давшие это истолкование, не могли знать, что задолго до Сервия Туллия на храмах минойского и микенского Крита имелись «рога приношения» (коровьи или бычьи). Бык, воплощавший бога, вступал с человеком в состязание, напомилавшее испанскую корриду, которое рассматривалось как жертвоприношение.

³⁷⁶ У римлян не было личных женских имен — они получали имя родовое, поэтому в доме отца, чтобы не вносить путаницы, использовали порядковые номера — Прима (Первая), Секунда (Вторая), Терция (Третья) и т. д., или Майо (сокращенное Майор — Старшая) для первой из дочерей, Мино (Минор — Младшая) — для второй.

³⁷⁷ В 497 г. до н. э. на Форуме у подножия Капитолийского холма был воздвигнут храм Сатурна, древнейшего италийского божества, которому был посвящен праздник Сатурналии. В 495 г. до н. э. был освящен храм Меркурия; последующее упоминание Ливием этого храма лишний раз подтверждает правильность даты основания, в 493 г. до н. э. — храм Цереры, Либера и Либеры, находившийся у Цирка Величайшего, в 284 г. до н. э. — храм Диоскуров на Форуме.

³⁷⁸ Дорогостоящие постройки, согласно их оценке греческим философом Аристотелем, — типичный для деспотической формы правления способ увеличения могущества тирана и разорения сограждан. Подтверждения этого правила можно найти не только в древней (см., например, строительную деятельность Цинь Ши Хуанди в Древнем Китае), но и в новейшей истории.

³⁷⁹ *Габии* находились на берегу живописного озера, в 18 км к востоку от Рима. По преданию, это один из древнейших городов Лация, основанный еще предшественниками латинян сикулами или Альбой Лонгой. Римляне заимствовали из Габий особый способ подпоясывать тогу (*cinctus Gabinus*), дававший возможность забрасывать утолщенный край этого одеяния через левое плечо.

В ходе раскопок некрополя Габий в Остерии дель Оза в начале 90-х гг. XX в. было установлено, что захоронения начались около 830 г. до н. э. и что, таким образом, Габии древнее ромулова Рима.

³⁸⁰ Нет сомнений в том, что Тарквинию удалось захватить Габии и раздвинуть за счет земель этого города свои владения. Однако обстоятельство захвата города неясны. Более всего вызывает сомнение красочная деталь — обезглавливание цветов. О такой же хитрости сообщает греческий историк Геродот применительно к двум персонажам: вавилонянину Зопиру и греку Периандру.

³⁸¹ К сожалению, нет сведений о том, что представляли собой эти «святыни». Археология не выявила их следов. Сервий писал, что на Капитолии находились изображения всех богов, но неясно, относится это к древнейшей или к поздней эпохе существования храма.

³⁸² Удалению святынь Термина препятствовал закон, приписываемый Нуме Помпилию: «Кто выроет Термин, будет проклят сам вместе с быками». Неясно, существовал ли подобный закон в отношении других богов и почему было сделано исключение для Ювенты.

³⁸³ Легенда, изложенная одним из анналистов, Валерием Анциатом, сохранена Плинием Старшим, Сервием, Плутархом и Арнобием.

³⁸⁴ *Caput* (в род. падеже *capitis*) — по-латыни «голова».

³⁸⁵ Имя Олен, которое дано этрусскому гаруспику, не засвидетельствовано среди известных нам по надписям этрусских имен. Возможно, оно результат истолкования слова «*Capitolium*» — *Caput Oli* или *Olis*, т. е. «голова Олена».

³⁸⁶ Первоначальный Капитолийский храм времени этрусских царей можно себе представить по современным ему храмам в этрусских городах, хорошо известным по раскопкам археологов. Его общая площадь 3300 кв. м.

Этот храм сгорел во время пожара в 83 г. до н. э. и был восстановлен в 79 г. до н. э. В 69 г. н. э. во время гражданских смут он вновь сгорел и затем был восстановлен на том же фундаменте в 80 г. Капитолийский храм был главной святыней Древнего Рима, символом вечности и могущества римского государства. Недаром римский поэт Гораций в известном стихотворении «Памятник» измерял жизнь своей поэзии временем существования Капитолия:

Нет, не весь я умру. Лучшая часть моя
Избежит похорон. Буду я славиться
До тех пор, пока жрец с девой безмолвною
Всходит по ступеням в храм Капитолия.

Капитолий был разграблен варварами в VI в. и разрушен в средние века, так что было забыто даже его имя. В настоящее время от него осталась лишь часть опорной стены.

³⁸⁷ Легенда о покупке Тарквинием Сивилиных книг дополняет сведения о централизации культа, главным актом которой было сооружение храма на Капитолии. Нерешительность царя, согласно легенде, не понявшего сразу значения свитков и погубившего большую их часть, можно отнести за счет антиэтрусской направленности римской мифологической традиции.

³⁸⁸ *Авернское озеро*, находившееся в Кампании к северу от Бай (излюбленное место отдыха римской знати), имело вулканическое происхождение, будучи кратером вулкана. Оно мыслилось бездонным, обиталищем призраков и входом в царство

мертвых, по которому в ад спускались Одиссей и Эней. Возле него какое-то время находился оракул мертвых, в начале империи уже не существовавший. Легенда о гибели птиц, пролетающих над озером, возникла от истолкования греками названия озера (*греч.* *Аornos*). Было превращено в 37 г. до н. э. Випсанием Агриппой в гавань.

³⁸⁹ Этрусское имя Тархон (откуда римское Тарквиний) соотносится с этрусским героем Тархоном, мифическим основателем города Тарквинии к северу от Рима, а также Мантуи, Кортонь и ряда других этрусских городов. Оно уводит не только в расположенную на эгейском побережье Лидию, которая почти повсеместно в древности считалась родиной этрусков, но и в другие части Малой Азии. В 1986 г. у Сфинксовых ворот хеттской столицы Хаттусасса была найдена бронзовая пластина с иероглифической надписью, где упомянута страна Тархунтасса на западном берегу реки Кестрос, в области, известной в древности как Памфилия — ныне турецкая Анталия. Возможно, именно она, а не Лидия, как полагал со слов самих этрусков Геродот, была древнейшим местом поселения народа, известно по египетским текстам как ТРС, а грекам — как тирсены (тиррены).

³⁹⁰ Имя Юний не этрусское, а латинское, от богини Юноны, так что по отцу Брут был латинянином.

³⁹¹ Облик и характер Брута обусловлены его этрусским именем, толкуемым римскими историками с помощью латинского языка как «тупой», «глупый». В то же время его успех связан с его глупостью в соответствии с народной мудростью «дуракам счастье» и широко распространенными в фольклоре образами «дурачков», становящихся царями.

³⁹² Золотой жезл, скрытый роговым, — также фольклорный мотив: таким образом «дурачок» скрывал свой ум от всех, кроме божества.

³⁹³ Речь идет о той самой Ардее, которая была резиденцией соперника Энея Турна. Город находился в 25 милях к югу от Рима и в 7 милях от моря и был столицей рутулов, народа латинского происхождения, испытавшего влияние этрусской культуры. Ардея названа среди других городов в тексте договора между Карфагеном и Римом от 509 г. до н. э. Археологические данные подтверждают существование этого города, по крайней мере, в 500 г. до н. э., наличие там укреплений и храма, украшенного терракотами в этрусском стиле. Никаких следов доисторической Ардеи не обнаружено.

³⁹⁴ *Коллация* — по одним данным, латинский, по другим — сабинский город, находившийся в 10 милях к востоку от Рима. Присоединение Коллации отнесено ко временам Тарквиния Древнего. К I в. н. э. от Коллации не сохранилось никаких следов, но тогда была известна Коллатинская дорога.

³⁹⁵ Назначение префекта (начальника) города, согласно римской легендарной традиции, практиковали уже первые римские цари. Эта должность была восстановлена Цезарем, а при Августе стала постоянной. Некоторые древние авторы считают, что Лукреций был назначен не префектом, а «междударем», а сама должность префекта появилась позднее, и первым ее занимал Спурий Ларций.

³⁹⁶ От слова *consulare* — «совещаться, обсуждать, обдумывать, просить совета, принимать меры». Согласно другим данным, высших должностных лиц, унаследовавших царскую власть, поначалу называли не консулами, а преторами.

³⁹⁷ Легенда о насилии над Лукрецией, ее гибели и свержении царей в Риме, изложенная впервые в конце III в. до н. э. Луцием Акцием, а в конце II в. до н. э. римскими анналистами Кассием и Валерием Анциатом, сохранилась в полном виде у писателей времени Августа. С давних пор она вызывала у ученых сомнения. Ее считали поздней выдумкой, использующей греческие образцы (прежде всего изгнание из Афин Писистратидов), или конструкцией, опирающейся на толкование римских религиозных праздников, один из которых назывался «бегство царя». Однако изображения на стенах этрусских гробниц, этрусские надписи и этрусские исторические параллели позволяют думать, что легенда имеет некую историческую основу.

³⁹⁸ Предание, объясняющее особую близость Валезия к богам подземного мира, сохранено историком Валерием Максимом и византийским автором Зосимом, между которыми существуют расхождения в некоторых пунктах. У Валерия Максима Валезий обращается с молитвой к ларам, у Зосима — к богине очага Весте. Зосим вводит отсутствующую у Валерия Максима деталь: перед домом Валезия была роща из огромных деревьев, которую воспламенили молнии богов незадолго до того, как детей постигла болезнь. Зосим излагает также историю появления обнаруженного Валезием алтаря Дита и Персефоны, появившегося во время войны римлян и альбанцев, и объясняет якобы полученное отцом спасенных детей новое имя: «Оба народа уже стояли во всеоружии, когда появился некий чудесный муж в черной шкуре, громко огласивший римлянам повеление богов перед вступлением в рукопашный бой принести им жертву под землей. Возвествив это, он исчез. Смущенные видением римляне соорудили алтарь под землей и, совершив жертвоприношение, засыпали его землей на 20 футов, чтобы никому другому, кроме римлян, об этом не было известно. Указанный жертвеник был найден Валезием, совершившим жертвоприношение и всеночные празднества и вследствие этого прозванным Манием Валерием Тарентином. Ибо подземных богов римляне называют манами, а быть здоровым на их языке звучит *valere*».

³⁹⁹ Такое объяснение давали римские историки заговору молодежи в ту эпоху, когда начало Римской республики стало глу-

бокой древностью и побудительные причины измены сыновей консула были непонятны. Но употребление слова «сотоварищи», известного из документа V в. до н. э., объясняет истинное течение заговора и побуждения его участников. Воспитывавшиеся в царском доме сыновья Брута были «сотоварищами» одного из сыновей царя, скорее всего Аррунта Тарквиния, и как члены его дружины принесли ему клятву верности, которая требовала от них верности, а в случае гибели вождя принесения себя в жертву на его могиле. Поэтому посланцам Тарквиния не требовалось уговаривать сыновей консула, добиваться от них принесения клятвы — клятва уже была дана. Речь могла лишь идти о плане заговора. Деталь с письменным подтверждением верности, скорее всего, была заимствована римскими историками из заговора Катилины (62 г. до н. э.), когда заговорщиков удалось уличить благодаря письму, переданному вовлеченным в заговор галлам.

⁴⁰⁰ Человеческие жертвоприношения были обычным явлением у этрусков не только в VI в. до н. э., но и позднее. Видимо, описание клятвы, соединенной с человеческим жертвоприношением, донесло реально существовавший обряд.

⁴⁰¹ Арсийский лес не локализован.

⁴⁰² *Сильван* (от *lat. silva* — «лес») — италийский бог лесов, не имевший ни официального места в римском календаре, ни праздников, ни жрецов, что не мешало его огромной популярности, особенно среди низших слоев населения римской Италии. Сильван был рано отождествлен с греческим Фавном. Фавном его называют ученики Тита Ливия и другие авторы, писавшие о битве в Арсийском лесу.

⁴⁰³ Само название церемонии произошло от выкрика, которым приветствовали победителя: «Ио триумпе!» Церемония же имеет очень древнее религиозное происхождение, и перешла она к римлянам от этрусков. Недаром ведь один из главных персонажей триумфа — актер в пурпурной тоге до пят назывался «лидийцем». Одежда триумфатора также имела этрусское происхождение.

⁴⁰⁴ Точная локализация Велия неясна. Возможно, он был не частью Палатина, а находился рядом с ним и выше его. Снесение этого дома и возведение нового на участке, предоставленном общиной, Ж. Гилембе трактует как мифологическую модель, в соответствии с которой римский гражданин должен быть образцом открытости. Наряду с многочисленными примерами, приводимыми французским ученым, можно вспомнить также дом Ливия Друза Младшего: «Когда он сооружал себе на Палатине дом, <...> зодчий предложил построить его таким образом, чтобы он был незаметен и недосыгаем для посторонних. Он ему сказал: "Если только позволяет твое искусство, расположи мой дом так, чтобы все мои действия могли бы увидеть все"».

⁴⁰⁵ Публикола, или Попликола, в значении «друг народа».

⁴⁰⁶ *Иды* — день полнолуния, падающего на середину месяца, на 13-е или 15-е число.

⁴⁰⁷ Видимо, именно эта надпись ввела Горация в число консулов 509 г. до н. э. Гораций, однако, мог быть не консулом, а великим понтификом.

⁴⁰⁸ *Норция* (в этрусском произношении — Нурция) — богиня судьбы у этрусков. Она изображалась с молотом в руках, орудием, которым наделяли богов подземного царства. В храме Норции вбивали в начале каждого нового года гвоздь (церемония, которая была впоследствии воспринята римлянами).

⁴⁰⁹ *Велцна* (в произношении римлян — Вольсиния) — центр этрусского двенадцатиградья, куда съезжались на советы и религиозные церемонии правители входивших в него городов. Город находился на месте современного Орвьетто (от *lat. urbs vetus* — «древний город»). В 264 г. до н. э. город был уничтожен римлянами, а часть его населения переселена к Вольсинийскому озеру, где возникли Новые Вольсинии.

⁴¹⁰ Не исключено, что Вертумн (или Вольтумна) — эпитет бога Тинии. После разрушения Вольсиний культ Вертумна был перенесен в Рим.

⁴¹¹ *Гораций Коклес* (второе имя означает Одноглазый) — легендарный персонаж, первый герой Римской республики, воплощение республиканских доблестей. Героизация этого персонажа осуществляется в годы 1-й Пунической войны поэтом Квинтом Эннием.

⁴¹² О судьбе Горация Коклеса после совершения им подвига в древности рассказывали по-разному. По версии историка II в. до н. э. Полибия, Гораций погиб в Тибре.

⁴¹³ Хромым считался греческий бог Гефест, с которым римляне отождествили сходного бога этрусского происхождения Вулкана (или Волкана, как первоначально называли его римляне). Видимо, статуя Волкана-Вулкана и породила легенду о Горации Коклесе.

⁴¹⁴ Греческий историк Плутарх, приступая к рассказу о Муции, говорит: «О подвиге Муция рассказывают многие, и все по-разному». Сама эта разногласия свидетельствует об отсутствии у тех, кто рассказывал о Муции и его подвиге, исторических данных. Легенда могла возникнуть из прозвища «Сцевола» в одной из ветвей патрицианского рода Муциев. Чтобы объяснить прозвище, был придуман рассказ о юноше, положившем правую руку в огонь. В версии Ливия Порсена, пораженный мужеством Муция, увел войско с Яникула и вернулся в Этрурию. Это противоречит не только последующему рассказу Ливия о подвиге Клелии, но и сделанному ниже признанию, что мирный отход противоречит обычаю распродажи имущества Порсены.

⁴¹⁵ Сообщения о войне Рима с Порсеной носят легендарный характер. Возможно, некоторые ее детали взяты из более поздней войны Рима с этрусками, когда этруски подошли к Яникулу (477 г. до н. э.). Согласно исторической традиции, донесенной римскими историками эпохи империи, Порсена взял Рим и принудил римлян заключить позорный договор. Одним из его пунктов было обязательство использовать железо лишь для изготовления сельскохозяйственных орудий. Будто бы это условие соблюдалось столь строго, что даже палочки для письма — стили, которые могли быть использованы как колющее оружие, стали изготавливаться не из железа, как ранее, а из кости. По другому пункту договора с Порсеной, Рим передавал третью часть своей территории соседнему этрусскому городу Вейям. Однако главная цель войны, как она рисуется римской традицией, — возвращение в Рим Тарквиниев, — не была выполнена. Возможно, это не было целью Порсены, а он стремился лишь к ослаблению Рима и обеспечению свободного пути через Рим в Кампанию. Не исключено и то, что к этому времени Тарквиний умер и перестал претендовать на царскую власть.

⁴¹⁶ *Клелия* — девушка патрицианского происхождения. Считалось, что ее предки были спутниками троянца Энея. Но о первом представителе этого рода рассказывается в связи с событием 443 г. до н. э., через полвека после осады Рима Порсеной.

⁴¹⁷ Видимо, именно эта бронзовая статуя, стоявшая до 100 г. до н. э. на Священной улице в Риме, и дала начало легенде о героической девушке Клелии. Поскольку римляне в историческую эпоху никогда не отмечали подвигов женщин статуями, тем более конными, решили, что подвиг был совершен в глубокой древности и связан со спасением Рима от этрусков.

⁴¹⁸ Сообщение о битве при Регилльском озере, единственном сражении, решившем Латинскую войну в пользу Рима, носит совершенно легендарный характер. Историки, сообщающие о ней, колеблются в определении ее года (от 499 до 493 г. до н. э.), но точно указывают день — иды секстия (июля). Согласно историку Дионисию Галикарнасскому, со стороны латинян участвовали в битве 43 тысячи воинов, из них 10 тысяч спаслись бегством и подчинились Риму. Между тем из договора между римлянами и латинянами, заключенного немногими годами позднее, явствует, что латиняне оставались независимыми.

⁴¹⁹ Обстоятельства возникновения в Риме культа Диоскуров неясны. Возможно, с греческими Диоскурами были отождествлены какие-то местные боги. Странным является и то, что храм посвящен лишь одному из Диоскуров — Кастору.

⁴²⁰ Это сообщение лишний раз подтверждает легендарность сведений о битве при Региллах. Известно, что первое почетное прозвище за победу над врагом в Риме получил Сципион Африканский.

⁴²¹ Текст договора между Римом и латинскими городами на бронзовой доске был выставлен на Форуме. Дионисий Галикарнасский сохранил его в греческом переводе: «Между римлянами и всеми соединенными латинскими городами пусть будет вечный мир. И пусть они не воюют между собой, и не накликают войны извне, и не дают свободного прохода врагам той или другой стороны. А если кто подвергнется нападению, то пусть они помогают одни другим всеми силами, а за это пусть имеют право на равную часть добычи. Частные споры пусть улаживаются в течение десяти дней в той общине, в которой они возникнут. К этому договору нельзя ничего ни прибавить, ни убавить, иначе как только с общего согласия римлян и всех соединенных латинских городов».

⁴²² От древнего имени Атт произошло позднее Аппий.

⁴²³ Древние авторы сообщают о переселении в Рим лишь двух родов — Тарквиниев и Клавдиев. Но в составе римского патрициата было много других родов сабинского и этрусского происхождения. Представители некоторых пришельцев, например, Валерии (сабиняне) и Сергии (этруски), играли в ранние времена Рима выдающуюся роль.

Римский патрициат в начале Республики не был сложившимся сословием. Он находился в процессе формирования. Появление в Риме каждого нового рода укрепляло позиции римских патрициев и одновременно обостряло их конфликт с плебеями. Ведь вновь прибывшие получали землю на глазах у плебеев, страдавших от безземелья.

Причиной переселения Атта Клавса древние авторы считали расхождение его со своими согражданами по вопросу об отношении к римлянам. Клавс был сторонником мира с Римом и противником воинственной партии сабинян. Возможно, однако, что это объяснение принадлежит римскому историку из рода Клавдиев (Клавдию Квадригарию), стремившемуся подчеркнуть давние заслуги своего рода.

⁴²⁴ Род сабинского происхождения Клавдиев дал уже в ранние времена римской истории выдающихся военных и политических деятелей, зачастую проводивших независимую политику и вступавших в конфликт с сенатом. Через полтысячелетия после перехода Атта Клавса в Рим представители этого рода стали императорами (Юлии-Клавдии). Один из них — Клавдий, сам будучи знатоком раннеримской и этрусской истории, в своей речи в сенате, вспоминая о переселении в Рим своего далекого предка, использует это в числе других фактов, свидетельствующих о том, что пополнение Рима чужестранцами способствовало его процветанию и могуществу.

⁴²⁵ Римской традиции известны три сецессии (удаления) плебеев на Священную гору — 494, 449 и 342 гг. до н. э. Выше описано удаление 494 г. до н. э., отнесенное ко времени непосред-

ственно после битвы при Регилльском озере. Если оно и имело место, то все его детали, в том числе посредничество Менения Агриппы, приведшее к примирению сословий с помощью притчи, вымышлены. Искусственной является и привязка к первой сецессии создания плебейской магистратуры — народного трибуната.

⁴²⁶ *Трибуны народные* — выборные должностные лица плебеев. Первоначальная их функция — представительство плебеев в патрицианской общине с целью защиты их от произвола как частного, так и должностного лица. Личность народного трибуна считалась священной и неприкосновенной. Оскорбивший трибуна подвергался религиозному проклятию и сбрасывался с Тарпейской скалы.

⁴²⁷ Среди легендарных персонажей истории ранней Республики очень немного таких, чья трагическая судьба могла бы взволновать последующие поколения. Среди этих немногих — Гней Марций Кориолан, которому Плутарх посвятил одно из своих жизнеописаний. В Новое время Кориолан стал героем одной из трагедий Шекспира и итальянской скалы М. Горького.

Продоланные учеными прошлого века исследования показали, что легенда о Кориолане возникла в Риме во второй половине IV в. до н. э., через 150 лет после того времени, в котором консульскими списками засвидетельствовано имя Гнея Марция. Впрочем, не все древние авторы были уверены в тождестве консула Гнея Марция с героем легенды Марцием Кориоланом. Высказывалось резонное сомнение и в его патрицианском происхождении — Марции были плебейским родом, жившим в Кориолах и боровшимся за равноправие местных латинян с римлянами.

Трагедия, действующим лицом которой стал Гней Марций Кориолан, — это трагедия предательства, малопредставимая в древнейшую эпоху, но весьма актуальная во время написания множества трудов, посвященных римской старине, — в эпоху гражданских войн, когда ожесточение враждующих партий достигло наивысшего накала и случаи измены стали каждодневностью. Скорее всего, легенде о Кориолане придал такой облик один из римских историков начала гражданских войн — Валерий Анциат, делавший все возможное и невозможное для восхваления рода Валериев. Вспомним, что инициатива обращения матери Кориолана к сыну исходила от Валерии, сестры Валерия Публиколы, которого Валерий Анциат сделал главным персонажем раннеримской истории. Версию Валерия Анциата приняли историки времени Августа Тит Ливий и Дионисий Галикарнаский, а затем Плутарх в биографии «Кориолан».

⁴²⁸ *Храм Женской удачи* находился за пределами Рима, у четвертого милевого столба на Латинской дороге. Основание этого храма ни в коей мере не связано ни с Кориоланом, ни с его ма-

терью Волумнией. Скорее всего, храм Женской фортуны появился одновременно с храмом Мужской фортуны, основание которого приписывали Сервию Туллию.

⁴²⁹ В более надежной версии легенды, предложенной древнейшим римским историком Фабием Пиктором, Кориолан дожил до глубокой старости и умер в нищете.

⁴³⁰ Земельный закон Спурия Кассия, согласно легендарной традиции, — первая из попыток допустить плебеев к пользованию общественной землей. Ее неудачи не остановили последователей Спурия Кассия. Сообщается о попытке возобновить закон народным трибуном 479 г. до н. э. Тиберием Понтифицием и его гибели, а также о более поздних выступлениях за этот закон.

⁴³¹ Содержание законопроекта Спурия Кассия сообщает Дионисий Галикарнасский. Текст его не сохранился, и в деталях он вызывает большие сомнения.

⁴³² Связь между этим обвинением в стремлении к царской власти и содержанием закона Спурия Кассия не ясна.

⁴³³ Род Фабиев был одним из древнейших патрицианских родов, скорее всего, сабинского происхождения. Фабии считались сотоварищами Рема в праздновании Луперкалий. Согласно Проперцию, Фабии и Квинтилии сопровождали не Рема, а Ромула, совершая жертвоприношения. Легенда о Фабиях дошла в изложении многих авторов. Ее источником можно считать легенды, сохранившиеся в роде Фабиев. Из этого рода вышел историк Фабий Пиктор.

⁴³⁴ Прозвище «Цинциннат» (*лат.* «курчавый»), по преданию, служило для того, чтобы различать двух братьев — Луция и Тита Квинкция, а затем было унаследовано потомками Луция.

⁴³⁵ Участок Цинцинната находился на Квинкциевых лугах, под Ватиканом, на правом берегу Тибра.

⁴³⁶ Это возвышение находилось на комиции — площадке, примыкавшей к Форуму. Впоследствии оно, будучи украшено носами вражеских кораблей, получило название ростры.

⁴³⁷ Текст законов двенадцати таблиц, записанный на каком-то твердом материале и относящийся ко времени составления законов, до нас не дошел. Будто бы он исчез во время захвата Рима галлами.

В древности не было даже единого мнения, на чем были записаны законы — на меди, дереве или слоновой кости. Но сами законы сохранились в виде цитат в произведениях древних юристов, ораторов — Цицерона, Павла, Гая, Ульпиана, а также историков — Плиния, Тацита, Ливия, Авла Геллия.

Как всегда, когда текст доходит в поздней передаче, встает вопрос о точности его передачи и наличии в нем поздних добавлений или искажений. Применительно к законам двенадцати таблиц таких сомнений, как правило, не возникает, поскольку архаический язык приводимых древними авторами законов, со-

ставленных децемвирами, сам говорит об их древности. Помимо того, законы обрисовывают ситуацию середины V в. до н. э., а не более позднюю или более раннюю. Например, согласно одному закону, относящемуся к правам наследования, сообщается, что дети рождаются в десятимесячном возрасте. Объяснение этой физиологической аномалии в том, что имеется в виду короткий месяц лунного года, и это исключает позднюю вставку. Другой из законов двенадцати таблиц сообщает, что должник, не выплативший долга, должен был оставаться в заточении шестьдесят дней, а потом выводился на комиций, после чего продавался за Тибр, если имел одного кредитора, или — если их было несколько — разрешалось разрубить его на части по количеству заимодавцев, с тем чтобы каждый из них получил свою долю. Суровое долговое право и одно из наказаний — продажа за пределы римской общины указывают на Рим V в. до н. э., когда Тибр был пограничной рекой.

⁴³⁸ Сенаторы могли выступать в сенате как с помоста, на котором находилось другое высшее должностное лицо, так и со скамьи, которую они занимали в курии.

⁴³⁹ Легенда о Вергинии дошла в изложении Диодора, Ливия и Дионисия Галикарнасского. Авторы расходятся лишь в определении происхождения отца девушки: для Диодора он патриций, у остальных — плебей.

СОДЕРЖАНИЕ

Империя мифов	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭНЕИДА	7
I. КНИГА СКИТАНИЙ	14
Предисловие	14
Бегство	18
Во Фракии	20
Остров Делос	22
На Крите	26
Остров гарпий	27
В стране хаонов	29
Тень Гектора	31
Берег циклопов	34
Берег Анхиза	37
II. КНИГА ЛЮБВИ	38
Предисловие	38
Гнев великой богини	40
Эол	41
Буря	42
Ливийский берег	44
В эфире	44
Явление Венеры	45
В Карфагене	47
Купидон	50
Рассказ Энея	51
Сестры	57
Охота	60
Молитва Ярбы	61
Полет Меркурия	63
Пламя	63

III. КНИГА ИГР	66
Предисловие	66
И снова Тринакрия	67
Состязание кораблей	70
Бег	72
Кулачный бой	74
Птица Венеры	76
Троянская игра	77
Сожжение кораблей	78
Голос тени	80
Сон Палинура	81
IV. КНИГА СМЕРТИ	82
Предисловие	82
В роще Гекаты	84
Пещера Сивиллы	86
Нисхождение	89
Переправа	91
Заросли мирта	92
Поле воителей	93
Таргар	94
В элизии	96
V. КНИГА БРАНИ	102
Предисловие	102
День первый	104
Царство Латина	105
Посольство	107
Вакханалии	109
Сон Турна	110
Олень раздора	111
Сборы	113
Турн у ворот	116
Отец Тиберин	118
У Эвандра	119
Просьба	123
Рукопожатие	125
В Агиле	127
Щит Энея	128
Радуга	130
Чудо о кораблях	132
Нис и Эвриал	133
Плач	135
Стрелы Аскания	136
Тирренские корабли	137
В дреме	138
Безумие войны	139
Встречный бой	140

Гибель Палланта	143
Спасение Турна	144
Смерть Лавса	145
Отцовское горе	147
Тризна	148
Гроза над Лацием	149
Царский совет	150
Перед схваткой	154
У стен Лаврента	156
Решение	159
Притворство	160
У алтарей	162
Исцеление	163
Роковое копьё	164
Диалог в облаках	165
Превращение	165
Возмездие	166
Эпилог	168
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НАЧАЛА	173
VI. КНИГА ЦАРЕЙ	174
Предисловие	174
<i>Глава 1. Ромул и Рома</i>	<i>177</i>
Город на шести ручьях	179
Ряя Сильвия и ее сыновья	180
Братоубийца	185
Похищение сабинянок	188
Тарпея	191
Союзники	193
Усиление власти	195
Исчезновение	196
<i>Глава 2. Деяния Нумы</i>	<i>198</i>
Озеро Неми	199
Призвание на царство	201
Нума Помпилий и Янус	203
Нума и понтифики	206
Бог Термин	207
Верность	208
Нума и Юпитер	210
Вторая смерть Нумы Помпилия	214
<i>Глава 3. Тулл Гостилий и Анк Марций</i>	<i>216</i>
Рим и Альба Лонга	218
Метт Фуффетий	222
Переселение	223
Гнев Юпитера	224
Анк Марций	226

<i>Глава 4. Тарквиний Древний</i>	230
Тархна и Танаквиль	232
Цирк Величайший	237
Форум	239
Тарквиний и Атт Навий	241
Этрусская улица	243
<i>Глава 5. Любимец Фортуны</i>	245
Сын рабыни	247
Воины-избиратели	252
Сервий и Фортуна	257
Стена Сервия Туллия	259
Храм Дианы	259
Преступная дочь	260
<i>Глава 6. На перекрестке эпох и легенд</i>	263
Тиран	265
Коварство	266
Храм Юпитера Капитолийского	270
Свитки Сивиллы	273
Змея из колонны	275
Клятва Брута	277
VII. КНИГА БОРОДАТЫХ КОНСУЛОВ	282
Предисловие	282
<i>Глава 1. Впервые без царя</i>	284
Возвращение войска	285
Чудесное избавление	288
Сыновья и отцы	289
Крик	292
Дом на Веллии	293
Освящение храма Юпитера	295
<i>Глава 2. Порсена и Рим</i>	297
Тарквиний в Клузии	298
Двенадцать желудей	299
Гораций Коклес	301
Муций Сцевола	303
Клелия	305
Битва у Регилльского озера	307
VIII. КНИГА РАЗДОРА	310
Предисловие	310
<i>Глава 1. На священную гору</i>	312
Великое утро	312
Исход	315

Кориолан	320
Спурий Кассий	326
Гибель Фабиев	327
Отец и сын	330
<i>Глава 2. Децемвиры</i>	<i>338</i>
Двенадцать таблиц	339
Сикций Дентат	343
Вергиния	345
Сотворение мифа и пути к его пониманию	351
Комментарии	362

Мифы и легенды народов мира

Александр Иосифович
Немировский

Ранняя Италия и Рим

Редактор *С. Валов*
Компьютерная верстка *Г. Хориков*
Корректор *Н. Кузнецова, Э. Михалева*

ООО «Мир книги»
109052, Москва, ул. Смирновская, д. 4, стр. 2
Лицензия ЛР № 071810 от 9.03.99.

ООО «РИЦ Литература»
115407, Москва, ул. Судостроительная, д. 40

Подписано в печать 21.11.2003 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68
Тираж 10 000 экз. Заказ № .

ISBN 5-8405-0583-8

9 785840 150583 0